M 55/68
c.6.1, 1968

М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка.

М 55/68

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Съ приложеніемъ портрета, отпечатаннаго красками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.
1883

Изданіе редакціи журнала „Русская Старина".

М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка.

М 55/68 1 пор бр.

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

801-92
6167-7

1664—1723.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

Съ приложеніемъ портрета, отпечатаннаго красками.

Публич. Румянцев. Музеи Библіотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.
1883

Изданіе редакціи журнала „Русская Старина".

(788)

2007041189

Царица Прасковья

Изданіе историческаго журнала „Русская Старина".

Дозвол. цензурою 15го Декабря 1882 г. Лит. Н. Брезе С.П.Б. Средн. Подъяческ. домъ №4

Царица Прасковья.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Предисловіе	3
I. Бракъ царя Ивана V Алексѣевича съ Прасковьей Салтыковой	7
II. Жизнь въ Москвѣ, селѣ Измайловѣ и переселеніе въ С.-Петербургъ	19
III. Царевна и герцогиня Курляндская Анна Ивановна	46
IV. Нѣжный братецъ Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ	62
V. Царевна и герцогиня Мекленбургская Катерина Ивановна	77
VI. Цыфирное письмо	126
VII. Мщеніе старушки царицы Прасковьи Ѳедоровны	142
VIII. Въ ожиданіи царскаго пріѣзда	155
IX. Судъ и расправа	180
X. Смерть царицы Прасковьи Ѳедоровны	195
Приложенія:	
I. Переписка царицы Прасковьи Ѳедоровны	219
II. Переписка герцогини Катерины Ивановны	243
III. Переписка герцогини Анны Ивановны	248
IV. Письмо царевны Прасковьи Ивановны	255
V. Родословіе семьи царя Ивана V Алексѣевича	256

Портретъ царицы Прасковьи Ѳедоровны, отпечатанный красками, съ уменьшенной копіи, съ подлиннаго живописнаго поясного портрета, находящагося въ келіяхъ Московскаго митрополита въ Троицко-Сергіевой лаврѣ. Отпечатанъ хромолитографически въ типо-литографіи Н. К. Брезе въ С.-Петербургѣ.

ПОПРАВКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Читай:*
6	14 снизу	какъ „Русская Старина“ и другія. представили	какъ „Русская Старина“ и другія представили
59	10 сверху	Царица, гостила нѣкоторое время	Царица гостила нѣкоторое время
61	3 снизу	Нѣкоторыя изъ этихъ надсмотрщиковъ	Нѣкоторые изъ этихъ надсмотрщиковъ
70	11 „	засвидѣтельствована вышеприведеннымъ буквально приведеннымъ ея посланіемъ	засвидѣтельствована вышеприведеннымъ, буквально переданнымъ, ея посланіемъ
111	13 сверху	и я при отъѣздѣ такъ было годъ чаяла	и я при отцѣ такъ была, годъ чаяла
211	15 „	слышамъ	слышимъ
219	7 снизу	это документы	эти документы
—	9 „	впервыя	впервые
223	3 сверху	ноября 10.	ноября 19.

Царица Прасковья.

1664–1723.

Переходная эпоха, пережитая Россіею, наканунѣ реформъ Петра I и въ его царствованіе, въ высшей степени любопытна для насъ въ смыслѣ уясненія, какъ предъидущаго, такъ и послѣдующаго періодовъ русской исторіи. Московскій періодъ, длившійся цѣлые вѣка, выработалъ своеобразныя, строго опредѣленныя формы общественной жизни, настолько опредѣленныя, что онѣ не разъ давали поводъ къ толкамъ, какъ со стороны иностранцевъ, такъ и нашихъ историковъ, о неподвижности и застоѣ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Между тѣмъ, такого застоя не было и быть не могло; но то, что создалось вѣками, при естественномъ ходѣ событій, могло пересоздаться только вѣками. Строго опредѣленныя формы общежитія, въ связи съ самовластіемъ правленія въ до-Петровской Россіи, преобладаніемъ обрядности въ религіи и народномъ бытѣ, при отсутствіи образованности, заковали русскую жизнь тяжелыми путами, не давали никакого простора личности; — и личностей мы почти не видимъ въ русскомъ обществѣ до Петра I; онѣ появляются почти только изъ среды духовенства, какъ самаго образованнаго и нравственно наименѣе подавленнаго класса. Гнетъ правительственный и общественный не могъ благотворно отразиться на народной нравственности и тѣмъ болѣе на русской женщинѣ, заключенной въ теремѣ, бездѣятельной и рабски подчиненной съ дѣтства до могилы. Отсутствіе честности, лѣнь, грубость, откровенное проявленіе всякаго рода пороковъ поражали иностранцевъ, посѣ-

щавшихъ въ то время Россію, побуждали ихъ клеймить своими безпощадными приговорами все русское общество, клеймить огуломъ, такъ какъ личность и въ этомъ случаѣ мало или вовсе не выдѣлялась изъ массы.

Броженіе началось въ періодъ дѣтства Петра; слабость правительства открыла просторъ личности: на сцену выступаютъ вожаки стрѣлецкаго и раскольничьяго движенія, выступаетъ царевна Софья. Съ воцареніемъ Петра опять усиливается самовластіе правительства, и даже болѣе прежняго. Но Петръ рядомъ съ этимъ уничтожаетъ другой гнетъ, связывавшій русское общество,—гнетъ стариннаго склада московской жизни. Прекращается замкнутость семьи: Петръ заставляетъ бояръ выступить изъ своихъ дворовъ, обнесенныхъ заборами, гдѣ они жили полновластными господами надъ семьей и многочисленною челядью; Петръ выводитъ изъ терема женъ и дочерей боярскихъ, побуждаетъ ихъ принять дѣятельное участіе въ общественной жизни. Безпощадно преслѣдуетъ царь ханжество, внѣшнее соблюденіе безчисленныхъ обрядовъ религіозныхъ и домашнихъ, преслѣдуетъ старую русскую одежду, бороды... Русскому человѣку волей-неволей пришлось выйти по одиночкѣ, проявить себя въ томъ или другомъ отношеніи, — и передъ нами открывается неожиданно, какъ-бы чудомъ, цѣлый рядъ личностей, людей съ опредѣленными характерами и стремленіями. Одни, болѣе рѣшительные, не задумываясь пошли за преобразователемъ на пути нововведеній, быстро усвоили пріемы европейской жизни; и, сознавая пользу образованія, учились сами и учили своихъ дѣтей. Другіе упорно держались старины, отстаивали ее всѣми способами, не шли ни на какія уступки, ненавидѣли Петра и его преобразованія, считая ихъ грѣховными, готовы были пострадать изъ-за дорогой старины, пожертвовать изъ-за нея имуществомъ, жизнью. Рѣзко обозначились оба направленія; самъ Петръ, при его рѣшительномъ характерѣ, не зналъ полумѣръ, ни передъ чѣмъ не останавливался, когда преслѣдовалъ свои цѣли, жестоко и самовластно расправлялся съ ослушниками. Однако не у всѣхъ хватало силы воли разорвать съ прошлымъ или смѣло отстаивать

старое. Былъ еще разрядъ людей, — и такихъ оказалось большинство,—которые не склонялись явно ни на ту, ни на другую сторону и старались угодить обѣимъ. Этотъ способъ дѣйствій, повидимому, самый легкій, представлялъ не мало трудностей въ эпоху преобразованій, эпоху ломки всякаго рода въ государственной и общественной жизни. Надо было имѣть много ума и изворотливости, пониманія людей и обстоятельствъ, чтобы не сдѣлать или не сказать чего-либо неумѣстнаго, не измѣнить себѣ, чтобы до конца сохранить свое достоинство и положеніе. Всѣ эти трудности особенно были сильны для людей, близкихъ къ Петру и каждый шагъ которыхъ былъ, такъ сказать, на виду. Но и возлѣ Петра были подобные люди и между ними особенно выдается личность царицы Прасковьи Ѳедоровны, вдовы царя Ивана Алексѣевича, брата Петра Алексѣевича, и матери будущей императрицы Анны Ивановны.

Прасковья Ѳедоровна, вступивъ въ царскую семью, сразу подчинилась всѣмъ требованіямъ новаго положенія; зоркій глазъ народа, слѣдившій за каждымъ шагомъ царской семьи, не подмѣтилъ за новой царицей ни малѣйшаго отступленія отъ принятыхъ обычаевъ, что не разъ случалось съ Натальей Кириловной, матерью Петра, и съ царевной Софьей. Весьма ловко держала себя Прасковья Ѳедоровна среди дворцовыхъ интригъ, разыгравшихся страстей, ничѣмъ не раздражала сестеръ и тетокъ своего супруга, умѣла неизмѣнно ладить съ ними. Но перемѣнились обстоятельства; перевѣсъ оказался на сторонѣ Петра—и царица перешла на его сторону, прервала всякія сношенія съ заключенными имъ его сестрами, не входила ни въ какія козни. Будучи женщиной старыхъ понятій, стараго образа жизни, привычекъ, религіозная по старинному, она постоянно умудрялась угождать Петру путемъ цѣлаго ряда уступокъ, быстрымъ исполненіемъ его воли, заискиваніемъ у людей, пользующихся его расположеніемъ. Петръ любилъ и уважалъ невѣстку, по-своему заботился о ней и ея дочеряхъ. Однако хорошія отношенія къ Петру и Екатеринѣ не мѣшали Прасковьѣ Ѳедоровнѣ искать дружбы и въ другомъ лагерѣ: она на всякій случай обходилась ласково съ

загнаннымъ царевичемъ Алексѣемъ, такъ что тотъ считалъ ее въ числѣ своихъ сторонниковъ. Прасковья Ѳедоровна не думала, однако, переходить на его сторону, потому что, въ смыслѣ убѣжденій, для нея была безразлична та или другая сторона, лишь бы ей хорошо жилось, была-бы польза ей или для ея дочерей.

Само собою разумѣется, что для характеристикъ и біографій всего любопытнѣе яркія, рѣзко очерченныя личности, и онѣ всего чаще избираются историками; но рядомъ съ этимъ нельзя упускать изъ виду и типы болѣе обыденныхъ людей, въ родѣ царицы Прасковьи Ѳедоровны. Ихъ жизнь, какъ представителей наибольшей массы общества, имѣетъ несомнѣнный интересъ и значеніе, и, конечно, лучше всего можетъ служить для нагляднаго изображенія общественной жизни въ извѣстный пережитый обществомъ моментъ.

Очеркъ жизни царицы Прасковьи былъ написанъ нами въ 1861 году, преимущественно на основаніи мало или вовсе неизвѣстныхъ тогда источниковъ, и тогда же вышелъ въ двухъ изданіяхъ: въ журналѣ М. М. и Ѳ. М. Достоевскихъ „Время“ 1861 г. кн. 2, 3, 4 и 5 и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

Съ 1861 года, какъ извѣстно, изученіе русской исторіи, и преимущественно новой, сдѣлало значительные успѣхи. Историческія повременныя изданія, какъ „Русская Старина“ и другія, представили на своихъ страницахъ множество данныхъ по отношенію къ отечественной исторіи двухъ послѣднихъ вѣковъ. По отношенію однако къ предмету нашего труда—новые матеріалы представили совершенно отрывочныя подробности, не столько касающіяся отдѣльныхъ фактовъ и личности самой царицы Прасковьи, сколько бытовой и правоописательной стороны Петровской эпохи: тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ даннымъ, получилась возможность восполнить нашъ очеркъ, двадцать два года тому назадъ составленный, нѣсколькими новыми подробностями, освѣщающими ту среду, въ которой прожила столь типическая представительница русской женщины конца XVII-го и первой четверти XVIII вѣка, каковою вполнѣ является царица Прасковья Ѳедоровна.

30 Марта 1883 г. *Мих. Семевскій.*

1664 — 1684.

I.

Бракъ.

По мѣрѣ того, какъ росъ и мужалъ царь Петръ, правительница царевна Софья Алексѣевна яснѣе и яснѣе видѣла непрочность своего положенія; въ тайныхъ совѣтахъ съ княземъ Василіемъ Голицынымъ она тщательно обдумывала планъ удержанія за собой господства надъ братьями и власти надъ Россіей.

Мысль объ удаленіи Петра отъ престола, даже объ убіеніи царственнаго юноши, рано стала туманить голову сестры; не разъ сообщала она объ этомъ своему фавориту, но князь Василій Васильевичъ благоразумно удерживалъ ее отъ преступленія, а для упроченія на ея главѣ короны, предложилъ женить Ивана Алексѣевича. Царь Иванъ былъ отъ природы скорбенъ главою (т.-е. слабоуменъ), косноязыченъ, страдалъ цынгой; полуслѣпой, съ трудомъ подымалъ свои длинные вѣки, и на восемнадцатомъ году отъ рожденія, разслабленный, обремененный немощью духа и тѣла, служилъ предметомъ сожалѣнія и даже насмѣшекъ бояръ, его окружавшихъ. Женихъ онъ былъ плохой, но, весь во власти царевны Софьи, онъ не противился ея желанію.

Греческій историкъ Ѳеодози говоритъ, что бракъ Ивана былъ задуманъ княземъ Голицынымъ, который, считая насильственныя мѣры противъ Петра крайне опасными, совѣтывалъ Софьѣ: „Царя Іоанна женить, и когда онъ сына получитъ, кой натурально имѣетъ быть наслѣдникомъ отца своего, то не трудно сдѣлаться можетъ, что Петръ принужденъ будетъ принять чинъ монашескій, а она, Софья, опять за малолѣтствомъ сына Іоаннова,

пребудетъ въ томъ-же достоинствѣ, которое она желаетъ"... Затѣмъ Ѳеодози добавляетъ, что „хотя Царь Іоаннъ сперва къ тому (браку) никакой склонности не оказывалъ, однако не былъ онъ въ состояніи противиться хотѣнію сестры своей" [1]).

Женихъ былъ готовъ, дѣло было за невѣстой. По обычаю священной старины, въ царскіе терема свезли дочерей высшей московской аристократіи. Засуетились ихъ родители, закипѣли страсти придворныхъ честолюбцевъ, немощи и скорбь главы Ивана были забыты; всѣ ждали его выбора. Былъ-ли онъ заранѣе рѣшенъ Софьей или представлялся на произволъ жениха — неизвѣстно; какъ бы то ни было, но въ толпѣ юныхъ боярышень подслѣповатыя очи Ивана остановились на круглолицой, полной Прасковьѣ Салтыковой.

Подобные выборы невѣстъ, по разсказамъ иноземцевъ, бывали прежде гораздо сложнѣе: боярышнямъ, свезеннымъ на выборку, отводили покои, каждой отдѣльно; угощали всѣхъ за однимъ столомъ, увеселяли разными забавами. Царь присматривался къ нимъ, прислушивался къ ихъ бесѣдамъ, заговаривалъ самъ, осматривалъ по ночамъ кто какъ спитъ — спокойно или безпокойно и, наконецъ, воспылавъ страстію, отдавалъ избранной платокъ и перстень, а остальныхъ щедро одаривалъ платьями и разными вещами, затѣмъ распускалъ по домамъ. На этотъ разъ воля Софьи и немощь Ивана упростили дѣло, и двадцатилѣтняя Прасковья, безъ дальнѣйшихъ испытаній, наречена невѣстой восьмнадцатилѣтняго царя Ивана (онъ род. 28 августа 1666 г.).

Впрочемъ, если вѣрить портрету, „скомпонованному" по портрету, хранящемуся въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, то невѣста Ивана была высока, стройна, полна; длинные волосы густыми косами ниспадали на круглыя плечи; круглый подбородокъ, ямки на щекахъ, косички, красиво завитыя на невысокомъ лбу, — все это представляло личность интересную, веселую и очень миловидную [2]).

---

[1]) „Житіе и славныя дѣла Петра Великаго" соч. Ѳеодози. въ русскомъ съ греческаго переводѣ. Спб., 1774 г., стр. 153—154.

[2]) Здѣсь приложенный портретъ изображаетъ царицу Прасковью уже пожилою. Это снимокъ съ портрета, сохраняющагося въ Троицко-Сергіевой лаврѣ въ покояхъ митрополита,—снимокъ вполнѣ точный, хотя уменьшенный; онъ исполненъ чрезъ обязательное посредство настоятеля лавры, архимандрита Лео-

Свадьба совершена была со всѣми церемоніями, которыми обыкновенно сопровождались подобныя торжества.

8 января 1684 года, наканунѣ вѣнчанія, былъ у царя столъ для бояръ, боярынь, родственниковъ отца и невѣсты. Иванъ съ Прасковьей сидѣли за особымъ столомъ. Царскій духовникъ, протопопъ, благословивъ жениха и невѣсту, велѣлъ имъ поцѣловаться, а бояре и боярыни поднялись съ поздравленіями; послѣ стола невѣста отпущена домой, и гости разъѣхались.

9 января 1684 года, въ среду, царь Иванъ провелъ все утро въ соборахъ: отслужилъ молебенъ; на гробахъ державныхъ предковъ отправилъ пѣнье, приложился къ святынямъ и просилъ у патріарха благословенья на брачную жизнь.

Между тѣмъ кончились приготовленія: уборка палатъ, свадебныхъ столовъ, разставленіе яствъ и проч. и проч., и торжество началось съ выполненіемъ тѣхъ мельчайшихъ обычаевъ, которые освящены были въ глазахъ дѣйствующихъ лицъ давностью лѣтъ и вѣковымъ употребленіемъ.

Многіе изъ этихъ обычаевъ, по отношенію къ настоящей свадьбѣ, были ничто иное, какъ выполненіе пустой формальности; такъ, напримѣръ, Прасковья равнодушно могла слушать поученіе вѣнчавшаго ихъ патріарха: „..... у мужа будь въ послушаніи, другъ на друга не гнѣвайтесь, покорно выноси гнѣвъ супруга. если онъ за какую-нибудь вину поучитъ тебя слегка жезломъ, такъ какъ онъ глава въ домѣ“, и проч. Прасковья не могла не знать, въ какомъ положеніи эта глава, насколько она въ состояніи была думать, не только управлять ею, и отдавала свою руку не изъ любви и уваженія къ жениху, а потому, что ей и въ голову не должна была придти мысль объ отказѣ: этотъ бракъ возвышалъ ея родителей, родныхъ и, наконецъ, высоко ставилъ ее самую надъ остальными боярынями и боярышнями.

Обрядъ вѣнчанія въ соборной церкви совершалъ патріархъ Іоакимъ съ ключаремъ и тремя діаконами. Звонъ былъ въ большой новый колоколъ, а съ пришествія государя въ соборъ—во всѣ колокола, и не умолкалъ до молебна [1]).

нида. и затѣмъ напечатанъ хромолитографически весьма тщательно въ типографіи художника г. Н. Брезе, (Спб. Средняя Подьяческая, д. № 6). Рисунокъ на камнѣ красками исполнилъ художникъ П. Ѳ. Борель.

[1]) Древн. Рос. Вивл., изд. второе, т. XI, стр. 196, 197.

Послѣ вѣнчанія и свадебнаго стола, именитые гости, проведя царя и царицу въ опочивальню, усѣлись за столъ, выжидая часъ боевой, когда дружка принесетъ вѣсть, что у царя доброе совершилось.

„А на утро слѣдующаго дня, какъ велось это обыкновенно, царю и царицѣ готовили мыльни разныя, и ходилъ царь въ мыльню, и по выходѣ изъ нея возлагали на него сорочку и порты, и платье иное, а прежнюю сорочку велѣно было сохранять постельничему. А какъ царица пошла въ мыльню и съ нею ближнія жоны, и осматривали ея сорочку, а осмотря сорочку, показали сродственнымъ жонамъ немногимъ для того, что ея дѣвство въ цѣлости совершилось, и тѣ сорочки, царскую и царицыну, и простыни, собравъ вмѣстѣ, сохраняли въ тайное мѣсто“ и проч.

Нѣтъ причинъ думать, чтобъ всѣ эти формальности не были выполнены, притомъ выполнены удовлетворительно; брачное торжество, по крайней мѣрѣ по наружности, было „въ добромъ совершеніи“, и вся родня новой царицы ликовала въ царскихъ теремахъ за свадебными столами; на дворѣ и по сѣнямъ музыканты играли въ трубы, били въ литавры, и пылали разложенные въ различныхъ мѣстахъ на улицахъ и на дворахъ костры: то была того времени иллюминація.

Родня царицы была обширная: Салтыковы принадлежатъ къ древнѣйшимъ и именитѣйшимъ фамиліямъ. Происхожденіе Салтыковыхъ восходитъ къ XIII вѣку. Предокъ ихъ Михайло Прушанинъ выѣхалъ изъ Пруссіи въ Новгородъ; отъ него пошли въ пятомъ колѣнѣ Морозовы, Чоглоковы, Шестовы и др.; а въ восьмомъ колѣнѣ отъ Морозова-Салтыка потянулись Салтыковы. Они рано стали играть весьма важныя роли на политическомъ, военномъ и гражданскомъ поприщахъ: многіе изъ нихъ были самыми довѣренными и приближенными лицами московскихъ государей. Такъ мы видимъ Андрея Салтыкова оружейничимъ и любимцемъ великаго князя Василья Ивановича; братъ его, Василій Салтыковъ, оборонилъ Опочку отъ Константина Острожскаго. Двое Салтыковыхъ пали въ Ливонскихъ походахъ; двое были именитыми боярами при дворѣ Грознаго; племянникъ ихъ— окольничимъ и любимцемъ Годунова; Борисъ Михайловичъ Салтыковъ—весьма важнымъ лицомъ при царѣ Михаилѣ, а братъ

его, Михаилъ — кравчимъ, окольничимъ и любимцемъ царя Алексѣя, при дворѣ котораго четверо Салтыковыхъ были боярами.

Одинъ изъ Салтыковыхъ, бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ, по прозванью Кривой, принималъ значительное участіе въ смутахъ при Лжедмитріѣ, былъ главнымъ сподвижникомъ польской партіи и въ 1612 году уѣхалъ съ сыновьями въ Польшу, гдѣ былъ щедро одаренъ королемъ Сигизмундомъ. Сынъ его, Ѳедоръ Михайловичъ, выстроилъ въ отцовскихъ жалованныхъ помѣстьяхъ, близь Дорогобужа, православный монастырь и, принявъ санъ инока съ именемъ Сергія, сдѣлался самымъ дѣятельнымъ распространителемъ раскола († въ 1655 году); братъ его, Петръ, былъ дѣдомъ царицы Прасковьи, отецъ которой, Александръ, при царѣ Алексѣѣ, съ завоеваніемъ Смоленска, принялъ русское подданство. На основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, онъ былъ въ Енисейскѣ комендантомъ, откуда вызванъ Софьей Алексѣевной.

Не смотря на то, что непосредственные родоначальники Прасковьи, ея прадѣдъ и дѣдъ, были измѣнники отечества, все-таки фамилія Салтыковыхъ была славна заслугами многихъ изъ своихъ представителей; ни въ одной изъ фамилій не было столько бояръ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что правительница одобрила выборъ брата, а можетъ быть и сама сдѣлала его. А. Салтыковъ незадолго до свадьбы сдѣланъ правителемъ и воеводою города Кіева [1]). Счастливый родитель тогда же былъ возведенъ въ санъ боярина, съ повелѣніемъ перемѣнить имя: вмѣсто Александра онъ наименованъ Ѳедоромъ [2]), вѣроятно въ честь имени покойнаго государя. Переименованный Салтыковъ былъ два раза женатъ: отъ перваго брака съ какой-то Катериной Ѳедоровной родился сынъ Василій Ѳедоровичъ и двѣ дочери — Прасковья и Настасья Ѳедоровны. Второю женою ихъ родителя была — Анна Михайловна Татищева († 1702 года) [3]). Шесть Салтыковыхъ были боярами и занимали важныя должности при дворѣ царей Ивана и Петра; одинъ изъ нихъ убитъ, по ошибкѣ, стрѣльцами 15 мая 1682 года, и пятнадцать изъ членовъ этой фамиліи владѣли въ то время въ Россіи большими населенными имѣніями.

[1]) Н. Закревскій: Лѣт. и оп. гор. Кіева. „Чт. Об. Ист." 1858, г. II. стр. 245.
[2]) Дневникъ Гордона.
[3]) Кн. П. В. Долгорукій: Рос. Род. кн. 1855, ч. II. стр. 68—83.

Семейныя связи новой царицы были весьма значительны: такъ, при посредствѣ браковъ своихъ дядей, также родного и двоюродныхъ братьевъ, она была въ родствѣ съ Трубецкими, Прозоровскими, Стрѣшневыми, Куракиными, Долгорукими и др. Родная сестра ея, Настасья, вышла впослѣдствіи за-мужъ за знаменитаго князя-кесаря Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго.

Всѣ эти связи чрезвычайно важны въ біографіи Прасковьи: онѣ служатъ разъясненіемъ того значенія и почета, какими зачастую, если не всегда, пользовалась Прасковья при дворѣ Петра; ея же родствомъ объяснятся многія событія, съ которыми мы не разъ встрѣтимся въ нашемъ разсказѣ.

Много говорить о воспитаніи царицы Прасковьи намъ не приходится; то не было воспитаніе, а питаніе: ее выкормили полною, статною, съ высокою грудью, открытымъ лицомъ и длинною косою; затѣмъ выучили довольно плохо русской грамотѣ (она и впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, не была мастерица писать); остальное же довершили семейныя преданія и обычаи. Она выросла въ предразсудкахъ и суевѣріи; вѣрила колдунамъ, чудесамъ, вѣщунамъ, и строго выполняла пустые обряды, не вникая въ ихъ сущность и значеніе.

Идя по стопамъ своихъ предковъ и многочисленной родни, царица старательно выполняла обрядовую сторону религіи: нѣкоторые изъ ея родныхъ постригались въ монахи, умирали схимниками,—и вотъ Прасковья очень чтила духовенство, дружилась съ монахами, вела переписку съ нѣкоторыми митрополитами, ѣздила къ нимъ и разсылала подарки. Съ выходомъ за-мужъ жизнь ея пошла обычной колеей: вмѣстѣ съ державнымъ супругомъ она выполняла церковныя требы, не пропускала ни одной службы, посѣщала монастыри, дѣлала вклады, участвовала въ крестныхъ ходахъ, раздавала милостыню нищей братіи и колодникамъ [1]).

---

[1]) Др. Рос. Вивліоф. изд. 2, т. XI, стр. 177, 178, 179, 331, 332.—Дворц. разряды т. IV, стр. 842 и друг. Не повторяемъ подробностей о жизни бояръ и царей XVII в., какъ достаточно извѣстныя; см. между прочимъ: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусск. народа въ XVI и XVII стол., изд. 1860 г., соч. Н. И. Костомарова. „Домашній бытъ русск. царей въ XVI и XVII вв.“, соч. И. Е. Забѣлина. Москва, изд. 1872 г., стр. 297, 457, 232. Дж. Перри „Состояніе Россіи“ и пр., въ русск. переводѣ, подъ нашею редакціею, въ „Чтеніяхъ Москов. общ. исторіи“. Москва, 1871 г., кн. II, стр. 39—180. Котошихинъ „О Россіи“ и пр., стр. 11 и слѣдующ.

Жили царь и царица — въ особыхъ теремахъ въ Кремлѣ, выстроенныхъ уже при царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ. Жизнь царицы Прасковьи за то время, конечно, не отличалась отъ обыденной жизни ея предшественницъ-царицъ и ея современницы, царицы Марѳы Алексѣевны (вдова царя Ѳедора). Торжественные пріемы у царицы назначались только въ немногіе годовые праздники, или по случаю особыхъ семейныхъ событій.

Въ обыкновенные праздничные дни къ царицѣ являлись одни родственники обоего пола и боярыни, по вызову, или съ собственными просьбами. Боярыни выходили у воротъ и, подойдя къ царицынымъ покоямъ, посылали своихъ боярскихъ боярынь объявить о пріѣздѣ дворовой боярынѣ, которая и докладывала о нихъ. Посѣщеніе обыкновенно ограничивалось разспросами о здоровьѣ и разными привѣтствіями; затѣмъ боярыни возвращались во-свояси. Иногда царица принимала и крестьянокъ, по крайней мѣрѣ, изъ своихъ дворцовыхъ вотчинъ.

Дѣлами царица не занималась подобно боярынямъ; на то былъ приказный чинъ царицы изъ ея близкихъ людей, который также разбиралъ ссоры между дворцовыми служителями, сажалъ ихъ въ монастырь за провинности: кражу, пьянство и т. п.

Царица занималась только своимъ „женскимъ“ дѣломъ, пересматривала полотна, скатерти и другія вещи, доставляемыя изъ слободъ, работавшихъ на дворецъ; завѣдывала рукодѣліями своихъ мастерицъ въ свѣтлицахъ, гдѣ производились всякія работы, даже шились куклы царскимъ дѣтямъ. Нерѣдко и сама царица вышивала золотомъ и шелками въ церкви и монастыри, изготовляла нѣкоторые предметы изъ платья себѣ, государю и дѣтямъ: ожерелья, воротники, сорочки, полотенца.

Но главною и неизмѣнною задачею жизни царицы была молитва и милостыня во всѣхъ видахъ и формахъ, по правилу того времени: „церковниковъ и нищихъ и маломожныхъ, бѣдныхъ, скорбныхъ и странныхъ пришельцевъ призывай въ домъ свой и по силѣ накорми, напой и согрѣй“. Царица подавала щедрую милостыню на монастыри и церкви, во время своихъ богомольныхъ выходовъ. Церковное поминовеніе усопшихъ царственныхъ сродственниковъ сопровождалось кормленіемъ духовнаго чина и нищихъ; послѣдніе собирались къ царскимъ хоромамъ во всѣ поминальные дни. Кромѣ нищихъ, множество бѣд-

ныхъ женщинъ обращались къ царицѣ съ челобитными о своихъ нуждахъ, подавая ихъ въ праздники или имянины котораго нибудь изъ членовъ царской семьи. Во дворцѣ жило много дѣвочекъ-сиротъ, которыя принимались по просьбѣ верховныхъ боярынь или по желанію самой царицы. Къ концу XVII вѣка и на женской половинѣ дворца появились свои верховныя богомолицы: вдовы, старухи и дѣвицы. Онѣ жили въ подклѣтяхъ у царицы Прасковьи Ѳедоровны и у царевенъ, подлѣ ихъ хоромъ, и повидимому исполняли должности сказочницъ. Между ними были юродивыя, помѣшанныя и калѣки всякаго рода: нѣмыя, слѣпыя, безрукія, безногія. Расположеніе ко всякимъ уродамъ, обычное въ то время, особенно рѣзко проявляется въ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ; склонность эту она сохранила во всю свою жизнь. Верховныя богомолицы ходили въ смирныхъ (темныхъ) платьяхъ, какъ-бы въ противоположность пестрой одеждѣ шутовъ и шутихъ,—карламъ и карлицамъ,—разряженнымъ въ платье яркихъ цвѣтовъ, въ красныхъ и желтыхъ сапогахъ и ермолкахъ.

Рядомъ съ карлами и карлицами во дворцѣ проживали арапы, арапки, маленькіе калмыки и калмычки, взятые въ полонъ. Ихъ держали во дворцѣ наравнѣ съ обезьянами, попугаями и др. чудами. Кромѣ попугаевъ, неизмѣнною принадлежностью дворца были всякаго рода птицы: соловьи, канарейки, щеглы, перепела. Въ 1684 году для Прасковьи Ѳедоровны была даже заказана особая клѣтка для перепеловъ [1]). Дворецъ съ утра до вечера оглашался пѣніемъ разнообразныхъ птицъ, криками попугаевъ; къ вечеру умолкали птицы и въ тишинѣ слышалось заунывное пѣніе нищихъ богомольцевъ или мѣрный разсказъ сказки, прерываемый выходками дураковъ и дурокъ, возбуждавшими громкій смѣхъ невзыскательныхъ слушательницъ. Наскучивъ этими забавами, царица иногда принималась за карты или заставляла себя качать на домовыхъ качеляхъ. Качель обыкновенно устраивалась къ святой; она была веревочная, обшитая бархатомъ или атласомъ, съ ватнымъ сидѣніемъ, также обтянутымъ бархатомъ. Въ апрѣлѣ 1686 годя для Прасковьи Ѳедоровны сдѣланы три такихъ качели. На масляницѣ устраи-

---

[1]) Забѣлинъ: Домашн. бытъ русскихъ царицъ, стр. 467, 202, 388 и друг.

вались скатныя горы, гдѣ увеселялись царевны съ боярышнями. Царицы только смотрѣли на эту забаву, равно какъ и на игры въ сѣняхъ женской половины дворца. Не мало удовольствія доставляли царицамъ и зрѣлища другого рода, какъ, напр., церковныя церемоніи, царскіе обѣды, выѣзды пословъ, привозимыя и приводимыя „чуда“: заморскія животныя, ученые медвѣди и т. п. На эти зрѣлища царицы, царевны и малолѣтніе царевичи смотрѣли изъ оконъ Кремля или изъ „тайника“, устроеннаго въ Грановитой палатѣ, гдѣ происходили главныя дворцовыя торжества. Тайникъ была комната съ большимъ окномъ, обращеннымъ въ палату, въ которое была вставлена рѣшетка. На театральныя представленія царицы также смотрѣли сквозь рѣшетку. „Во время представленія — говоритъ Рейтенфельсъ — царь сидѣлъ передъ сценою на скамейкѣ, а для царицъ съ дѣтьми было устроено родъ ложи, изъ которой они смотрѣли изъ-за рѣшетки или, правильнѣе сказать, сквозь щели досокъ“.

Жила царица съ мужемъ, по обычаю, въ разныхъ покояхъ порознь.

„И на праздники господскіе, и въ воскресные дни, и въ посты,—повѣствуетъ Котошихинъ,—царь и царица опочиваютъ въ покояхъ порознь; а когда случится быти опочивать имъ вмѣстѣ, и въ то время царь посылаетъ по царицу, велитъ быть къ себѣ спать или самъ къ ней похочетъ быть. А которую ночь опочиваютъ вмѣстѣ, и на утро ходятъ въ мыльню порознь и ко кресту не приходятъ, понеже поставлено то въ нечистоту и въ грѣхъ...“.

Нѣтъ сомнѣнія, что все это выполняли царь и царица, — но дѣтей не было... Прошло пять лѣтъ брачной жизни, и во все это время только разъ мелькнула у Прасковьи мысль, что она беременна; сама она потомъ разсказывала: „при царѣ-де Иванѣ пучило у меня животъ съ годъ и я чаяла себя весь годъ брюхата, да такъ и изошло...“ [1]).

Однакожъ въ концѣ 1688 года для всего двора сдѣлалось извѣстно, что царица Прасковья „очреватѣла“. Немощный царь былъ счастливъ, довольна была Софья; негодовали одни родные и мать Петра, видѣвшіе въ этой беременности слѣдствіе интригъ и козней правительницы. Проникая въ ея замыслы [2]), Наталья

[1]) Госуд. Арх., карт. 7, письма царицы Прасковьи, 1719 г., л. 12.
[2]) Голиковъ, изд. 2, т. I, стр. 49.—Ѳеодоси, стр. 66, 71.

Кириловна убѣдила сына вступить въ бракъ; 27 января 1689 года Петръ обвѣнчался съ Авдотьей Ѳедоровной Лопухиной. — 21-го марта того же года, въ четвергъ ночью, царица Прасковья разрѣшилась отъ бремени—дочерью. Рано утромъ благовѣстъ Успенскаго колокола возвѣстилъ Москвѣ о приращеніи царственнаго семейства; власти съѣхались, пришолъ царь — и патріархъ отслужилъ молебенъ.

Въ понедѣльникъ, 25 марта, новорожденная окрещена въ Чудовѣ монастырѣ именемъ Маріи; службу совершалъ Патріархъ; воспріемниками были—царь Петръ и тетка его, Татьяна Михайловна.

Послѣдній фактъ, какъ повидимому ни незначителенъ онъ, однако возбуждаетъ вопросъ: почему воспріемницей не была Софья Алексѣевна? Была-ли она недовольна рожденіемъ племянницы вмѣсто племянника, или Прасковья, не лишенная природнаго ума и прозорливости, провидѣвъ будущую участь правительницы, заискивала въ Петрѣ и въ уважаемой имъ теткѣ?

Впрочемъ за столомъ, ради рожденія Маріи, въ четвергъ 18 апрѣля, въ Грановитой палатѣ, вмѣстѣ съ патріархомъ, царемъ Иваномъ и другими была Софья; сидѣли по чину, слушали чтеніе патріаршаго канархиста, а послѣ стола, „отдѣйствовавъ Пречистую, пили заздравныя чаши“ [1]).

Съ этого времени не проходило почти года, чтобъ царица Прасковья не радовала мужа рожденіемъ дочери. Такимъ образомъ, 4 іюня 1690 года, родилась другая царевна; 20-го числа ее крестилъ именемъ Ѳедосьи архимандритъ Чудова монастыря; воспріемниками были Петръ и царевна Татьяна, но на обѣденномъ кушаньи, ради рожденія, 4 іюля, былъ только одинъ царь Иванъ и пилъ заздравную чашу съ духовенствомъ [2]).

29 октября 1692 года, рано по утру, Прасковья родила новую царевну; съ радостною вѣстью поспѣшилъ къ патріарху болярин Ѳедоръ Петровичъ Салтыковъ; святѣйшій, послѣ благовѣсту, служилъ литургію и дарилъ посланнаго. Во второмъ часу пополудни пріѣхалъ изъ Преображенскаго Петръ, и государи многолѣтіе пѣли и знаменовались. 8 ноября прежніе воспріемники

---

[1]) Др. Рос. Вивліоф., изд. второе, ч. 11, стр. 182—183.
[2]) Др. Рос. Вивліоф., изд. второе, т. XI, стр. 186—187.

были при крещеніи царевны Катерины въ Чудовомъ монастырѣ, а два дня спустя былъ по этому случаю радостный столъ [1]).

28 янв. 1693 года родилась царевна Анна; въ слѣдующемъ 1694 году, 24 сентября, царица разрѣшилась послѣднею дочерью: то была царевна Прасковья.

Такая плодовитость благовѣрной супруги радовала Ивана Алексѣевича; но родительское сердце больного претерпѣвало также и утраты: изъ пяти дочерей онъ скоро лишился двухъ старшихъ, Марьи и Ѳедосьи († 13 февр. 1690 г. и 12 мая 1691 г.). При совершеніи погребальныхъ обрядовъ въ Вознесенскомъ монастырѣ присутствовали отецъ и мать [2]).

Супруги и послѣ паденія Софьи не играли никакой роли въ управленіи Россіей: Иванъ, по скорби главы, Прасковья, по ежегодной беременности, ни мало не мѣшались въ дѣла, которыми управляли, отъ имени юнаго еще Петра, его родственники и совѣтники, какъ русскіе, такъ и иноземцы. За Иваномъ оставался только одинъ титулъ; имя его упоминалось во всѣхъ актахъ государственныхъ; онъ имѣлъ свой дворъ, своихъ царедворцевъ, являлся народу въ торжественныхъ случаяхъ въ полномъ царскомъ облаченіи, наконецъ участвовалъ въ торжественныхъ пріемахъ пословъ, либо въ церковныхъ празднествахъ. Нельзя согласиться съ Устряловымъ въ томъ, что „Петръ нѣжно любилъ и глубоко уважалъ своего брата“ [3]). По крайней мѣрѣ письма Петра къ Ивану ничего не заключаютъ въ себѣ особенно-нѣжнаго: эти письма не болѣе, какъ обыкновенныя родственныя посланія, кромѣ впрочемъ одного, въ которомъ Петръ требуетъ устранить отъ правленія „зазорное лицо“—Софью [4]).

Что Петръ не заявлялъ брату глубокаго уваженія, видно ужъ изъ того, что при крещеніи обоихъ сыновей — Алексѣя Петровича, 23 февр. 1690 г., и Александра Петровича, 1 ноября 1692 г., Иванъ Алексѣевичъ не былъ приглашенъ въ воспреемники. Въ первый разъ былъ воспреемникомъ патріархъ Іоакимъ

---

[1]) Древн. Рос. Вивліоф., изд. второе томъ XI, стр. 188—189.

[2]) Тамъ же, стр. 203—204, 210—211, 236, 240.

[3]) Исторія царствованія Петра Вел., 1858, т. II, стр. 264, 265.

[4]) Тамъ же стр. 77, 408 —У Голикова см. разлагольствованія „о нѣжной любви, взаимной снисходительности и чувствительности двухъ братьевъ“, т. I, стр. 92—93, 255.

съ царевной Татьяной Михайловной, а во второй—келарь Троицкой лавры съ царевной Натальей [1]).

Между тѣмъ ежегодное рожденіе дочерей у царицы Прасковьи вовсе не доказывало, что здоровье ея мужа оправилось; напротивъ, въ 1696 году царь Иванъ, достигая тридцатилѣтняго возраста, хотя не обнаруживалъ признаковъ смертельной болѣзни, но уже таилъ ее въ своей груди. 6 января онъ ходилъ въ торжественномъ облаченіи за крестами изъ Успенскаго собора на іордань, устроенную на Москвѣ рѣкѣ; день былъ чрезвычайно теплый, совершенно весенній, былъ дождь и молнія [2]); царь былъ съ непокрытой головой, промочилъ ноги и сильно простудился. 21 января Иванъ былъ въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ на панихидѣ по царицѣ Натальѣ Кириловнѣ; 26 января, въ день имянинъ сестры своей, царевны Маріи Алексѣевны, слушалъ обѣдню въ дворцовой церкви Іоанна Предтечи; по окончаніи службы принималъ въ передней палатѣ обычныя поздравленія, жаловалъ ближнихъ людей фряжскими винами, а стрѣлецкихъ полковниковъ и гостей водкою, а черезъ три дня его ужъ не стало: онъ умеръ скоропостижно 29 января 1696 года, въ третьемъ часу по-полудни [3]).

Послѣ обычной торжественной церемоніи, на другой же день тѣло царя Ивана Алексѣевича было отнесено въ соборъ Михаила Архангела; въ теченіе шести недѣль каждый день по десяти царедворцевъ охраняли гробницу. Ивана похоронили подлѣ царя Ѳедора, позади перваго столба на лѣвой сторонѣ; гробницу покрыли богатымъ покровомъ.

Овдовѣвшая царица пять дней сряду кормила 300 нищихъ, угощала духовенство, дѣлала вклады въ церкви.

Въ скоромъ времени новый ударъ поразилъ Прасковью: потерявъ мужа, она лишилась и отца. Ѳедоръ Салтыковъ скончался 2 февраля 1697 года.

---

[1]) Др. Рос. Вивл. изд. второе, т. XI, стр. 184 и 188.

[2]) Желябужскій, стр. 61.

[3]) Туманскій, Рос. Магаз. III, стр. 77—89 дворц. записки. Дневн. Гордона,—Желябужскій, изд. 1840, стр. 63—279. Др. Р. Вивл. ч. 11, стр. 228.

II.

Жизнь въ с. Измайловѣ.—Переселеніе въ Петербургъ.

Прасковья осталась съ тремя малютками, но особыхъ печалей и заботъ ей не предстояло много. Петръ оказывалъ невѣсткѣ уваженіе, выполнялъ ея просьбы; для управленія хозяйствомъ и для удовлетворенія ея нуждъ отдалъ въ полное распоряженіе Василья Алексѣевича Юшкова и предоставилъ выбрать мѣсто жительства. Невѣстка выбрала своею резиденціею село Измайлово.

Измайлово, принадлежавшее повидимому Ивану Никитичу Романову, въ 1640-хъ годахъ, перешло затѣмъ къ царствующей линіи дома Романовыхъ. Такъ, въ 1663 году царь Алексѣй Михайловичъ уже вполнѣ распоряжается въ селѣ Измайловѣ, пользуясь своимъ двоякимъ значеніемъ царя и вотчинника.

Онъ переводитъ въ Измайлово и въ прилежащія къ нему пустоши крестьянъ изъ другихъ дворцовыхъ вотчинъ; заводитъ хозяйство въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что требующіяся на него издержки едва-ли могли быть покрыты доходами какого-бы то ни было частнаго лица въ то время, когда собственность, главнымъ образомъ, состояла изъ недвижимаго имущества и запасовъ и всего менѣе въ деньгахъ. Для пашенъ и сѣнокосовъ разчищено было въ Измайловѣ нѣсколько сотъ десятинъ лѣсу; построены смотрильныя башни для наблюденія за рабочими, число которыхъ впослѣдствіи было очень значительно, такъ во время жатвы однихъ наемныхъ жнецовъ набиралось до 700 человѣкъ. Кромѣ того въ Измайловѣ заведено было обширное са-

доводство, пчеловодство и хмѣлеводство; насажена роща на 115 десятинъ; рѣки и ручейки запружены плотинами и выстроено семь мукомольныхъ мельницъ. Тогда же было выкопано до 20 прудовъ, поставлены каменныя риги и токи, льняной и стеклянный заводы, разные двыры, амбары и прочія хозяйственныя постройки [1]).

Съ другой стороны царь Алексѣй Михайловичъ, по своему личному отношенію къ селу Измайлову, является вполнѣ помѣщикомъ. Въ его заботливости объ успѣхахъ измайловскаго хозяйства нельзя не видѣть интереса собственника къ своему помѣстью: онъ лично присутствуетъ при полевыхъ работахъ, слѣдитъ за постройками, входитъ въ малѣйшія подробности. Царица завѣдуетъ лично женскими работами, и, главнымъ образомъ, льнянымъ дѣломъ, осматриваетъ при случаѣ птичій и запасные дворы и погреба. Царь Алексѣй Михайловичъ прилагалъ всевозможныя заботы къ улучшенію своего хозяйства въ Измайловѣ. Выписаны были русскіе и иностранные мастера, спеціалисты своего дѣла: льняники изъ Пскова, черкасы—для скотнаго двора, садовники-иноземцы, пасечники, разные механики, „мастера зеленаго стекла“ и пр. Даже сдѣланы были попытки производить нѣкоторыя работы посредствомъ машинъ. Въ 1666 году, 17-го іюня, велѣно напр. сдѣлать три образца: 1)—„какъ молотить колесами и гирями безъ воды“; 2)—„какъ воду привезть изъ пруда къ виноградному саду“; 3)—„какъ воду выливать изъ ригъ гирями-жъ и колесы“. Рядомъ съ машинами и выпиской мастеровъ прибѣгали и къ другимъ средствамъ: къ днямъ ярового и ржаного посѣва государь выписывалъ изъ Троицы и Савина монастыря „освященное масло“, „святую и омовенную воду“ для окропленія и освѣщенія засѣваемыхъ полей. При этомъ соблюдалась тайна; въ грамотѣ, посылаемой въ Троицкій монастырь, говорилось, между прочимъ: „и ты бы богомолецъ намъ сотворилъ и

---

[1]) Подробности о селѣ Измайловѣ см. въ превосходномъ трудѣ И. Е. Забѣлина: „Домашн. быть русскихъ царей“, дворецъ въ с Измайловѣ, стр. 38—98; также см. А. Е. Мартынова: „Русская старина въ памятникахъ зодчества“ изд. 1853 г. — Сборникъ Муханова, Спб. 1866 г., стр. 389. — Записки отдѣла Русской и Славянской Археологіи, томъ II, Спб. 1861 г., стр. 387: „докладная выписка о крестьянахъ, которые переведены въ село Измайлово, и въ приселки. и въ деревни изъ разныхъ уѣздовъ“. — Описи Измайловскаго дворца у Забѣлина, лит. Б. стр. 50.—Г. В. Есиповъ: „Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ“, томъ II, приказы, издан. Москва, 1872 г.

прислалъ тайно, никому-же повѣдавше сію тайну, священнаго масла великаго четвертка въ сосудѣ, и воды съ ногъ больничныхъ братій, умывъ самъ тайно, и воды изъ колодезя Сергія три ведра, отпѣвъ молебенъ у колодезя, за своею печатью".

И не вотще трудился Алексѣй Михайловичъ: въ царскихъ житницахъ въ Измайловѣ бывало до 27,000 четвертей хлѣба; въ Ригу посылалось на продажу до 200 берковцевъ льну; кромѣ того Измайлово давало ежегодно отъ 500 до 800 пудовъ хмѣля, до 179 пудовъ меду и почти столько же воску, не говоря уже о разныхъ стеклянныхъ издѣліяхъ, массѣ плодовъ и овощей, доставляемыхъ во дворецъ; врачебныхъ травахъ и кореньяхъ, посылаемыхъ въ Аптекарскій приказъ и т. п.

Въ Измайловѣ царь Алексѣй Михайловичъ живалъ только лѣтомъ; съ нимъ пріѣзжала и вся царская семья. Первые царскія хоромы были поставлены здѣсь около 1663 года на острову [1]). Дворецъ первоначально не былъ особенно обширенъ; онъ состоялъ изъ хоромъ, подклѣтовъ и верхнихъ „житей"; вся постройка его была какъ-бы сборная, соединенная крытыми переходами и лѣстницами. Тутъ были отдѣльныя помѣщенія для государя, царицы, царевичей, большихъ царевенъ и меньшихъ царевенъ. Кругомъ всѣхъ нижнихъ хоромъ шли перила, по перилам баляски точеныя. Всѣ хоромы были деревянныя, покрытыя тесомъ; у крылецъ верхи шатровые, „крытые тесомъ скалою по чешуйному обиванью". Къ дворцу примыкала каменная двухъэтажная церковь; въ верхнюю церковь св. Іосафа изъ царскихъ хоромъ вели брусяные переходы и здѣсь на хорахъ слушали службу царицы и царевны. На острову была еще одна церковь во имя Покрова Пр. Богородицы о пяти главахъ, крытая гонтомъ, съ высокими крыльцами; она обнесена была каменной оградой [2]); возлѣ нея возвышалась башня съ тремя проѣзжими воротами; отсюда шелъ каменный мостъ черезъ Измайловскій прудъ въ 50 саж. длиною.

Царскій дворецъ издали казался окруженнымъ зеленью, такъ какъ передъ нимъ была огромная роща съ высокими, хотя рѣд-

---

[1]) Старинный планъ Измайловскаго острова съ плотинами помѣщенъ въ „Сборникѣ чертежей Москвы и ея окрестностей", изд. Археологическаго Общества. Спб. 1861 г.

[2]) Церкви эти были окончательно отстроены при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ.

кими, деревьями и тѣнистымъ кустарникомъ, который широко раскидывалъ свои вѣтви, иногда застилая собою дорожки. Съ западной стороны дворца находился звѣринецъ, представлявшій собою, по словамъ Рейтенфельса, тотъ-же лѣсъ, обнесенный заборомъ, гдѣ между разными диковинами показывали лосей, оленей, кабановъ, дикобразовъ, разныхъ пушныхъ и дикихъ звѣрей. Къ звѣринцу примыкалъ птичій дворъ, гдѣ водились лебеди, гуси, павлины англійскіе, куры, утки и разныя рѣдкія птицы. Ревъ звѣрей и крики разнообразныхъ птицъ, безъ сомнѣнья, были слышны дворцовыми обитателями.

Внутреннее убранство Измайловскаго дворца было проще, чѣмъ въ другихъ загородныхъ дворцахъ и даже въ нѣкоторыхъ боярскихъ и помѣщичьихъ домахъ: всѣ двери въ царскихъ хоромахъ были обтянуты краснымъ сукномъ и съ луженными петлями, въ окнахъ окончины слюдяныя, вездѣ печи изразцовыя, круглыя, росписанныя разными красками, полы мощеные дубовымъ кирпичемъ. Кромѣ столовъ и стульевъ почти не было никакой другой мебели. Нигдѣ не было видно и слѣда роскоши; все вниманіе обращено на многочисленныя хозяйственныя заведенія, которыя отличались наилучшимъ порядкомъ [1]). Они составляли гордость хозяйства села Измайловскаго и ихъ прежде всего показывали иностранцамъ. Такъ, въ описаніи посѣщенія села Измайлова польскимъ посломъ Яномъ Гнинскимъ, 27-го января 1672 года, вниманіе иностранныхъ гостей прежде всего старались обратить на стоявшее передъ селомъ „гумно царскаго величества изряднымъ зело расположеніемъ“, на хлѣбъ, въ скирдахъ „ровнехонько“ уложенный; затѣмъ приказчикъ показывалъ имъ мельницы, плотину, житницы, построенныя одна возлѣ другой, наполненныя хлѣбомъ и окопанныя канавой. Хоромное

---

[1]) При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ приходныхъ книгахъ села Измайлова упоминаются слѣдующія сельско-хозяйственныя заведенія: каменныя риги, житный дворъ, льняной дворъ съ амбарами, скотный дворъ, въ немъ 6 денниковъ, 3 избы, 4 амбара и погребъ съ ледникомъ. Здѣсь содержалось 903 быка, 128 дойныхъ коровъ, 190 телицъ, 82 телятъ, барановъ 284, свиней и борововъ 26, конюшенный дворъ, съ семью денниками, гдѣ находилось коней 701; сѣнной дворъ, винный заводъ, пивоварня, медоварня, солодовня и маслобойня, стеклянный заводъ; птичій дворъ, гдѣ водилось всякой птицы 484; запасный дворъ съ погребами и амбарами для храненія напитковъ, припасовъ и земледѣльческихъ орудій.

строеніе и церковь послы видѣли только издали; сады и огороды не могли быть осмотрѣны ими по зимнему времени года.

Между тѣмъ Измайловскіе сады и огороды стоили того, чтобы познакомиться съ ними. Такъ называемый „виноградный“ садъ занималъ въ окружности 800 саженей; въ немъ росли сотни яблонь, груши, сливы, грецкіе орѣхи; ягодные кустарники занимали сотни саженей; между ними красовались піоніи и другіе цвѣты. „Просяной“ садъ имѣлъ въ окружности 138 саж., тутъ былъ огородъ, гдѣ садили дыни, огурцы, капусту и всякія лѣтнія овощи; разводили цвѣты, сѣмена травъ, аптекарскія растенія. Вдоль по берегу р. Серебровки простирался на 33 саженяхъ „регулярный“ садъ, слѣды котораго остались до настоящаго времени въ видѣ кустарниковъ шиповника, барбариса, крыжовника и пр.

Обширное Измайловское хозяйство находилось, главнымъ образомъ, въ вѣдѣніи приказчика и ключника. Въ приказной Измайловской избѣ хранилась денежная казна и книги „крестоприводныя Измайловской волости крестьянамъ и всякихъ чиновъ людемъ“, указныя памяти о всякихъ дѣлахъ, челобитныя, росписи, выборы на старостъ и цѣловальниковъ, поручныя записи, книги, тетради, столпы умолотные, приходные, расходные, продажные, столники посѣвные, ужинные, укосные, росписи „что изволилъ великій государь взять изъ села Измайлова“.

Приказчикъ жилъ обыкновенно на съѣзжемъ дворѣ, огороженномъ заборомъ. Не легко было его управленіе и другихъ начальственныхъ лицъ крестьянами, переселенными въ Измайловскія слободы изъ разныхъ мѣстъ. Тяжелыя работы, строгія взысканія и всякаго рода притѣсненія, обычныя въ Россіи во всѣ времена по отношенію къ простонародью, заставляли Измайловскихъ крестьянъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Послѣ смерти Алексѣя Михайловича оказалось изъ составленнаго въ то время доклада, что изъ 664 крестьянскихъ семействъ, переселенныхъ въ Измайлово, 481 дворъ въ бѣгахъ, а „которые крестьяне въ остатокъ“ 183 двора и тѣ „наготовѣ бѣжать, мало не всѣ“.

Отъ Алексѣя Михайловича село Измайлово перешло въ полное владѣніе старшаго его сына, царя Ѳедора. Хозяйство шло при немъ тѣмъ же порядкомъ. Время отъ времени царь пріѣзжалъ съ своимъ дворомъ въ Измайлово, указывалъ „поить“ вся-

кихъ чиновъ людей и боярскихъ слугъ, угощалъ бояръ и стольниковъ; по прежнему Измайлово поставляло во дворецъ всякіе запасы, живность, напитки, овощи, стеклянныя издѣлія. При царѣ Ѳедорѣ произошли, однако, нѣкоторыя перемѣны въ Измайловѣ: передѣланъ былъ дворецъ, построены и исправлены разныя служебныя и хозяйственныя зданія, и по угламъ двора около царскихъ хоромъ поставлены четыре каменныя башни.

Постройки, передѣлки и исправленія продолжались и тогда, когда собственникомъ Измайловской вотчины сталъ считаться царь Иванъ Алексѣевичъ, оставшійся старшимъ послѣ Ѳедора. Къ этому времени относятся подробныя описи села Измайлова, сдѣланныя по приказу обоихъ царей Ивана и Петра и царевны Софьи; именемъ же трехъ царскихъ особъ и наказомъ изъ приказа Большого Дворца производились тогда перемѣны въ составѣ лицъ, завѣдывавшихъ хозяйствомъ въ селѣ Измайловѣ.

Богатое село Измайлово, повидимому, вовсе не было отдано ни во владѣніе, ни въ пожизненное пользованіе вдовѣ Ивана, царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ,—въ ея собственность перешелъ одинъ дворецъ. Петръ, водворявшій порядокъ въ дворцовомъ хозяйствѣ, разстроенномъ при Софьѣ, благодаря безцеремонному обращенію членовъ царской семьи съ казной, назначилъ всѣмъ имъ, и въ томъ числѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, извѣстный окладъ содержанія деньгами и запасами, что врядъ-ли оказывалось нужнымъ, если бы царица владѣла на полномъ правѣ богатымъ селомъ и вотчиною Измайловымъ.

Въ подтвержденіе того, что Прасковья Ѳедоровна была на томъ же положеніи, какъ и остальные члены царской семьи, считаемъ необходимымъ привести нѣкоторыя несомнѣнныя, хотя и отрывочныя, данныя. Такъ изъ приходо-расходныхъ книгъ Приказа Большого Дворца 1701 года мы узнаемъ слѣдующее:

„У комнаты великія государыни царицы Марѳы Матвѣевны (вдовы царя Ѳедора)—9 стоялыхъ, 21 подъемныхъ, итого 30 лошадей; на кормъ имъ по окладу 330 чети овса, 75 копенъ мѣрныхъ сѣна, 275 возовъ безъ чети воза соломы ржаной".

Столько же значится у тетки царя, Татьяны Михайловны, только вмѣсто 330 чети овса ей отпускалось всего 304.

„У великія государыни царицы Прасковьи Ѳедоровны 21 стоялыхъ, 56 подъемныхъ, итого 80 лошадей; на кормъ имъ: стоялымъ въ годъ, подъемнымъ на 7 мѣсяцевъ 880 чети овса, 200 копенъ мѣрныхъ сѣна; на подстилку 732 воза соломы ржаной".

Сравнительно большія цыфры объяснить можно и тѣмъ, что у царицы Прасковьи были три дочери, которыя приняты въ разсчетъ при назначеніи оклада. Хлопотала объ этомъ и сама царица, какъ видно изъ одного донесенія провинціалъ-фискала Терскаго въ октябрѣ 1722 года: „увѣдомился я,—писалъ Терскій,—что государыня царица Прасковья Ѳедоровна просила въ сенатѣ, чтобъ на комнату ея величества съ царевнами учинить окладъ противъ окладу, каковъ учиненъ былъ къ комнатѣ царевны Натальи Алексѣевны".

У царевны Натальи Алексѣевны: „14 стоялыхъ, 28 подъемныхъ, итого 42 лошади; на кормъ имъ: 476 чети овса, 107 копенъ съ третью мѣрныхъ сѣна, на подстилки 407 возовъ съ полу-возомъ соломы ржаной".

Затѣмъ изъ бумагъ приказа Большой Казны того же 1701 года мы узнаемъ, что „къ великимъ государынямъ царицамъ (слѣд. Марѳѣ Матвѣевнѣ и Прасковьѣ Ѳедоровнѣ) и царевнамъ, по указнымъ статьямъ, въ 10 комнатъ по 2000 р. въ комнату, и на 1701 годъ къ прежнимъ взносамъ въ 20,000 рублевъ, къ 10,000 рублевъ, отпущено 10,000 р."; на 1702 годъ—15,000, итого 25,000 рублевъ.

Почти столько же получала царица Прасковья Ѳедоровна и въ послѣдующіе годы, хотя сумма не всегда была одинакова. Изъ дѣла казначея царицы Деревнина оказывается, что въ приходѣ взято для нея изъ Большой Казны „окладныхъ" на 1715 годъ 18,320 руб.; на 1716 г.—24,066 р. 9 алт. 4 ден.; на 1717 г.—12,600 руб.; на 1718 г.—32,915 руб.

Въ перечнѣ пѣвчихъ и крестовыхъ дьяковъ царскихъ особъ значатся пѣвчіе царицы Прасковьи Ѳедоровны, и имъ наравнѣ съ прочими отпускалось содержаніе изъ Приказа Большого Дворца [1]).

Наконецъ мы видимъ, что между селомъ Измайловымъ и другими „дворцовыми" селами, по крайней мѣрѣ въ 1701 году, не дѣлается различія. Разнымъ служителямъ и нижнимъ чинамъ села Измайлова отпущены деньги наравнѣ съ служителями села Воробьева, Преображенскаго и др.

Кромѣ царскаго оклада, царица Прасковья Ѳедоровна получала еще доходы со своихъ вотчинъ деньгами и запасами.

---

[1]) „Пѣвчихъ и крестовыхъ дьяковъ у Петра Алексѣевича 22 чел; у Марѳы Матвѣевны 12 чел.; у Прасковьи Ѳедоровны 12 чел. у Татьяны Михайловны 12 чел.; у Евдокіи Алексѣевны съ сестрами крест. 12 чел.; у Натальи Алексѣевны крест. 9 чел.; всего пѣвчимъ и крестовымъ 79 человѣкамъ отпущено въ 1701 году 821 четверть съ осминою и съ четверикомъ и половина пол-четверика ржи, овса тожъ". (Есиповъ: Сборникъ архив. бум. о Петрѣ Великомъ, томъ 2-й, стр. 247).

Вотчины эти находились въ разныхъ волостяхъ Новгородскаго, Псковскаго и Копорскаго уѣздовъ, также въ Ставропольской сотнѣ, такъ что во владѣніи ея находилось 2,477 посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ. По всему вѣроятію цифра эта далеко не выражаетъ полнаго числа дворовъ, принадлежавшихъ царицѣ, но мы не имѣемъ пока свѣдѣній о нихъ. Извѣстно только, что въ ея владѣніи находились еще довольно значительныя Нижегородскія имѣнія. Вотчины царицы Прасковьи находились въ вѣдѣніи старостъ и цѣловальниковъ, какъ видно изъ челобитной, поданной царицѣ крестьянами Осѣченской волости, въ 1711 г., гдѣ они жалуются ей на претерпѣваемыя ими притѣсненія.

Всѣмъ дворцовымъ хозяйствомъ царицы обыкновенно управлялъ Постельный (комнатный, кабинетный) Приказъ государыни царицы. Его составляли собственно только два лица: царицынъ дворецкій, стоявшій во главѣ вѣдомства, и дьякъ. Первый бывалъ, обыкновенно, близкій человѣкъ по родству или по старой испытанной службѣ. Правою рукою дворецкаго былъ дьякъ, на обязанности котораго лежала вся письменная часть и все дѣлопроизводство; то былъ какъ-бы главный секретарь царицы, производитель всякаго ея приказа и всякаго назначенія и распоряженія.

Именно такихъ двухъ лицъ мы и встрѣчаемъ при дворѣ Прасковьи Ѳедоровны. Должность дворецкаго, повидимому, исполнялъ ея родной братъ Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, приставленный къ ней Петромъ въ 1690 году. Мы его часто встрѣчаемъ въ Измайловѣ; она совѣтуется съ нимъ о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ, даетъ ему различныя порученія. Другимъ близкимъ человѣкомъ царицы Прасковьи былъ стольникъ Василій Алексѣевичъ Юшковъ, опредѣленный по имянному указу царя къ комнатѣ Прасковьи Ѳедоровны и дѣтямъ ея въ 1701 году.

Юшковъ началъ свою службу при дворѣ царя Ивана Алексѣевича, когда ему было не болѣе 13-ти лѣтъ отъ роду; затѣмъ онъ былъ записанъ въ Семеновскій полкъ и находился въ походахъ въ Азовѣ, подъ Керчью и въ первомъ Нарвскомъ походѣ 1700 года. Въ этомъ же году Василій Юшковъ получилъ отъ отца своего, Алексѣя Александровича Юшкова, многія помѣстья и вотчины въ разныхъ уѣздахъ. Отецъ передалъ сыну почти все свое недвижимое имущество съ обязательствомъ „ему, Васи-

лію, его, Алексѣя, поить и кормить, обувать и одѣвать и почитать, а будетъ онъ, Алексѣй, тѣ свои помѣстья похочетъ поворотить и ему, Алексѣю, поворотить вольно и чтобъ повелѣно было тѣ его помѣстья за нимъ, сыномъ его, справить".

Такимъ образомъ Василій Юшковъ поступилъ ко двору Прасковьи Ѳедоровны уже богатымъ человѣкомъ. Благоволила къ нему царица и съ своей стороны дарила деньгами, драгоцѣнными камнями и даже деревнями, какъ мы увидимъ ниже. Между тѣмъ отецъ Юшковъ, наскучивъ вдовствомъ, вступилъ во второй бракъ съ молодою вдовою Вельяминовою и потребовалъ обратно отъ сына Василія уступленныя ему вотчины и помѣстья. Отъ этой бѣды спасла своего любимца царица Прасковья. По всесильному ходатайству ея, отца Юшкова задобрили чиномъ околничьяго, которымъ онъ былъ пожалованъ именнымъ указомъ сенату 14 ноября 1711 года. И дѣйствительно, старикъ послѣ этого уже не поминалъ о возвратѣ ему вотчинъ и помѣстій.

Кромѣ Салтыкова и Юшкова мы встрѣчаемъ въ Измайловѣ при дворѣ вдовы царицы многочисленный мужской чинъ, хотя, разумѣется, далеко не такой, какъ прежде, такъ какъ въ годъ смерти царя Ивана однихъ стольниковъ числилось у царицы Прасковьи 263 чел. Теперь не позволяли этого и денежныя средства. Тѣмъ не менѣе, царица, сообразно своему сану, все еще держала ключника, подключника, подъячихъ, стряпчихъ, конюховъ, сторожей, истопниковъ и всякихъ служителей. Женскій царицынъ чинъ былъ, разумѣется, еще многочисленнѣе.

Помимо всей этой нужной и ненужной челяди, царица, удовлетворяя своему личному вкусу, усвоенному съ дѣтства, окружала себя цѣлой толпой дармоѣдовъ другого рода: нищіе богомольцы и богомолицы, ханжи, гадальщицы, всякіе калѣки, уроды, до того скромно проживавшіе въ подклѣтяхъ ея Кремлевскихъ хоромъ и являвшіеся только по зову, теперь свободно разгуливали по Измайловскому дворцу въ своихъ грязныхъ изодранныхъ рубищахъ, выставляя на показъ свои увѣчья и раны, гнусливо тянули свои пѣсни, плясали, продѣлывали разныя шутки. Только при посѣщеніи Петра, не терпѣвшаго этихъ остатковъ старины, они прятались въ дальніе чуланы. Число ихъ было такъ велико, что Татищевъ, не разъ лично посѣщавшій Прасковью Ѳедоровну, говоритъ, что дворъ царицы отъ набожности былъ го-

ситаль на уродовъ, юродовъ, хапжей и шалуповъ. Изъ нихъ наибольшимъ уваженіемъ царицы пользовался полу-помѣшанный подъячій Тимоѳей Архиповичъ, выдававшій себя за святого и пророка. Нѣкогда онъ занимался иконописаніемъ, но потомъ бросилъ, сталъ „юродствовать міру“ и прожилъ при дворѣ Прасковьи Ѳедоровны 28 лѣтъ. Прасковья Ѳедоровна вмѣстѣ со своимъ другомъ, боярыней Настасьей Александровной Нарышкиной, поручали ему раздачи милостыни и другія благочестивыя дѣла [1]). „Меня,—разсказываетъ Татищевъ,—Тимоѳей Архипычъ не любилъ, за то, что я не былъ суевѣренъ и руки его не цѣловалъ. Однажды, передъ отъѣздомъ въ Сибирь, я пріѣхалъ проститься съ царицей; она, „жалуя меня, спросила онаго шалупа: скоро ли я возвращусь?“—Онъ отвѣтилъ на это: „руды много накопаешь, да и самого закопаютъ“.

Пророчество это однако не исполнилось.

Разсказывали потомъ, будто Тимоѳей Архиповичъ предрекъ царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ ея дальнѣйшую судьбу.

Прасковья Ѳедоровна вѣрила каждому слову Тимоѳея Архипыча и считала себя счастливою, что такой святой человѣкъ удостоиваетъ жить въ ея домѣ. Благочестіе и обычай побуждали ее также держать у себя вдовъ и сиротъ, давать пріютъ странникамъ; дѣлать, черезъ стольника своего Юшкова, подарки духовенству и церковные вклады.

Такого рода расходы и содержаніе многочисленной челяди, разумѣется, не могли способствовать порядку въ дѣлахъ Прасковьи Ѳедоровны. Вдобавокъ, ее обкрадывали самымъ безсовѣстнымъ образомъ; крали у ней во дворцѣ, благодаря недосмотру ея любимца Юшкова; крали и довѣренныя лица, которымъ она поручала сборъ доходовъ съ своихъ имѣній. Изъ нихъ особенно выдаются Аргамаковы, отецъ и сынъ, на которыхъ лежала обязанность собирать доходы съ нижегородскихъ имѣній царицы и вести приходо-расходныя книги. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ихъ управленія, въ книгахъ замѣчено было до

---

[1]) Настасья Александровна Нарышкина до смерти своей относилась съ любовью и уваженіемъ къ своему другу царицѣ, и завѣщала своимъ дѣтямъ и потомкамъ постоянно поминать въ молитвахъ „добрѣйшую“ Прасковью Ѳедоровну. См. „Русскій Архивъ“ 1874 г., кн. 12, стр. 612: „Борода Тимоѳея Архипыча“ изъ воспоминаній Е. А. Нарышкиной.

300 подчистокъ: убавлены въ чистовыхъ книгахъ приходы денегъ и хлѣба, также и въ черновыхъ книгахъ многія статьи вычерпены, денегъ и хлѣба убавлено; въ среднемъ числѣ, какъ каялись впослѣдствіи сами Аргамаковы, они клали въ свой карманъ изъ сотни по рублю и болѣе.

Изъ вышеупомянутой челобитной крестьянъ Осѣченской волости мы узнаемъ, что старосты и цѣловальники неизвѣстно куда дѣвали мірскія деньги. Крестьяне писали царицѣ: „выборной мирской целовальникъ Григорей Ивановъ збиралъ съ насъ съ Корѣлянъ со всей Осѣченской волости, и съ Воскресенскаго погосту всякіе денежные многіе поборы; и тѣхъ денегъ, онъ целовальникъ собралъ 1,500 рублей, и въ тѣхъ въ многихъ зборныхъ мирскихъ денгахъ онъ, целовальникъ, по приходнымъ и по расходнымъ книгамъ отчетъ намъ въ миръ не даетъ; также того-жъ году (1711) староста Софронъ Анофреевъ въ подводахъ и въ работныхъ людѣхъ въ миръ вѣдомости не дастъ же, стакався они за одно... и зъ горланами и зъ ябедниками; а куды они такіе большіе денги дѣвали, про то мы, мирские люди не вѣдаемъ“.

Не вѣдала зачастую и сама Прасковья Ѳедоровна, куда дѣвались ея деньги и всѣ-ли запасы доставлялись изъ деревень къ ея двору. Она бо́льшею частью довольствовалась тѣмъ, что дѣлала тѣ или другія письменныя распоряженія; вообще она писала письма въ большомъ количествѣ и повидимому охотно, не стѣсняясь своею сравнительною безграмотностью. Затѣмъ она проводила бо́льшую часть дня все-таки въ полной праздности, занимаясь главнымъ образомъ исполненіемъ обрядовъ, мало обращая вниманія на безурядицу и грязь, которыя царили въ ея домѣ. По извѣстіямъ иностранцевъ, кушанья за обѣдомъ царицы Прасковьи бывали дурно приготовлены, заправлены бо́льшею частью, по русскому обычаю, масломъ изъ грецкихъ орѣховъ или льняного сѣмени (конечно въ посту) и подавались кое-какъ, но зато кушаньевъ было много и въ изобиліи. Кромѣ рыбъ, мяса, разныхъ холодныхъ и горячихъ блюдъ, блиновъ и пироговъ, неизбѣжною принадлежностью ея стола, какъ и всѣхъ достаточныхъ людей того времени, были орѣхи, ягоды, яблоки, дыни сырые, моченные и вареные въ меду. Являлись гости, царица Прасковья принимала ихъ привѣтливо, угощала пивомъ и медами, и сама подносила вино въ золоченыхъ рюмкахъ или

поручала своимъ дочерямъ. Гости бывали у ней часто. Весною и лѣтомъ живали, а зимою наѣзжали всѣ члены царской семьи. Царица Евдокія праздновала въ Измайловѣ дни рожденія и имянины своего супруга, царя Петра Алексѣевича, ставила крестьянамъ пиво и вино, подавала нищимъ милостыню. Особенно хорошо бывало Измайлово лѣтомъ, когда въ окна теремовъ заглядывала зелень и свѣжій воздухъ вносилъ прохладу въ низенькія царскія хоромы, запертыя наглухо цѣлую зиму. Выходили тогда царицы и царевны въ садъ, подолгу гуляли, посѣщали иногда для развлеченія хозяйственныя заведенія села Измайлова, кормили рыбу въ прудахъ, сзывая ее на кормъ по колокольчику. Въ праздники собирались хороводы передъ дворцомъ; царевны раздавали крестьянкамъ пряники, куски маковой избойни и серебряныя копѣечки [1]).

Изъ всѣхъ приведенныхъ подробностей видно, что царица Прасковья Ѳедоровна жила въ с. Измайловѣ вполнѣ зажиточною помѣщицей: у нея подъ рукой было все, что нужно для самаго обширнаго хозяйства; всевозможные ремесленники, мастера, повара, громадный штатъ прислуги были къ ея услугамъ. Царица правила, распоряжалась, судила и рядила, миловала и карала, принимала гостей, угощала ихъ, и жизнь текла въ довольствѣ, сытно и тепло, вполнѣ соотвѣтственно развитію и потребностямъ измайловскихъ обитательницъ.

За царевнами ухаживало множество мамушекъ и нянекъ; онѣ гуляли съ ними въ тѣнистыхъ садахъ, посѣщали хозяйственныя заведенія, стеклянный заводъ, славный своими издѣліями; молились по церквамъ, забавлялись на прудахъ, которыхъ насчитывалось до двадцати. Царевны пускали туда щукъ и стерлядей съ золотыми сережками, и сзывали рыбъ на кормъ по колокольчику. Подростая, онѣ привыкали въ теремахъ своихъ къ шитью и вышиванью шолкомъ и золотомъ, но рукодѣлье не

---

[1]) Документы, относящіеся до хозяйства царицы Прасковьи, въ Государственномъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣла Кабинет. полов II, томъ LVI, лл. 454, 876—877; въ „Русской Старинѣ“ изд. 1872 г., томъ VIII: Царица Прасковья и ея письма, стр. 565—566. „Челобитная крестьянъ Осѣченской волости“ въ изд. „Чтенія въ Моск. Обществѣ исторіи и древностей“ 1862 г., кн. IV, смѣсь, стр. 1. О Юшковѣ см. въ „Русской Старинѣ“, изд. 1872 г., томъ VIII, „Бутурлинъ и Юшковъ“, статья Н. О. Самарина, стр. 561—563.

далось имъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ извѣстій, чтобъ какая-нибудь изъ трехъ сестеръ сдѣлалась искусницей въ этомъ дѣлѣ [1]).

Свѣтлая сторона жизни матери-помѣщицы ярко рисуется передъ нами; но она не помѣшаетъ намъ перевернуть медаль— заглянуть и на черную сторону того же патріархальнаго быта, гдѣ самоуправство и жестокость клали столь густыя тѣни и не на такія лица, какова была Прасковья Ѳедоровна.

Но эту сторону характера мы еще увидимъ, а теперь нельзя не отдать справедливости особенному такту царицы принаравливаться къ обстоятельствамъ. Являя приверженность къ старинѣ, она въ то же время умѣла угодить царю Петру. Она не входила въ сношенія съ нелюбезными ему сестрами, неосторожно судившими и осуждавшими Петра и его сторонниковъ. Имѣя возможность часто навѣщать заключенную царевну Софью, Прасковья уклонялась отъ этихъ свиданій и не входила ни въ какія козни [2]).

Казни стрѣльцовъ и грозная опала, поразившая царскихъ сестеръ въ октябрѣ 1698 года, еще болѣе сдѣлали царицу осторожною въ отношеніи къ петровскимъ реформамъ; не отрѣшаясь вполнѣ отъ святой для нея старины, она въ то же время дѣлала рядъ уступокъ требованіямъ новаго времени, и дѣлала это не по принужденію, а единственно изъ желанія сохранить расположеніе монарха. Такъ, мы у нея рано встрѣчаемъ гостей иностранцевъ. Подобно царицамъ, своимъ предшественницамъ, она любуется въ 1697 году на въѣздъ посольства Римскаго императора въ кремль изъ оконъ дворца, а въ 1698 г. имперскій посолъ посѣщаетъ ее со свитою въ с. Измайловѣ. Царица-помѣщица весьма радушно принимаетъ иноземцевъ. „За посломъ,—описываетъ этотъ визитъ его секретарь, Корбъ,— слѣдовали музыканты, чтобы гармоническую мелодію своихъ инструментовъ соединить съ тихимъ шелестомъ вѣтра, который медленно стекаетъ съ вершины деревьевъ. Царицы, царевичъ и незамужнія царевны, желая немного оживить свою спокойную жизнь, которую ведутъ онѣ въ этомъ волшебномъ убѣжищѣ,

---

[1]) Воспоминаніе о подмосковномъ селѣ Измайловѣ, Москва, изд. 1837 г. — О хозяйственныхъ заведеніяхъ въ с. Измайловѣ, статья А. Малиновскаго въ „Землед. Журналѣ“, М. 1824, № II.—Также „Русск. Старина въ памятникахъ зодчества“, Москва, ч. 4.

[2]) Устр., т. III, стр. 156.

часто выходятъ на прогулку въ рощу и любятъ гулять по тропинкамъ, гдѣ терновникъ распустилъ свои коварныя вѣтви. Случилось, что августѣйшія особы гуляли, когда вдругъ до ихъ слуха долетѣли пріятные звуки трубъ и флейтъ; они остановились, хотя возвращались уже во дворецъ. Музыканты, видя, что ихъ слушаютъ, стали играть еще пріятнѣе. Особы царской крови, съ четверть часа слушая симфонію, похвалили искусство всѣхъ артистовъ" [1]).

Между тѣмъ подростали дочери царицы Прасковьи. Первоначальное обученіе ихъ, вѣроятно, было ввѣрено одной изъ такъ называемыхъ дворцовыхъ „учительницъ" или мастерицъ, на обязанности которыхъ лежало преподаваніе грамоты малолѣтнимъ царевнамъ. Прасковья Ѳедоровна на этотъ случай уже заблаговременно запаслась книгой. Въ 1693 году, „по ея изволенію и повелѣнію", іеромонахъ Каріонъ Истоминъ, составитель учебниковъ для царевича Алексѣя Петровича [2]), поднесъ царицѣ Прасковьѣ второй экземпляръ „Букваря славенороссійскихъ письменъ со образованіями вещей и со правоучительными стихами", писанный красками и золотомъ [3]). Букварь этотъ, по обычаю, перечитывался, конечно, столько разъ, что царевны выучили его наизусть.

Въ чемъ вообще состояло ихъ обученіе, мы можемъ только приблизительно составить понятіе изъ общаго состоянія первоначальнаго воспитанія въ тогдашней Россіи. Изученіе русскаго языка заключалось въ чтеніи и письмѣ и особливо въ читаніи всякаго письма рукописей. Далѣе полагалось чтеніе Библіи и Новаго Завѣта. Хотя грамматики появились въ Россіи очень рано, но правила изучались больше практически, какъ было удобно учителю; въ правописаніи, прежде всего, требовалось какъ „ять" съ „естемъ" различать и гдѣ какія ударенія ставить. Сообщались также кое-какія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи, но, конечно, въ крайне извращенномъ и отрывочномъ видѣ. Каллиграфія заключалась въ копированіи писанныхъ прописей, состоявшихъ изъ

---

[1]) Дневникъ Корба, изд. подъ нашею редакц., Москва, 1868 г. стр. 183.

[2]) Каріонъ Истоминъ, кромѣ того, написалъ въ 1700 г. „Домострой въ подражаніе „Домострою Сильвестра", найденный акад. А. Ѳ. Бычковымъ и помѣщенный въ „Лѣтописи Занятій Археографич. Ком." изд. 1862—1863, вып. II, Спб. 1862 г.

[3]) Пекарскій, „Наука и литература при Петрѣ Великомъ". Томъ I, стр. 172—173.

краткихъ двустишій нравственнаго и религіознаго содержанія. Мы не въ состояніи сказать преподавалось ли цѣликомъ вся эта премудрость царевнамъ, или только отчасти, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ. Одно несомнѣнно, что онѣ воспитывались въ „страхѣ", такъ какъ строгость и розга считались первѣйшими педагогическими средствами. Розгѣ писались панегирики чуть ли не во всѣхъ азбуковникахъ XVII-го вѣка и даже стихами [1]).

Въ скоромъ времени при дочеряхъ ея, въ качествѣ учителя нѣмецкаго языка и гувернера, является заѣзжій нѣмецъ Іоганъ-Христофоръ-Дитрихъ Остерманъ, старшій братъ знаменитаго впослѣдствіи кабинетъ-министра [2]). Но это близкое родство съ человѣкомъ замѣчательнымъ не отразилось на умѣ Іогана-Христофора. Это былъ нѣмецъ бездарный, ни къ чему неспособный [3]). Петръ не употребилъ его къ какому-либо важному дѣлу, и даже Андрей Остерманъ, при всемъ своемъ значеніи, не находилъ возможнымъ дать ходъ Іогану. „Старшій Остерманъ,— такъ отзывались люди, близко его знавшіе,—былъ величайшій глупецъ, что не мѣшало ему, однако, считать себя человѣкомъ съ большими способностями, вслѣдствіе чего онъ всегда говорилъ загадками. Жилъ онъ очень уединенно и не пользовался уваженіемъ" [4]).

Но онъ былъ нѣмецъ, нѣмецъ молчаливый, важный, преис-

[1]) Приводимъ здѣсь для образчика начало одного изъ подобныхъ панегириковъ:

Розгою Духъ святый дѣтище бити велитъ,
Розга убо ниже мало здравію вредитъ,
Розга разумъ во главу дѣтямъ вгоняетъ,
Учитъ молитвѣ и злыхъ всѣхъ встягаетъ;
Розга родителямъ послушны дѣти творитъ,
Розга божественнаго писанія учитъ и пр.

Стихи эти помѣщены цѣликомъ въ любопытной статьѣ Д. Л. Мордовцева: „О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.". См. „Чтенія М. Общ. Ист. и Др. Россійск." 1861 г., кн. 4-ая.

[2]) Генрихъ-Іоганъ-Фридрихъ Остерманъ былъ представленъ царицѣ своимъ братомъ педагогомъ.—„Какъ тебя зовутъ?" спросила Прасковья.—Генрихъ, отвѣчалъ нѣмецъ, сынъ Ивана.—„И такъ, продолжала Прасковья, ты долженъ называться Андреемъ Иванычемъ".

[3]) Russische Günstlinge. Тюбингенъ, 1809 г., стр. 83—85.

[4]) Mémoires du duc de Lihria et de Berwick, écrits par lui-même.

полненный сознаніемъ собственнаго достоинства; нѣмцы были въ ходу, нѣмцы были въ силѣ, нѣмцы считались воспитателями наслѣдника престола, и всего этого было достаточно для Прасковьи, чтобъ вручить воспитаніе дочерей Іогану. Насколько въ немъ было педагогическихъ способностей—Прасковья не могла знать; а Петръ, не успѣвавшій приглядѣть за обученіемъ собственнаго сына, не имѣлъ времени полюбопытствовать о воспитаніи племянницъ. При нихъ былъ нѣмецъ,—мать и дядя, а болѣе всего самъ наставникъ, были спокойны и довольны.

Но кромѣ нѣмца, для полнаго развитія дочерей, необходимъ былъ французъ, и царица позаботилась принанять въ 1703 году француза Стефана Рамбурха.

Рамбурху обѣщано 300 рублевъ въ годъ съ тѣмъ, чтобы онъ всѣхъ трехъ царевенъ „танцу училъ и показывалъ зачало и основаніе языка французскаго". За акуратное вознагражденіе учителя поручился Остерманъ.

Новый наставникъ, какъ видно изъ собственноручныхъ его писемъ, зналъ французскій языкъ довольно плохо, но это не мѣшало ему обучать царевенъ въ теченіе пяти лѣтъ, до 1708 года. „Зачало и основаніе французскаго языка" не привились царевнамъ: ни одна изъ нихъ не овладѣла языкомъ настолько, чтобъ писать, даже и объяснялись на немъ плохо. Что же касается до танцевъ, то къ нимъ онѣ оказались положительно неспособными, въ особенности царевна Прасковья, съ малолѣтства дѣвушка слабая и болѣзненная; живѣе и подвижнѣе была Катерина.

Кто былъ виноватъ въ неуспѣхахъ царевенъ онѣ ли сами, попечительная ли мамаша, или учителя,—неизвѣстно; извѣстно только то, что учителямъ стараться было не изъ чего. Рамбурхъ въ теченіе пяти лѣтъ ни разу не получилъ слѣдуемаго жалованья, не увидѣлъ его и потомъ послѣ „долголѣтнихъ докукъ царицѣ, царевнамъ и государю" [1]).

---

[1]) Его жалобы и челобитныя въ Госуд. Арх. при Мин. Ин. Дѣлъ. Каб., П. пол., книга 65, л. 726; кн. 69, лл. 118 и 119. Стефанъ Рамбурхъ пережилъ съ своими мольбами о выдачѣ ему заслуженнаго, еще въ 1703—1708 гг., жалованья царицу Прасковью, и еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1723 года, т. е. послѣ ея кончины,—билъ челомъ императору Петру:

„Въ прошломъ 1703 г., - писалъ учитель „танцовальнаго искусства и поступи нѣмецкихъ учтивствъ"—зачалъ я, по указу, со всякою прилежностію танцъ учить ихъ высочествамъ государынямъ царевнамъ, племянницамъ вашего

Бѣдному французу было трудно что-нибудь получить отъ бережливой царицы; только одна ревность къ церкви и ея служителямъ вызывали Прасковью на подарки духовенству и церковные вклады. Такимъ образомъ, спальникъ царицы, Юшковъ, лицо близкое, выбранное царевной Софьей, по порученію госпожи, развозилъ дары святителямъ: Димитрію, Ростовскому [1]) митрополиту, Илларіону Суздальскому, епископу Ростовскому Досифею и другимъ.

„Великой государынѣ, благовѣрной царицѣ и великой княгинѣ, Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, вашъ государскій богомолецъ, смиренный Дмитрій, митрополитъ Ростовскій, всесвятаго Бога моля, челомъ бьетъ [2]).

„Во извѣстіе тебѣ, великая государыня, благовѣрная царица и великая княгиня, Параскева Ѳедоровна, доношу, что октября 18 дня отъ вашей государской пресвѣтлости спальникъ Василій Алексѣевичъ Юшковъ въ Ростовѣ вашу государскую милость мнѣ возвѣстилъ, и жалованье: преизрядныя водки въ четырехъ сосудцахъ стеклянныхъ, именуемыхъ бутылкахъ, и капусту красную три кочана объявилъ и вручилъ. Азъ же, смиренный, таковую вашу государскую къ себѣ милость и выше именованное жалованье пріяхъ, благодарственно и смиренно челомъ бью. И кушаю во здравіе, про ваше государское здравіе. И за сіе ваше государское милостивое ко мнѣ, богомольцу вашему, жалованье долженствую азъ о вашемъ государскомъ многолѣтномъ здравіи премилостиваго Господа Бога молити всегда“.

императорскаго величества, которымъ служихъ до 1708 году, и того пять лѣтъ. А за оные мои труды обѣщано мнѣ жалованья по 300 рублевъ на годъ, къ чему представляю во свидѣтели господъ Гуйзена и Остермана, которые тогда ихъ высочествамъ и языкъ нѣмецкой учили. Однакожъ принужденъ послѣ десятилѣтнихъ моихъ докукъ въ Москвѣ домъ мой оставить и пріѣхавъ въ Санктъ Петербургъ, непрестанно просилъ о выдачѣ моихъ денегъ ея величества блаженныя памяти государыни царицы Прасковьи Ѳедоровны, которая изволила ото-дня до дня отлагать, а послѣ смерти ея величества билъ челомъ и ея высочеству государынѣ царевнѣ герцогинѣ Мекленбургской (Екатеринѣ Ивановнѣ), которая не изволила жь мнѣ никакое удовольствованіе учинить“ и проч.

[1]) Древн. Росс. Вивліоф., изданіе 2, т. XVII, стр. 67. Въ запискахъ Димитрія Ростовскаго, между прочимъ, отмѣчено: „20 января 1708 г. въ Ростовѣ была благовѣрная государыня, царица Прасковья Ѳедоровна, а съ ней была Ирина Володиміровна Курбатова съ Имеретинскимъ царевичемъ“ и проч.

[2]) Годъ и число неизвѣстны. Др. Рос. Вивл., т. XVII, стр. 69.

Вообще надо сказать, что царица обмѣнивались письмами со многими представителями именитѣйшаго духовенства; но эти письма ограничивались увѣдомленіемъ о посылкѣ того или другого гостинца и просьбой благословенія и молитвъ. Іерархи за первое благодарили, благословляли—и обѣщали молиться. Впрочемъ попадаются и въ этой корреспонденціи письма довольно интересныя. Такъ, напр., въ 1708 г., царица ходатайствовала у Дмитрія Ростовскаго за одного попа, пособника раскола. Вотъ что отвѣчалъ святитель 9 ноября того же года:

„Изволила ты, государыня, по милости своей милосердствовати о отставномъ вдовомъ попѣ, Давидѣ, села Курбы, дѣлъ его не вѣдая, чтобъ ему прощену быть и на своемъ мѣстѣ жить по-прежнему. И я, богомолецъ вашъ, вашему царскому величеству о томъ попѣ творю извѣстно, что тотъ попъ, уже тому назадъ прошло годовъ два, какъ онъ отъ Курбовской церкви отставленъ, а священства не отлученъ, аще и достоинъ былъ отлученія, и велѣно ему постричься, въ коемъ себѣ изберетъ монастырѣ, понеже грамота государская у насъ есть, чтобъ вдовыхъ поповъ постригать; и по той грамотѣ пострищися ему велѣли. А на его мѣсто того жъ часа поставихомъ попа иного, иже и до нынѣ тамо священодѣйствуетъ безъ порока. А вдовый попъ отставленъ по правиламъ за его неистовство и раскольническое противленіе церкви нашей православной, и за хуленіе книгъ новоисправныхъ, и развращеніе людей простыхъ въ прелесть раскольническую, и за лживыя его чудеса, и хуленіе на чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Тольской, о чемъ все подробно розыскивали. Былъ въ то время въ Ярославлѣ боляринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, и былъ при немъ тотъ розыскъ; самъ розыскивалъ, и обрѣлася того попа во всемъ винность; и велѣлъ боляринъ не держать таковаго развратника, и святотатца, и хульника. Судивше убо, отставихомъ его отъ церкви; обаче милосердствуя о немъ, аще и мнѣ много было отъ него досады: предъ многими бо люди хуля мое смиренное имя, нарицалъ меня еретикомъ, и римляниномъ, и невѣрнымъ, и многими браньми лаятельствуя, обаче все то ему прощая Христа ради моего: иже укоряемый противу неукоряше, и стражда не прещаше. Взирая на незлобіе Спаса моего, тому попу простихъ и священство не запретихъ, и далъ ему волю из-

брати себѣ гдѣ мѣсто въ монастырѣ, въ коемъ либо пострищися. А нынѣ, государыня, когда его паки на прежнее мѣсто въ село Курбу пустить, то гдѣ сего, который нынѣ тамо служитъ попъ, опредѣлить? Какъ его отставить безвинно? Однако утѣшити виноватаго, а неповиннаго плакать заставить праведно ли будетъ? А къ тому и гнѣва Божія на себѣ боюся, егда волка, въ одеждѣ овчей суща, пущу въ стадо Христово погубляти души людскія раскольническими ученьми. Еще же и государева гнѣва опасаюся, аще грамотѣ его, государевой, вдовыхъ поповъ постригать повелѣвающей, ослушенъ буду. Молю убо, ваше царское благородіе, не положите гнѣва на мя, богомольца своего, что не могу содѣлати вещи невозможной. Азъ же, грѣшный, на того попа гнѣва не держу и не ищу его, и запрещенія ему отъ меня нѣтъ; а принужденія къ иночеству нѣтъ же, какъ онъ себѣ хочетъ. Овца, не слушающая пастыря, волку корысть, а я чистъ отъ погибели его. Вашему же царскому величеству низко кланяюся" [1]).

Весьма вѣроятно, что царица ходатайствовала за этого человѣка подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ покровителей раскола. Извѣстно, что двоюродный дѣдъ ея, бояринъ Салтыковъ, монахъ Сергій (ум. 1655 г.), былъ ярый расколоучитель и оставилъ учениковъ [2]). Дворецкій и служитель этого боярина, Исаія, былъ поборникъ раскола, совращалъ многихъ, былъ любимецъ и полновластный распорядитель имѣній господина. По словамъ своихъ поклонниковъ: Исаія „за множество разума и за доброе ревности дворомъ всѣмъ не только былъ любимецъ и присный совѣтникъ господина, но и самому царскому величеству за благоразуміе познаваемъ бяше..."

Не менѣе глубокое уваженіе питала Прасковья къ Іову, митрополиту Новгородскому: „Всеблаженнѣйшій и всепреподобнѣйшій архипастырь, писала къ нему царица, въ Дусѣ же святѣмъ любезнѣйшій нашъ отецъ и сладчайшій учитель, преосвященнѣйшій-киръ-Іовъ митрополитъ великаго Новаграда и Великихъ Лукъ. Желаніе души моея, да всемогущая и вседержавная

[1]) Др. Росс. Вивл. 1791, томъ XVII. Дневныя записки св. Дмитрія, митрополита Ростовскаго, стр. 66—68. М. 1791 г.

[2]) Онъ былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ заводчиковъ раскола. „Сиглитикъ царя Алексѣя (такъ повѣствуетъ исторіографъ раскола Денисовъ) Салтыковъ столько былъ смѣлъ, что даже въ присутствіи самого царя торжественно защищалъ двуперстный крестъ".

тріипостасная благость Божія сохранитъ ваше преосвященство благополучно, мирно, здраво, душеспасительно и многолѣтно!

„При семъ возвѣствую вашему архипастырству, по обѣщанію моему: послала я вашей святынѣ съ Аарономъ епископомъ Корельскимъ 100 рублевъ денегъ на строеніе пятибратскаго Созопенскаго (Соколенскаго) монастыря; благоволи принять, во удобное строеніе того монастыря, по твоему разсмотрѣнію, то наше подаяніе истощити, а о умедленіи сея присылки не позазри, понеже вѣстно вашему преосвященству, что уже не нынѣ и не только, но сугубо обѣщала дати, а умедлила, надежду имѣя на вицъ-губернатора Корсакова [1]) и объ отдачѣ къ нему и писано, но онъ сего не учинилъ, не вѣдую для чего; а сугубое достальное толикое жъ число желаю прислати или съ собою привезу, аще Богъ изволитъ и жива буду въ грядущее лѣто.

„Прошу вашего преосвященства, да не оставлена буду азъ и дщери мои въ вашихъ архипастырскихъ святыхъ молитвахъ.

„Еще прошу, надѣяся на вашу архипастырскую духовную любовь: пожалуй, батюшка, не прогнѣвайся на Аарона епископа за укосненіе ѣзды его изъ Москвы;—истинно неоднократно мы его удерживали; но онъ аще и немало печаленъ былъ о разлученіи вашего архипастырства, но исполняя наше повелѣніе, не дерзнулъ чрезъ наше слово отъѣхать. Паки просимъ, по своему благому состоянію, отпусти ему сей долгъ. Многогрѣшная, припадая къ стопамъ твоимъ святительскимъ, о молитвахъ прошу. Царица Прасковья. Изъ Измайлова, 14 февраля 1714 г.“ [2]).

Одно ужъ это письмо показываетъ, въ какихъ близкихъ и дружественныхъ сношеніяхъ находилась Прасковья съ представителями именитаго духовенства.

Пересылалась она съ ними письмами, посылала подарки, ходатайствовала о епископахъ, попахъ да діаконахъ, наконецъ ѣздила къ нимъ сама на поклонъ—молить о благословеніи, да внимать ихъ вѣщему слову.

---

[1]) Въ спискѣ, напечатанн. въ изд. „Чтенія М. Об. Истор.“: „на видъ губернатора Корыхова“.

[2]) Этотъ документъ сообщенъ намъ въ 1859 г. М. П. Погодинымъ и нѣсколько рознится, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ, съ текстомъ того же письма, напечатаннымъ по другому списку въ «Чтеніяхъ Москов. Общ. исторіи и древн. россійскихъ» 1860 г., кн. III, смѣсь, стр. 128—129.

Между прочимъ царица зачастую посѣщала уважаемаго ею митрополита Илларіона Суздальскаго; ѣздила къ нему, въ сопровожденіи своихъ дочерей, съ дарами и поклономъ, въ Спасо-кукоцкую и Золотиловскую обители. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ царица долго бесѣдовала съ уважаемымъ старцемъ, обнаруживала безпокойство о будущей участи своихъ царевенъ и просила за нихъ молиться.

Въ отвѣтъ на это преосвященный, въ прозорливость и даръ пророчества котораго вѣрила паства, вѣрила и Прасковья, предсказалъ царевнѣ Аннѣ высокую участь: престолъ и корону.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Прасковья, съ малолѣтства обыкшая видѣть, среди даже родственниковъ, фанатиковъ, зачастую прибѣгавшихъ къ чудесамъ и чародѣйству для распространенія своего ученія, невольно сохраняла слѣпую вѣру въ предсказанія и во все чудесное. Въ низенькихъ покояхъ ея обширнаго дома, въ толпѣ челядинцевъ, особливо первое время, по словамъ Татищева, нами уже приведеннымъ выше, не только были терпимы ханжи, пустосвяты и всякіе уроды физическіе и нравственные, но нѣкоторые изъ нихъ почитались чуть-чуть не за святыхъ; въ обычномъ штатѣ благовѣрной государыни были гадальщицы и пророки. Въ послѣднемъ званіи, какъ мы уже упомянули выше, состоялъ между прочими отставной подъячій Архипъ Тимоѳеичъ; у него цѣловали руки, просили благословенія, ждали вѣщаго слова и каждому безсмысленному изреченію придавали какое-то таинственное, во всякомъ случаѣ священное значеніе. При посѣщеніяхъ Петра, мнимыхъ пророковъ убирали въ дальніе чуланы: но всѣхъ скрыть было нельзя, и они давали поводъ монарху къ частымъ насмѣшкамъ. „Дворъ моей невѣстки, говаривалъ Петръ, госпиталь уродовъ, ханжей и пустосвятовъ“.

Но царица умѣла ему угодить въ другомъ, была къ нему предупредительна, во многомъ дѣлала уступки, и Петръ снисходилъ къ ея предразсудкамъ. Въ глазахъ Петра невѣстка его имѣла уже ту заслугу, что держалась вдали отъ его крамольныхъ сестеръ и опостылой жены и была на его сторонѣ, была близка къ его родной и всегда любимой сестрѣ, добродушной и веселонравной царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

Въ декабрѣ 1702 г. царь Петръ праздновалъ въ Москвѣ

торжество побѣдъ Шереметева надъ шведами; празднество, между прочимъ, ознаменовалось церемоніальнымъ входомъ войскъ съ царемъ во главѣ и въ сопровожденіи плѣнныхъ шведовъ. Изъ оконъ одного частнаго дома любовалась на торжество царица Прасковья Ѳедоровна съ царевной Натальей Алексѣевной, со множествомъ русскихъ и иностранныхъ господъ.

На праздникахъ царь Петръ приказалъ знатнѣйшимъ русскимъ господамъ и госпожамъ, въ числѣ 300 человѣкъ, явиться въ Измайлово въ 9 часовъ утра. Тоже предписано было иностраннымъ посламъ, нѣкоторымъ купцамъ и женамъ ихъ, такъ что всего набралось до 500 челов. Каждому предложено было поднести царицѣ Прасковьѣ праздничный подарокъ, въ видѣ серебряной или золотой вещицы. Подарки записывались въ особую книгу, съ обозначеніемъ имени даривнаго; затѣмъ ихъ отдавали одной изъ царевенъ, которая при этомъ позволяла цѣловать свою руку. Бо́льшая часть гостей послѣ этого разъѣхалась по домамъ, остальныхъ пригласили къ обѣду, послѣ котораго была пляска до полуночи [1]).

Прасковья Ѳедоровна отблагодарила царя тѣмъ, что отрѣшившись отъ старыхъ обычаевъ, вмѣстѣ съ тремя дочерьми и царевной Натальей Алексѣевной являлась въ Нѣмецкую слободу и, между прочимъ, была на свадьбѣ одного изъ приближенныхъ Петра. Свадьба праздновалась въ домѣ Лефорта. Это было большое каменное зданіе въ итальянскомъ вкусѣ, въ которое входили по лѣстницѣ съ правой и лѣвой стороны. Здѣсь были, по тому времени, великолѣпныя комнаты и большая зала съ богатыми обоями; для вящаго украшенія въ залѣ разставлено было множество серебряныхъ и вызолоченыхъ сосудовъ, взятыхъ изъ казны. Свадьба праздновалась два дня сряду, такъ что часть гостей, которыхъ было до 500 чел., осталась ночевать въ Нѣмецкой слободѣ въ домахъ, назначенныхъ царемъ, чтобы на другое утро явиться во время на пиръ.

Первый день прошелъ довольно чинно, мужчины и женщины сидѣли особо. Родная сестра Прасковьи, Настасья Ѳедоровна, въ качествѣ супруги князя-кесаря Ромодановскаго, которому,

---

[1]) Путешествіе чрезъ Московію Корнелія де-Бруина въ 1702—1703 гг. „Чтенія Москов. Общ. Исторіи и древности Россійск.“, издан. 1872 г., кн. II, стр. 108, 52—53.

по приказу царя, воздавались царскія почести, изображала изъ себя царицу и съ комическою важностью возсѣдала одна, на возвышенномъ мѣстѣ за рѣшеткою. Въ послѣдній день гости обоего пола пировали вмѣстѣ и бо́льшая часть дамъ, въ томъ числѣ племянницы царя, явились въ нѣмецкихъ платьяхъ. Послѣ пира были устроены танцы.

Покончивъ съ необычными увеселеніями, Прасковья Ѳедоровна вернулась въ Измайлово. Тамъ засталъ ее иностранный живописецъ Де-Бруинъ, которому Петръ поручилъ написать портреты трехъ племянницъ.

Де-Бруину царица Прасковья показалась моложе своихъ лѣтъ. По его словамъ, она была тогда, въ 1703 г., довольно дородна, но имѣла стройный станъ и ее почти можно было назвать красивою. Особенно очарованъ былъ живописецъ обращеніемъ царицы: и она, и дочери не разъ сами подносили вино; за обѣдомъ ему подавалась рыба, не смотря на великій постъ. Портреты, на которыхъ царевны были изображены въ нѣмецкихъ платьяхъ, очень понравились царицѣ; она подарила живописцу кошелекъ съ золотомъ и просила нарисовать для нея вторично портреты ея дочерей, такъ какъ первые были сданы Меншикову, по приказу царя.

Такимъ образомъ Де-Бруинъ довольно часто бывалъ въ Измайловѣ и однажды пріѣхалъ туда въ такое время, когда тамъ справлялось новоселье въ деревянной пристройкѣ для царевенъ. Ждали и царское семейство. Въ первой комнатѣ, по случаю новоселья, полъ былъ устланъ сѣномъ; направо стоялъ огромный столъ, уставленный большими и малыми хлѣбами, принесенными по случаю справляемаго торжества; на нѣкоторыхъ были щепотки соли, на другихъ — серебряныя солонки. Стѣны комнаты вверху надъ окошками и дверьми были украшены семьнадцатью иконами. Братъ царицы, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, съ священниками и вельможами, находился въ концѣ комнаты, гдѣ служили молебенъ; царица, со множествомъ дамъ, во время службы, стояла въ третьей комнатѣ.

Изъ угожденія государю рѣшилась царица Прасковья промѣнять свое привольное Измайлово [1]) на неизвѣстный и едва ли

[1]) Кстати замѣтить, что Прасковья была очень встревожена 25 февраля 1700 года: „Часу въ третьемъ случился пожаръ, загорѣлись ея хоромы, — по-

любезный для нея Петербургъ. Она не могла не знать тѣхъ неудобствъ и лишеній, съ которыми неминуемо сопряжена была столь дальняя поѣздка по скверпѣйшей дорогѣ въ страну болотную, полудикую, бѣдную, въ конецъ опустошенную продолжительной войной; но толковая женщина не могла не видѣть, что городокъ, возникающій изъ этихъ болотъ, есть любимое созданье Петра, и она долгомъ считала выполнить указы, неоднократно повелѣвавшіе именитымъ москвичамъ переселяться на берега Невы.

24-го августа 1706 года происходило погребеніе любимой тетки государя, царевны Татьяны Михайловны; между прочими членами царскаго семейства шла Прасковья съ старшею дочерью Катериной; вся процессія была въ „печальномъ, смирномъ платьѣ, со свѣщами“ [1]).

Послѣ печальной церемоніи, сборы въ дорогу усилились; но они не могли быть скоро конченными, такъ какъ все почти царское семейство разомъ подымалось на переселеніе [2]). Только 22 марта 1708 года безконечныя вереницы колымагъ, повозокъ и подводъ съ царицами, царевнами, боярами и боярынями, съ громадной прислугой и обозами съ вещами, потянулись въ Петербургъ, по дорогѣ, едва проложенной.

При всѣхъ неудобствахъ дальней поѣздки, она не могла быть особенно скучна ни для царицы, ни для царевенъ; они ѣхали въ большой компаніи; тутъ была царица Марѳа Матвѣевна, вдова царя Ѳедора, сестры Петра: царевны Наталья, Марья и Ѳедосья; князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ и множество именитѣйшихъ сановниковъ.

Конецъ путешествія совершенъ былъ водою изъ угожденія царю, страстному любителю путешествій водою.

20 апрѣля 1708 г., въ Шлиссельбургѣ, безконечная флотилія встрѣчена была державнымъ хозяиномъ. „Я пріучаю мою семью къ

жаръ съ нуждой удержанъ“. Письмо О. А. Головина къ Петру I. Госуд. Арх. Собраніе писемъ Петра Великаго.

[1]) Чинъ погребенія цар. Татьяны Михайловны въ Др. Росс. Вифліоѳикѣ, изд. 1, ч. IV, стр. 352—367.

[2]) 1708 года марта—въ день, по указу государеву, была на постельномъ крыльцѣ сказка: велѣно ѣхать царедворцамъ по домамъ съ Москвы, а первой статьѣ велѣно быть на Москвѣ. Марта въ 22 день съ Москвы изволили пойтить въ Петербургъ царевны, также и бояре съ женами. Желябужскій, изд. 1840 г., стр. 240—241.

водѣ,—говорилъ царь Петръ Апраксину,—чтобъ не боялись впредь моря, и чтобъ поправилось имъ положеніе Петербурга, окруженнаго водой. Кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на водѣ".

Въ Шлиссельбургѣ, вслѣдствіе дурной погоды и льда, шедшаго изъ Ладожскаго озера, государь пробылъ съ гостями пять дней [1]), показывая имъ все достойное вниманія и заботясь объ устройствѣ торжественной встрѣчи. Флотилія съ царицами и царевнами, вновь встрѣченная государемъ, приплыла къ столицѣ 25 апрѣля 1708 г. Дорогія гостьи приглашены были въ губернаторскія старыя хоромы, бывшія при въѣздѣ въ городъ. Лишь только пріѣзжіе стали подыматься изъ буеровъ, въ городѣ грянулъ залпъ, другой, третій, загремѣла пальба: то Петербургъ ликовалъ, принимая царственное семейство. Въ губернаторскомъ домѣ загорѣлся пиръ горой; веселились довольно, и только заполночь разъѣхались по домамъ пьяные гости и гостьи. Царица съ дочерьми осталась ночевать въ губернаторскомъ домѣ.

Путешественницы, утомленныя дорогой и пиромъ, крѣпко и долго спали. Въ десятомъ часу утра ихъ разбудилъ крикъ: „пожаръ, пожаръ"! Губернаторскій домъ, довольно ветхій и деревянной постройки, былъ охваченъ пламенемъ. Всѣ бывшіе въ домѣ спаслись; но большая половина верхняго жилья сгорѣла со многими вещами и пожитками [2]).

Государь поспѣшилъ познакомить гостей съ своимъ обширнымъ хозяйствомъ; онъ водилъ и возилъ ихъ по городу, обращалъ вниманіе на всѣ постройки, на новыя и проектированныя улицы, площади, каналы. Отрекомендовавъ столицу, Петръ плавалъ съ гостями въ Кроншлодтъ; наконецъ изъявилъ желаніе, чтобъ они проводили его въ Нарву, откуда онъ долженъ былъ ѣхать для военныхъ операцій въ Смоленскъ. Царская фамилія выѣхала 25 іюня 1708 г., монархъ знакомилъ ихъ съ мѣстностью (отраднаго въ ней было мало); хвалился новосозданными крѣпостцами, Копорьемъ да Ямбургомъ; въ Нарвѣ отпраздновали пріѣзжіе день ангела государя. Молебны, пушечная пальба, огненныя потѣхи—все было, какъ слѣдуетъ. На другой день государь по-

---

[1]) „Русск. Арх." 1875 г., кн. III, стр. 60.

[2]) Журналъ 1708 г. Достопам. повѣтствов. о Петрѣ I Нартова (Москвит. 1842 г., ч. VI, № 11). Журналъ Петра I, изд. 1770 г., ч. I-я, стр. 150, 151, 154.

ѣхалъ далѣе, а царицы и царевны вернулись въ Петербургъ, въ то время не укрѣпленный еще за нами полтавскимъ боемъ.

Прасковьѣ съ дочерьми отведенъ былъ домъ въ полную ея собственность, едва ли не ея же людьми выстроенный на Петербургской сторонѣ, недалеко отъ крѣпости, вверхъ по Невѣ, близь Петровскаго домика. На этомъ берегу жилъ государь; недалеко былъ деревянный домъ князя Меншикова, съ виду похожій на церковь, мазанковые дома канцлера Г. И. Головкина, вице-канцлера Остермана, барона Шафирова и другихъ знатныхъ лицъ русскихъ и иноземцевъ [1]).

Петербургъ представилъ новопріѣзжимъ непривлекательное, но весьма любопытное и оригинальное зрѣлище. На обоихъ берегахъ красавицы-Невы ежедневно выростали изъ болотъ деревянные, мазанковые, а мало-по-малу и каменные домики; вытягивались амбары, госпитали; разбивались лавочки, образовывались гостинные дворики, возникала торговля. На одномъ изъ подобныхъ дворовъ, на мѣстѣ нынѣшней Троицкой площади, царица и ея дочери могли видѣть самыя разнохарактерныя и разноязычныя толпы народа. Предъ окнами ея дома текла роскошная Нева, покрытая сотнями струговъ изъ Ладоги, Новгорода и другихъ городовъ, съ товарами и съѣстными припасами.

Если быстро возникали домики да лавки, то частенько и исчезали они въ пожарахъ. Такъ, напр., въ 1710 году Прасковья была свидѣтельницею сильнаго пожара, до тла уничтожившаго сосѣдній гостиный дворъ. Пожаръ не обошелся безъ грабежа, вслѣдствіе чего пепелище скоро украсилось четырьмя висѣлицами. На нихъ, по жребію, изъ 12-ти человѣкъ осужденныхъ вздернули четверыхъ.

Невеселое и недешевое житье было въ Петербургѣ, особливо первые годы по переселеніи. Городъ и его жалкія окрестности были опустошаемы пожарами, моровою язвою, наконецъ голодомъ, такъ какъ за неустройствомъ путей сообщенія подвозъ провіанта былъ крайне затруднителенъ и цѣны на все стояли непомѣрныя. Волки забѣгали въ дома, скотъ падалъ, люди, опухшіе отъ голода и холода, мерли до такой степени, что въ го-

---

[1]) „Описаніе С.-Петербурга въ 1710—1711 г“. Спб. 1860 г., стр. 15—17, 56—58, перепечатано въ „Русской Старинѣ“, изд. 1882 г., томъ XXXVI, стр. 33—60, 293—312.

родскихъ домахъ, да въ избахъ окрестныхъ деревень оставалось въ живыхъ не болѣе двухъ-трехъ душъ.

Прасковьѣ не легко было содержать большую дворню трудно подвозимыми припасами; пожары да наводненія пугали ее не мало, и нѣтъ сомнѣнія, воспоминаніе о дорогомъ Измайловѣ не разъ отравляло для нея петербургскія удовольствія. Тѣмъ не менѣе должно было покоряться необходимости: царица находилась въ прямой зависимости отъ государя; ей дорога была его милость—и тѣмъ дороже, что надо было пристраивать подроставшихъ дочерей.

Судьбу своихъ царевенъ Прасковья благоразумно предоставила Петру, а тотъ распоряжался племянницами сообразно съ планами своей политики. Желанія и нежеланія царевенъ не могли входить въ разсчетъ ни матушки, ни дядюшки: первая взросла въ сознаніи необходимости невольнаго брака, а послѣдній хотя и освободилъ царевенъ отъ теремнаго заточенья, но настолько, чтобъ онѣ не выходили изъ-подъ его власти и предоставляли ему распоряжаться ихъ жизнью.

III.

Царевна и герцогиня Анна Ивановна.

«...Государыня моя тетушка... содержи въ своеі неотменаі милости: еі, еі, у меня краме тебя, светъ моі, нетъ никакоі надежды!... (матушка моя, царица Прасковья) гневна на меня; і мне, светъ моі, печална, што насъ мутятъ.... і ни чемъ не могу радованца; толка радуюсь, матушка моя, твоею милостью къ себе.... Попроси, светъ моі, милости у дарагова Государя нашева, батюшка дядюшка, оба мне, штобъ показалъ милость; мое супружественнае дела ко окончанию привесть, дабы я болше въ сокрушении і терпени отъ моіхъ зладеевъ ссораю къ матушке не была... неспозна, какъ нами ругаютца! Если бы я таперь была при матушки, чаю бы чуть была жива отъ іхъ смутакъ.. «...Еі, еі, матушка, моя дарагая тетушка, краме Бога і дядюшки, і тебя, светъ моі, не імею на свете радости въ моіхъ печалехъ..»

Анна къ царицѣ Екатеринѣ, 4 іюля 1719 и 26 февр. 1720 г.

Первый женихъ съискался для царевны Анны Ивановны въ лицѣ молодого герцога Курляндскаго Фридриха-Вильгельма, племянника короля Прусскаго.

Объ этомъ бракѣ говорено было еще въ октябрѣ 1709 г. на свиданіи Петра съ королемъ Прусскимъ въ Маріенвердерѣ. Дѣло было тутъ же улажено, оставалось герцогу посвататься. Дорожа могучимъ сосѣдомъ, герцогъ не заставилъ себя долго ждать, и въ іюлѣ 1710 г. его уполномоченные заключили супружескій договоръ. Послѣ ратификаціи договора герцогъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ столицу, куда и прибылъ въ сопровожденіи фельдмаршала Шереметева въ августѣ 1710 г. [1]).

[1]) Переговоры о бракѣ шли съ 1709 г. Герцогъ писалъ Петру письма, благодарилъ царя за его милости и умолялъ вывести русскія войска изъ Кур-

Государь принялъ его съ необыкновеннымъ радушіемъ; царевна Анна, по убѣжденію матери, написала къ нему любезное письмецо на нѣмецкомъ языкѣ, чѣмъ заявляла успѣхи своего обученья у Остермана-старшаго; наконецъ Прасковья Ѳедоровна угостила на славу дорогого гостя. Женихъ довольно близко сошелся съ членами царскаго семейства; вмѣстѣ съ ними принималъ онъ участіе во всѣхъ пирахъ, церемоніяхъ и празднествахъ. Въ сентябрѣ въ честь герцога произведены были всѣмъ флотомъ маневры. Государь развлекалъ Фридриха то фейерверками, то пальбой, то катаньемъ въ обществѣ дамъ, то гулянками въ средѣ дорогихъ собутыльниковъ. Между ними герцогъ явилъ несомнѣнный талантъ — пилъ до невозможности; чуть не заливался онъ русскимъ пѣнникомъ, а 10 декабря 1710 г. едва не погибъ,

---

ляндіи. „Ваше Величество, писалъ герцогъ, возъимѣли надъ мною милость меня сыномъ своимъ воспріяти; того ради ублажаюся вашею отеческою милостивою опекою о благосостояніи моемъ, во всемъ, а особливо въ томъ, что благодумное любочестіе возъимѣете очищеніемъ скоро послѣдующимъ моихъ предѣловъ и правъ, которые по неповоротному моему убытку отъ короны Свейскія, по сіе число удержано было меня впослѣди обрадовати..."

Между женихомъ и невѣстой также шелъ обмѣнъ писемъ. Царевна Анна писала герцогу: „Изъ любезнѣйшаго письма вашего высочества, отправленнаго 11-го іюля (нов. ст.), я съ особеннымъ удовольствіемъ узнала объ имѣющемся быть, по волѣ Всевышняго и ихъ царскихъ величествъ, моихъ милостивѣйшихъ родственниковъ, бракѣ нашемъ. При семъ не могу не удостовѣрить ваше высочество, что ничто не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ услышать ваше объясненіе въ любви ко мнѣ. Съ своей стороны увѣряю ваше высочество совершенно въ тѣхъ чувствахъ, что при первомъ сердечно желаемомъ, съ Божьею помощью счастливомъ личномъ свиданіи предоставляю себѣ повторить лично, оставаясь между тѣмъ, свѣтлѣйшій герцогъ, вашего высочества покорнѣйшею услужницею" [1]).

Въ такомъ же тонѣ и, разумѣется, на нѣмецкомъ языкѣ писано герцогу отъ имени царицы Прасковьи и князя Меншикова.

10-го іюля 1710 г. былъ заключенъ брачный договоръ, по которому сверхъ одежды, данной въ приданое, клейнодъ и пр., царевнѣ назначено 200,000 р. деньгами. Изъ этой суммы 160,000 шли герцогу заимообразно на выкупъ заложенныхъ его имѣній, которыя служили герцогинѣ вмѣсто заклада. Она и ея служители могли свободно справлять богослуженіе и для того „будетъ одна церковь по греческому украшенію устроена". Дѣти мужескаго пола должны были воспитываться въ „евангелической лютеранской вѣрѣ", а дочери — въ греческой. Если бы герцогъ умеръ безъ наслѣдниковъ, то вдова имѣла получить достойное вдовское жилище и замокъ и по 40,000 р. на годъ, на пропитаніе.

---

[1]) Выписки изъ дѣлъ Госуд. Архива при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ.— Büsching's Magasin, томъ IV.

но не отъ нѣшника, а отъ невской воды: въ ночь, при сильномъ морскомъ вѣтрѣ, поднялась страшная буря; вода выступила изъ береговъ, и между прочими строеніями едва не унесла тотъ домъ, гдѣ мирно почивалъ женихъ изъ Курляндіи [1]).

Мы не имѣемъ вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ, по которымъ могли бы объяснить, почему выборъ герцога упалъ не на пухлую, бойкую, румяную царевну Катерину, а на смуглую, угрюмую и рябоватую Анну. Позволяемъ себѣ только догадываться, на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, что со стороны герцога выборъ не былъ произволенъ. Въ герцогѣ не было ничего такого, что могло бы вызвать большую симпатію Прасковьи. Царевна Катерина была любимицею матери, снискала особенное расположеніе дяди,—и вотъ царица и царь рѣшились обождать для нея новаго и, можетъ быть, болѣе удачнаго жениха.

Впрочемъ и настоящая свадьба послужила достаточнымъ предлогомъ для нескончаемаго ряда празднествъ и денныхъ, и ночныхъ, и на землѣ, и на водѣ. По свидѣтельству современника, „невѣроятное“ число пороха растрачено было при этомъ, такъ какъ каждый тостъ,—а имъ не было числа,—сопровождался 11-ю пушечными выстрѣлами.

Свадьба назначена была 31 октября 1710 г. За нѣсколько дней о ней оповѣстили съ большими церемоніями. Въ день свадьбы, въ девять часовъ утра, самъ государь, въ качествѣ оберъ-маршала, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ кавалеровъ, на шлюпкахъ отправился къ Прасковьѣ. Впереди гремѣлъ хоръ нѣмецкихъ музыкантовъ; на средней баржѣ красовался царь—въ аломъ кафтанѣ, съ собольими отворотами, серебряной шпагой на серебряной портупеѣ и орденомъ св. Андрея на голубой лентѣ. На головѣ вмѣсто шляпы былъ напудренный парикъ, а въ рукѣ большой маршальскій жезлъ, у котораго на пестрыхъ лентахъ висѣла кисть, украшенная золотомъ и серебромъ.

А между тѣмъ въ домѣ царицы все уже было готово: невѣсту окружали мать, сестры, царевны-тетки и знатнѣйшія русскія дамы, всѣ въ нарядныхъ нѣмецкихъ платьяхъ.

По прибытіи государя, послѣ обычныхъ церемоній, присутствовавшіе особой процессіей отправились къ шлюпкамъ, гдѣ и

---

[1]) О наводненіи см. Журналъ 1710 г.

размѣстились по церемоніалу. Здѣсь дамы оставались, пока расторопный оберъ-маршалъ не привелъ къ шлюпкамъ жениха и его свиту. Всѣ усѣлись. Музыка гремѣла по прежнему, и флотилія изъ 50-ти разукрашенныхъ судовъ поплыла внизъ по рѣкѣ къ палатамъ князя Меншикова.

И плыла флотилія, и шли высадившіяся лица на берегу не иначе, какъ по особому установленному церемоніалу. Невѣста была въ бѣлой бархатной робѣ, съ золотыми городками и длинной мантіей изъ краснаго бархата, подбитой горностаемъ; на головѣ красовалась богатая королевская корона. Герцогъ былъ въ бѣломъ, затканномъ золотомъ кафтанѣ.

При входѣ во дворъ дома, рота Преображенцевъ отдала честь при звукахъ музыки. Обрядъ вѣнчанія совершонъ былъ архимандритомъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ въ полотняной походной церкви, поставленной въ хоромахъ Меншикова. Архимандритъ объяснилъ по-латыни жениху сущность обряда, но при совершеніи его нашелъ нужнымъ опустить нѣкоторыя церемоніи.

Послѣ вѣнчанія всѣ отправились обѣдать. Столы были накрыты въ двухъ великолѣпно-убранныхъ залахъ. Въ первой залѣ, гдѣ нынѣ церковь Павловскаго военнаго училища, за свадебнымъ столомъ сидѣли новобрачные подъ лавровыми вѣнками: напротивъ сидѣли сестры невѣсты, мать-царица, сестры царя и нѣсколько дамъ; остальные гости—а ихъ было не мало—размѣстились также по чинамъ да разрядамъ, и пиръ, искусно управляемый неутомимымъ оберъ-маршаломъ, пошелъ обычной чередой. Царь былъ очень веселъ; тостъ смѣнялся тостомъ, и каждый разъ заздравное питье было сигналомъ залпа изъ 41 пушки, размѣщенныхъ на плацу (нынѣ плацъ Павловскаго военнаго училища) и на яхтѣ „Лизетѣ", которая красовалась на Невѣ.

Обѣдъ смѣнился танцами; открылся балъ во вкусѣ того времени, съ трубками, пивомъ, водкой, штрафными кубками, которые, придавая развязность гостямъ, заставляли ихъ смѣлѣй да смѣлѣй выдѣлывать всѣ антраша нѣмецкихъ да французскихъ танцевъ.

Дамы и кавалеры были неутомимы; только въ третьемъ часу по полуночи прекратился балъ. Новобрачные сѣли за столъ, уставленный конфектами и винами; послѣ чего царица Прасковья отвела Анну въ спальню, куда вскорѣ самъ государь проводилъ молодого.

На другой день — другой пиръ. Передъ обѣдомъ государь сорвалъ вѣнокъ, висѣвшій надъ герцогомъ; послѣдній долженъ былъ сдѣлать тоже самое съ вѣнкомъ молодой, но никакъ не могъ сладить: руки ли отказывались ему служить послѣ тостовъ, или вѣнокъ въ самомъ дѣлѣ былъ крѣпко связанъ, — какъ бы то ни было, но герцогъ нашелъ нужнымъ разрѣзать его ножомъ.

При украшеніи столовъ Петръ явилъ обычный ему юморъ: такъ на главныхъ столахъ возвышались два громаднѣйшіе пирога, четвертей въ пять. Когда прочее кушанье было снято, государь вскрылъ пироги, и ко всеобщему восторгу и изумленію изъ нихъ выскочили двѣ разряженныя карлицы. Петръ отнесъ ихъ на свадебный столъ, и здѣсь, по его приказу, карлицы исполнили минуэтъ. Между тѣмъ, тосты продолжались, пальба гремѣла чаще и чаще; затѣмъ начались танцы; а съ наступленіемъ вечера сожженъ былъ на Невѣ фейерверкъ съ разными аллегорическими фигурами. Огненной потѣхой распоряжался самъ Петръ, на этотъ разъ, впрочемъ, не совсѣмъ удачно: онъ едва не поплатился за неосторожное обращеніе съ огнемъ.

По домамъ разъѣхались ранѣе вчерашняго, и герцогъ съ молодой опочили не въ палатахъ Меншикова, а въ своемъ домѣ.

2 ноября 1710 года пасторъ герцога благословилъ бракъ проповѣдью, а въ слѣдующее воскресенье молодой угостилъ пиромъ оберъ-маршала, маршаловъ, родню жены и всѣхъ именитыхъ лицъ [1]).

Но этимъ не кончились пиры да забавы, вызванные свадьбою царской племянницы. Государь хотѣлъ до-сыта распотѣшить герцога Курляндскаго съ его свитой, да потѣшиться и самому съ приближенными.

Потѣхою послужила устроенная царемъ публичная свадьба карлика Екима Волкова. На эту свадьбу свезли изъ Москвы и другихъ мѣстъ, за нѣсколько сотъ верстъ, 72 карлы и карлицы, отобрали ихъ отъ дворовъ и дворниковъ царицы Прасковьи, царевенъ, бояръ и боярынь, которыя, вслѣдъ за высочайшимъ

[1]) Журналъ 1710 г. Подробности брачной церемоніи Анны Ивановны см. въ современномъ и правдивомъ описаніи С.-Петербурга. Описаніе это, относящееся къ 1710—1711 годамъ, напечатано въ Лейпцигѣ въ 1713 г.; издано въ русскомъ переводѣ Императорскою Публичною Библіотекою: „Описаніе Спб. и Кронштота въ 1710—1711 гг., переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями. Спб. 1860 г.“ Второе изданіе „Описанія“ см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXVI.

дворомъ, имѣли обыкновеніе держать шутихъ, дураковъ, дуръ, карловъ и карлицъ.

14 ноября 1710 года, при всемъ царскомъ семействѣ и большомъ стеченіи публики, въ крѣпостной церкви совершено было бракосочетаніе карлы и карлицы. Всѣ мелкіе обряды, весь порядокъ процессіи до вѣнца, самое вѣнчаніе и послѣ него всѣ чины свадебные были исполнены надлежащимъ образомъ.

Въ церкви женихъ на вопросъ священника: хочетъ-ли онъ жениться на своей невѣстѣ? громко отвѣчалъ: „На ней и ни на какой другой". Невѣста на вопросъ: хочетъ-ли она выйдти за своего жениха и не обѣщала-ли уже руки другому? отвѣчала: „Вотъ была бы штука!" Ея „да" чуть можно было разслышать, что возбудило всеобщій хохотъ. Царь Петръ, въ знакъ особенной милости, держалъ вѣнецъ надъ карлицей-невѣстой. Послѣ вѣнчанья, всѣ отправились на шлюпкахъ къ дому князя Меншикова, и въ той же залѣ (нынѣшняя церковь Павловскаго военнаго училища), съ тѣми же церемоніями, при той же обстановкѣ — при каковой была свадьба герцога Курляндскаго съ племянницей русскаго государя — нынѣ пировали маленькіе уродцы; герцогъ и герцогиня были въ числѣ именитыхъ зрителей.

Впрочемъ, и зрители были не безъ дѣла: усѣвшись вокругъ столовъ, такъ разставленныхъ, чтобы отовсюду видны были карлики и карлицы, гости ѣли, пили, шумно говорили и хохотали, съ любопытствомъ слѣдя за суетней уродцевъ. Ихъ угощалъ, какъ и на свадьбѣ племянницы, самъ государь.

Тосты провозглашались въ обычномъ порядкѣ, и шутовское собраніе осушало громадные кубки до дна, не уступая въ этомъ самымъ великорослымъ людямъ.

Глядя на эту странную потѣху, дѣйствительно, нельзя было не найдти въ ней, какъ находитъ это Крузе, историкъ Курляндіи, родъ сарказма на бракъ незначительнаго принца съ принцесой могучаго государя. Но проникнуть въ тайныя мысли Петра нѣтъ возможности, и мы, не имѣя ключа къ нимъ, должны остановиться на томъ, что преобразователь потѣшался просто изъ страсти къ потѣхамъ — „искуство для искуства", не придавая шутовской свадьбѣ никакого серьезнаго значенія.

Послѣ обѣда карлики очень весело танцовали по русски до

одиннадцати часовъ ночи; карлицы были въ нѣмецкихъ платьяхъ и своими прыжками и кривляньями вдоволь натѣшили именитыхъ зрителей. Общій восторгъ овладѣлъ даже нѣмцемъ I. G., который и сохранилъ для насъ эти интересныя подробности въ своей—нынѣ чрезвычайно рѣдкой—книжечкѣ „Описаніе С.-Петербурга 1710—1711 гг.“; впадая въ какой-то лирическій пафосъ, заѣзжій нѣмецъ восклицаетъ: „Трудно представить себѣ, какіе тутъ были прыжки, кривлянья и гримасы! Всѣ гости, въ особенности же царь, были въ восторгѣ; не могли навеселиться, и смотря на коверканье и ужимки 72 уродцевъ, хохотали до упада. У иного были коротенькія ножки и высокій горбъ, у другого—большое брюхо, у третьяго—ноги кривыя и вывернутыя, какъ у барсуковой собаки, или огромная голова, или кривой ротъ и длинныя уши, или маленькіе глазки и расплывшееся отъ жира лицо!..“ и т. д.

Постель новобрачныхъ была устроена въ опочивальнѣ его царскаго величества. Государь, кажется, до конца хотѣлъ прослѣдить всѣ явленія интереснаго зрѣлища.

Какъ ни интересно оно было для любознательнаго монарха, считавшаго себя знатокомъ въ изученіи человѣческаго естества, но результатъ первой ночи молодыхъ былъ довольно плачевный (по крайней мѣрѣ для нихъ): молодая умерла осенью 1711 года въ страшнѣйшихъ мученіяхъ отъ родовъ, а мужъ впалъ въ распутство и умеръ позже своей невольной супруги.

Столь же несчастливъ былъ и другой бракъ, бракъ не карловъ по росту, а карловъ по значенію: брачная жизнь Анны Ивановны продолжалась съ небольшимъ два мѣсяца. Въ январѣ 1711 года она отправилась съ мужемъ въ Митаву, но 9 числа, въ сорока верстахъ отъ Петербурга, на мызѣ Дудергофъ, молодой герцогъ скончался. На основаніи нѣкоторыхъ извѣстій, онъ умеръ отъ непомѣрнаго потребленія крѣпкихъ напитковъ, которыми такъ заботливо угощалъ его самъ Петръ и всѣ петербургскіе сановники.

Смерть мужа, по изволенію Петра, не должна была перемѣнить мѣсто жительства Анны. Она лишь на нѣкоторое только время возвратилась къ матери, жила въ Петербургѣ, ѣздила въ Измайлово [1]). Волею-неволею, но для политическихъ видовъ

[1]) Пекарскій: біографія Анны Ивановны въ Энц. словарѣ, 1862 г. кн. IV.

дяди, племянница должна была однако поселиться въ Митавѣ и окружить себя нѣмцами: не напрасно же она училась у Дитриха Остермана.

Впрочемъ, Митава предназначалась не для одной Анны; изъ письма Петра сенату отъ 16 апрѣля 1712 года видно, что онъ думалъ водворить тамъ все семейство покойнаго брата:

„Понеже невѣстка наша,—писалъ Петръ,—царица Прасковья Ѳедоровна съ дѣтьми своими въ скоромъ времени поѣдетъ отселѣ въ Курляндію и будетъ тамъ жить; а понеже у нихъ людей мало, для того отпустите къ нимъ Михайлу Салтыкова съ женою, и чтобъ онъ ѣхалъ съ Москвы прямо въ Ригу, немѣшкавъ".

Отъѣздомъ, однако, въ Курляндію, хотя бы только и въ гости къ дочери, царица Прасковья не торопилась, и въ 1712 году мы ее встрѣчаемъ дѣйствующимъ лицомъ на весьма важномъ актѣ, именно на свадьбѣ царя Петра съ Екатериной Алексѣевной. Бракъ былъ совершенъ въ Петербургѣ, рано утромъ, въ деревянной церкви Исакія Далмацкаго, находившейся между нынѣшнимъ памятникомъ Петру и адмиралтействомъ. Посаженною матерью была царица Прасковья Ѳедоровна, а ближайшими дѣвицами—ея дочери: Катерина и Прасковья.

Еще наканунѣ Кикинъ и Ягужинскій посланы были приглашать „на старую свадьбу" его величества. Гостей было не особенно много и никого не принуждали пить вино въ большомъ количествѣ. Вечеръ заключился баломъ и фейерверкомъ.

Въ 1713 году мы встрѣчаемъ краткое извѣстіе, что „по указу царицы Прасковьи Ѳедоровны взяты изъ комедіи, обрѣтающіяся близь Никольскихъ воротъ..... 20 преспективныхъ картинъ" для домашняго театра ея величества, потому что новыхъ, по недостатку времени, сдѣлать было невозможно [1]).

Къ царицѣ Прасковьѣ и ея семьѣ пріѣзжала и гостила по нѣсколько времени царевна Анна. Въ 1714 году мы ее видимъ гостьей въ селѣ Измайловѣ, куда часто наѣзжала ея маменька изъ немилаго Петербурга. Но этотъ пріѣздъ былъ несчастливъ для царевны; она долго и сильно хворала, такъ что задерживала возвратъ царицы въ Петербургъ. Страшась, дабы не прогнѣвались государь съ государыней за невольную просрочку,

---

[1]) Пекарскій: „Наука и литература при Петрѣ В., томъ I, стр. 427—428.

Прасковья спѣшила попросить кабинетъ-секретаря Макарова замолвить за нее слово.

„Алексѣй Васильевичъ,—писала мать Анны,—здравствуй на множество лѣтъ. Пожалуй донеси невѣстушкѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, ежели мой походъ замѣшкается до февраля или до марта, чтобъ на меня какова гнѣва не было отъ царскаго величества; во истинно, за великими моими печалями. А печаль моя та, что неможетъ у меня дочь, царевна Анна. Прежде немогла 13 недѣль каменною болѣзнью, о томъ и ты извѣстенъ. А нынѣ лежитъ тяжкою болѣзнью горячкою;—а ежели имъ угодно скоро быть и я, хотя больную, повезу; и ты пожалуй, отпиши ко мнѣ, какъ ихъ воля мнѣ быть, чтобъ мнѣ ихъ не прогнѣвить. Да еще прошу, пожалуй моему человѣку Андрею Семенову денегъ на что понадобится къ моему дѣлу: при семъ остаюсь царица Прасковья. Измайлово. 15 декабря 1714 года“ [1]).

Судьба Анны и въ разлукѣ постоянно озабочивала мать. Старушкѣ многое не нравилось при дворѣ царевны; во многомъ желалось перемѣны, и она смѣло обращалась къ царю съ различными просьбами. Вотъ одна изъ нихъ неизвѣстнаго года и мѣста подачи, но прямо относящаяся до дѣлъ царевны Анны:

„1. Правительствующій сенатъ, не получа указу именнаго изъ походу, никакого денежнаго вспоможенія на пути моей царевны учинить не хочетъ, о чемъ прошу указу къ тому сенату.

2. Изъ моей опредѣленной дачи, какъ вамъ извѣстно, бывшую мою царевну отпуская, всячески ее снабдѣвала, и посуду серебряную съ нею отпустила; а нынѣ мнѣ того учинить мочи нѣтъ.

3. Соизволили писать ко мнѣ, что въ Курляндіи все ей, царевнѣ моей, опредѣлено; а чѣмъ ей тамъ жить и по обыкновенію княжескому порядочно себя содержать, о томъ именно не означено. Прошу о подлинномъ того всего себѣ увѣдомленіи: изъ вашей-ли казны, или съ подданныхъ того княжества назначенные денежные доходы впредь имать ей?

4) Извольте меня подлинно увѣдомить, чтобъ мнѣ и моей царевнѣ впредь, изъ какого недознанія, какой неугодности вамъ не учинить; что ей, царевнѣ, будучи въ томъ княжествѣ, по

[1]) Каб. дѣл. II пол., кн. XXI, л. 1037.

примѣру ли прежнихъ княженъ вести себя и чиновно дворство содержать, или просто?

5. Чтобъ мнѣ дозволено было самой проводить царевну мою до мѣста на время, и потомъ въ нужные случаи ѣздить къ ней и видѣться, чтобъ при такой ея новости тамъ во всемъ отпасть и управить.

6. Каретъ и лошадей мы беремъ на долговныхъ людей, по тамошнему чиновному порядку; также ей, царевнѣ моей, безъ особой дачи исправить нечѣмъ. Прошу на то объ указѣ.

7. Повелите ли отчины дать царевнѣ моей по тамошнему старому обыкновенію имать изъ тамошняго жъ шляхетства, по пристойности дѣла.

8. Прошу вседокучно, по своей крайней милости и по своему слову, перемѣнить оттуда прежняго гофмейстера, бывшаго прежде при царевнѣ моей, который тамъ весьма несносенъ, и тѣмъ насъ не опечалить; а быть на его мѣсто впредь иному, кому вы соизволите.

На сіе всепокорно прошу о милостивомъ вашемъ рѣшеніи и объ отповѣди къ себѣ, чего я и моя царевна здѣсь ожидать будемъ, и для того нарочный съ тѣмъ въ походъ до васъ отъ меня посланъ [1])".

Гофмейстеръ, возбудившій неудовольствіе царицы, несносный для нея, былъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ. Государь самъ назначилъ Бестужева къ курляндскому двору, какъ человѣка расторопнаго и весьма дѣятельнаго исполнителя его распоряженій. Герцогиня, столь рано потерявши мужа, оказывала къ Бестужеву самое теплое расположеніе. „Не можно оправдать Анну Ивановну въ любострастіи,—пишетъ кн. Щербатовъ,—ибо подлинно, что бывшій у ней гофмейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ..." [2]). Но если кн. Щербатовъ, вообще снисходительный къ Аннѣ Ивановнѣ, не рѣшался оправдывать ея связи, то эта связь дѣлалась преступленіемъ въ глазахъ матери. Прасковью, прежде всего, поражало въ этомъ дѣлѣ своеволіе дочерняго выбора, и она преслѣдовала

---

[1]) Госуд. Арх. Каб. дѣл., II полов., кн. 92, л. 428—429.

[2]) „О поврежденіи нравовъ", напечатано по подлинной рукописи историка кн. Щербатова въ „Русской Старинѣ" изд. 1870 г. (третье изданіе), томъ I.

ее упреками, а вѣнценоснаго свояка постоянными просьбами удалить Петра Михайловича Бестужева.

Просьбы эти бо́льшею частью шли чрезъ руки Екатерины Алексѣевны. На счетъ ея въ народѣ и промежъ солдатства ходили разные толки. „Не подобаетъ какъ монаху, такъ и ей,— говорили нѣкоторые,—на царствѣ быть: она неприродная и нерусская, и вѣдаемъ мы, какъ она въ полонъ взята, и приведена подъ знамя въ одной рубахѣ и отдана была подъ караулъ, а караульный нашъ офицеръ надѣлъ на нее кафтанъ; она съ княземъ Меншиковымъ его величество кореньемъ обвела“ и проч. [1]). Не одинъ, только простой народъ, первое время многіе бояре и боярыни, наконецъ сестры государя съ недоброжелательствомъ смотрѣли на возвышеніе безвѣстной нѣмки; но царица Прасковья въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ держала себя весьма осторожно: судить да рядить о фавориткѣ не бралась и рано догадалась, какъ надо себя держать. Какъ сама, такъ и чрезъ дочерей своихъ царица рано начала заявлять полное уваженіе къ Катеринѣ: поздравляла ее съ торжественными днями и событіями, молила о милостивомъ словѣ, искала милостиваго расположенія. Подобное обращеніе, особенно въ первое время по возвышеніи Катерины, не могло не нравиться послѣдней, и она постоянно благоволила къ умной царицѣ. Это благоволеніе выражается во многихъ письмахъ къ Прасковьѣ, писанныхъ отъ лица неумѣвшей писать Катерины. Вотъ, напримѣръ, отвѣтное отъ ея имени письмо на извѣстную уже намъ и на другія въ томъ же родѣ просьбы царицы Прасковьи:

„Государыня моя, невѣстушка, царица Прасковья Ѳедоровна, здравствуй на множество лѣтъ купно и съ любезными дѣтками своими!

„Письма вашего величества чрезъ присланнаго вашего Никиту Іевлева исправно дошли, на которыя доношу. Объ отправленіи въ Курляндію дочери вашей, ея высочества царевны Анны Ивановны, отъ его царскаго величества уже довольно писано къ свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу; и надѣюсь я, что онъ для того пути деньгами и сервизомъ, конечно, снабдитъ, ибо его свѣтлости о томъ указъ посланъ. А когда, Богъ

[1]) Доношеніе дьячка Ѳедорова на отставного капрала и волоколамскаго помѣщика Кобылина. „Чтенія въ общ. исторіи“. М. 1860, кн. II. Смѣсь, стр. 21.

дастъ, ея высочество въ Курляндію прибудетъ, тогда ненадобно вашему величеству о томъ мыслить, чтобъ на вашемъ коштѣ ея высочеству, дочери вашей, тамъ себя содержать; ибо уже заранѣе все то опредѣлено, чѣмъ ея домъ содержать, для чего тамъ Петръ Бестужевъ оставленъ, которому въ лучшихъ городахъ, а именно: въ Либавѣ, Виндавѣ и Митавѣ всякіе денежные побори для того нарочно велѣно собирать. Что же в. в. упоминаете, чтобъ для того всю опредѣленную сумму на ваши комнаты на будущій на весь годъ взять и на расходы употребить въ Курляндіи для тамошняго житья, что я за благо не почитаю. ибо я надѣюсь, что и безъ такого великаго убытку ея высочество, дочь ваша, можетъ тамъ прожить; а къ тому же я надѣюсь, что, при помощи Божіей, и ея высочество, царевна Анна Ивановна, скоро жениха сыщетъ, и тогда уже меньше в. в. будетъ печали. Что же о Бестужевѣ, дабы ему не быть, а понеже оный не для одного только дѣла въ Курляндію опредѣленъ, чтобъ ему быть только при дворѣ вашей дочери, царевны Анны Ивановны, но для другихъ многихъ его царскаго величества нужнѣйшихъ дѣлъ, которыя гораздо того нужнѣе, и ежели его изъ Курляндіи отлучить для одного только вашего дѣла, то другія всѣ дѣла станутъ, и то его величеству зѣло будетъ противно. И зѣло я тому удивляюсь, что в. в. такъ долго гнѣвство на немъ имѣете, ибо онъ зѣло о томъ печалится, но оправданіе себѣ приноситъ, что онъ конечно учинилъ то не съ умыслу, но остерегая честь дѣтей вашихъ, въ чемъ на него гнѣвъ имѣете (?). Что же изволите упоминать, чтобы быть при царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ Андрею Артамоновичу (Матвѣеву) или Львову, и тѣ обязаны его величества нужными и великими дѣлами. А что изволите приказывать о пажахъ, чтобъ взять изъ школьниковъ русскихъ, и я совѣтую лучше изволите приказать взять изъ курляндцевъ, ибо которые и при царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ русскіе, Чемесовъ и проч., и тѣ гораздо плохи.

„О деревнѣ въ Рижскомъ уѣздѣ для тамошняго бытія вашего величества со временемъ у его царскаго величества просить я буду, и о томъ не оставлю вашему величеству доносить впредь, ибо еще время на то будетъ; однакожъ и нынѣ писала я отъ себя къ губернатору рижскому, чтобъ вашему величеству въ раціонахъ на вашу конюшню чинить всякое вспоможеніе. О прочемъ

довольно писали мы съ Авдотьей Воейковой, также и словесно приказывали съ Васильемъ Ѳедоровичемъ (Салтыковымъ)" [1]).

Царицѣ Прасковьѣ непремѣнно хотѣлось окружить Анну лицами, выбранными ею самой, болѣе или менѣе близкими, въ родѣ А. А. Матвѣева или Львова; но устроить паденіе Бестужева было дѣломъ невозможнымъ: государь привыкъ къ его расторопности и управлялъ черезъ него всѣми дѣлами Курляндіи. Царевна Анна была герцогиней только по имени, а отнюдь не по власти; самыя мелкія потребности не только герцогства, но и владѣтельницы его удовлетворялись иначе, какъ съ разрѣшенія государя: такъ, напримѣръ, доставка Аннѣ нѣкоторыхъ припасовъ, содержаніе ея двора, содержаніе войска, устройство ея дома, оранжерей, даже часть туалетная, мелкіе долги и проч.,—обо всемъ этомъ Бестужевъ долженъ былъ относиться къ Петру и ждать его повелѣній [2]).

Поселеніе царицы въ Митавѣ при дочери не состоялось. Надо думать, что содержаніе такой большой семьи, какова была у Прасковьи, съ ея дворомъ, показалось бы очень обременительнымъ для курляндскихъ чиновъ, либо,—и послѣднее вѣрнѣе,—сама Прасковья не пожелала перебираться на житье въ нѣмечину, притомъ къ дочери, которую она, какъ оказывается изъ нѣкоторыхъ фактовъ, любила менѣе другихъ. Тѣмъ не менѣе нелюбимая дочь, съ позволенія дяди, довольно часто навѣщала мать. Такимъ образомъ 1714—1715 гг., герцогиня Курляндская гостила у матери, и только въ мартѣ 1716 г. должна была, по приказанію государя, вернуться въ свою резиденцію. Въ это время Петръ, въ бытность свою въ Курляндіи, устроилъ ея дѣла, заставилъ курляндскихъ оберъ-ратовъ утвердить за герцогиней назначенныя ей деревни и желать, чтобъ она

---

[1]) Госуд. Арх. Каб. I пол., кн. 64, лл. 736—737.

[2]) Голиковъ, т. VI, стр. 339; т. VII, стр. 196. До какой степени государь принималъ на себя трудъ управлять дѣлами и хозяйствомъ племянницы, можно видѣть изъ того, что съ его утвержденія отправлялась даже водка по особенной росписи. Вотъ, напр., одна изъ нихъ: „Роспись, какихъ водокъ надлежитъ ко двору ея высочества государыни царевны и герцогини Курляндской Анны Ивановны: англинской одно ведро, лимонной одно ведро, анисовой одно ведро, простаго вина 5 ведеръ. Изъ Гданскихъ водокъ: цитронной, померанцовой, перешковой, коричневой—по 1-му ведру". Водку приказано было отпускать по кабачной цѣнѣ. Госуд. Арх. Каб. II полов., л. 435.

поскорѣй къ нимъ пріѣхала [1]). Не устраняя нужнаго ему Бестужева, государь сдѣлалъ однако уступку своей невѣсткѣ, назначивъ къ Аннѣ гофмейстериною—госпожу Матвѣеву [2]).

Великій государь распоряжался иногда очень круто относительно своей племянницы: въ 1718 году она вновь гостила въ Петербургѣ; Петръ нашолъ нужнымъ ея пребываніе въ Митавѣ, и письмомъ изъ Москвы отъ 26 февраля 1718 г. повелѣлъ Меншикову немедленно отправить Анну въ Курляндію [3]).

Гораздо мягче распоряжался онъ чрезъ жену относительно Прасковьи. Царица, гостила нѣкоторое время по вдовствѣ Анны въ Ригѣ, скучала, желала вернуться въ родимое Измайлово и просила на то разрѣшенія. Просьба пошла на имя Катерины Алексѣевны, и отъ имени послѣдней, не безъ вѣдома царя, присланъ былъ довольно деликатный отказъ. Для видовъ государя нужно еще было пребываніе Прасковьи въ Ригѣ, и вотъ секретарь, отъ имени его жены-царицы, пишетъ:

„Милостивая государыня, моя невѣстушка, Прасковья Ѳедоровна, здравствуй на множество лѣтъ купно и съ дѣтками своими, моими дорогими племянницами, царевнами Екатериною Ивановною, Анною Ивановною, Прасковьею Ивановною.

„Письмо вашего величества я получила, за которое благо-

---

[1]) Впрочемъ, русская партія въ Курляндіи была довольно значительная, по крайней мѣрѣ были курляндцы, которые считали долгомъ, во время отлучекъ герцогини то въ Лифляндію, то въ Петербургъ, заявлять офиціальную свою скорбь. Тогда они получали столь же офиціальное утѣшеніе: „Къ Петру Бестужеву. Письмо ваше до его царскаго величества сентября отъ 11-го числа дошло, по которому его царское величество о конфузіи, учинившейся въ Курляндіи отъ отъѣзда въ Ригу ея высочества государыни царевны Анны Ивановны извѣстенъ: и указалъ къ вамъ отписать, чтобы вы доброжелательныхъ курляндцевъ обнадежили въ томъ, что ея высочество имѣетъ возвратиться паки въ Курляндію и жить тамъ, и что отъѣздъ ея случился только на время, пока посолъ польскій чрезъ Курляндію проѣдетъ; и болѣе въ Ригѣ не будетъ мѣшкать, какъ окончится въ Польшѣ сеймъ". Госуд. Арх. Каб. I пол., кн. 61, л. 162.

[2]) Письмо Петра отъ 22 марта 1716 г.

[3]) 7-го марта 1718 г. Анна Ивановна еще была въ Петербургѣ, откуда, увѣдомляя „государыню тетушку-матушку царицу Екатерину Алексѣевну" о здоровьи ея дѣтей, писала: „Еще, государыня моя матушка, доношу вашему величеству, что братецъ (Петръ Петровичъ) меня всѣхъ лучше жалуетъ, и все изволитъ тѣшиться со мною и игрушечки изволитъ мнѣ показывать".

Малютка Петръ Петровичъ умеръ 26 апр. 1719.

Любезничанье съ малютками въ угоду царицы не помогло герцогинѣ. Въ первыхъ числахъ апрѣля 1718 г. ее выпроводили уже въ Митаву.

дарствую и доношу, что по тому письму о отбытіи вашемъ изъ Риги я просила, на что получила отвѣтъ, что то исполнится. Однакоже нынѣ еще нѣкоторое время извольте тамъ побыть, и хотя я вѣрю, что тамошнее житье вашему величеству есть не безскучно, паче же убыточно, однако уже малое время тамъ извольте пожить, и прошу ваше величество, чтобъ не имѣли въ томъ прискорбности. Также извѣстилась я, что ваше величество имѣете нужду въ деньгахъ, того для доношу: извольте ваше величество на тамошніе свои домовные расходы деньги брать у Бестужева, коликое число потребно.

„Письма твои ровно три до меня дошли, за которыя вамъ благодарствую, и объявляю вамъ, что хотя я довольно о томъ просила, о чемъ вы ко мнѣ писали, но не могла на то рѣшенія получить; однако не извольте о томъ быть печальны, но нѣкоторое время обождите, ибо нынѣшнее время до того не допуститъ, а послѣ, когда Богъ дастъ добрый случай, потщуся то вамъ исполнить“ [1]).

Заботливый монархъ, повелѣвая невѣсткѣ быть тамъ, гдѣ онъ находилъ то нужнымъ, не считалъ полезнымъ входить съ ней въ переписку относительно предположеній о новомъ бракѣ Анны. Бракъ этотъ входилъ въ политическіе планы государя на счетъ ближайшаго подчиненія Курляндіи Россіи, а въ эти планы [2]) не могла, да и не дерзала, вмѣшиваться старушка. Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, планы разстроивались; разстроивались предположенія и „концепты“ новаго супружества. Такъ не исполнились переговоры о бракѣ Анны съ Іоанномъ Адольфомъ, герцогомъ Саксенвейсенфальскимъ [3]), а вслѣдъ за тѣмъ не состоялся договоръ и двѣ ратификаціи о супружествѣ племянника короля Прусскаго, Фридриха Вильгельма, маркграфа Бранденбургъ-Шведскаго.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ царевна Анна, любя обязательнаго Бестужева, сама бы не желала законнаго брака. Напротивъ, въ письмахъ своихъ то къ Екатеринѣ, то къ Петру,

---

[1]) Госуд. Арх. Каб. I полов., кн. 64, л. 131.

[2]) Разборъ ихъ, какъ не имѣющій отношенія къ настоящему изслѣдованію, мы опускаемъ.

[3]) См. объ этомъ договорѣ въ письмѣ царя Петра къ П. М. Бестужеву, 1717 г. Голиковъ, изд. второе, т. VI, стр. 271—273; т. VII, стр. 353.

она не разъ заявляла желаніе отдать руку тому, кого благоволитъ назначить дядюшка. Причина такой покорности для насъ дѣлается совершенно понятною, когда мы начинаемъ ближе присматриваться къ жизни царевны-герцогини. Эта жизнь мало представляла для нея отраднаго. Съ одной стороны полнѣйшая зависимость отъ суроваго дяди, невозможность куда-нибудь выѣхать и что-либо сдѣлать безъ его разрѣшенія; съ другой — недостаточность содержанія,—его не хватало при ея неумѣньи вести хозяйство; наконецъ безпрестанная воркотня, упреки да брань матушки, какъ въ письмахъ, при разлукѣ, такъ въ устныхъ бесѣдахъ, при свиданіяхъ,—все это преслѣдовало, все тяготило, все отравляло жизнь царевны Анны Ивановны.

Въ ея митавскомъ дворцѣ, среди нѣмецкаго и довольно безобразнаго двора, зачастую являлся то надсмотрщикъ царскій, то пріѣзжала свойственница, другъ, либо родственникъ царицы Прасковьи: шпіонъ слѣдилъ за жизнью герцогини и нерѣдко хулилъ ее потомъ при дворѣ ворчливой старухи-царицы.

Нѣкоторыя изъ этихъ надсмотрщиковъ и хулителей весьма интересны, и мы считаемъ не лишнимъ познакомиться съ главнѣйшимъ изъ нихъ—ея роднымъ дядей—Василіемъ Ѳедоровичемъ Салтыковымъ.

IV.

Нѣжный братецъ.

„Жену свою до смерти я убить не хотѣлъ, а билъ ее своеручно не мучительски за вины ея, за что надлежало".
В. Ѳ. Салтыковъ.
(Письмо 1720 г. въ Юстицъ-Коллегію).

Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, братъ царицы Прасковьи, былъ однимъ изъ именитѣйшихъ бояръ стараго покроя. Въ 1690 году государь сдѣлалъ его кравчимъ при дворѣ невѣстки[1]). Прасковья вполнѣ довѣряла брату и уважала его, часто гостила у него въ Москвѣ и совѣтовалась съ нимъ о всѣхъ домашнихъ дѣлахъ. Схоронивъ первую жену, княжну Аграфену Петровну Прозоровскую, въ 1707 г., кравчій женился на княжнѣ Александрѣ Григорьевнѣ Долгоруковой, единственной дочери младшаго брата знаменитаго князя Якова.

Новый бракъ, удовлетворявшій аристократическимъ стремленіямъ Салтыкова, былъ однако несчастливъ. Отношенія мужа къ женѣ вполнѣ рисуютъ передъ нами характеръ нѣжнаго братца Прасковьи. Въ 1718—1719 годахъ мы видимъ брачную чету

[1]) П. В. Долгоруковъ, Росс. Род. Книга, ч. II, стр. 72—73; Голиковъ XIII, стр. 206; Бантышъ-Каменскій въ Словарѣ достопамятныхъ людей, 1836 г. ч. V, стр. 4—6, и Долгоруковъ въ сказаніяхъ о своемъ родѣ 1840 г. стр. 87, смѣшали кравчаго Василья Ѳедоровича съ другимъ Васильемъ Ѳедоровичемъ Салтыковымъ. Первый умеръ графомъ, дѣйств. тайн. сов. и орд. св. Андрея кавалеромъ въ 1730 году 5 октября, а послѣдній, племянникъ кравчаго, умеръ въ 1755 году ген.-аншефомъ и ордена св. Андрея кавалеромъ.

въ Митавѣ. Зачѣмъ были они здѣсь — неизвѣстно; извѣстно только изъ жалобы герцогини, что любезный дядюшка велъ себя относительно ея крайне непочтительно, даже дерзко; колкими замѣчаніями да грубымъ вмѣшательствомъ во все, нерѣдко до него не касающееся, дядюшка глубоко оскорблялъ племянницу, не стѣсняясь тѣмъ, было-ли то въ семейномъ кружкѣ, либо въ публикѣ, такъ что Анна частенько проливала горькія слезы... Салтыковъ частію по порученію сестры, частію изъ личныхъ разсчетовъ, всячески преслѣдовалъ оберъ-гофмейстера Бестужева, требовалъ у Анны просьбы къ царю объ удаленіи ея фаворита, а между тѣмъ самъ своею семейною жизнью являлъ соблазнъ „на всю Курляндію и Польшу".

Не взлюбивъ жену, онъ преслѣдовалъ ее попреками, бранью, побоями; когда Александра Григорьевна жаловалась царевнѣ, либо рѣшалась письменно просить защиты у государыни, Василій Ѳедоровичъ снова давалъ разгулъ своему гнѣву и билъ княжну не на животъ, а на смерть. Не желая раздѣлять съ ней брачнаго ложа, братецъ царицы завелъ связь съ служанкою, держалъ ее въ „фаворѣ" публично, слушалъ наговоры людей своихъ на жену и дозволялъ имъ относиться къ ней съ неуваженіемъ. Загнанная, забитая, Александра Григорьевна, если вѣрить ея отцу [1]), зачастую мучилась голодомъ, и зачастую падала безъ чувствъ отъ кулачныхъ поученій супруга.

Потерявъ всякое терпѣніе, она написала жалобу не только государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, но и самому царю. Сильно встревожилась за брата царица Прасковья Ѳедоровна и отправила ему письмо, въ которомъ проглядываетъ горячая заботливость объ его судьбѣ:

„Братецъ, свѣтъ мой, пожалуй поберегися, чтобы тебя неизвели или бы не убили.... она (т. е. Александра Салтыкова) била челомъ и руку приложила „Васильева, жена Ѳедоровича Салтыкова"; а челобитня писана по прежнему, только прибавки: „хуже-де я вдовы и дѣвки"; да еще пишетъ: „взялъ-де мою бабу и живетъ блудно и бьетъ челомъ, блуднаго дѣла съ тобою разойтится": ко государю пишетъ просительное письмо, чтобы онъ миловалъ. Надобно тебѣ быть

[1]) Госуд. Арх. Каб. отдѣлъ II, кн. XLIV, л. 133; кн. XLVI, л. л. 89—92; кн. LIII., л. л. 244—246; Письма герцогини Анны Ивановны, 1719. л. 1—2.

сюда по скорѣе; я не знаю что дѣлать на ихъ челобитню: твоя надобна или нѣтъ? и безъ твоей челобитной будто нельзя быть, а безъ твоей руки не примутъ; всекопечно надобно тебѣ быть по скорѣе, по послѣдней мѣрѣ, что къ царицѣ Екатеринѣ ангелу; а лучше бы по скорѣе, надѣялся.... много умиляются за нее и стоятъ за нее; больше самъ знаешь, кто ея друзья...“ [1]).

Жена надоѣдала своеобычному мужу ревностью, слезливостью и постоянными жалобами; сильное желаніе какимъ бы то ни было образомъ развязаться съ ней привело однажды супруга къ столь горячему съ нею объясненію, что Александра Григорьевна, покрытая синяками и ранами, замертво упала на землю. Супругу было некогда возиться съ ней: онъ торопился въ Петербургъ, по призыву Прасковьи, къ ней подъ крылышко. Василій Ѳедоровичъ бросилъ жену и ускакалъ изъ Митавы, пылая гнѣвомъ и противъ жены, и противъ ея заступницы, герцогини Анны Ивановны.

Дѣйствительно племянница взяла подъ свой покровъ забитую тетку; перевела ее въ свои хоромы и поручила придворному доктору осмотрѣть тетенькины раны.

Леченіе пошло успѣшно; княжна стала оправляться, — какъ вдругъ нѣжный братецъ Прасковьи прислалъ женѣ строгій приказъ — немедленно ѣхать въ Петербургъ. Какъ ни боялась Александра Григорьевна бѣшенаго мужа, но, ободряемая племянницею, она рѣшилась скрыться въ Варшаву, къ отцу, дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру, бывшему чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ. Затаивъ намѣреніе отъ многочисленной дворни, княжна со слезами простилась съ царевной, шепнула ей, что непремѣнно поѣдетъ въ Варшаву, и въ сопровожденіи челяди отправилась въ путь.

Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ зналъ и скорбѣлъ о страдальческой жизни дочери; предувѣдомленный ею, онъ выслалъ на встрѣчу ей князя Шейдякова [2]). Посланный встрѣтилъ страдалицу въ жидовской корчмѣ, близъ Митавы, на Двинѣ. Онъ немедленно распорядился, чтобъ обозъ съ вещами и дворнею проѣхалъ далѣе въ Ригу, а барыню съ двумя горничными пересадилъ въ почтовую коляску, заранѣе приготовленную, сѣлъ въ

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1872 г., т VI, стр. 563—564.
[2]) Госуд. Арх. Каб. II пол., кн. LVI, лл. 195—200.

нее самъ и велѣлъ ѣхать назадъ. То былъ обманъ. Отъѣхавъ нѣсколько, Александра Григорьевна, все еще страшась тирана-мужа, написала къ нему письмецо. Запуганная и забитая, она и тутъ не смѣла заявить свою самостоятельность, и причину своего побѣга сваливала на отца. „При отъѣздѣ моемъ въ Ригу, писала она между прочимъ, получила я отъ отца своего присланныхъ людей; приказалъ онъ видѣться съ собой. Не смѣла воли его преслушать; а когда изволите мнѣ приказать быть — я готова. Не надѣюсь я вашего за то гнѣву, понеже имѣла давно отъ васъ позволеніе. А что мое платье и другое осталось по отъѣздѣ вашемъ изъ Митавы, и я ничего не взяла". Вручивъ Марьѣ Волковой, одной изъ своихъ служанокъ, письмо къ мужу, Александра Григорьевна приказала ей ѣхать въ Петербургъ, а сама безпрепятственно продолжала путь въ Варшаву, куда и прибыла еле-еле живая отъ физическихъ и душевныхъ страданій.

Видъ дочери жестоко огорчилъ старика-отца. Пылая местью за оскорбленіе чести дочери, за оскорбленіе въ лицѣ ея всей именитой фамиліи, маститый старецъ, министръ и воинъ, искалъ правды и суда у великаго государя.

„Высокодержавный царь и всемилостивѣйшій государь,—писалъ Григорій Ѳедоровичъ,—ваше величество, милосердуя о народѣ своего государства, изволите непрестанно безпокойно трудиться, чтобъ оной изъ прежнихъ азіятскихъ обычаевъ вывесть и обучить какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся. Того рода изволили высокимъ своимъ указомъ всѣмъ милостиво воспретить, чтобъ никто, не зная жениховъ, какъ прежде было, не ходили за-мужъ. Зная это, зять мой Василій Салтыковъ, зная дочь мою, своею волею женился и оную немалое время имѣлъ, какъ и прочіе мужья, въ своей любви; и потомъ ни за что, токмо по наговору своихъ людей, которые и съ прежнею его женою, такожъ для своего интересу, чтобъ онымъ всѣмъ его владѣть, ссорили. Для чего какою немилостію обратился, и въ такой немилости и въ руганіи отъ людей своихъ оную содержалъ, и безвинно билъ, и голодомъ морилъ, и такое бѣдное мученіе и гоненіе терпѣла, чего и описать невозможно, что не токмо женѣ, ни послѣдней подданной сиротѣ снесть было не мочно; однако оная, привращая его къ прежней милости, все то чрезъ натуру терпѣла, и тѣмъ пуще сердце его ожесточила,

такъ что не боясь Бога и всенароднаго стыда, въ Митавѣ хотѣлъ убить (ее) до смерти; и такъ мучительски билъ, что замертвую кинулъ, и притомъ токмо напамятовалъ, для чего о несчастливомъ своемъ житьѣ доносила всемилостивѣйшей государынѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и для чего отъ него прочь нейдетъ. А потомъ, что было ее—все ограбилъ. И такъ тѣми своими барбарскими поступками не токмо Курляндію и Польшу безчестно наслушилъ, и въ Петербургъ отъѣхалъ; а какъ потомъ увѣдалъ, что еще жена его въ кровавыхъ ранахъ съ живыми обрѣтается, то велѣлъ людямъ своимъ изъ Митавы больную къ себѣ везть, что уже была и повезена. И видя оная послѣднее свое житье, принуждена была съ дороги изъ Риги ко мнѣ въ Варшаву уходить, и свой несчастливый животъ спасать. Того ради, упадая до ногъ вашего величества, рабски слезно прошу сотворить со мною милость, чтобъ мнѣ отъ него, Василья Салтыкова, не быть въ поруганіи, и чтобъ несчастливая собственная моя дочь не была отдана ему въ прежнее мученіе, и жить бы оной въ моемъ домѣ. Тако жъ за ее помянутое терпѣнье не токмо ее сущее приданое возвратить, но и изъ его недвижимаго оную милостиво повелѣли наградить, дабы она, несчастная дочь моя, въ вѣчныхъ слезахъ имѣла себѣ пропитаніе, понеже мужъ ее не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты учинилъ, ибо отъ нея не токмо счастіе, радость, здравіе, но и честь на вѣки отнялъ. Вашего величества нижайшій рабъ, князь Григорій Долгоруковъ" [1]).

Нельзя не замѣтить, что челобитная написана искусно: въ ней видна рука опытнаго старца-дипломата; особенно мастерски написано вступленіе, въ которомъ министръ ловко льститъ одной изъ слабѣйшихъ струнъ Петра, его страсти къ преобразованіямъ.

Старый придворный, пославъ челобитную къ своему повелителю, въ то же время спѣшилъ побить челомъ и государынѣ: Екатерина обыкновенно была посредницею въ семейныхъ распряхъ тогдашней аристократіи. Отецъ просилъ у нея дозволенія оставить при себѣ дочь; — монархиня, не безъ вѣдома мужа, соизволила разрѣшить и князь разсыпался въ благодарностяхъ.

„15 сентября 1719 года. Варшава. Премилостивая, великая

---

[1]) Гос. Арх. Каб., II пол., XLIV, л. 133.

государыня, царица Екатерина Алексѣевна!—писалъ Долгоруковъ.—Вашего величества ко мнѣ отправленное изъ С.-Петербурга высокомилостивое писаніе отъ 10 іюля, я здѣсь чрезъ почту всеподданнѣйше получилъ, изъ котораго съ великою радостію усмотрѣлъ, что ваше величество не токмо ко мнѣ недостойному, и къ послѣдней своей рабѣ, къ бѣдственной дочери моей, свою высокую милость не по заслугѣ простирать изволите, и быть оной несчастливой при мнѣ соизволяете, за которую милость навѣки ничѣмъ заслужить невозможно, и не смѣлъ бы повторительно симъ моимъ дерзновенно трудить ваше величество. Токмо обнадеживаетъ и придаетъ мнѣ смѣлость ваша высокая милость къ бѣдственной дочери моей, которою милостію не токмо во всѣхъ бѣдахъ своихъ всегда радовалась и отъ немилости и мученія безсовѣстнаго мужа своего защищалась. Къ тому жъ усильно принуждаетъ меня натуральная отеческая нетерпѣливость, смотря на сиротство и непрестанныя слезы, и на тиранскія раны и увѣчье несчастливой бѣдной моей дочери, которую безсовѣстный мужъ ея непрестанно не токмо лаялъ и билъ, и людямъ своимъ ругать велѣлъ и голодомъ морилъ...» Далѣе сановникъ, все болѣе и болѣе раздражаясь при воспоминаніи объ обидахъ дочери, повторяетъ извѣстныя намъ подробности о поведеніи Салтыкова, о заботахъ царевны Анны, наконецъ о бѣгствѣ дочери въ Варшаву... «Упадая подъ ноги вашего величества,—заключалъ князь челобитье,—слезно прошу сотворить со мною высокую свою милость, дабы несчастливую дочь мою на прежнее мученіе и убивство и мнѣ на поруганіе и безчестіе къ безсовѣстному мужу ея не отдавать. А что оная принесла за собою въ приданое, не токмо то ея сущее возвратить, но и изъ его недвижимаго, за ея напрасное мученіе и терпѣніе, для оной пропитанія милостиво приказать наградить, чтобъ оная въ вѣчныхъ своихъ слезахъ голодомъ не умерла, понеже мужъ ея не токмо оную всю ограбилъ, и счастіе, радость, здоровье, но и честь отъ оной безвинно навѣки отнялъ, и сдѣлалъ не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты. О чемъ я рабски чрезъ свою нижайшую суплику и у его царскаго величества слезно милости просилъ. Въ чемъ на высокую вашего величества милость, какъ на Бога, надежду имѣю, что по своему ко всѣмъ сирымъ милосердію, бѣдственную дочь мою въ высокой своей

милости, для сего рабскаго слезнаго прошенія оставить не изволите. Вашего величества нижайшій рабъ, князь Григорій Долгоруковъ" [1]).

Между тѣмъ нѣжный братецъ успѣлъ уже «намутить» предъ Прасковьей на счетъ царевны Анны, ея домашняго быта, двора и ненавистнаго ему и царицѣ Петра Бестужева. Прасковья стала гнѣваться на дочь, не отвѣчала на ея письма, либо отвѣчала упреками, писала сухо... Анна Ивановна огорчалась гнѣвомъ матери; кромѣ того ее смущала мысль: можетъ быть гнѣвается на нее, по наговорамъ В. О. Салтыкова, и державный дядюшка съ государыней. Она трепетала за себя, трепетала еще больше за то, что у нея, чего добраго, отнимутъ наконецъ гофмаршала. Въ минуты тяжкаго раздумья герцогиня была неожиданно обрадована письмомъ отъ государыни (т.-е. отъ ея секретаря). Катерина Алексѣевна спрашивала царевну о житьѣ-бытьѣ, предлагала свое пособіе, наконецъ просила сообщить подробности о поведеніи Салтыкова въ Митавѣ. Какъ велика была радость Анны Ивановны, можно заключить изъ ея длиннаго посланія. Оно выведено собственноручными каракульками на большомъ листу сѣрой бумаги порыжѣлыми чернилами; помѣщаемъ письмо буквально:

„Із Митавы, 4 день іюля 1719 году. Государыня моя тетушка, матушка царица Екатерина Алексеевна! здравствуй, государыня моя, на многия лета вкупе съ государямъ нашимъ батюшкомъ, дядюшкомъ и съ Государынеми нашеми сестрицами.

„Благодарствую, матушка моя, за миласть вашу, што пожаловала ісволила вспомнить меня. Не знаю, матушка мая, какъ мне благодарить за высокую вашу миласть; какъ я обрадовалась, Богъ васъ, светъ моі, самоё такъ порадуетъ. Еі, еі, дарагая моя тетушка! я на свете ничему такъ не радовалась, какъ нынче радуюсь о миласти вашеі къ себе; і прошу, матушка мая, впреть меня содержать въ своеі неотменаі миласти: еі, еі, у меня краме тебя, светъ моі, нетъ никакоі надежды! і вручаю я себя въ миласть тваю матерепскую, і надеюсь, радость мая тетушка, што не оставишь меня въ своеі миласти і до маей смерти.

„Ісволили вы, светъ моі, ка мне приказовать, штобъ я отписала про Василья Ѳедоровича. І я донашу: катораі здеся бытна-

---

[1]) Госуд. Арх. Каб. II полов., кн. LIII, л. 244—246.

стію своею многие мне противнасти делалъ, какъ славами, такъ і публичными поступками, противъ моей чести; между которыми раза три со слезами отъ него отошла; а жену онъ сваю билъ безо всякой здешнаі причины, толка прежняе упоминалъ, которыми здешными своіми худыми паступками здешныхъ людей весма удивилъ. Онъ же сердился на меня за Бестужева, показовая себя, штобъ онъ былъ, іли хто другоі, ево руки, на Бестужева места. І прошу, светъ моі, до таво не допустить: я отъ Бестужева во всемъ доволна, і въ моіхъ здешніхъ делахъ. очень харашо поступаетъ. І о всехъ Василья Ѳедоровича поступкахъ писать я не магу; і приказала вамъ, матушка моя, славами о всемъ донесть Маврину. І поехалъ Василеі Ѳедоровичь отъ меня (съ) серцамъ; мошна было видеть, што онъ спадеждаю поехалъ—што матушке на меня мутить. Ізвесна, светъ мой, вамъ, какъ оне намутили на сестрицу (Катерину Ивановну). І какъ онъ приехалъ випитербурхъ, і матушка неволить ка мне писать не такъ миластива, какъ прежде ісволила писавать; а нынче ісволитъ писать, штобъ я не печалилась: „я де не сердита!" а я свасі вины, еі, еі! не знаю, а мошна видеть по писмамъ, што гневна на меня; і мне, светъ моі, печална, што насъ мутятъ. Также какъ праважалъ сестрицу (Катерину) Окуневъ до Мемля і былъ здесь, і приехалъ отселя въ Питербурхъ, і онъ немала напрасна на меня намутилъ матушке; і чаю,—вы, светъ моі, таго Окунева ісволите знать. І ни чемъ не могу радоваца; толка радуюсь, матушка моя, твоею милостью къ себе.— А кнежна (Александра Григорьевна Салтыкова, рожд. княжна Долгорукова) поехала отъ меня, і мне сказала тихонка, што поедетъ ис Риги в варшаву кацу (къ отцу).

„При семъ прашу, матушка моя, какъ у самаво Бога — у васъ, дарагая моя тетушка: покажи нада мною материнскую миласть: попроси, свет моі, миласти у дарагова государя нашева, батюшка-дядюшка, оба мне, штобъ показалъ миласть: мое супружественнае дела ко окончанию привесть, дабы я болше въ сокрушении і терпени от моіхъ зладеевъ, ссораю кматушке не была. Істеша, матушка моя, донашу: неспозна, какъ нами ругаютца! Еслибы я таперь была при матушки чаю бы чуть была жива отъ іхъ смутакъ: я думаю, і сестрица отъ нихъ, чаю, сокрушилась. Не оставь, моі светъ, сіе в своеі миласте".

„Также ісволили вы, светъ моі, приказовать ко мне: нет ли нужды мне вчомъ здесь? Вамъ, матушка мая, ізвесна, што у меня ничево нетъ, краме што с воли вашеи выписаны штоов: а ежелі к чему случеі позаветъ, і я не імею нарочетыхъ алмазовъ, ни кружевъ, ни полотенъ, ни платья нарочетава: і втомъ ко мне ісволте учинить, матушка моя, по высокаі своеі милости, ізъ зденныхъ поиленыхъ денекъ; а деревенскими доходами насилу я магу домъ і столъ своі в готъ содержать. Также определонъ, по вашему указу, Бестужевъ сынъ ка мне обаръ-камарамъ-юнкаромъ; і живетъ другой годъ без жалованья; і проситъ у меня жалованья; і вы, светъ моі, какъ ісволите? І прошу, матушка моя, не прогневася на меня, што утрудила сваімъ писмомъ, надеючи на миласть вашу ксебе. Еще прошу, свѣтъ моі, штобъ матушка не ведала ничево; і кладусь въ волю вашу: какъ, матушка моя, ізволишь са мною. При семъ племянница ваша Анна кланеюсь“ [1]).

Приведенное нами посланіе, безъ всякихъ объясненій, довольно ярко обрисовываетъ личность герцогини. Мы узнаемъ отношенія царевны къ матери и къ Салтыкову, о которомъ она боится много писать, къ царицѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ и Петру, своимъ милостивцамъ; наконецъ, изъ того же письма ясно видны старанія царевны снять всякое сомнѣніе съ Бестужева, чтобъ отнюдь де не вызвали его изъ Митавы [2]).

Нѣжная заботливость двадцатипятилѣтней царевны о 54-хъ лѣтнемъ любимцѣ и его семействѣ проглядываетъ въ нѣсколькихъ письмахъ. Вотъ одно изъ нихъ, которое, какъ и нижеслѣдующія, приводимъ дословно, но безъ сохраненія массы грамматическихъ ошибокъ, такъ какъ степень грамотности герцогини Курляндской, Анны Ивановны — достаточно засвидѣтельствована вышеприведеннымъ буквально приведеннымъ ея посланіемъ;—здѣсь же сохраняемъ лишь немногія своеобразности ея письма.

---

[1]) Госуд. Арх. Письма Выс. особъ. Анна Ивановна, 1719 г. л. 1—2.

[2]) Петръ Михайловичъ имѣлъ двухъ взрослыхъ сыновей, почти однолѣтокъ съ царевной. Самъ онъ родился въ 1661 г., умеръ въ 1743 г. Отъ жены Авдотьи Ивановны Талызиной Петръ Михайловичъ имѣлъ дочь Аграфену Петровну, вышедшую за князя И. О. Волконскаго, и двухъ сыновей: Михаила Петровича, р. 1688 † 1760, извѣстнаго волокиту и льва своего времени, и Алексѣя Петровича, р. 1693 † 1766, впослѣдствіи знаменитаго канцлера.

„Митава, 1719 годя ноября 1-го. Государыня моя тетушка і матушка царица Екатерина Алексѣевна! здравствуй государыня моя на многія лѣта, вкупѣ съ государемъ нашимъ дядюшкомъ и батюшкомъ и съ государынями нашими сестрицами.

„Прошу, свѣтъ мой тетушка, содержать меня въ вашей высокой милости, въ которой мой животъ, и всю мою надежду, и отъ всѣхъ противностей защищеніе имѣю. Еще прошу вашей высокой милости къ Бестужевой дочери, княгинѣ Волконской, которая нынѣ отселѣ поѣхала: не оставить ее въ вашей высокой милости.

„При семъ, матушка моя дорогая, посылаю вашему величеству досканъ снѣтарноі. о которомъ, свѣтъ мой, прошу милостиво принять.

„При семъ племянница ваша Анна кланяюсь“ [1]).

Пока билъ челомъ Долгоруковъ, да писала свою іеремиаду герцогиня Курляндская, нѣжный братецъ царицы Прасковьи не оставался въ бездѣйствіи. Встрѣчая атаку обороной, Салтыковъ притворился, будто ничего не знаетъ, куда и отъ чего скрылась его жена, и въ мнимомъ невѣдѣніи, 7 февраля 1720 года, подалъ на высочайшее имя объявленіе.

Въ немъ Василій Ѳедоровичъ обстоятельно разсказываетъ о томъ, какъ послалъ его государь въ Митаву состоять при герцогинѣ и какъ оставилъ онъ ее по указу царицы Прасковьи. „При этомъ отъѣздѣ, я приказалъ женѣ своей Александрѣ,—такъ объявлялъ супругъ,—ѣхать за мной въ Петербургъ, какъ можно скорѣй. Для проводовъ оставлены были дворовые люди—Третьяковъ, Гавриловъ, Васильевъ. Веревкинъ, жонка Яковлева, да дѣвица Аграфена Іевлева. Всѣ названные служителя, кромѣ жены моей да служанки, явились ко мнѣ въ Петербургъ. Ни жены, ни дѣвки, ни животовъ моихъ, что при нихъ осталось, не оказалось. А куда всѣ они скрылись — про то я не свѣдалъ; вѣдомо же только то, что жена приказу моего не послушала, учинила противное и не хочетъ со мной въ законѣ жить“.

Салтыковъ просилъ въ заключеніе о снятіи допросовъ съ своихъ людей: куда и зачѣмъ скрылась жена его, куда дѣла его пожитки и проч. Достойно замѣчанія, что въ числѣ представленныхъ имъ служителей не было Васильева: онъ умеръ

---

[1]) Госуд. Арх., письма Анны Ивановны, 1719 г

вскорѣ по пріѣздѣ. Зная тогдашніе нравы и характеръ братца царицы Прасковьи, невольно останавливаешься на мысли — не испустилъ-ли духъ безвѣстный челядинецъ подъ барскими батогами? Не погнѣвался-ли на него бояринъ за недосмотръ за бѣглянкой-княгиней?

Но одинъ не въ счетъ,— на смерть Васильева никто не обратилъ вниманія; за то княжескія жалобы не остались втунѣ. На одной изъ нихъ царь Петръ положилъ резолюцію: „о семъ розыскать и обиженной сторонѣ полную сатисфакцію учинить въ Юстицъ-Коллегіи. А буде за чѣмъ рѣшать будетъ неможно—учинить намъ доношеніе.“ И вотъ дѣло потянулось обычнымъ чередомъ. Однимъ изъ первенствующихъ членовъ коллегіи былъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, другъ и свойственникъ царицы Прасковьи, слѣдовательно на безпристрастіе разсчитывать было трудно.

8 февраля 1720 г. опросили людей; они разсказали извѣстныя намъ обстоятельства, сопровождавшія побѣгъ ихъ госпожи; сняли допросъ съ Шейдякова. Тотъ сознался въ принятой имъ на себя командировкѣ отъ начальника, показалъ и то, какимъ образомъ выполнилъ онъ данное ему порученіе.

„А тебѣ, Шейдякову,—уличалъ Салтыковъ, — безъ мужниннаго позволенія ни увозить жены, ни ѣхать съ ней въ одной коляскѣ не надлежало. По уложенію да по артикулу: кто честную жену, либо вдову, либо дѣвку увезетъ, тотъ подлежитъ смертной казни; командирскаго же приказанія въ столь партикулярномъ дѣлѣ слушать не надлежало“ [1]).

Между тѣмъ князь Долгоруковъ присылалъ письмо за письмомъ; въ каждомъ изъ нихъ онъ повторялъ горькія жалобы на безчеловѣчное обращеніе зятя съ женой, требовалъ дочерняго развода и возврата ея приданаго. Всѣ обвиненія тестя Салтыковъ совершенно отвергалъ, увѣряя устно и письменно, „что жену безвинно мучительски не билъ, немилостиво съ ней не обращался, голодомъ ея не морилъ, убить до смерти не желалъ и пожитки ея не грабилъ“. Впрочемъ скромный супругъ тутъ же не безъ наивности, сознавался: „только за непослушаніе билъ я жену самъ своеручно, да и нельзя было не бить: она меня не слушала, противность всякую чинила, къ милости меня не

[1]) Каб. дѣл. II пол., т. LVIII., лл. 138—139.

привращала и противъ меня невѣжнила многими досадными словами и ничего чрезъ натуру не терпѣла! Бѣжать же ей въ Варшаву было не изъ чего, а жалобы князя писаны были, безъ сомнѣнія, безъ ея согласія" [1]).

Послѣднее предположеніе Салтыковъ основывалъ на письмѣ, присланномъ къ нему женой съ дороги; письмо это, какъ мы видѣли, мало говорило въ пользу ея дѣла и давало надежное оружіе находчивому боярину.

Въ отвѣтъ на показанія зятя, кн. Г. Ѳ. Долгоруковъ отвѣчалъ, что „явную его неправду онъ, за далекимъ своимъ отлученіемъ, нынѣ обличить не имѣетъ возможности. Ходатая не имѣю: одинъ былъ братъ, и тѣмъ меня Богъ за грѣхи ограбилъ". Старый князь пока просилъ государя только объ одномъ: развести его „бѣдственную дочь, чтобъ она на вѣки во слезахъ и въ животѣ своемъ была отъ мужа безопасна, а мнѣ, видя ея непрестанныя слезы, съ печали здѣсь (въ Варшавѣ) не укоснѣть, а отъ его, Василья, поруганія и безчестія безпремѣнно не умереть".

Сила и связи нѣжнаго братца были до такой степени надежны, что онъ сталъ смотрѣть на возникшее дѣло совершенно покойно и даже отпучивался въ отвѣтахъ на обвиненія тестя: „что въ челобитьѣ его написано, — говорилъ обвиняемый, — что иныхъ поступковъ моихъ будто и написать невозможно, въ томъ и отвѣчать мнѣ на то, что въ челобитьѣ не написано невозможно..." „Истецъ же мой, будучи въ Варшавѣ, не вѣдалъ подлинно, какъ жилъ я съ женой въ Митавѣ: видѣть и слышать ему изъ Варшавы въ Митаву далеко и невозможно; а невидавъ да неслыхавъ, и челобитной писать не надлежало! Что же до того, чтобъ возвратить женѣ ея приданое изъ недвижимаго имѣнія, то ни изъ какихъ указовъ, ни изъ пунктовъ уложенія не видно, чтобъ мужья награждали женъ за уходъ..."

Отецъ Салтыковой, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій, въ письмѣ къ императрицѣ, указывая на причины медленности процесса его съ зятемъ, писалъ: „всѣмъ обидимымъ милостивая мать! Извѣстно вашему величеству, какія дочь моя отъ мужа своего нестерпимыя обиды и смертные побои терпѣла и совсѣмъ ограблена и нынѣ безъ всякаго милостиваго страждетъ разсужденія,

---

[1]) Каб. дѣл. II пол., т. XLVI, лл. 89—92, т. LVI, лл. 195—200.

что еще по сіе время не только праваго рѣшенія и ни начала по неусыпному моему прошенію въ ея извѣстномъ дѣлѣ нѣтъ, когда многія противныя сильныя особы людей въ пользу его просятъ и принуждаютъ, а моего никакого истиннаго прошенія принять не хотятъ и къ себѣ ни съ какою истиною меня не допускаютъ; того ради помянутый зять мой въ Москвѣ и по деревнямъ всегда ѣздитъ и до шинѣ гуляетъ и веселится и мнѣ ругается" [1]).

Вообще Василій Ѳедоровичъ велъ дѣло такъ смѣло, ловко и обстоятельно, что Юстицъ-Коллегія единогласно положила: обиженной стороны нѣтъ, такъ какъ взаимно жалуются другъ на друга тесть и зять: обѣ стороны были истцами. Обвиненія князя Долгорукова не доказаны; Салтыковъ же основательно привелъ въ оправданіе собственноручное письмо жены съ дороги въ Варшаву; изъ него видно, что она отъ мужа не отрицается, уѣхала безъ его позволенія, по приказу отцовскому, а пожитки свои добровольно оставила въ Митавѣ. Вслѣдствіе всего этого,—заключала Юстицъ-Коллегія,—сего дѣла безъ подлиннаго отвѣта жены Салтыкова „розпять" невозможно; нужны ея собственныя показанія и ея свидѣтелей; а челобитная отца послѣ ея собственноручнаго письма къ мужу—недѣйствительна; что же касается до развода, того духовнаго дѣла Коллегія судить не можетъ. Подписали: Андрей Матвѣевъ. Brewern. Вольфъ. Іаковъ Масальскій. Стрикъ и Егоръ Кушелевъ.

За уклончивымъ рѣшеніемъ Юстицъ-Коллегіи, дѣло перешло въ Сѵнодъ; но и въ немъ были либо ставленники, либо угодники царицы Прасковьи и ея именитаго братца. Какъ ни торопилъ кн. Г. Ѳ. Долгоруковъ, что ни писалъ онъ то къ государю, то къ его кабинетъ-секретарю, ничто не помогало. Самое заступничество царевны Анны Ивановны за его дочь не помогло разводу, а только усилило злобу Салтыкова: его рѣзкія замѣчанія о дворѣ герцогини Курляндской, найдя опору въ царицѣ Прасковьѣ, вызвали государя на строгое замѣчаніе ея гофмаршалу: „Понеже слышу, писалъ Петръ 22 мая 1721 года къ Бестужеву, что при дворѣ моей племянницы люди не всѣ потребные, и есть и такіе, отъ которыхъ стыдъ только; также порядку нѣтъ при

---

[1]) Соловьевъ: Исторія Россіи, томъ XVII, стр. 199–200.

дворѣ, какъ въ лишнемъ жалованьѣ, такъ и въ расправѣ между людьми, на которое симъ накрѣпко вамъ приказываемъ, чтобъ сей дворъ въ добромъ смотрѣніи и порядкѣ имѣли;... людей непотребныхъ отпусти и впредь не принимай; винныхъ наказывай, понеже неисправленіе взыщется на васъ".

Съ 1722-мъ годомъ пришло время персидскаго похода: милостивцы князя уѣзжали; Сунодъ въ это время могъ рѣшить дѣло не въ его пользу — и вотъ князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ спѣшитъ подать новою челобитною:

„Премилосердая императрица и всѣмъ обидимымъ милостивая мать и государыня! Не смѣлъ моимъ рабскимъ прошеніемъ часто трудить его императорское величество, чтобъ извѣстное продолжительное дѣло въ Сунодѣ бѣдственной дочери моей окончилось при вашемъ величествѣ. А нынѣ сомнѣваюсь, дабы то дѣло, по отшествіи вашего величества, по волѣ государыни царицы Праскевы Ѳедоровны, въ пользу Василья Салтыкова не вершили, что уже у дочери моей изъ Сунода на допросъ мужа ея нынѣ здѣсь и улика взята: и ежели ваше величество отымите отъ меня руку своей милости и не изволите архіереямъ милостиво то дѣло безъ себя приказать по правиламъ св. отецъ окончить, а паче докторскою сказкою, который дочь мою отъ бою мужа ея въ Митавѣ лѣчилъ, которая взята у онаго подъ присягою, не по моему прошенію токмо, но именному его величества указу для истиннаго въ томъ дѣлѣ свидѣтельства, то оное дѣло и паки безконечно будетъ продолжаться.

„О семъ припадая къ ногамъ вашего величества, слезно рабски прошу сотворить свою высокую милость, чтобы то дѣло изволили Суноду нынѣ приказать окончить, дабы бѣдственная дочь моя отъ немилости сильныхъ на вѣки изобижена не была. Вашего величества нижайшій рабъ, князь Григорій Долгоруковъ [1]).

Чѣмъ же кончилась эта семейная драма? Кончилась она не скоро. Въ 1730 году, семь лѣтъ спустя послѣ смерти отца, Александра Григорьевна, разведенная наконецъ съ мужемъ, пострижена, по повелѣнію Анны Ивановны, въ Нижегородскій дѣвичій монастырь, и въ томъ же году схоронила мужа. Дѣйстви-

---

[1]) Каб. II пол., т. LVIII, л. 750.

тельно ли это постриженіе было дѣломъ невольнымъ, поступила ли она въ монастырь прежде или послѣ смерти своего „нѣжнаго“ супруга, — неизвѣстно [1]).

Вообще вся тяжба изъ-за развода для насъ важна не столько сама по себѣ, сколько потому, что ея подробности освѣщаютъ личность единственнаго брата царицы Прасковьи. Самоуправство, хитрость, процырливость, грубость обращенія, доходящая до жестокости, — вотъ главнѣйшія черты, рѣзко выдающіяся въ характерѣ Василія Ѳедоровича Салтыкова. Въ немъ, какъ мы увидимъ, много общаго съ характеромъ царицы Прасковьи; одна личность дѣйствовала на другую: характеръ Прасковьи округлялся и дополнялся свойствами ея нѣжнаго братца; нѣжный братецъ, на-оборотъ, много заимствовалъ у сестрицы, а оба вмѣстѣ — они не могли не дѣйствовать на развитіе умственныхъ и душевныхъ свойствъ будущей императрицы Анны Ивановны и герцогини мекленбургской Катерины Ивановны. Познакомясь съ Анной, мы не можемъ оставить безъ вниманія ея сестры — царевны Катерины.

---

[1]) Единственнымъ плодомъ несчастнаго брака была дочь Аграфена Васильевна Салтыкова, вышедшая за-мужъ за кн. А. Д. Голицына.

V.

Царевна Катерина.

«Катюшка, свѣтъ мої, здравствуі... прибуди на табою миласть божия и пресветые Богородицы миласердие... А бальшая мне печаль а тебѣ... письмы твои Катюшка чту и всегда плачу на ихъ смотря... При семъ буть натобою мае и отцово благословение. Писавый мать ваша царица Прасковья».

„Свѣтъ-Катюшка" была любимицей, баловницей—была отрадой и утѣшеніемъ царицы Прасковьи. Она была старшею ея дочерью, и съ малыхъ лѣтъ, въ ущербъ сестрамъ, пользовалась материнскими ласками и самою теплою привязанностью. Катерина не была особенно образована; какъ ученица Остермана-старшаго—Остермана „неудобнаго" ни къ какому роду службы и занятіямъ—она не сдѣлала, да и не могла сдѣлать какихъ либо успѣховъ. Довольно сказать, что окруженная нѣмцами-гувернерами, она не выучилась даже свободно говорить по нѣмецки и впослѣдствіи только понимала этотъ языкъ, но изъяснялась на немъ не охотно и не хорошо. И такъ не успѣхи ея привлекли особую любовь матери, не красота—и въ ней судьба ее обидѣла,—но рѣзкое отличіе ея характера отъ характеровъ младшихъ сестеръ. Въ самомъ дѣлѣ: сосредоточенная, угрюмая, несообщительная герцогиня Анна, а также вѣчно больная, уродливая и тупая отъ рожденія младшая царевна Прасковья, – и та, и другая рѣзко отличались отъ старшей сестры.

Благодаря описаніямъ современниковъ, мы ясно видимъ предъ собой „свѣтъ-Катюшку".

Маленькая, преждевременно располнѣвшая до чрезмѣрности, черноглазая, съ черною косою, бѣлолицая—она не была красавицей; но за то обращала на себя всеобщее вниманіе непомѣрною болтливостью, громкимъ смѣхомъ, беззаботностью и особенною способностью говорить все, что только взбредетъ въ ея вѣтренную голову.

Она рано стала отличать въ окружающихъ ее придворныхъ—среди пажей, деньщиковъ, секретарей и др. героевъ—красавцевъ; была къ нимъ особенно внимательна, словоохотлива и зачастую отпускала остроты — настолько остроумныя, что лэди Рондо, ни слова не понимавшая по-русски, серьезно находила въ ней „сатирическій взглядъ" на вещи.

На ассамблеяхъ и всякаго рода пиршествахъ „свѣтъ-Катюшка" танцовала гораздо больше, нежели ея хворыя и скучныя сестры; вертѣлась, хохотала, болтала, вызывала и отвѣчала на шутки впопадъ и невпопадъ—и звонкій смѣхъ ея постоянно оглашалъ низенькіе, прокопченные табакомъ и пропахшіе пивомъ и водкой, танцовальные покои общественныхъ собраній.

„Катерина Ивановна",—отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ камеръ-юнкеръ Берхгольцъ,—„женщина чрезвычайно веселая. Она постоянно говоритъ все, что только придетъ ей въ голову, и потому зачастую выходятъ преуморительныя вещи. „Если я буду предъ вами бранить Берхгольца, сказала она мнѣ однажды черезъ переводчика,—стану называть Берхгольца дезертиромъ и измѣнникомъ,—то вы не принимайте этого на свой счетъ. Я браню не васъ, а вашего двоюроднаго брата оберъ-стермейстера, за то, что онъ состоитъ въ шведской службѣ".—Любопытно, замѣчаетъ при этомъ составитель дневника, что Катерина Ивановна хотѣла сказать этимъ комплиментъ, но онъ вышелъ какъ-то особенно страненъ [1]).

А всѣ эти странности нравились многимъ невзыскательнымъ представителямъ тогдашней аристократіи и приводили въ восторгъ нѣжную маменьку. Она положительно не слышала души въ ненаглядной свѣтъ-Катюшкѣ—берегла и лелѣяла ее пуще всего на свѣтѣ.

---

[1]) Берхгольцъ, ч. II, стр. 300. Де-Лирія, стр. 116. Рондо, стр. 45. Лучшіе портреты всѣхъ трехъ дочерей царицы Прасковьи находятся въ императорской Романовской галлереѣ, въ зданіи Эрмитажа, въ Петербургѣ.

Этою любовью объясняется и то обстоятельство, что, желая подольше удержать при себѣ старшую дочь, царица Прасковья охотно отдала прежде замужъ среднюю.

Катерина была утѣхой, другомъ, повѣреннымъ всѣхъ тайнъ старушки матери. Царица нерѣдко черезъ нее обращалась съ своими просьбами къ государю, черезъ нее заискивала въ новой государынѣ... Эта новая государыня съ каждымъ годомъ получала все больше и больше значенія, больше и больше вліянія на частныя дѣла тогдашней аристократіи—и старушка всячески торопилась ее задобрить. Такимъ образомъ, выполняя желаніе матери, царевна Катерина писала къ супругѣ Петра грамотки, преисполненныя самыхъ нѣжныхъ эпитетовъ: „предражайшая, прелюбезнѣйшая голубушка, свѣтъ-царица", поздравляла съ праздниками и всякаго рода торжественными случаями.

Родилась у государыни дочь Марія — и царевна спѣшитъ засвидѣтельствовать свои радостныя чувства, вызванныя этимъ случаемъ: „За него,—увѣряла Катерина,—мы всемилостиваго Бога благодаримъ, что слышемъ про ваше здравіе, что васъ Господь Богъ въ добромъ здравіи распросталъ чрезъ такой вашъ дальній путь..." „А въ новый годъ (1714-й),—продолжала царевна.—подай Господи царевича и чего отъ всего сердца желаемъ [1])..."

И желаніе, какъ надо думать, было самое чистосердечное: государыня вскорѣ, именно 29-го октября 1715 г., родила Петра Петровича. Его появленіе въ свѣтъ — послужило только къ гибели царевича Алексѣя Петровича. Царевичемъ Петромъ Преобразователь рѣшился замѣстить убылое мѣсто наслѣдника престола, но законы Провидѣнія неисповѣдимы — и десять мѣсяцевъ спустя послѣ смерти царевича Алексѣя, умеръ царевичъ Петръ Петровичъ.

Старшая дочь Прасковьи давно была въ лѣтахъ. Ей минуло 24 года, когда вѣнценосный дядя рѣшился, наконецъ, при-

---

[1]) Герцогиня Анна Ивановна, также рано начавшая, ради своихъ нуждъ, заискивать въ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, называла ее, пока положеніе ея при государѣ не выяснилось, „сестрицей и другомъ", но со вступленіемъ Екатерины въ бракъ съ государемъ, именуетъ ее „государыней тетушкой, царицей". См. „Переписку герцогини Курляндской Анны Ивановны". Москва, изд. 1862 г., въ IV т. изданія: „Письма русск. государей".

строить племянницу. За женихами дѣло не стало. Въ январѣ 1716 года явился къ Петру посолъ герцога мекленбургскаго совѣтникъ Габихсталь. Посолъ явилъ грамоту, въ которой герцогъ въ самыхъ выспреннихъ выраженіяхъ просилъ руки одной изъ царевенъ, царскихъ племянницъ – и именно вдовствующей герцогини Анны Ивановны. Государь рѣшилъ выдать царевну Катерину; бракъ этотъ входилъ въ черту его политическихъ плановъ и соображеній [1]).

Съ своей стороны герцогъ Мекленбургскій строилъ на бракѣ съ любой изъ племянницъ русскаго царя большія надежды, расчитывая, что послѣ этого брака найдетъ въ могущественномъ государѣ поддержку своимъ завоевательнымъ планамъ.

— „Тогда я буду въ состояніи всѣмъ предписывать законы“,— сказалъ Карлъ-Леопольдъ своему обермаршалу барону Эйхгольцу, который былъ его главнымъ совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ.

Эйхгольцъ замѣтилъ, что прижитіе дѣтей — главная цѣль брака, и что царскія племянницы для этого слишкомъ стары. Герцогъ успокоилъ своего собесѣдника увѣреніемъ, что намѣренъ жениться на герцогинѣ Курляндской, за которой получитъ славное герцогство.

Къ царю, какъ сказано выше, посланъ былъ мекленбургскій сановникъ Габихсталь, съ порученіемъ просить руки герцогини Курляндской. Желая ускорить сватовство, самъ герцогъ чуть было не отправился въ Петербургъ, но потомъ передумалъ и вмѣсто этого поѣхалъ въ Штральзундъ къ царскому любимцу Ягужинскому, чтобы узнать отъ него о положеніи дѣлъ. При этомъ свиданіи герцогъ вручилъ Ягужинскому обручальное кольцо и бланкетъ, что онъ согласенъ жениться на той изъ царевенъ, которую царь самъ назначитъ. Между тѣмъ, Габихсталь, не подозрѣвавшій какой оборотъ приняло дѣло, продолжалъ настаивать, чтобы герцогу отдана была герцогиня Курляндская. Тогда царь велѣлъ позвать къ себѣ Габихсталя и объявилъ, что, имѣя бланкетъ отъ герцога, можетъ назначить въ невѣсты любую изъ племянницъ, а если Габихсталь еще будетъ настаивать на герцогинѣ Курляндской, то будетъ сосланъ въ Сибирь.

---

[1]) Голиковъ, изд. второе, т. VI, стр. 374, 408—410, 416—417.

Габихсталю оставалось только молчать.

Въ тотъ же вечеръ государь объявилъ царевну Катерину Ивановну невѣстою герцога Мекленбургскаго.

Габихсталь написалъ герцогу о случившемся и сообщилъ, что самъ царь скоро пріѣдетъ въ Данцигъ и привезетъ съ собою царевну.

Эйхгольцъ, разговаривая по этому поводу съ герцогомъ, изъявилъ сожалѣніе, что ему не досталась герцогиня Курляндская, а ея сестра, которая еще старше. Герцогъ отвѣтилъ на это:

— „Что дѣлать! судьба назначила мнѣ эту Катерину; надобно быть довольнымъ; она, по крайней мѣрѣ, любимица царицы".

Но самъ герцогъ не успокоился своими словами и, расхаживая по комнатѣ, наконецъ, спросилъ:

— „Какъ ты думаешь, Эйхгольцъ, хорошо ли это кончится?"

Эйхгольцъ замѣтилъ, что не онъ давалъ такой совѣтъ и не отвѣчаетъ за послѣдствія; при этомъ упрекнулъ герцога, что онъ всегда спрашиваетъ совѣта, а дѣйствуетъ по своему.

Между тѣмъ, въ С.-Петербургѣ, въ день аудіенціи посла отъ герцога Мекленбургскаго, приступлено было къ заключенію свадебнаго контракта. На основаніи его, герцогъ обязывался, по заключеніи сговора, — вступить въ бракъ немедленно, съ подобающимъ торжествомъ, въ томъ мѣстѣ, какое будетъ назначено по взаимному соглашенію. Ея высочество останется православною, равно какъ и весь ея русскій штатъ; причемъ въ резиденціи своей она будетъ имѣть православную церковь. Герцогъ обязывался опредѣлить на содержаніе жены и ея штата надлежащее жалованье; всѣ придворные чины должны были получать приличное содержаніе, и столъ для ея высочества долженъ былъ приготовляться въ надлежащіе дни постный. На случай своей смерти, герцогъ обязывался закрѣпить за женою замокъ Гнстровъ съ двадцатью-пятью тысячами ефимковъ ежегоднаго содержанія.

Что же касается до русскаго государя, то, въ силу свадебнаго договора, онъ обязывался снабдить племянницу экипажами, гардеробомъ и проч., да кромѣ того дать въ приданое двѣсти тысячъ рублей, буде не удастся силою оружія отнять у шведовъ городъ Висмаръ съ Барнеминдомъ, отошедшими отъ Мекленбурга по вестфальскому миру.

Висмаръ, лежащій въ семи миляхъ отъ Балтійскаго моря, нѣкогда принадлежалъ къ славному ганзейскому союзу и вообще былъ весьма выгоднымъ пóстомъ для морской торговли. Вотъ почему, имѣя въ виду усиленіе и упроченіе своихъ торговыхъ сношеній съ Европою, Петръ непремѣнно хотѣлъ имѣть въ сильной крѣпости Висмаръ надежное складочное мѣсто для русскихъ товаровъ, на что и могъ разсчитывать при закрѣпленіи Висмара съ его пригородами за первоначальными владѣльцами, настоящій представитель которыхъ дѣлался его зятемъ.

Но нельзя сказать, чтобъ новый свойственникъ царской фамиліи былъ человѣкъ симпатичный, достойный родства съ могущественнымъ домомъ. Нѣтъ, Карлъ-Леопольдъ—былъ типъ грубаго, необразованнаго, своевольнаго и въ высшей степени взбалмошнаго владѣльца лоскутка Германіи.

Начиная съ того, что онъ вступалъ въ бракъ съ русской царевной, въ то время, когда еще жива была его первая супруга, нѣмка, Софія-Гедвига, рожденная принцесса нассауфрисландская, съ которой онъ еще не успѣлъ развестись, — но онъ съ ней рѣшительно не уживался, точно также какъ не могъ ужиться съ подданными, въ которыхъ видѣлъ постоянныхъ заговорщиковъ на свое имущество, свободу, даже на жизнь. Вслѣдствіе этого онъ ихъ преслѣдовалъ самымъ деспотическимъ образомъ: хваталъ недовольныхъ и бросалъ въ тюрьмы, чинилъ самъ судъ и расправу, и, попирая всякій законъ, посылалъ на эшафотъ... При сварливости, деспотизмѣ и жестокости, герцогъ извѣстенъ былъ еще скупостью. Любимою его поговоркою было: „старые долги не надо платить, а новымъ нужно дать время состарѣться“.

Зналъ ли Петръ о дѣяніяхъ и свойствахъ будущаго зятя? Нѣтъ сомнѣнія, что зналъ какъ нельзя лучше; но едва ли смотрѣлъ на это строго, а главное—эти неудобства были ничтожны въ его глазахъ, предъ несомнѣнными выгодами брачнаго союза. Свадебный договоръ былъ подписанъ обоими представителями своихъ государей: вице-канцлеромъ Шафировымъ и совѣтникомъ Габихсталемъ. Послѣдній въ особомъ сепаратномъ артикулѣ обязывался до совершенія брака предъявить точное доказательство о разводѣ герцога съ первой женой.

По совершеніи обрученія и сговора — посолъ герцога

Габихсталь имѣлъ отпускныя аудіенціи у всѣхъ членовъ царской фамиліи; причемъ царица Прасковья, какъ хлѣбосольная хозяйка и мать высокой невѣсты — всячески старалась его угостить. Была ли она довольна брачнымъ договоромъ? Неизвѣстно, но хочешь или не хочешь, а покориться было надо; она знала крутой нравъ Петра: противиться ему было дѣломъ не легкимъ. Впрочемъ, государь, какъ всегда, былъ ласковъ и внимателенъ къ невѣсткѣ и еще незадолго до пріема мекленбургскаго посла, провелъ у нея нѣсколько часовъ въ толкахъ и бесѣдѣ о предстоящемъ сватовствѣ нѣмецкой владѣтельной персоны.

Прасковья убѣдительно просила государя выдать ея Катюшку замужъ не иначе, какъ въ своемъ высокомъ присутствіи; причемъ просила строго на строго наказать ея мужу, чтобъ онъ берегъ жену. Старушка скорбѣла, что за тяжкими недугами не могла сама быть на торжествѣ, столь близкомъ ея родительскому сердцу.

27 января 1716 года она проводила свою любимицу въ дальнюю дорогу. Государь съ государыней, съ племянницей-невѣстой и съ необходимою свитою — выѣхалъ изъ Петербурга въ Данцигъ [1]).

Царица Прасковья Ѳедоровна сильно скучала по отъѣздѣ дочери, особливо первые два мѣсяца. Въ это время она пишетъ письмо за письмомъ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, бывшей съ государемъ за границею. Извѣщая ее о здоровьи дѣтей, она униженно молитъ не оставлять „своею милостью“ царевну Катерину. Вотъ для примѣра одно изъ таковыхъ писемъ, каковое приводимъ безъ грамматическихъ ошибокъ царицы:

„Государыня моя невѣстушка и матушка царица Екатерина Алексѣевна!

„Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ, купно съ Государемъ нашимъ общимъ батюшкомъ, съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ.

„Доношу вашей милости: дорогія дѣтки ваши, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ. Благодарствую, государыня моя, за писаніе ваше, чего и впредь желаю слышать чрезъ писаніе о ва-

---

[1]) Поддѣльная записка, изд. 1772 г., т. II, стр. 14. Голиковъ, т. VI, стр. 98—109, 474—473.

шемъ общемъ здравіи; а что изволишь писать, чтобъ взаимно не покинуть дорогихъ дѣтокъ вашихъ, и мы ради служить — лишь бы что вамъ было угодно"... „А (о) Катюшкѣ прошу пожалу(й), свѣтъ мой! содержать ее въ такой милости, какъ отъ всюдова слышу превеликую къ ней милость; а (о) томъ, свѣтъ мой, еще прошу, что съ молодости какая непст(и)рава — пожалуй, свѣтъ мой, поучи и покручинься и побей по такой (т)воей милости. При семъ остаюся Прасковья".

(Изъ) Петербурга.

Женихъ явился въ Данцигъ 8-го марта 1716 г. и здѣсь впервые увидѣлъ свою веселую, бойкую, хохотунью невѣсту. Первый день ихъ знакомства заключился торжественной ассамблеей у бискупа вармипскаго, князя Потоцкаго; затѣмъ послѣдующіе дни, вплоть до свадьбы, прошли въ осмотрѣ достопамятныхъ зáмковъ, мѣстностей, церквей, въ посѣщеніи музеевъ; вечера — въ театрахъ и ассамблеяхъ. Нельзя не пожалѣть, что до насъ не дошли (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ бумагахъ, которыя мы пересматривали) письма Катерины къ ея матушкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ нихъ мы бы узнали какое впечатлѣніе произвелъ на нее Карлъ-Леопольдъ, насколько полюбилась ей его бесѣда, его наружность, его придворные... Въ офиціальныхъ же источникахъ мы ничего не находимъ, кромѣ сухого, безжизненнаго перечня празднествъ и торжествъ, въ которыя погрузилась брачная чета. Празднества были тѣмъ великолѣпнѣе, что въ Данцигъ съѣхались не только уполномоченные отъ вѣнценосныхъ владѣтелей Даніи, Пруссіи, Гановера, но явился и самъ „великолѣпный" король Польскій Августъ II. Всѣ они поспѣшили къ Петру, подъ его знамя, для составленія грознаго союза противъ Швеціи... И тутъ, среди политическихъ толковъ, пересудовъ и разсужденій, въ которыхъ иногда довольно безплодно пропадало время, они всячески старались щегольнуть передъ русскимъ царемъ великолѣпными празднествами и пирами.

Но если мало подробностей объ этихъ дняхъ соединенія царской племянницы съ герцогомъ Карломъ Леопольдомъ находимъ мы въ офиціальныхъ источникахъ, то въ высшей степени интересныя данныя для характеристики нравовъ общества той эпохи даетъ намъ въ своемъ разсказѣ Эйхгольцъ — оберъ-маршалъ и наиближайшій совѣтникъ герцога Мекленбургскаго.

Герцогъ Карлъ-Леопольдъ выслалъ къ царю Петру на встрѣчу въ Данцигъ барона Эйхгольца. Въ Данцигѣ Эйхгольцъ милостиво принятъ былъ царемъ и царскою фамиліею; приглашали его всюду, гдѣ угощали царя. Онъ очень опасался, чтобы герцогъ, перемѣнивъ мысли, не отказался-бы пріѣхать на свадьбу и чтобы его, посланника, не отправили за то въ Сибирь.

Царь ежедневно спрашивалъ: „Wann kumm (kommt) Herzog?"

Наконецъ, на седьмой день, герцогъ Карлъ-Леопольдъ пріѣхалъ и Эйхгольцъ повелъ его тотчасъ къ епископу Ермеландскому, у коего царь Петръ находился въ гостяхъ со всѣмъ своимъ семействомъ.

При входѣ герцога, царь спросилъ: „Wo ist Ober-Marchall?" (т.-е. Эйхгольцъ); но самъ герцогъ показался и Ягужинскій представилъ его государю (8-го марта 1716 г.).

Царь обнялъ и поцѣловалъ герцога и подвелъ его къ царицѣ и къ невѣстѣ, царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

Передъ царемъ (такъ разсказываетъ Эйхгольцъ) его свѣтлость велъ себя съ бо̀льшею скромностью и смиреніемъ, нежели передъ самимъ цесарскимъ величествомъ и почти съ рабскимъ униженіемъ, а передъ царицею и невѣстою онъ былъ хотя вѣжливъ, но холоденъ, такъ что Эйхгольцъ нашелъ нужнымъ извинить его, сказавъ оберъ-гофмейстеринѣ россійскаго двора:

— „Кажется, свѣтлѣйшій женихъ еще не довольно познакомился и отъ дороги не въ веселомъ расположеніи духа, но это пройдетъ".

Въ первый вечеръ герцогъ довольно понравился царю, потому что Петръ не успѣлъ узнать его короче, ибо герцогъ былъ отвлекаемъ иностранными и россійскими министрами, подходившими къ нему съ поздравительными привѣтствіями. Когда сѣли за ужинъ, Эйхгольцъ замѣтилъ, что герцогъ, сидѣвшій подлѣ царя, снова принялъ свойственный ему холодный и угрюмый видъ; онъ, вставъ и подошедъ къ герцогу, сказалъ ему на ухо, чтобы онъ предложилъ царю большой кубокъ за здравіе родителя и сына. Герцогъ исполнилъ совѣтъ и царь, принявъ тостъ, поцѣловалъ герцога. Потомъ Эйхгольцъ, подойдя къ царю, сказалъ:

— „Ваше царское величество приняли нынѣ моего милостивѣйшаго герцога за сына и дали ему супругу. Осмѣливаюсь и я просить, чтобы и меня ссудили женою".

Царь, смотря на него, съ удивленіемъ спросилъ по-голландски: „А что, развѣ ты еще не женатъ?“ Потомъ, снявъ съ него парикъ и посмотрѣвъ на него, продолжалъ:

— „Сверху ты молодецъ и имѣешь хорошій умъ, но снизу обстоитъ плохо“.

Эйхгольцъ, покраснѣвъ, замолчалъ, и когда послѣ ужина начались танцы и царь ему приказалъ танцовать, онъ отвѣчалъ:

— „Ваше величество меня такъ пристыдили предъ всею компаніею, что я уже не смѣю поднять глазъ ни на одну изъ дамъ“.

Царь, смѣясь, сказалъ: „Я ужо найду тебѣ пару“.

На второй и третій день герцогъ велъ себя изрядно, но на четвертый за ужиномъ возникъ споръ: лучше-ли для кавалеріи колоть по-шведски или рубить по-русски?

Царь былъ послѣдняго мнѣнія, а герцогъ придерживался перваго такъ усердно и упорно, что споръ сдѣлался шумнымъ, а Эйхгольца бросало въ потъ, какъ Іуду (Judas-Schweiss geschwitzet).

Возвращаясь домой, Эйхгольцъ сказалъ герцогу: „Ради Бога, ваша свѣтлость, берегитесь! Вы имѣете дѣло съ такимъ государемъ, съ которымъ надобно обходиться осторожно. Какое вамъ дѣло, что лучше: колоть или рубить? Конечно, вы пріѣхали сюда, чтобы колоть, но иначе“.

Герцогъ отвѣчалъ, что заблаговременно должно пріучить царя такъ, какъ ему нужно.

Начались переговоры касательно брачныхъ трактатовъ. „Когда графъ Горнъ,—говоритъ Эйхгольцъ,—сочинялъ брачный трактатъ между покойнымъ герцогомъ и его супругою, то не имѣлъ другого труда, кромѣ составленія выписки изъ прежнихъ договоровъ герцогскаго дома, и за то дали ему 1,000 червонцевъ и сверхъ того серебряный сервизъ въ 5,000 гульденовъ. Нынѣ же россійскіе министры и слышать не хотятъ о прежнихъ договорахъ герцогскаго дома, говоря, что дѣло идетъ объ императорской принцессѣ, которую слѣдуетъ иначе обезпечить, нежели прежнихъ герцогинь Мекленбургскихъ. Прежнимъ герцогинямъ, бывшимъ не одной вѣры съ супругами, позволялось имѣть только одного духовника; русскіе же требовали содержанія архимандрита и 12 человѣкъ пѣвчихъ. Прежнимъ оберъ-гофмейстерминамъ назначали 500 талеровъ жалованья; теперь требовали 3,000, и въ той же соразмѣрности жалованья придворнымъ дамамъ“.

Бѣдный Эйхгольцъ по цѣлымъ днямъ спорилъ съ Головкинымъ, Шафировымъ и Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, такъ что едва не подвергся кровохарканію (dass er hätte mögen Blut speyen); а когда по вечерамъ герцогъ приходилъ къ царицѣ, то его свѣтлость не упорствовалъ и соглашался на всѣ требованія россійскихъ министровъ. Придворныя русскія дамы стали такъ ненавидѣть Эйхгольца, что при появленіи его громко восклицали: „Ин Ober-Marschall, Bös(er) Mann! Bös(er) Mann!"

Но царь Петръ Алексѣевичъ, слыша сіе, всегда защищалъ его, говоря: „Онъ правъ; онъ дѣлаетъ, что́ государь его велитъ и соблюдаетъ его пользу".

Предложили заплатить герцогу 200,000 руб. сер. (по тогдашнему 400,000 талеровъ), доставшихся Екатеринѣ Ивановнѣ по наслѣдству отъ родителя ея; но герцогъ, подъ видомъ великодушія, отклонилъ сіе предложеніе и просилъ гарантировать ему лучшіе городъ Висмаръ. „Такъ,—говоритъ Эйхгольцъ,—у насъ изъ-подъ носу ускользнули 400,000 талеровъ. Зачѣмъ было не взять этихъ денегъ въ зачетъ за несправедливыя притѣсненія, претерпѣваемыя Мекленбургскимъ краемъ отъ россійскаго войска!"

Носился слухъ, что генералъ Адамъ Вейде и кн. Долгоруковъ соединятся съ корпусомъ кн. Репнина въ Мекленбургѣ.

— „Берегитесь, ваша свѣтлость,—говорилъ Эйхгольцъ герцогу,—чтобы эти русскіе не пожрали цѣлаго Мекленбурга".

Герцогъ отвѣчалъ: „Пустое, они намъ ничего не сдѣлаютъ. Нѣтъ народа, который довольствовался бы столь малымъ. Русскіе ѣдятъ траву и пьютъ воду".

Это показалось Эйхгольцу не безвѣроятнымъ, потому что онъ помнилъ, какую превосходную дисциплину россійскія войска соблюдали въ 1712 г., причемъ поддержаніе этой дисциплины ничего не стоило, кромѣ лучшаго коня изъ герцогской конюшни, со сбруею, купленною въ Парижѣ за 1,800 талеровъ, и кошелька съ 1,000 червонцами, доставшихся въ подарокъ главнокомандующему князю Меншикову. Такъ и Петръ Андреевичъ Толстой говорилъ, что войска не требуютъ ничего, какъ: „un poco di pane! un poco di pane!"

Между тѣмъ, по случаю пріѣзда въ Данцигъ короля польскаго, у русскихъ вельможъ ежедневно были балы и разныя угощенія.

По подписаніи брачныхъ трактатовъ, герцогъ, вовсе не думая о совершеніи брака, избѣгалъ присутствія царя, извиняясь разными пустыми предлогами; съ невѣстою обходился онъ весьма равнодушно и поступалъ чрезвычайно надменно съ россійскими вельможами, которымъ оказывалъ даже презрѣніе, такъ что всѣ перестали его любить. Царь скоро узналъ герцога, и шведскій его нарядъ, и шведскій мундиръ его людей ему надоѣли; но, давъ уже слово, настаивалъ на совершеніи бракосочетанія.

Наканунѣ свадьбы (7-го апрѣля 1716 г.) герцогъ Карлъ-Леопольдъ причастился св. таинъ.

8-го апрѣля 1716 г., въ день свадьбы, поутру, Эйхгольцъ, подойдя къ кровати герцога, спросилъ его: „каково теперь сердечку вашему и чувствуете-ли, ваша свѣтлость, себя спокойнымъ?“

Герцогъ отвѣчалъ: „да!“, и, вставъ, одѣлся по своему великолѣпію, не забывъ большой шведской шпаги на широкой, богато вышитой, перевязи. Онъ не могъ отвыкнуть отъ этой шведской моды, хотя Эйхгольцъ нерѣдко ему говаривалъ:

— „Ваша свѣтлость! съ кѣмъ хотите драться, что всегда изволите носить столь огромную шпагу? Не лучше-ли было бы, если-бъ вы одѣвались одинаково съ другими принцами — скромно и безъ особеннаго отличія?“

Эйхгольцъ замѣтилъ, какъ странность, что герцогъ въ день свадьбы не надѣлъ манжетовъ.

Герцогъ въ день свадьбы обѣдалъ дома. Послѣ обѣда, въ 2 часа, пріѣхалъ генералъ Вейде везти герцога въ своей каретѣ къ царю, ибо герцогъ не имѣлъ съ собою собственнаго экипажа. Предъ нимъ ѣхала, въ наемныхъ каретахъ, свита его: Вальтеръ, Габихсталь, Беркгольцъ и Эйхгольцъ. Площадь предъ домомъ, въ коемъ жилъ царь, и даже крыши сосѣдственныхъ домовъ наполнены были народомъ. Когда герцогъ выходилъ изъ кареты, то зацѣпилъ парикомъ за гвоздикъ и долженъ былъ стоять нѣсколько минутъ съ голою головою посреди народа, покуда вѣрный Эйхгольцъ не успѣлъ снять парикъ съ гвоздя и снова надѣть ему на голову.

У царя находился король польскій; ихъ величества приняли герцога весьма благосклонно. Въ присутствіи прочихъ андреевскихъ кавалеровъ, царь наложилъ на герцога орденъ и всѣ ка-

валеры, по очереди, обнимали новаго своего товарища. Потомъ вошли къ невѣстѣ, убранной велико-княжескою короною (fast Kaiserliche Krone), и отправились пѣшкомъ чрезъ улицу въ часовню, на-скоро построенную. Русскій архіерей совершилъ обрядъ вѣнчанія, не взирая на представленныя Эйхгольцомъ опасенія, состоявшія въ томъ, что процессъ о разводѣ герцога съ супругою перваго брака еще продолжался въ Вѣнѣ, и поелику греческая вѣра не принадлежала къ числу принятыхъ въ римской имперіи вѣроисповѣданій, то законность новаго брака впослѣдствіи времени могла быть оспариваема [1]). Посему Эйхгольцъ совѣтовалъ герцогу обрядъ вѣнчанія поручить священнику какого-либо въ римской имперіи признаннаго вѣроисповѣданія; но герцогъ не внялъ этому совѣту. Во время церемоніи, продолжавшейся два часа, царь Петръ, по своему обыкновенію, часто переходилъ съ одного мѣста на другое и самъ указывалъ пѣвчимъ въ псалтырѣ, что надлежало пѣть.

Изъ церкви пошли процессіею къ вечернему столу и многіе въ народѣ громко восклицали:

— „Смотрите, у герцога нѣтъ манжетъ!"

Столъ накрытъ былъ въ узкой комнатѣ. Брачное ложе находилось въ комнатѣ, украшенной въ японскомъ вкусѣ и наполненной японскими лакированными вещами, какихъ, по словамъ Эйхгольца, у русскихъ много. Самая кровать была также лакирована и Эйхгольцъ опасался, что герцогъ въ нее не ляжетъ, такъ какъ запахъ отъ лакировки былъ ему противенъ.

На площади, передъ домомъ герцога, былъ фейерверкъ. Царь Петръ Алексѣевичъ, сопровождаемый королемъ польскимъ Августомъ II и герцогомъ Мекленбургскимъ, ходилъ и суетился по площади и самъ забавлялся зажиганіемъ ракетъ. Эйхгольцъ ходилъ за своимъ герцогомъ, боясь падающихъ ракетныхъ шестовъ. Онъ сказалъ ему, что свѣтлѣйшая невѣста въ 10 часовъ удалилась въ спальню и что уже пробилъ часъ пополуночи, а что потому и его свѣтлости пора ложиться спать. Наконецъ онъ убѣдилъ герцога войти въ спальню и самъ, утомленный и притомъ полупьяный, легъ спать и заснулъ крѣпкимъ сномъ, однако-жъ не надолго.

---

[1]) Первая жена Карла-Леопольда была Софія-Гедвига, рожденная принцесса Нассау-Фрисландская.

Около 4-хъ часовъ пополуночи кто-то разбудилъ его, сказавъ тихимъ голосомъ:

— „Эйхгольцъ, Эйхгольцъ, что ты, спишь?"

Проснувшись и очнувшись съ трудомъ, Эйхгольцъ увидалъ предъ собою герцога и сильно испугался, думая что опять случилось такое происшествіе (?), какъ съ разведенною герцогинею. Но герцогъ велѣлъ ему не дѣлать шуму и объявилъ, что хочетъ лечь къ нему. Эйхгольцъ уступилъ ему свою кровать, а самъ легъ къ Беркгольцу.

Несмотря на свой странный поступокъ, герцогъ на другое утро пошелъ къ герцогинѣ и поднесъ ей подарки. Потомъ велѣлъ Эйхгольцу заготовить увѣдомительныя письма о заключенномъ бракѣ: къ цесарскому величеству и ко всѣмъ курфирстамъ.

На другой день царь угощалъ новобрачныхъ.

На третій день герцогъ обѣдалъ дома. Кромѣ оберъ-гофмейстерины, Екатерина Ивановна имѣла при себѣ трехъ фрейлинъ русскихъ: прекрасную Салтыкову, состоявшую въ близкомъ родствѣ съ своею повелительницею, Балкъ [1]), и третьею, коей имени Эйхгольцъ не помнитъ [2]).

Герцогъ спросилъ его, какъ водилось при прежнихъ герцогахъ мекленбургскихъ: допускались-ли фрейлины къ герцогскому столу?

Эйхгольцъ отвѣчалъ утвердительно, на что герцогъ шутя сказалъ: „ты это говоришь потому, что ты влюбленъ въ Салтыкову". Эйхгольцъ смѣясь возразилъ: „а что за бѣда, хотя бы и такъ?" Герцогъ продолжалъ: „Если женишься на ней, то будешь со мною въ родствѣ" [3]). Эйхгольцъ благодарилъ за честь, отъ которой однако-жъ отказался, ибо смѣшно было бы, если-бъ

[1]) Наталья Ѳедоровна Балкъ, родная племянница несчастнаго камергера Монса, казненнаго въ 1724 г., вышла впослѣдствіи за флотскаго офицера Лопухина, пожалована была въ статсъ-дамы и жила въ связи съ оберъ-шталмейстеромъ графомъ Левенвольде. Въ «Русской Старинѣ» (изд. 1874 г., т. XI, стр. 1—44: 191—235) подробно разсказана трагическая судьба, постигшая эту злосчастную женщину. По преданіямъ, она тѣмъ особенно раздражила противъ себя императрицу Елисавету Петровну, что позволила себѣ отозваться: „я хотя и пожилая женщина, но все еще красивѣе, нежели Елисавета Петровна". Наталья Лопухина скончалась въ 1763 г.

[2]) Это была Воейкова.

[3]) Мать царевны Екатерины Ивановны, герцогини Мекленбургской, царица Прасковья Ѳедоровна, какъ мы уже говорили, была рожденная Салтыкова.

мужъ и жена не могли говорить другъ съ другомъ. (Салтыкова не знала нѣмецкаго языка). Рѣшено было, чтобы фрейлины обѣдали за герцогскимъ столомъ. Но когда шли къ столу, герцогъ, подозвавъ Эйхгольца, приказалъ, чтобы придворныя дамы, кромѣ оберъ-гофмейстерины, сѣли за маршальскимъ столомъ, прибавляя: „Надлежитъ этихъ (дѣвушекъ) заранѣе учить, какими имъ должно быть". Эйхгольцъ тщетно представлялъ герцогу сколь это имъ будетъ обидно и, наконецъ, объявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ, какъ тайный совѣтникъ и оберъ-маршалъ, самъ сядетъ за маршальскимъ столомъ, а мѣсто его при герцогскомъ столѣ можетъ заступить Беркгольцъ. Потомъ онъ подалъ руку Салтыковой и повелъ ее къ маршальскому столу, объясняя ей, чрезъ Наталью Ѳедоровну Балкъ, что имъ тутъ будетъ гораздо лучше и непринужденнѣе, нежели у герцогскаго стола. Салтыкова стала горько плакать и рыдать, не хотѣла даже отдать изъ рукъ вѣера своего и ничего не отвѣдала, хотя Эйхгольцъ палъ предъ нею на колѣна, цѣловалъ у ней руки и просилъ, чтобы она успокоилась. Нечего дѣлать! и другія дѣвицы ничего не кушали.

По окончаніи стола, Салтыкова убѣжала къ герцогинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ: поднялись шумъ, рыданіе, вопли и слезы, такъ что, — разсказываетъ Эйхгольцъ, — „страшно было слушать". Царь сильно почувствовалъ поступокъ герцога, а Салтыкову отозвали отъ двора герцога.

Герцогъ весьма щедро одарилъ россійскихъ министровъ и придворныхъ, на что употребилъ купленныя имъ за 70,000 талеровъ драгоцѣнности. Всѣмъ дарили перстни, даже служанкамъ при камермедхенахъ. Но съ россійской стороны мекленбургцамъ ничего не подарили, ниже кривой булавки (nicht eine krumme Stecknadel).

Въ числѣ заказанныхъ въ Гамбургѣ подарковъ было три перстня, каждый въ 4,000 талеровъ; такъ какъ невозможно было сдѣлать ихъ равной цѣнности, одинъ перстень стоилъ только 3,500 талеровъ, хотя видомъ не отличался отъ другихъ. По отъѣздѣ герцога изъ Данцига, Габихсталь вручилъ перстни въ 4,000 талеровъ Головкину и Шафирову, а Толстому, какъ младшему тайному совѣтнику, — въ 3,500 талеровъ. Толстой, который, вѣроятно, велѣлъ оцѣнить свой перстень, поднялъ вели-

кій шумъ и сказалъ Остерману: „Что́ герцогъ себѣ воображаетъ, что поступаетъ со мною такъ подло!“ и пр. Остерманъ, получивъ перстень въ 1.800 талеровъ, и желая успокоить Толстого, предложилъ ему взять въ добавокъ и его перстень. Толстой хотя на это согласился, но сей „грубіянъ“, какъ его называетъ Эйхгольцъ, не переставалъ принимать предъ нимъ вида оскорбленнаго и невѣжливаго, и даже не принесъ благодарности герцогу по пріѣздѣ своемъ въ Шверинъ.

Въ Шверинѣ покои во дворцѣ обивались краснымъ бархатомъ и шпалерами и всѣ приготовленія были сдѣланы къ пріему царя. Завербованныя Фитингофомъ, по приказанію герцога, войска стояли въ парадѣ при въѣздѣ царя (12-го мая 1716 г.), и когда царь съ герцогомъ проѣзжали верхомъ мимо войскъ, сей послѣдній кивнулъ головою Эйхгольцу и выразилъ глазами, сколь онъ доволенъ имѣть столь прекрасныхъ солдатъ. Царь принятъ былъ съ такими почестями, какъ самъ императоръ (т.-е. цесарское величество). Разумѣется, что ему отведены были лучшія комнаты во дворцѣ.

Когда Эйхгольцъ на слѣдующее утро явился къ царю для поклона, онъ не нашелъ никого въ передней. Проходя чрезъ нѣсколько комнатъ и не встрѣчая никого, онъ входитъ въ приготовленную для августѣйшаго гостя спальню и видитъ, что кровать осталась неприкосновенною. Наконецъ, слыша, что ходятъ по потаенной лѣстницѣ, пошелъ по ней и засталъ царя подъ крышею въ каморкѣ, приготовленной для его камердинера, въ кровати коего онъ изволилъ почивать.

Обѣденный столъ царь велѣлъ накрыть въ самой маленькой комнатѣ дворца, ибо его величество вообще любилъ маленькія комнаты. Говорятъ, что таковъ его обычай. Въ Берлинѣ онъ спалъ на медвѣжьей шкурѣ за дверьми. Предполагали, что онъ это дѣлаетъ для избѣжанія опасности, дабы не знали, гдѣ онъ спитъ. Въ Шверинѣ царь началъ лечиться пирмонтскими водами. Между тѣмъ герцогъ уѣхалъ на короткое время въ Ростокъ, чтобы сдѣлать приготовленія къ пріѣзду царя. На возвратномъ пути герцогъ остановился на обѣдъ въ Пассенѣ. Квартирующіе тамъ русскіе солдаты жестоко бранили управителя этого имѣнія за то, что данный имъ хлѣбъ нехорошъ, и требовали лучшаго, угрожая управителю, что, въ противномъ случаѣ,

они поколотятъ его по-русски. Управитель спасся отъ нихъ въ комнатѣ, гдѣ герцогъ обѣдалъ. Но раздраженные солдаты въ открытыя двери бросили туда данный имъ хлѣбъ. Эйхгольцъ, смѣясь, спросилъ герцога:

— „Неужели это тѣ самые люди, которые довольствуются водою и травою? Господи, упаси меня отъ такого тестя, коего люди такъ бы со мною поступали!“

Герцогъ молчалъ въ изумленіи. Эйхгольцъ представилъ герцогу, что если русскіе такъ поступаютъ въ его имѣніяхъ, каково должно быть ихъ поведеніе въ дворянскихъ имѣніяхъ, и что онъ, герцогъ, какъ владѣтельный князь, предъ Богомъ и предъ собственною своею совѣстью обязанъ поговорить о томъ съ царемъ. Эйхгольцъ не переставалъ напоминать о томъ герцогу; но когда послѣднему представился случай говорить съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, герцогъ Мекленбургскій струсилъ и молчалъ, какъ онѣмѣлый (als wenn er aufs Maul geschlagen wäre). Наконецъ, когда царь однажды прогуливался въ саду, Эйхгольцъ снова началъ понукать своего герцога, чтобы, пользуясь этимъ случаемъ, завелъ разговоръ о постояхъ. Герцогъ никакъ не могъ рѣшиться, и наконецъ сказалъ Эйхгольцу: „ты самъ поговори“. Эйхгольцъ принялъ на себя это порученіе и, дѣйствительно, царь изволилъ издать регламентъ: сколько хлѣба, мяса, крупы, сала крестьяне обязаны давать солдатамъ. Но существеннаго облегченія не послѣдовало. Русскіе пили и ѣли не только во дворцѣ, гдѣ послѣдній конюхъ требовалъ всего, что ему въ голову приходило; но и въ городѣ, въ домахъ, гдѣ жили россійскіе министры, столъ долженъ былъ быть накрытъ цѣлый день. „И русская толпа, — говоритъ Эйхгольцъ, — оставалась у насъ на шеѣ до тѣхъ поръ, пока царь, по славной кампаніи въ Зеландіи, не уѣхалъ въ Голландію и потомъ во Францію“.

Въ Шверинѣ царь любилъ обѣдать въ герцогскомъ саду, изъ коего прекраснѣйшій видъ на Шверинское озеро. Герцогъ всегда требовалъ, чтобы его дворцовый караулъ занималъ всѣ посты. Эта герцогская гвардія состояла изъ людей исполинскаго роста, съ огромными усами, и чѣмъ они видомъ были страшнѣе и суровѣе, тѣмъ болѣе нравились герцогу. Во время обѣденнаго стола всегда четверо стояли тутъ съ обнаженными шпагами. Царь, любя быть безъ принужденія и не на виду, неоднократно

просилъ герцога избавить его отъ этихъ излишнихъ почестей, но не успѣлъ въ своей просьбѣ. Однажды вечеромъ, когда комары стали безпокоить компанію, рѣчь зашла о томъ, какъ бы скорѣе избавиться отъ нихъ.

Царь Петръ Алексѣевичъ сказалъ герцогу: „Вотъ эти мужчины съ обнаженными шпагами ни къ чему иному не годны; велите имъ подойти и отгонять комаровъ огромными своими усами".

Когда царица уѣхала изъ Шверина, Эйхгольцъ ожидалъ, что она изъявитъ свое удовольствіе обыкновенными подарками придворнымъ чинамъ, въ особенности ему, какъ оберъ-маршалу. Но она не пожаловала ему ни гроша (nicht einen Kreuzer). Когда онъ велъ ее къ каретѣ, Екатерина Алексѣевна ему сказала:

— „Я останусь у васъ въ долгу".

Эйхгольцъ отвѣчалъ, что того не знаетъ; но что, впрочемъ, считаетъ за большую честь, если столь великая государыня у него въ долгу. Между тѣмъ онъ просилъ одной милости, чтобы ея царское величество упросила царя объ освобожденіи баварскаго дворянина барона Пфертнера, состоящаго въ шведской службѣ и взятаго въ плѣнъ въ полтавскомъ сраженіи, чѣмъ ея величество обяжетъ также княгиню Нидеръ-Министерскую, съ коею баронъ Пфертнеръ состоитъ въ родствѣ, а его, Эйхгольца, вполнѣ вознаградитъ за его старанія. Царица обѣщала исполнить эту просьбу и Эйхгольцъ впослѣдствіи напоминалъ ей о томъ неоднократно своими записками въ Гагѣ и въ Ахенѣ; но царица даже не справлялась о Пфертнерѣ, а тѣмъ менѣе просила за него царя. „Столь мало,—говоритъ Эйхгольцъ,—имѣла она великодушія".

Положено было, чтобы царскіе министры имѣли совѣщанія съ герцогскими о тѣсномъ союзѣ между обоими дворами и объ обоюдныхъ ихъ пользахъ. Такъ какъ царь не любилъ мекленбургскаго министра Неткума, то послѣдній не участвовалъ въ совѣщаніяхъ. Со стороны царя назначены были Шафировъ и баронъ Шлейницъ; со стороны герцога — Эйхгольцъ и Габихсталь.

Наканунѣ Эйхгольцъ спросилъ герцога: не желаетъ-ли онъ лично открыть засѣданіе и какіе предметы имѣютъ быть трактуемы? Герцогъ предоставилъ Эйхгольцу открыть засѣданіе при-

вѣтствіемъ. Предметами совѣщанія были: 1) О новомъ бракѣ герцога и о претензіяхъ разведенной съ нимъ герцогини. 2) О городѣ Висмарѣ. 3) Объ удовлетвореніи герцога за военные убытки. 4) Касательно дворянства. О пятомъ предметѣ, яко секретномъ, Эйхгольцъ умалчиваетъ. (Полагаютъ, что оный касался до проекта герцога—промѣнять Мекленбургъ на Курляндію).

Герцогъ велѣлъ позвать къ себѣ Шафирова и не отпустилъ его до полуночи.

Въ слѣдующій день уполномоченные собрались въ герцогскихъ покояхъ. Герцогъ самъ занималъ предсѣдательское мѣсто. Эйхгольцъ открылъ конференцію изъявленіемъ благодарности за то, что царь намѣревается вступить съ его герцогскою свѣтлостью въ тѣсный союзъ. Посему обоюдная польза требовала принять такія мѣры, чтобы разведенная герцогиня, имѣющая столь многихъ друзей при всѣхъ нѣмецкихъ дворахъ, не могла представлять свое дѣло съ слишкомъ невыгодной для герцога стороны. При первомъ, второмъ и третьемъ пунктахъ все шло хорошо и согласились, чтобы царскимъ посланникамъ въ Вѣнѣ, Брауншвейгѣ и Лондонѣ предписано было дѣйствовать въ пользу герцога единодушно съ Мекленбургскими. Но когда дошли до четвертаго пункта, герцогъ самъ началъ говорить съ яростью, обвиняя дворянство свое въ ужасныхъ небывалыхъ преступленіяхъ и произнося столь неосторожныя рѣчи, что Эйхгольцъ, забывшись, ударилъ рукою по столу и сказалъ герцогу:

— „Если ваша свѣтлость станете такъ поступать, то лишитесь земли и подданныхъ“.

Шафировъ уклонился отъ сужденія по сему предмету, извиняясь тѣмъ, что конституція римской имперіи ему неизвѣстна, и что онъ согласится съ мнѣніемъ товарища своего, Шлейница, коему извѣстны имперскіе законы. Шлейницъ же замѣтилъ, „что образъ правленія въ нѣмецкихъ княжествахъ не вездѣ одинаковъ, и что каждое княжество имѣетъ свои права и привиллегіи; что ему не безъизвѣстно о существованіи въ Мекленбургѣ реверсалій, изъ коихъ видно будетъ, до какой степени можно требовать повиновенія отъ дворянства. Что же касается до преступленій, въ коихъ герцогъ обвиняетъ дворянство, то надобно будетъ ожидать, какія его свѣтлость можетъ представить на то доказательства“.

Такъ, повидимому, дѣло осталось; но герцогъ умѣлъ склонить на свою сторону Шафирова, который слѣпо вошелъ во всѣ намѣренія герцога. Шафировъ впослѣдствіи признавался въ Гагѣ Эйхгольцу, что герцогъ въ то время такъ вовлекъ его въ сіи дѣла, что онъ рисковалъ своею головою.

Вслѣдствіе домогательства герцога, депутаты мекленбургскаго дворянства, по повелѣнію царскому, были арестованы, не взирая на то, что Ягужинскій совѣтовалъ царю этого не дѣлать, чѣмъ онъ и навлекъ на себя вражду герцога.

Въ самый день арестованія депутатовъ, Петръ Андреевичъ Толстой далъ одному изъ герцогскихъ пажей пощечину въ покояхъ герцога. Эйхгольцъ представилъ герцогу, что Толстой тѣмъ нарушилъ не только тишину, долженствующую быть во дворцѣ (Burgfrieden), но и должное его свѣтлости высокопочитаніе. Однако-жъ герцогъ почелъ за лучшее прикрыть такую бездѣлицу мнимымъ невѣдѣніемъ.

Царь съ герцогомъ поѣхали въ Ростокъ. По повелѣнію царя, еще нѣкоторые знатные дворяне взяты были военными командами подъ арестъ.

Въ Ростокѣ фурьеръ герцога, одѣтый наравнѣ съ прочими людьми герцогскими по шведской формѣ, случайно подрался съ царскимъ шутомъ. Царь, увидя сіе изъ окна, самъ прибѣжалъ и, своею державною рукою поколотивъ фурьера, велѣлъ еще явившемуся караулу наказать его палками. Все извиненіе царя предъ герцогомъ состояло въ томъ, что онъ будто принялъ этого фурьера за шведа.

Эйхгольцъ, оставшійся въ Шверинѣ, узнавъ объ арестѣ дворянъ, поспѣшилъ въ Ростокъ и упрекалъ герцога въ его насильствѣ. Герцогъ увѣрялъ, что онъ о томъ ничего не зналъ и что все происходило по повелѣнію царя, который, безъ сомнѣнія, съумѣетъ объяснить свои дѣйствія [1]).

Достойна замѣчанія слѣдующая случайность: наканунѣ перваго свиданія Карла-Леопольда съ Катериной Ивановной было видно

---

[1]) Весь разсказъ барона Эйхгольца, приведенный выше, сохранился въ его запискѣ, составленной имъ въ 1721 году и хранящейся въ библіотекѣ города *Ростока*. Извлеченіе-переводъ съ нѣмецкой рукописи сдѣлалъ П. П. Гецъ (нынѣ покойный), и впервые напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1875 г., томъ XII, январь, изд. второе, стр. 1—26.

на небѣ громадное сѣверное сіяніе: превеликій былъ свѣтъ съ бѣлымъ огнемъ отъ горизонта до самаго зенита. „Правда, писалъ Петръ въ Россію, хотя натуральное (то было) дѣло; однако зѣло было ужасно видѣть". Небесное знаменіе было видимо и въ Россіи; и если Петръ находилъ его ужаснымъ, то какъ должна была объяснять его суевѣрная толпа, да и не менѣе ея суевѣрное большинство русской аристократіи! Всѣ они считали воздушное явленіе чудомъ, грознымъ предзнаменованіемъ страшныхъ несчастій... Такъ что Меншиковъ находилъ нужнымъ объяснять во многихъ знатныхъ домахъ, между прочимъ князю Черкаскому, что „знаменіе, еже невдавнѣ на воздухѣ видимо было, не чрезнатуральное, но обычайное есть; еже по универсальному разсужденію философовъ, изъ сѣрныхъ и селитреныхъ восхожденій происходитъ, и таковыя сіянія въ сихъ нордскихъ странахъ и часто видятъ".

Впрочемъ ученыя объясненія Меншикова не успокоивали простодушныхъ истолкователей небеснаго явленія. Мы можемъ представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе произвело оно на царицу Прасковью, какъ пытливо распрашивала она о его значеніи у своихъ доморощенныхъ пророковъ и кудесниковъ, и съ какою теплою мольбой спѣшила въ монастыри да Божьи храмы— къ чудотворнымъ иконамъ, къ нетлѣннымъ мощамъ... ея мольба была за здоровье и счастье ненаглядной „Катюшки".

А „Катюшка" тѣмъ временемъ веселилась, безъ сомнѣнія, довольная и счастливая. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ право думать, зная ея „веселонравный" характеръ. Ее радовали праздники, поражали новые предметы, новыя лица, незнакомый ей бытъ... А будущее? Къ чему въ него было заглядывать?

Не такъ думалъ Петръ. Еще наканунѣ свадьбы, 7 апрѣля 1716 г., онъ обязалъ герцога выдавать женѣ ежегодно на карманные расходы по 6,000 рейхсталеровъ. А затѣмъ, въ особомъ трактатѣ, въ девяти пунктахъ, изложилъ условія и цѣли, для которыхъ заключается родственный союзъ. Карлъ-Леопольдъ, герцогъ мекленбургскій, князь венденскій, шверинскій и ратцебургскій, ростокскихъ и старгардскихъ земель государь, взаимно съ русскимъ царемъ обязывались: быть вѣрными другъ другу союзниками и пособниками, во всякомъ, какъ наступательномъ, такъ и оборонительномъ дѣйствіяхъ. Петръ обѣщалъ помощь слабому союзнику и войскомъ, и деньгами въ сѣверной войнѣ, для

отнятія у шведовъ Висмара съ пригородами; но за то герцогъ долженъ былъ давать все, что нужно и что было въ его власти, для успѣшнаго дѣйствія русско-вспомогательнаго корпуса. Въ случаяхъ какихъ-либо непріятныхъ столкновеній мекленбургскаго герцога съ цесарскимъ величествомъ, царь Петръ Алексѣевичъ бралъ на себя ходатайствовать за него чрезъ своихъ уполномоченныхъ при вѣнскомъ дворѣ.

Всѣ эти условія были крайне выгодны для небольшого германскаго владѣтеля, но трактатъ былъ далеко не безвыгоденъ и для русскаго государя. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ покровительствѣ Петръ являлъ свою силу и вліяніе на дѣла европейской политики; но, кромѣ того, на основаніи седьмой статьи трактата, онъ получалъ право свободно и невозбранно присылать свои суда торговыя и военныя въ мекленбургскія пристани; русскіе купцы могли жить, складывать свои товары, имѣть свою церковь, заключать разныя торговыя операціи, подъ особымъ покровительствомъ герцога. Карлъ-Леопольдъ обязывался всегда чинить свободный пропускъ войскамъ царя Петра чрезъ свои земли, устраивать для нихъ запасные магазины и проч.

8 апрѣля 1716 г., какъ мы уже видѣли выше, была свадьба. Польскій король, не ладившій съ конфедератами и искавшій помощи Петра, разсыпался предъ нимъ во всевозможныхъ пирахъ, ассамблеяхъ и всякаго рода увеселеніяхъ. Тщеславный, сластолюбивый, расточительный и ничтожный по характеру, Августъ II умѣлъ блеснуть роскошью своего двора и находчивостью въ изобрѣтеніи всякаго рода удовольствій.

На другой день послѣ свадьбы онъ далъ новобрачнымъ, ихъ дядѣ, теткѣ и всему двору пиръ на славу, съ разными потѣхами. При сочиненіи ихъ, Августъ искусно подобралъ такія именно забавы, какія должны были понравиться его могучему сосѣду. И дѣйствительно: примѣрныя битвы саксонцевъ съ городскимъ войскомъ, всякаго рода огненныя потѣхи, игры, какъ нельзя больше понравились Петру.

„Извѣствую вамъ, —писалъ государь къ Апраксину,—что вчерашняго дня племянницы нашей бракъ съ герцогомъ мекленбургскимъ, при присутствіи короля польскаго, и при многихъ знатныхъ особахъ, съ стрѣльбою пушечною и фейерверкомъ торжественно совершился, и съ сею новиною васъ поздравляю“.

Прислушиваясь къ поздравленіямъ и приглядываясь къ празднествамъ и забавамъ, можно подумать, что брачный союзъ заключенъ былъ безъ всякихъ помѣхъ, не вызвалъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій. Противниковъ, дѣйствительно, было немного, но они были. Во главѣ ихъ стоялъ ганноверскій министръ Беренсдорфъ, родомъ мекленбургецъ. Онъ всячески интриговалъ противъ брака Карла-Леопольда, и когда интриги его не разстроили свадьбу, онъ много повредилъ въ общемъ дѣлѣ сѣверныхъ союзниковъ. Беренсдорфъ чинилъ всякаго рода проволочки въ дѣйствіяхъ войскъ, и вообще „непрестанно злодѣйствовалъ. И какую напрасную ссору между Россіею и Англіею произвелъ сей злодѣйственный и безсовѣстный человѣкъ, —восклицаетъ Петръ,— ради своего партикулярнаго дѣла, свѣту есть извѣстно! А понеже онъ въ своемъ принципалѣ такую силу имѣлъ, что все по волѣ его оный дѣлалъ; къ тому же сей Беренсдорфъ имѣлъ своихъ земляковъ (и согласниковъ) при датскомъ дворѣ бо́льшую часть, какъ въ министрахъ, такъ и въ генералахъ... къ тому же склонялъ другихъ деньгами... того ради, по злобѣ своей, чрезъ оныхъ вымыслами помѣшалъ, дабы препараціи умедлить; а когда опоздаютъ, то самая невозможность будетъ... Здѣсь всякъ непристрастный и разумный разсуди, ни для чего иного сіе учинено, только дабы не зимовать въ Мекленбургіи.“ [1])...

---

[1]) Журналъ или поддельная записка Петра Великаго, т. II, стр. 20—24. 43—44, 398—421. Судя по энергическому слогу, можно смѣло сказать, что выписанныя нами въ извлеченіи строки принадлежатъ ни кому другому, какъ самому Петру. Государь, какъ извѣстно, нѣсколько разъ выправлялъ, и вписывалъ цѣлыя страницы въ составлявшуюся, по его приказанію, поддельную записку. Нельзя не порадоваться, что этотъ драгоцѣннѣйшій источникъ къ исторіи царствованія Петра когда-нибудь явится въ свѣтъ, въ возможно полномъ изданіи, съ примѣчаніями, съ обозначеніемъ собственноручныхъ строкъ Петра, указаніями на его помарки и проч. и проч. Этотъ громадный трудъ принялъ на себя В. Ѳ. Ратчъ, извѣстный своими изслѣдованіями и розысканіями по части исторіи русской артиллеріи. Правительство назначило ему на изданіе 5,000 руб.

Примѣч. 1860 г.

Оказалось, что мы въ 1860 г. слишкомъ поспѣшили выразить свое удовольствіе и радостную надежду видѣть драгоцѣнный Журналъ Петра Великаго въ изданіи его достойномъ. Прошло 23 года. В. Ѳ. Ратчъ многіе годы уже какъ умеръ, а для изданія подлинныхъ писемъ и собственноручныхъ трудовъ великаго преобразователя Россіи императора Петра I-го—все еще не могутъ отыскаться деньги, хотя самое собраніе этихъ матеріаловъ, какъ слышно, уже приготовлено трудами директора Императорской публичной библіотеки — А. О. Бычкова.

Примѣч. 1883 г.

7*

По этимъ словамъ можно видѣть, что въ противникѣ брачнаго договора племянницы, Петръ нашелъ интригана искуснаго, опытнаго, надѣлавшаго ему не мало хлопотъ, а главное — разстроившаго многіе его планы. Но молодые, хотя и близко были заинтересованы въ планахъ Петра, весело провели медовый мѣсяцъ, затѣмъ уѣхали въ свои владѣнія, и здѣсь, въ городѣ Шверинѣ, Карлъ-Леопольдъ, какъ мы разсказали уже выше со словъ Эйхгольца, имѣлъ честь принимать, 12-го мая 1716 г., своего именитаго тестя. Герцогъ провожалъ государя отъ города въ городъ въ предѣлахъ своихъ владѣній, но не видно, чтобы Петръ совѣщался съ нимъ, либо звалъ его на съѣзды для переговоровъ съ остальными союзниками... Годовщина полтавской „викторіи" была отпразднована въ Ростокѣ, въ домѣ герцога, съ подобающимъ торжествомъ. Предпріимчивый и неутомимый Петръ не оставался долго на одномъ мѣстѣ: онъ ѣздилъ, писалъ повелѣнія, толковалъ съ министрами, одушевлялъ одного союзника, торопилъ другого и т. д. Такимъ образомъ во время своихъ заѣздовъ въ Шверинъ или Ростокъ, онъ проводилъ въ семьѣ герцога только нѣсколько сутокъ и спѣшилъ далѣе; за то государыня гостила у нихъ и почасту, и подолгу, такъ какъ она не хотѣла задерживать Петра ни собой, ни своимъ штатомъ.

Вотъ нѣсколько подробностей, относящихся къ событіямъ 1717 года изъ жизни герцога Мекленбургскаго и его супруги.

Въ 1717 году герцогъ послалъ Эйхгольца къ царю, пребывавшему тогда въ Ахенѣ, съ просьбою объ удаленіи русскихъ войскъ изъ Мекленбурга, кромѣ семи полковъ, и о защитѣ герцога противъ всякаго насильства. Герцогиня Екатерина Ивановна, по желанію супруга своего, писала равномѣрно къ царю, заклиная его не оставить герцога и не вѣрить своимъ министрамъ, совѣтующимъ ему противное, но считать ихъ мошенниками и измѣнниками. Эйхгольцъ не зналъ, какъ онъ увѣряетъ, ничего о содержаніи письма Екатерины Ивановны. Заставъ царя въ Литтихѣ, на возвратномъ пути его величества изъ Парижа, онъ просилъ тайнаго секретаря нѣмецкой экспедиціи Остермана доложить о немъ царю и былъ принятъ милостиво. Царь, видя по числу на письмѣ, что оно уже давно писано, спросилъ Эйхгольца, гдѣ онъ такъ долго оставался? Эйхгольцъ отвѣчалъ, что онъ—цесарскій вассалъ и довольно нанюхался воздуху въ Вѣнѣ, и потому,

на старости лѣтъ, не хотѣлъ ѣхать въ Парижъ, но ожидалъ его царскаго величества въ Литтихѣ.

Государь сказалъ на то: „dobre".

Когда Эйхгольцъ, по приказанію герцога, просилъ объ оставленіи семи полковъ въ Мекленбургѣ и о защитѣ его свѣтлости противъ всѣхъ и каждаго, царь сказалъ:

— „Знаетъ-ли герцогъ, что требуемые семь полковъ составляютъ 11,000 человѣкъ?"—и велѣлъ Остерману объяснить это хорошенько Эйхгольцу.

Его величество назначилъ Толстого и Шафирова для переговоровъ съ Эйхгольцомъ, а письмо Екатерины Ивановны, увидя на немъ русскую надпись, нераспечатанное положилъ въ карманъ. Государь велѣлъ Эйхгольцу слѣдовать за нимъ въ Голландію и оставаться при немъ.

Въ Спа Толстой и Шафировъ имѣли совѣщанія съ Эйхгольцомъ и положено было слѣдующее: царь оставляетъ у герцога два полка по выбору самаго герцога; болѣе войскъ было бы герцогу въ тягость и царь совѣтуетъ ему отвести полкамъ, по равной соразмѣрности, квартиры въ городахъ, въ дворянскихъ и герцогскихъ имѣніяхъ. Далѣе царь обѣщаетъ герцогу защиту противъ всѣхъ, которые станутъ притѣснять его неправильно. Эйхгольцу же предоставлено было отправить курьера къ герцогу для узнанія его мнѣнія. Эйхгольцъ весьма безпокоился, не зная, какъ герцогъ приметъ сіе извѣстіе, ибо его свѣтлость требовалъ всегда, чтобы отъ данной имъ инструкціи не отступали ни на шагъ. Къ счастію, герцогъ былъ доволенъ и отправилъ чрезъ курьера въ отвѣтъ благодарственное письмо, въ коемъ однако-жъ возобновилъ просьбу о защитѣ противъ всѣхъ и каждаго. Между тѣмъ царь путешествовалъ въ Голландіи и каждый разъ, когда видѣлъ Эйхгольца, спрашивалъ его: „Герцогъ еще не писалъ?"

Наконецъ, по пріѣздѣ въ Ахенъ, Эйхгольцъ получилъ съ курьеромъ письмо герцога и поднесъ оное царю.

Царь спросилъ: „доволенъ-ли герцогъ?" —и узнавъ отъ Эйхгольца, что весьма доволенъ, сказалъ опять: „dobre!"

Но когда письмо перевели на русскій языкъ и государь усмотрѣлъ, что герцогъ повторяетъ просьбу о защитѣ противъ всѣхъ и каждаго, онъ вознегодовалъ на герцога и велѣлъ написать ему

чрезъ Эйхгольца, что онъ подобной защиты никогда не обѣщалъ, развѣ только въ справедливыхъ дѣлахъ, прибавляя:

— „Я для герцога не намѣренъ ссориться съ императоромъ (Римскимъ т.-е. австрійскимъ) и имперіею".

Приготовляясь къ отъѣзду изъ Ахена, царь укладывалъ свою шкатулку, въ коей хранились тайныя его бумаги, и тутъ Толстой и Шафировъ увидѣли письмо Екатерины Ивановны. Они, ужасно разсердившись за то, что названы мошенниками и измѣнниками, тотчасъ послали за Остерманомъ и предъ нимъ жестоко разругали герцога и Эйхгольца, не щадя русскихъ вѣжливостей. Остерманъ, блѣдный какъ смерть, пришелъ къ Эйхгольцу, сидѣвшему въ ваннѣ, и велѣлъ его вызвать скорѣе. Эйхгольцъ божился, что содержаніе письма Екатерины Ивановны ему вовсе неизвѣстно. Предъ Толстымъ Эйхгольцъ не могъ оправдаться, ибо Толстой отправился въ Вѣну за царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. И Шафирова трудно было успокоить. Эйхгольцъ увѣрялъ его, что герцогъ противъ него ничего не имѣетъ, но что оскорбительныя выраженія относятся, вѣроятно, къ канцлеру Головкину, князю Долгорукову и къ другимъ, коихъ герцогъ подозрѣваетъ въ недоброжелательствѣ къ нему [1]).

---

[1]) Вотъ одно изъ писемъ герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны къ Петру I, нѣсколько позднѣйшаго времени, одно изъ тѣхъ, которыя могли вызвать противъ ея мужа злобу П. А. Толстого и друг. Приводимъ его съ буквальною точностью:

«Милостивейшій Государь мой дядюшка і батюшка, Царь Петръ Алексеевичъ, здравству(й) на множества летъ!

«Симъ Ваше Величества моего Государя покорна прошю: да не аставлены мы будемъ (въ) вашей непременай милости, которай отъ серца желаемъ.

«При семъ прошю Ваше Величества не пременить своей милости до моего супруга; понеже мой супругъ слышелъ, что есть Вашего Величества на него гневъ, і онъ то слыша (въ) великой печали себя содержитъ, і надеяца, что нехъта нашъ злодей Вашему Величеству данесъ неправъду, не хотя ево видеть (въ) вашей милости. При семъ просітъ мой супругъ, дабы Ваше Царъское Величества не ізволили слушеть таковыхъ неправедливыхъ данашені(й) на него; істино мои супругъ Вашему Величеству себя абъевляетъ вернымъ слугою.

«Еще покорно просітъ мой супругъ Ваше Величества: слышелъ онъ, что Ваше Величества ізволите іметь алиянцъ съ королемъ шветцкимъ, і при семъ всенижайше просітъ Ваше Величества мой супругъ, дабы ево при семъ не аставили въ своей отеческой милости. А кароль пруской да моего супруга не пре(я)мымъ серцемъ і съ великимъ лукавствомъ; і ради таго мой супругъ Ваше Величества всенижайше просітъ, ежели ізволите іметь *) алия(н)цъ съ королемъ

*) Въ подлинникѣ описка: имелеть.

Съ того времени герцогъ лишился и послѣдняго уваженія у россійскихъ министровъ.

Царь, отпуская Эйхгольца, подарилъ ему свой портретъ, цѣною въ 500 талеровъ.

Герцогъ, находясь въ безпрерывной ссорѣ съ своимъ дворянствомъ, былъ недоволенъ, что царь не хотѣлъ его защищать противъ всѣхъ и каждаго, и съ помощію Вальтера составилъ меморію, чтобы склонить царя на свою сторону. Въ сей меморіи онъ дворянство свое не называетъ иначе, какъ „мятежниками".

Самымъ интереснымъ визитомъ Петра къ Карлу-Леопольду былъ безспорно пріѣздъ его въ Магдебургъ 6 сентября 1717 года.

Государь, какъ кратко значится въ журналѣ, пріѣхалъ сюда въ 8 часовъ утра. Его встрѣтили герцогъ мекленбургскій съ герцогинею, генералъ-фельдмаршалъ прусской службы князь Дангалтъ и другіе.

Государь предъ обѣдомъ ходилъ въ церковь, въ которой осматривалъ разныя достопамятности, между прочимъ камень, на которомъ отсѣкли голову епископу Удону, и, переночевавъ въ квартирѣ герцога, выѣхалъ въ Бранденбургъ.

Поденная записка умалчиваетъ о нѣкоторыхъ частныхъ подробностяхъ, сопровождавшихъ встрѣчи Петра съ зятемъ; тѣмъ не менѣе онѣ интересны, если только справедливы. Такъ, напр., объ одной изъ нихъ (едва ли не въ Магдебургѣ) вотъ что разсказываетъ камергеръ Пельницъ [1]):

„Г. Соссеji, братъ канцлера, въ главѣ правительственныхъ лицъ, явился къ Петру съ привѣтствіемъ и поздравленіемъ съ благополучнымъ прибытіемъ. Онъ засталъ гостя съ двумя русскими барышнями. Петръ нѣжно обнималъ своихъ собесѣдницъ, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока его не отвлекли привѣт-

---

шведскимъ, дабы ево не аставили въ своей милости. Впрочемъ предавъ ваше здравие дражайшее въ сохранение божие, і себя рекомендую въ непременаю милость Вашего Величества. Вашего Величества покорная услужніца і племяница Екатерина».

«Изъ Ростака, 8 сентября 1718».

(См. «Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства». М. 1861 г., книга II-я, стр. 63—64).

[1]) Mémoires pour servir à l'histoire etc. II, p. 65. Anna Ioannovna. Dargestellt von F. W. Barthold, p. 22—23.

ственною рѣчью". Какъ ни странно было для нѣмцевъ подобное безцеремонное обращеніе въ ихъ присутствіи, но все это было ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что они увидѣли на другой день. Герцогиня мекленбургская съ мужемъ, прибывши изъ Шверина, чтобъ повидаться съ тестемъ и проводить его въ Берлинъ, сдѣлали государю ранній визитъ. Петръ выбѣжалъ къ племянницѣ на встрѣчу, нѣжно ее обнялъ и повелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ заботливо посадилъ ее на диванъ, оставивъ герцога и его свиту изъ передней слѣдить за его ласками въ растворенную дверь...

Въ Магдебургѣ начальствовалъ кн. Ангальтъ-Дессаускій, родной дядя разведенной герцогини, первой жены Карла-Леопольда. Князь былъ съ визитомъ у герцога, но не умѣлъ скрыть выраженія своихъ внутреннихъ чувствъ. Царь Петръ въ бытность свою въ Магдебургѣ остановился у герцога; „и такъ,—замѣчаетъ Эйхгольцъ,—сдѣланныя для пріема его величества въ королевскомъ домѣ приготовленія остались напрасными. Герцогъ предложилъ царю на завтракъ чаю, но его величество потребовалъ бургундскаго, спрося герцога, сколько онъ утромъ пьетъ чаю?

Герцогъ, показывая на стаканъ, сказалъ: „вотъ сколько".

Царь отвѣчалъ: „такъ вы фофанъ!" (Wel, ghy bint een Geck).

Герцогъ, чтобы отдѣлаться отъ сего упрека, сказалъ, что онъ поступаетъ по совѣту своего лейбъ-медика Шапера.

Однако-жъ царь нимало не смягчилъ прежняго слова и отвѣчалъ сухо: „Soo is hee noch een grösser Geck as hy!" (такъ онъ еще больше фофанъ, нежели вы!).

Послѣ того герцогъ подалъ царю вышепомянутую меморію свою, которую государь вручилъ секретарю Остерману для перевода на русскій языкъ, а самъ пошелъ посмотрѣть соборъ и другія достопамятности Магдебурга.

Возвратясь домой и прочтя меморію герцога, царь сказалъ ему: „что вы тутъ затѣяли? Это вещи несправедливыя и весьма тиранскія. Не забывайте, что императоръ этого никакъ не позволитъ, а я не могу и не хочу вамъ помогать въ подобныхъ дѣлахъ".

Герцогъ возразилъ, что имперія и ея чины (das Reich und seine Stände) долженствовали бы ему содѣйствовать.

Царь повторилъ нѣсколько разъ съ негодованіемъ: „Pfui, Reich! Pfui, Reich!“, будто въ насмѣшку герцогу за его неосновательное предположеніе, а герцогъ и его совѣтники стояли предъ царемъ, какъ масло на солнцѣ (wie Butter an der Sonne), и не смѣли рта открыть, дабы не услышать отъ него титуловъ, подобныхъ тому, какимъ онъ прежде почтилъ герцога.

Канцлеръ Головкинъ увелъ Эйхгольца въ сторону и просилъ его отклонить герцога отъ столь опасныхъ для него намѣреній. Но герцогъ о томъ и слышать не хотѣлъ.

Герцогъ, намѣреваясь ѣхать въ Берлинъ, послалъ туда придворнаго кавалера, чтобы извѣстить о своемъ пріѣздѣ. Ему приготовили комнаты во дворцѣ. Однако-жъ герцогъ, противъ воли короля, остановился въ томъ домѣ, гдѣ жилъ царь, такъ что только одна комната раздѣляла занятые ими покои. Когда у короля собирались сѣсть за ужинъ, герцогъ требовалъ, чтобы его посадили выше маркграфовъ бранденбургскихъ и чтобы пили прежде за его здоровье, нежели за здоровье маркграфовъ, или чтобы маркграфы вовсе не являлись къ столу. Король изъявилъ готовность на счетъ тоста за здоровье, поелику маркграфы охотно на то согласились бы, но сказалъ, что они не могутъ уступить герцогу первенства. Герцогъ настаивалъ на своемъ требованіи предъ министромъ фон-Ильгеномъ, говоря, что когда покойный братъ его, герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ, былъ въ Берлинѣ, то маркграфы уѣхали въ свои деревни, а онъ не менѣе, нежели покойный его братъ. Ильгенъ отвѣчалъ ему довольно сухо, что покойный герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ до пріѣзда своего въ Берлинъ заблаговременно согласился на счетъ церемоніала и тогда удобно было маркграфовъ удалить подъ благовиднымъ предлогомъ, но его свѣтлость нынѣ изволилъ пріѣхать, такъ сказать, какъ незванный гость, и король не можетъ согласиться, чтобы въ его домѣ обидѣли маркграфовъ, родныхъ братьевъ покойнаго его родителя. Единственнымъ средствомъ выйти изъ сего положенія было бы занять мѣста по жребію. Но сіе не понравилось герцогу и, не взирая на убѣжденія царя и другихъ особъ, онъ не явился къ королевскому столу.

Между тѣмъ разведенная герцогиня оспаривала рѣшеніе грейсвальдской консисторіи о разводѣ и исходатайствовала разные по сему предмету декреты отъ имперскаго гофрата: впрочемъ, она

согласна была примириться, если герцогъ возвратитъ ей приданое и назначитъ, приличную ея сану, пенсію, о чемъ герцогъ и слышать не хотѣлъ. Царь весьма разсердился на такую скупость и упрямство герцога, могущія имѣть послѣдствіемъ, что второй бракъ его признанъ будетъ незаконнымъ, и велѣлъ сказать герцогу: „что онъ, царь, далъ ему племянницу свою на совѣсть; однако-жъ никогда не согласится, чтобы могли ее когда-либо считать за его наложницу". Царь могъ самъ видѣть въ стеклянныя двери, какое впечатлѣніе слова его произвели на герцога, предавшагося какъ бы отчаянію.

Кончилось тѣмъ, что въ Берлинѣ, при посредничествѣ царя, заключенъ былъ съ повѣренными разведенной герцогини договоръ, по коему ей назначили пенсію въ 5,000 талеровъ и сверхъ того 30,000 талеровъ единовременно; она же безотговорочно признала разводъ правильнымъ.

Съ сего времени ненависть герцога къ Ягужинскому еще болѣе усилилась.

Чрезъ нѣсколько дней россійскій посланникъ Головкинъ угощалъ царя и герцога. При дессертѣ вошелъ Ягужинскій, и герцогъ сказалъ ему:

— „За ваше здоровье, г. Ягужинскій! Желаю, чтобы вы всегда оставались благосклонны къ моему рыцарству и доложили царю сколь оно отъ меня терпѣло, дабы рыцарство хорошенько возблагодарило васъ подарками!"

Ягужинскій, видя себя столь обиженнымъ предъ всѣмъ обществомъ и самимъ государемъ своимъ, вышелъ изъ комнаты. Всѣ россійскіе вельможи чувствовали себя обиженными поступкомъ герцога Карла-Леопольда.

Послѣ ужина Эйхгольцъ упрекалъ герцога за его неосторожность. Герцогъ отвѣчалъ, что ему жаль, но что по крайней мѣрѣ облегчилъ свое сердце. Онъ поручилъ Эйхгольцу стараться примирить его съ Ягужинскимъ и велѣлъ звать его къ обѣду, но учтивости послѣ такой обиды не могли имѣть успѣха.

Возвратясь въ Мекленбургъ, герцогъ все надѣялся на помощь царя. Тщетно Эйхгольцъ напоминалъ ему разговоръ съ царемъ въ Магдебургѣ. Однажды герцогъ, долго смотря на маленькій портретъ царя, висѣвшій въ его кабинетѣ, сказалъ:

— „Вотъ у него такое доброе лицо. Онъ меня не оставитъ!"

Распри между герцогомъ и мекленбургскими чинами дошли, наконецъ, до такой степени, что имперская экзекуціонная армія заняла весь Мекленбургъ. Герцогъ съ супругою поѣхалъ въ сопровожденіи Эйхгольца въ Вѣну для ходатайства по своему дѣлу. Имѣлъ-ли онъ успѣхъ или нѣтъ, не относится до предмета сей выписки. Мы выпишемъ изъ записокъ Эйхгольца только слѣдующій эпизодъ касательно пребыванія герцога въ Вѣнѣ.

Его цесарское величество сказалъ, однажды, своему вице-канцлеру:

— „Хорошо, что герцогъ пріѣхалъ, лишь бы не привезъ съ собою Москвитянку“. Императоръ прибавилъ: „Я желалъ бы знать: знаетъ-ли о томъ герцогъ?“

Вице-канцлеръ велѣлъ позвать Эйхгольца и сообщилъ ему слова императора. „Конечно“, говорилъ онъ, „смѣлый поступокъ, что герцогъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ привезъ сюда супругу свою“. Вице-канцлеръ совѣтовалъ герцогу помѣстить герцогиню въ Пусдорфѣ или Леопольдштадтѣ, дабы можно было сказать, что она не въ императорской резиденціи. Герцогъ, посовѣтовавшись съ своими приближенными, велѣлъ отвѣчать вице-канцлеру, что бѣдная женщина, всѣмъ свѣтомъ оставленная, здѣсь, въ Вѣнѣ, никого знакомаго не имѣетъ и притомъ языка не знаетъ; что она умретъ съ тоски, если герцогъ удалитъ ее отъ себя, и что онъ посему проситъ, дабы его цесарское величество оставилъ ее у него. Тѣмъ и кончилось дѣло.

Жизнь Екатерины Ивановны въ замужествѣ за герцогомъ Мекленбургскимъ была очень для нея несладка. Тѣмъ не менѣе первые годы, въ письмахъ своихъ къ Петру I и къ царицѣ Екатеринѣ, она не только не высказывала жалобъ на мужа, но, какъ мы видѣли выше, ходатайствовала за него предъ своимъ „дядюшкой и батюшкой“, какъ называла она Петра I. „О себѣ извѣствую,—пишетъ герцогиня почти въ каждой изъ своихъ грамотокъ, 1716—1720 годовъ,—за помощью Божіею, съ любезнымъ моимъ супругомъ (или „сожителемъ“) обрѣтаюсь въ добромъ здравіи“.

Въ іюлѣ 1718 г. герцогиня прислала къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ важную вѣсточку. Приводимъ письмо безъ соблюденія своеобразной орѳографіи герцогини Екатерины Ивановны:

„Примаю смѣлость я, государыня тетушка, В. В — ству о себѣ донесть: милостію Божіею я оберемѣнила, уже есть половина. И при семъ проситъ мой супругъ, такоже и я: да не оставлены мы будемъ у государя дядюшки, такоже и у васъ, государыня тетушка, въ неотмѣнной милости. А мой супругъ, такоже и я, и съ предбудущимъ, что намъ Богъ дастъ, покамѣсть живы мы, В. В—ству отъ всего нашего сердца слуги будемъ государю дядюшкѣ, также и вамъ, государыня тетушка, и государю братцу царевичу Петру Петровичу, и государынямъ сестрицамъ: царевнѣ Аннѣ Петровнѣ, царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

„А прежде половины (беременности) писать я не посмѣла до В. В—ства, ибо я подлинно не знала. Прежде сего также надѣялася быть, однако же тогда было неправда; а нынѣ за помощію Божіею уже прямо узнала и приняла смѣлость писать до васъ, государыня тетушка, и до государя дядюшки, и надѣюся въ половинѣ „ноемъвріі" (ноября) быть, еже Богъ соизволитъ".

7-го декабря 1718 г. Екатерина Ивановна родила дочь Анну, впослѣдствіи правительница Анна Карловна или — какъ у насъ ее называли — Леопольдовна. Рожденіе ребенка не улучшило положенія матери. Побывавъ въ апрѣлѣ 1719 г. въ Митавѣ у сестры Анны Ивановны, Екатерина Ивановна поразсказала ей, а та передала матери о своей горькой жизни. Царица Прасковья Ѳедоровна печаловалась о ней предъ „государыней милостивой, матушкой-невѣстушкой, царицой Екатериной Алексѣевной"... „Прошу у васъ, государыня, милости, — писала 23-го апрѣля 1721 г. царица Прасковья Ѳедоровна, — побей челомъ царскому величеству о дочери моей, Катюшкѣ, чтобъ въ печалѣхъ ее не оставилъ въ своей милости; также и ты, свѣтъ мой, матушка моя невѣстушка, пожалуй, не оставь въ такихъ ея несносныхъ печалѣхъ. Ежели велитъ Богъ видѣть В. В—ство, и я сама донесу о печалѣхъ ея. И приказывала она ко мнѣ на словахъ, что и животу своему не рада... приказывала такъ, чтобъ для ея бѣдства умилосердился царское величество и повелѣлъ бы быть къ себѣ"...

Царь Петръ внялъ просьбамъ старушки-царицы Прасковьи Ѳедоровны и сталъ настоятельно призывать герцогиню Мекленбургскую въ Россію, напоминая ей при томъ, что, по отноше-

нію къ ея мужу, онъ „многократно не точію писалъ, но и изустно говаривалъ супругу вашему, чтобъ не все такъ дѣлалъ, чего хочетъ, по смотря по времени и случаю“.

Безпокойный, жестокій нравъ герцога Карла-Леопольда продолжалъ проявляться во всей своей прелести. Карлъ-Леопольдъ присвоивалъ движимое и недвижимое имѣніе своихъ подданныхъ, безтолково противодѣйствовалъ австрійскому императору, не выполнялъ условій свадебнаго контракта, не снабжалъ жену ни деньгами, ни достаточнымъ содержаніемъ, такъ что она часто обращалась съ сѣтованіями и просьбами о помощи къ матушкѣ, которая всѣми силами хлопотала за нее у Петра. Безпутный мужъ шолъ прямо къ своей погибели, не внимая предостереженіямъ и совѣтамъ тестя... [1]).

Въ апрѣлѣ 1719 года, какъ мы видѣли выше, герцогиня Катерина Ивановна гостила у сестры Анны—и государь былъ столь милостивъ, что повелѣлъ выдать ей изъ курляндскихъ доходовъ 1,000 червонныхъ... Впрочемъ, содержаніе ея было плохо, далеко не герцогское; штатъ состоялъ изъ русскихъ школьниковъ Чемесова и другихъ, которые, по словамъ самой государыни, были „гораздо плохи“ [2]).

Катерина просила, чрезъ посредство матери, о пополненіи ея штата, о присылкѣ церковнаго причта. Старушка немѣшкатно препроводила письмо въ Петергофъ, къ государынѣ.

„Государыня моя невѣстушка, царица Прасковья Ѳедоровна, —отвѣчала Екатерина,—здравствуй на множество лѣтъ купно съ дочкою! Объявляемъ вамъ, государыня, что письмо, до васъ писанное, отъ любезнѣйшей вашей дочери, а нашей племянницы, царевны Екатерины Ивановны, его царское величество изволилъ все вычесть и о священникѣ самъ изволилъ приказать новгородскому архіерею Ѳеодосію, чтобъ немедленно, по желанію ея высочества, отправить попа наискорѣе“...

Государыня заканчивала объявленіе просьбой, чтобъ „невѣстка не печалилась и увѣдомила бы о своемъ здоровьи: есть-ли въ болѣзни ей облегченіе“? [3]).

---

[1]) Карлъ-Леопольдъ, лишенный престола (въ 1736 году), пережилъ жену и дочь и скончался въ заточеніи, въ крѣпости Демницъ, 28 ноября 1747 года.

[2]) Каб. I пол., кн. 61, л. 736: письмо отъ имени Екатерины Алексѣевны.

[3]) Каб. дѣл. I. пол., книга 64, л. 668.

Царица-невѣстушка дѣйствительно очень хворала; недугъ еще болѣе усиливался печалью въ разлукѣ съ любимою дочерью, несогласіями съ среднею и болѣзнью младшей [1]); но собственная болѣзнь не мѣшала ей выполнять самымъ тщательнымъ образомъ всѣ просьбы „свѣтъ-Катюшки".

Такъ, въ отвѣтъ на просьбу о присылкѣ церковнаго причта, она извѣщала дочь: „Посланъ къ тебѣ священникъ, да съ нимъ діаконъ Филиппъ и пѣвчій Филька, кажется люди нарочиты, а буде плохъ, я по зимѣ другого пришлю; и чаю—сама поѣду къ Москвѣ зимою, и тамъ выберу добрыхъ"...

„А что пишешь,—замѣчаетъ въ другомъ письмѣ заботливая матушка,—чтобъ не присылать женскаго роду (т.-е. прислугу) въ Ригу, и я вамъ пришлю не на твоемъ коштѣ, хотя непогоды будутъ вамъ нынѣ назадъ пріѣдутъ; и о томъ отпиши, присылать или нѣтъ"?...

Прасковья переписывалась очень усердно; но не довольствуясь письмами, зачастую посылала къ дочери, въ особенности въ то время, какъ она гостила у Анны въ Митавѣ, близкихъ ей людей. Мы видѣли, какъ не нравились подобные надсмотрщики царевнѣ Аннѣ, не могли нравиться они и сестрѣ ея Катеринѣ; но прекословить матери она не рѣшалась и держала при себѣ этихъ пословъ, которые писали о всѣхъ порядкахъ въ ея жизни къ безпокойной старушкѣ. Въ такихъ посылкахъ, какъ это видно изъ писемъ, особенно часто бывалъ Окуневъ.

[1]) Грозныя событія 1718 года, ветряхнувшія, по волѣ Петра, все высшее общество въ обѣихъ столицахъ, а также и все царское семейство—мы разумѣемъ розыскъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича—не могли также не встревожить нашу старушку-царицу, хотя онѣ и прошли для нея благополучно. Достойно вниманія, что изъ массы лицъ, прямо или косвенно замѣшанныхъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя и его матери, царица Прасковья Ѳедоровна съумѣла остаться совершенно въ сторонѣ; не видно, сдѣланъ-ли былъ ей допросъ. Между тѣмъ она была много лѣтъ знакома и даже переписывалась съ казненнымъ по дѣлу царицы Евдокіи Лопухиной епископомъ Досиѳеемъ. Царевичъ Алексѣй на допросѣ, перечисляя своихъ сторонниковъ, назвалъ и царицу Прасковью: „Я вѣдалъ—показалъ онъ—что она ко мнѣ добра гораздо, хотя и безъ большой конфиденціи, чаялъ же къ сему склонну" [1]).

Врядъ-ли кому другому удалось бы въ этомъ страшномъ розыскѣ уцѣлѣть при подобномъ „оговорѣ".

---

[1]) Устряловъ, т. IV, стр, 253.

„А Окупева, Катюшка,—пишетъ Прасковья,—будетъ надобно держи; будетъ есть нужда какая приказать и ты ко мнѣ его пришли, а я тотчасъ къ вамъ пошлю"... „Изволь ты его держать долго,— наказываетъ старушка,— чтобы мнѣ побольше про васъ сказывалъ"...

Роды были не совсѣмъ счастливы для Катерины Ивановны; первые годы послѣ нихъ она иногда хворала, и вѣсти о ея болѣзни сильно тревожили мать. У Катерины дуло животъ, дѣлались судороги и старушка въ интимныхъ письмахъ всячески старалась ее успокоить: „а что пишешь себѣ про свое брюхо, говоритъ старушка въ одной изъ грамотокъ, и я, по письму вашему не чаю, что ты брюхата. Живутъ этакіе случаи, что непознаешце; и я при отъѣздѣ такъ было годъ чаяла брюхата, да такъ изошло. Отпиши еще поподлиннѣе про свою болѣзнь и могутъ ли дохтуры вылечить?"

Но успокоивая дочь, старушка сама весьма безпокоилась и какъ для свиданія съ ней, такъ еще больше для излѣченія дочернихъ недуговъ, звала „Катюшку" на олонецкія воды... „будетъ мнѣ возможно будетъ ѣхать,—пишетъ Прасковья въ той же грамоткѣ,—и я съ Москвы прямо къ водамъ проѣду. Да отпиши пожалуй подлинно, поѣдетель вы въ Ригу или нѣтъ? И ежели тебѣ возможно отъ него (т.-е. отъ мужа), буде не брюхата,—по прежнему у насъ побывать, какъ вылечися, для моей старости и для моей болѣзни. И ежели не брюхата, и тебѣ все конечно надобно быть на Олонцѣ, у марціальныхъ водъ для этакой болѣзни, что пишешь—есть опухоль. И отъ такихъ болѣзней и поврежденія женскихъ немощей вода зѣло пользуетъ и вылечиваетъ. Сестра княгиня Настасья [1]) у водъ вылечилась отъ такихъ болѣзней. И не пухнетъ, и бокъ не болитъ, и немощи уставились помѣсячно, порядкомъ. Если не послужатъ докторскія лекарства, всеконечно надобно тебѣ къ водамъ ѣхать на Олонецъ"...

Находя свои слова недовольно убѣдительными, старушка ссылалась въ доводахъ на авторитетъ государя. Что Прасковья положительно преклонялась предъ своимъ „архангеломъ" такъ

[1]) Настасья Ѳедоровна Салтыкова, умершая 2 сент. 1736 г., была за дѣйств. тайн. совѣт. княземъ кесаремъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Ромодановскимъ.

она называла Петра—уважала и боялась его (боязнь и уваженіе сливались, какъ всегда, въ одно чувство),—это не удивительно; но то интересно, что она даже слѣпо вѣровала въ его медицинскія познанія. Какъ извѣстно, Петръ любилъ анатомію, медицину, самъ выколачивалъ и выдергивалъ зубы, выпускалъ изъ больныхъ водянкою — воду, причемъ удивлялся, отчего больные умирали; бросалъ кровь, отрѣзывалъ зараженные члены, наконецъ, при казни фрейлины Гамильтонъ, съ видомъ знатока, съ любопытствомъ разсматривалъ, ради анатоміи, срубленную голову несчастной...

Всѣ эти обстоятельства не могли не убѣдить его придворныхъ, а съ ними и старушку, что Петръ дѣйствительно близко знакомъ съ медициной и на его слова, и въ этомъ отношеніи, можно положиться.

... „О болѣзни своей, что ты ко мнѣ писала, - пишетъ къ Катюшкѣ царица Прасковья, я удивляюсь тому, что какое твое брюхо? Надобно гораздо пользоваться и зѣло сокрушаюсь. Ежели были вмѣстѣ могли бъ всякую пользу сдѣлать. По письму вашему, всеконечно будутъ вамъ воды дѣйствовать въ вашей болѣзни; также и дядюшка изволилъ разсуждать про болѣзнь твою, какъ челъ письмо то, которое ко мнѣ пишешь, чтобъ конечно вамъ ѣхать къ водамъ, какъ въ Ригѣ будете, для того, что отъ Риги не далеко. Сестра моя, княгиня Настасья, больше пятнадцати лѣтъ все чаяла брюхата и великую скорбь имѣла, пожелтѣла и распухла, и въ болѣзни ея и докторы всѣ отказали. И ее государь изволилъ послать къ водамъ, пока отъ тѣхъ водъ выздоровѣла: какъ не бывало болѣзни, и все стало быть временно“.

Для насъ эти строки важны не только потому, что онѣ показываютъ любовь и нѣжную заботливость матери о своей дочкѣ, но еще и потому, что какъ нельзя лучше обнаруживаютъ то безусловное вѣрованіе въ авторитетъ царя Петра, которое безспорно всегда имѣла Прасковья. Мудрено ли, что за это уваженіе, за эту покорность, за это вѣрованіе въ справедливость каждаго изрѣченія Петра, тотъ платилъ ей взаимно расположеніемъ, большимъ или меньшимъ участіемъ къ ея интересамъ, а главное снисхожденіемъ къ ея довольно крупнымъ слабостямъ, которыя не прощалъ однако своимъ теткамъ, сестрамъ и другимъ свойственницамъ.

Впрочемъ, говоря о той пользѣ, какую принесли минеральныя воды сестрѣ Настасьѣ, Прасковья не могла сослаться на себя: не смотря на то, что она посѣщала ихъ часто, воды ей не помогали. По примѣру и совѣту государя, она была на Кончезерскихъ водахъ въ 1719 году [1]), ѣздила въ Олонецъ на „марціальныя воды" въ началѣ 1721 года, причемъ ее провожала довольно большая свита, на шестидесяти подводахъ [2]). Царица пробыла здѣсь до 15 марта; была она и въ началѣ 1723 года, но воды не помогали: она постоянно страдала разными недугами. Какъ видно изъ ея писемъ, болѣзни были у нея великія: „мокротная, каменная, подагра и ея натурѣ такихъ болѣзней не снесть..." Ноги ей рано отказались служить, она обрюзгла, опустилась, сдѣлалась непомѣрно раздражительна, и подъ вліяніемъ этихъ болѣзней являла иногда характеръ, какъ увидимъ ниже, въ высшей степени звѣрскій... Надо думать, что кромѣ лѣтъ, впрочемъ еще не преклонныхъ (58), болѣзнь ея развилась и отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Кто бы ни пріѣзжалъ въ привольное село Измайлово, либо въ ея домъ въ Петербургѣ, кто бы ни являлся къ хлѣбосольной хозяйкѣ, онъ рѣдко уходилъ не осушивъ нѣсколькихъ стакановъ крѣпчайшаго вина, наливки или водки. Царица Прасковья всегда была такъ милостива, что сама подавала завѣтный напитокъ, сама же и опорожняла стаканъ, ради добраго гостя.

Даже выѣзжая куда нибудь, царица приказывала брать съ собой нѣсколько бутылокъ вина... Нельзя слишкомъ обвинять въ этой слабости старушку; она пила также, какъ пили всѣ, или почти всѣ русскія аристократки Петровскаго двора. Кто читалъ дневникъ Берхгольца, тотъ, безъ сомнѣнія, помнитъ опаиванья въ царскіе дни петербургскихъ и московскихъ барынь; помнитъ и маленькія непріятности для дамъ, неминуемыя послѣдствія подобныхъ попоекъ. Горькая чаша зачастую не обходила и „ангелоподобныхъ цесаревенъ", какъ называетъ почтительный камеръ-юнкеръ дочерей великаго монарха.

---

[1]) Голиковъ, томъ VII, 455.

[2]) Вѣдѣніе служителя ея Петрова въ камеръ-коллегію 8 февр. 1721 г. о дачѣ подводъ на обратный проѣздъ царицы въ Спб.: «и тѣ подводы въ пристойныхъ мѣстахъ поставить безъ замедленія, дабы за тѣми подводами въ пути ея величеству остановки не было». Каб. дѣлъ II полов., т. XIV. стр. 1407.

Больная старушка, убѣждая дочь посѣтить ее, да хорошенько полечиться, послала ей, а также герцогу и ихъ дочери, въ знакъ особенной свой любви и привязанности, разные подарки. То были большею частью дорогіе мѣха лисьи, собольи, горностаевы, грецкое мыло, дорогіе камни, внучкѣ игрушечки и всякаго рода гостинцы.

По просьбѣ царицы, самъ государь дѣлалъ иногда подобные подарки, но, разумѣется, чаще доводилось ему дарить деньгами, что было для герцогини гораздо важнѣе всѣхъ бочечекъ да мазниковъ, которыя не скупилась присылать Прасковья для передачи „крошечкѣ-малюточкѣ внученкѣ своей Аннушкѣ".

Такъ напр. въ бытность Катерины Ивановны съ мужемъ въ Вѣнѣ (въ 1720 году), государь послалъ на ея нужды переводъ на банкирскій домъ въ 5,000 ефимковъ [1]), вообще былъ къ ней какъ нельзя болѣе внимателенъ, извѣщалъ о своихъ радостяхъ, обнадеживалъ своею помощью въ ея нуждахъ и проч.

Рескрипты по большей части писались секретарской рукой, но иногда начало и конецъ, въ особенности въ P.S. Петръ писалъ самъ.

Въ томъ же 1720 году, 8 августа, государь сообщилъ любезной государынѣ - племянницѣ „зѣло радостную" вѣдомость о побѣдѣ, одержанной княземъ Голицынымъ, 6 числа, надъ шведскою эскадрою въ Ламеланской гавани, причемъ взяты были русскими четыре фрегата. „И (съ) сею нечаянною викторіею вамъ поздравляемъ. А какимъ порядкомъ то дѣлалось и что чего взято, тому прилагается печатная вѣдомость". „А что требовали вы о твоей нуждѣ,—приписывалъ Петръ собственноручно,—то исполнимъ вскорѣ; такожъ не извольте думать, чтобы мы васъ позабыли; но летать не умѣемъ, а идемъ хотя тихо, только слава Богу не остаемся; а когда въ нашихъ дѣлахъ добро совершитца, то и вамъ безъ труда добро послѣдовать будетъ" [2]).

Катерина неоднократно писала къ дядюшкѣ, и тотъ постоянно отвѣчалъ ей въ самомъ дружелюбномъ тонѣ; вотъ напр. образцикъ этой полуофиціальной, полуродственной кореспонденціи:

„Пресвѣтлѣйшая герцогиня, дружебно-любезная племянница!

[1]) Голиковъ, т. VIII, стр. 431.

[2]) Госуд. архивъ, подлинныя письма Петра 1720 г., л. 1.

Мы благодарствуемъ вашему царскому высочеству и любви за учиненное по отправленной къ намъ вашей пріятной грамотѣ, отъ 10 декабря минувшаго года поздравленіе (съ) новымъ годомъ. И яко мы, во всемъ томъ, что вашему царскому высочеству пріятное и пожеланное приключиться можетъ, особливое радостное участіе пріемлемъ, такого взаимно желаемъ мы вашему ц. высочеству, и любви отъ Всевышняго, такъ въ наступившемъ новомъ году, какъ на многія слѣдующія лѣта всякой счастливости, постояннаго здравія и саможелаемаго благоповеденія и пребываемъ навсегда вашего царскаго высочества дружебно-охотный дядя Петръ" [1]).

Не желая ограничиваться однимъ обмѣномъ поздравительныхъ рескриптовъ, Петръ душевно бы желалъ помочь, ради герцогини, ея мужу. Дѣла послѣдняго были крайне плохи. Онъ ни съ кѣмъ не уживался, никого не слушалъ; на него негодовалъ австрійскій императоръ, негодовали союзники и сосѣди, а болѣе всего жаловались, и не безъ основанія, его подданные.

— „Пишешь еще,—писалъ государь къ племянницѣ [2]),—о прежнихъ вамъ и нынѣ продолжающихся обидахъ, чтобъ вамъ вспомочь, въ чемъ воистинно и мы часть дасады терпимъ, и сколько мочно—при дворѣ цесарскомъ трудимся о вашей пользѣ". Государь совѣтовалъ имъ пока обождать, быть возможно уступчивѣе и „склоннѣе", что было, по его мнѣнію, необходимо „по нынѣшнимъ канъюктурамъ", а главное напоминалъ племянницѣ, чтобъ она убѣдила своего благовѣрнаго супруга, чтобъ онъ „не все такъ дѣлалъ, чего хочетъ, но смотря по времени и случаю".

Не тутъ-то было. Благовѣрный Карлъ-Леопольдъ не унимался, не смотрѣлъ ни на время, ни на случай, и дождался грозы со стороны цесаря. Въ его владѣнія, какъ онъ жаловался, неправеднымъ поступкомъ прислали „экзекуцію" (т.-е. войско); герцогиня спѣшила послать жалобу къ царю Петру.

...„Сердечно (объ этомъ) соболѣзную,—отвѣчалъ государь,—но не знаю, чѣмъ помочь? Ибо ежелибы мужъ вашъ слушался моего совѣта, ничего бъ сего не было; а нынѣ допу-

---

[1]) Каб. дѣл. I половина, т. LXIV, л. 715.

[2]) Письмо Петра 1720 г., л. 2, собственноручный отвѣтъ изъ Спб. 14 дек. 1720 г. на письмо герцогини отъ 23 ноября того же года изъ Демница.

стилъ до такой крайности, что уже дѣлать стало нечего. Однакожъ прошу не печалься; по времени Богъ исправитъ и мы будемъ дѣлать сколько возможно" [1]).

Съ заключеніемъ ништадтскаго мира эта возможность представилась очевиднѣе, и Петръ на офиціальномъ поздравленіи племянницы „съ благимъ и пожелаемымъ миромъ", собственноручно приписывалъ: „и нынѣ свободни можемъ въ вашемъ дѣлѣ вамъ вспомогать, лишебъ супругъ вашъ помяхче поступалъ [2]).

Достаточно послѣднихъ словъ, чтобъ представить себѣ, каково было поведеніе Карла-Леопольда, герцога мекленбургскаго, если даже самъ суровый и грозный Петръ вынужденъ былъ напоминать ему о мягкихъ поступкахъ.

А вѣсти объ этихъ немягкихъ поступкахъ болѣе и болѣе отравляли царицѣ Прасковьи и безъ того горькую разлуку съ любимицей Катюшкой; больная, она по цѣлымъ мѣсяцамъ (съ 1720 года) лежала въ постели, владѣя только руками; къ ея же горести, младшая дочь, бывшая при ней неотлучно, безпрестанно недомогала. И душевныя, и тѣлесныя скорби вызывали со стороны старушки безпрестанныя просьбы къ „свѣтъ-Катюшкѣ", чтобъ она писала сколь возможно чаще и чаще:

„Пиши ты ко мнѣ, царевна Екатерина Ивановна, -безпрестанно напоминаетъ царица,—пиши ко мнѣ про свое здоровье и про мужнее, и про дочкино почаще..." „Пиши ты ко мнѣ почаще, не крушите меня..." „Отпиши противъ сего письма, какъ можно поскорѣе... а письма твои, Катюшка, чту, и всегда плачу, на нихъ смотря", и т. д.

Что́ это были за грамотки, которыя обливала слезами Прасковья—мы не знаемъ; мы не нашли ни одной изъ нихъ въ просмотрѣнныхъ нами подлинныхъ бумагахъ; вѣроятно, онѣ сохраняются въ одномъ изъ московскихъ архивовъ и когда-нибудь явятся на свѣтъ... Что они должны быть любопытны для характеристики царевны Катерины Ивановны, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, точно также, какъ не безъинтересны письма ея маменьки, впервые явившіяся въ приложеніяхъ къ первому изданію настоящаго труда („Царица Прасковья", изд. 1861 г.),

---

[1]) Каб. дѣл., I пол., т. LXV, листъ 260, письмо изъ Спб. отъ 16 марта, какъ кажется, 1721 года.

[2]) Подлинныя письма Петра, л. 3, 1721 г. 8 сент. Спб.

затѣмъ вошедшія въ изданіе „Письма русскихъ государей", изд. 1862 г., Москва, т. II, и нынѣ сполна помѣщенныя въ приложеніяхъ къ настоящей книгѣ; при этомъ, кстати замѣтимъ, такъ какъ грамотки эти были уже напечатаны буквально. т. е. со всѣми грамматическими ошибками, то мы, для удобства чтенія, напечатали письма эти дословно, но не буквально. (См. приложенія).

Въ этихъ письмахъ, какъ нельзя лучше, высказывается самая нѣжная материнская привязанность и заботливость старушки о „Катюшкѣ"; съ какою любовью разспрашиваетъ она о ея дѣлахъ, какъ искренно груститъ о ея печаляхъ, какъ заботливо разспрашиваетъ про болѣзни и какъ неутомимо исписываетъ грамотки совѣтами лечиться сколь возможно скорѣе и старательнѣе; часто напоминаетъ о наблюденіи супружескаго закона; молитъ не забывать Господа Бога; шлетъ подарки, удовлетворяетъ ея просьбамъ, наконецъ разспрашиваетъ о новыхъ нуждахъ, съ полною готовностью выполнить малѣйшую просьбу. Нельзя не замѣтить при этомъ, что ни въ одной строкѣ Прасковьи не прорывается упрека герцогу, котораго она имѣла бы полное право упрекать во многомъ. Если большая часть его поступковъ могла быть скрываема отъ старушки, то все-таки трудно предположить, чтобъ она ничего не знала и ни въ чемъ бы его не винила: но какъ женщина съ большимъ природнымъ умомъ, она не хотѣла упреками посѣвать раздоръ между супругами; она благоразумно находила, что упреки ни чему не помогутъ, а, пожалуй, вынудятъ капризнаго и своевольнаго Карла-Леопольда на какой-нибудь дерзкій поступокъ.

Прочитывая самыя нѣжныя, полныя материнской страсти, письма Прасковьи къ Катюшкѣ и къ внучкѣ Аннушкѣ, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели въ этой любящей душѣ, на ряду съ столь прекраснымъ и сильнымъ чувствомъ, могли быть злыя страсти?.. А между тѣмъ, въ этой же душѣ, какъ увидимъ, гнѣздилась злоба непомѣрная, жестокость и звѣрство, превышающія всякое вѣроятіе и повидимому совершенно не мыслимыя въ женской натурѣ... Но это было такъ... объ этомъ свидѣтельствуютъ подлинныя бумаги.

Пока, однако, дойдемъ до этихъ фактовъ, послушаемъ горячія просьбы, гнѣвъ и заклятія, съ какими убѣждаетъ старушка

непаглядную Катюшку пріѣхать къ ней на житье; она съ замѣчательною постепенностью и искусствомъ подбираетъ самые сильные доводы о необходимости этого пріѣзда:

...„А о васъ государь соболѣзнуетъ очень и всяко хочетъ помочь; только, не видавши съ вами, нельзя сего дѣла дѣлать; всеконечно надобно вамъ быть въ Ригу“... Царица жалуется на болѣзни, увѣряетъ, что отъ великихъ скорбей и несносныхъ печалей, не чаетъ себѣ долгаго житія и проситъ простить ея грѣхи, буде что Господь сотворитъ... И все это пишетъ къ тому, чтобъ Катюшка „буде не брюхата“ по прежнему, побывала бы у насъ, „какъ вылечася, для моей старости и для моей болѣзни“...

И тутъ, разсчитывая на авторитетъ государя и на его значеніе относительно герцога, Прасковья настаиваетъ, чтобъ дочь просила его ѣхать къ ней въ Россію, а буде отправитесь „не покидайте дочки (Аннушки), не надсадите меня при моей старости“. Самымъ сильнымъ доводомъ Прасковьи было желаніе дядюшки, т. е. государя; его именемъ обнадеживала она дочь, что ихъ дѣло лучше устроится въ Россіи... „Всеконечно, Катюшка,—пишетъ царица,—дядюшка говорилъ, что какъ пріѣдутъ, всеконечно дѣло ихъ управлю; я не пишу никогда ложно“...

„А о себѣ пишу,—пишетъ Прасковья въ другомъ письмѣ,—то я всеконечно больна и лежу въ разслабленіи и тебѣ, Катюшка, всеконечно надобно ко мнѣ пріѣхать для благословенія и для утѣшенія мнѣ; также, чтобъ мнѣ видѣть твою дочку—безмѣрно желаю: тѣмъ бы я утѣшилась чтобъ ее увидѣла“... Затѣмъ опять тѣ же обѣщанія, что дѣло герцога устроится тотчасъ же, лишь только онъ, либо Катюшка, пріѣдутъ въ Россію; новыя ссылки на дядюшку, на его желаніе видѣть при себѣ племянницу; а буде это желаніе не исполнится, то вы его тѣмъ „раскручините и у дядюшки всю свою пользу потеряете“... Но изъ слѣдующихъ же за тѣмъ строкъ ясно видно, что дѣло идетъ не столько о пользѣ герцога, сколько о сильномъ желаніи старушки „для самаго Бога и Пресвятой Богородицы дочку и внучку увидѣть, хоть на одинъ часъ“.

Наконецъ, видя, что ея желаніе, по разнымъ причинамъ, все еще не выполняется, Прасковья въ новомъ письмѣ начинаетъ грозить „Катюшкѣ“ гнѣвомъ Божіимъ, буде та не пріѣдетъ къ ней.

Интересно, что для бо́льшей убѣдительности просьбъ, Прасковья не разъ писала шутливыя и въ то же время нѣжныя посланія къ малюткѣ-внучкѣ своей Аннушкѣ.

Мы уже видѣли, съ какою заботливостью посылала она къ ней игрушечки и гостинцы: попеченія объ единственной внучкѣ никогда не покидали бабушку: „которая у меня дѣвушка грамотѣ умѣетъ,—пишетъ она между прочимъ къ „Катюшкѣ",—посылаетъ къ вамъ тетрадку; а я ее держу у себя, чтобъ внучку учить русской грамотѣ".

Какъ простъ и какъ наивенъ взглядъ на образованіе своихъ птенцовъ у царицы-помѣщицы! Она приказала обучить грамотѣ одну изъ своихъ холопокъ, для того, чтобъ та, въ свою очередь, когда придетъ пора, по ея велѣнью, открыла бы свѣтъ науки „непаглядной Аннушкѣ", дочери герцогини мекленбургской. Планъ старушки, однако, сколько намъ извѣстно, не исполнился: въ числѣ наставниковъ и наставницъ будущей правительницы всероссійской имперіи мы не видимъ крѣпостную дѣвицу царицы Прасковьи.

Старушка-царица въ особыхъ грамоткахъ просила „махоточку-внучку" утѣшать батюшку и матушку, не давать имъ кручиниться. Смотрите, напр., сколько нѣжности и любви въ этихъ посланіяхъ, писанныхъ Прасковьей къ внучкѣ самыми тщательными каракулками, уставцемъ, на маленькихъ листочкахъ, бережно и красиво обрѣзанныхъ:

„Другъ мой сердечный внучка, здравствуй съ батюшкою и съ матушкой! Пиши ко мнѣ о своемъ здоровьи, и про батюшкино, и про матушкино здоровье своею ручкою. Да поцѣлуй за меня батюшку и матушку: батюшку въ правой глазокъ, а матушку въ лѣвой..... Да посылаю я тебѣ свои глаза ⊃ ⊂ старые, уже чуть видятъ свѣтъ; бабушка твоя старенькая хочетъ тебя, внучку маленькую, видѣть".

„Внучка, свѣтъ мой!—пишетъ бабушка въ другой грамоткѣ,—желаю я тебѣ, другъ мой сердечный, всякаго блага отъ всего моего сердца; да хочетца, хочетца, хочетца тебя, другъ мой внучка, мнѣ, бабушкѣ старенькой, видѣть тебя маленькую и подружиться съ тобою: старая съ малой очень живутъ дружно... а мнѣ съ тобою о нѣкакихъ нуждахъ, самыхъ тайныхъ, подумать и переговорить (нужно)".....

Надежды старушки свидѣться съ Катюшкой и внучкой начали осуществляться. Еще въ январѣ 1722 года при дворѣ Петра стали поговаривать о скоромъ пріѣздѣ въ Россію герцога мекленбургскаго.

18 января сего года прибылъ отъ него въ Москву курьеромъ полковникъ Тилье. Пріѣздъ его не обратилъ бы на себя большого вниманія, если-бъ онъ не сопровождался слѣдующимъ приключеніемъ. Между Москвой и ближайшей отъ нея станціей, на мекленбургскаго полковника напали разбойники, обобрали и его; и сопровождавшаго его егеря до послѣдней нитки, такъ что нѣмецъ-курьеръ явился въ русскую столицу въ крестьянскомъ полушубкѣ... Вѣсть о такомъ грабежѣ вызвала разные толки, между прочимъ о порученіи, съ какимъ явился полковникъ. Оно было секретомъ для двора, но поговаривали, что Тилье присланъ въ Москву вслѣдствіе заговора противъ герцога мекленбургскаго, за который тайный совѣтникъ Вольфратъ съ женою и многія другія знатныя лица подверглись жестокому аресту; говорили, между прочимъ, и о томъ, что скоро пріѣдетъ въ Россію самъ герцогъ... [1]).

Петръ, дѣйствительно, былъ не прочь видѣть его у себя, частью въ надеждѣ направить Карла-Леопольда совѣтами и личными убѣжденіями на настоящую дорогу, частью и потому, что хотѣлъ угодить невѣсткѣ, которая не переставала его осаждать просьбами вытребовать Катюшку въ Россію.

Вслѣдствіе всего этого, отъѣзжая въ персидскій походъ, государь, 8 и 11 мая 1722 года, отправилъ двѣ зазывныя грамотки къ любезнѣйшей племянницѣ:

... „обнадеживаемъ васъ,—пишетъ онъ въ первой,—что мы его свѣтлости герцогу, супругу вашему, въ дѣлѣ его вспоможенія чинить не оставимъ. По понеже потребно о такъ важномъ семъ дѣлѣ намъ съ его свѣтлостью самимъ разсужденіе имѣть и о мѣрахъ къ поправленію того согласиться; того ради мы къ нему нынѣ... отправили... капитана Бибикова съ грамотою нашею, требуя, дабы его свѣтлость купно съ вами въ Ригу пріѣхали, и уповаемъ, что его свѣтлость, оное, ради своей собственной пользы, учинить не отречется. А ежели, паче чаянія, его

---

[1]) Берхгольцъ, ч. II, стр. 47.

свѣтлость для какихъ причинъ въ Ригу не поѣдетъ; то въ такомъ случаѣ желаемъ мы, понеже невѣстка наша, а ваша мать, въ болѣзни обрѣтается и васъ видѣть желаетъ, дабы вы для посѣщенія оной пріѣхали сюда, гдѣ мы съ вами и о дѣлѣхъ его свѣтлости переговорить и потребное объ оныхъ опредѣлить можемъ".

Вслѣдъ за этимъ рескриптомъ, писаннымъ рукой секретаря, государь подтверждалъ то же приказаніе въ собственноручной припискѣ: „паки подтверждаемъ, чтобы вы пріѣхали, понеже мать того необходимо желаетъ для своей великой болѣзни".

Курьеру, капитану Бибикову, императоръ, по убѣдительной просьбѣ невѣстки, вручилъ незапечатанную, собственноручную записку, въ которой просилъ любезную племянницу вѣрить тому, что будетъ говорить предъявитель записки, помнить, что „мать зѣло ее видѣть въ своей болѣзни желаетъ" и чтобы Катюшка всячески спѣшила пріѣздомъ [1]).

Что касается до самой Прасковьи, то она написала при этомъ случаѣ длинное посланіе (отъ 15 мая); главное содержаніе его состояло въ повтореніяхъ просьбъ пріѣхать поскорѣй; старушка не только утверждала, что отъ этого зависитъ вся польза ихъ собственнаго дѣла, но даже нужнымъ сочла замѣтить, что при житьѣ въ Россіи „убытку имъ никакого не будетъ,— весь коштъ будетъ государевъ".

Пришла, наконецъ, вѣсть, что дорогая гостья поднялась въ путь-дороженьку: свѣтъ Катюшка—безъ мужа, но съ четырехлѣтней дочкой ѣдетъ въ Москву... То-то радость, то-то веселье въ родимомъ Измайловѣ! Старушка засуетилась: она то заботливо отдаетъ приказанія о чисткѣ хоромъ, о приготовленіяхъ къ пріему своей любимицы, то посылаетъ къ ней навстрѣчу, пишетъ письма,— дни для нея тянутся недѣлями, она считаетъ каждый часъ и ждетъ не дождется давнопожеланныхъ гостей.

Посмотрите, какъ суетится, какъ тревожится царица; время для нея такъ тянется долго, что она рѣшительно теряетъ надежду обнять дочку съ внучкой...

„Катюшка, свѣтъ мой, здравствуй! послала я къ тебѣ Алексѣя Татищева... я думаю, что вы долго не будете? Пришлите вѣдо-

---

[1]) Подлинныя письма Петра въ Госуд. Архивѣ, лл. 4 и 5.

мость, гдѣ вы теперь? чтобы вѣдать мнѣ... Пуще тошно: ждемъ да не дождемся... Внучка, свѣтъ мой, здравствуй! пріѣзжай, свѣтъ мой, поскорѣй, не могу я васъ дождаться и, Богъ вѣсть: дождуся ли я или нѣтъ, по своей болѣзни.“...

За первымъ встрѣчникомъ посылаются новые; царица отправляетъ „Татьяну съ товарищи“, за ними царевну Прасковью... Онѣ везутъ грамотки съ новыми сѣтованьями на медленность въ пути: ...„Я васъ, свѣтовъ своихъ,—пишетъ старушка,—дожидаю въ радости; а больше вѣры нейму, что будете, кажется, не будете? Ежели можно, поспѣшите поскорѣе, для того, что дитяти долго въ дорогѣ быть трудно, и для моей болѣзни... Ежели мнѣ будетъ возможно, я сама выѣду васъ встрѣтить... У меня, свѣтъ мой, вамъ и хоромы вычищены для вашего покою. Чаю вамъ ѣхать трудно въ дорогѣ, а больше того дитяти великой трудъ. А я думаю, никакъ васъ не дождусь, по своей болѣзни... Хотя бы взглянуть на внучку... А у меня въ домѣ, свѣтъ мой, всѣ радуются твоему пріѣзду, а наипаче дочки вашей“...

Отъ радости Прасковья стала бодрѣе, поправилась, прошолъ ломъ въ костяхъ, чѣмъ она много страдала; но ходить все не могла, и потому, какъ узнала, что Катюшка близко, выслала ей на встрѣчу Василья Алексѣевича Юшкова, своего интимнаго, горячо любимаго фаворита. Царица посылала его вмѣсто себя, впрочемъ тутъ же просила отнюдь не держать его при себѣ болѣе сутокъ: „пришли его ко мнѣ скорѣй, а я тебя,—писала царица,—не могу дождаться“.

Предоставляемъ читателямъ самимъ вообразить картину встрѣчи Прасковьи съ любимою дочерью, послѣ пятилѣтней разлуки.

Катерина Ивановна пріѣхала въ Москву, въ августѣ мѣсяцѣ 1722 г., въ довольно скучную пору. Государь, 13 мая, а вслѣдъ за нимъ императрица (14-го числа) и многіе изъ придворныхъ отправились въ Астрахань, въ персидскій походъ. Недѣли двѣ спустя, выѣхали въ Петербургъ цесаревны Анна и Елисавета Петровны, также въ сопровожденіи большой свиты [1]). Герцогиня Анна Ивановна жила въ Митавѣ; такимъ образомъ изъ имени-

[1]) Онѣ выѣхали вмѣстѣ съ Меншиковымъ 5-го іюня 1722 г. Князь часто извѣщалъ государя съ государыней о здоровьи и занятіяхъ цесаревенъ. Каб. дѣла. II полов., т. LX, лл. 559 -579. (См. также Діаріушъ Ханенки въ Чт. Общ. Ист. 1858 г., смѣсь, кн. I, стр. 68.

тѣйшихъ лицъ въ Москвѣ оставался только герцогъ голштинскій съ своимъ штатомъ, добросовѣстно опорожнявшимъ съ своимъ господиномъ кубки съ виномъ въ засѣданіяхъ пьяной компаніи, основанной герцогомъ, подъ названіемъ: „тостъ коллегіи".

„Свѣтъ-Катюшка" заняла въ Измайловѣ отведенныя ей хоромы подлѣ матушки; въ большихъ флигеляхъ размѣстилась ея свита, между которыми были и мекленбуржцы, такъ, напр., капитанъ Бергеръ и другіе [1]).

При дешевизнѣ тогдашней жизни и богатству запасовъ, получаемыхъ съ большихъ вотчинъ, измайловскія обитательницы жили въ достаткѣ, сытно, тепло, уютно; но, платя дань вѣку и собственному необразованію, жили довольно грязно; проводили время въ ѣдѣ, въ спаньѣ, въ исполненіи церковныхъ требъ и въ безцеремонномъ приниманіи и угощеніи гостей до отвалу и опьянѣнія.

Если бы вы вслѣдъ за камеръ-юнкеромъ Берхгольцомъ [2]), который, какъ статный парень — скоро полюбился толстенькой герцогинѣ, зашли бы къ ней въ Измайловскій дворецъ, вамъ бы, вѣроятно, попалась на встрѣчу царевна Прасковья — блѣдная, растрепанная, съ выдавшимися скулами, осунувшимся лицомъ; она, по обыкновенію, въ дезабилье, но это не помѣшало бы ей сунуть вамъ для поцѣлуя свою костлявую руку. Вы цѣлуете и проходите въ комнаты герцогини не иначе, какъ чрезъ спальню больной царевны... а вотъ и Катерина Ивановна. Послушайте, какія она отпускаетъ уморительныя вещи, какъ весело болтаетъ, какимъ звонкимъ смѣхомъ заливается на весь домъ при каждомъ словѣ, по ея мнѣнію, остроумномъ. Хотите или не хотите, а вы должны выпить вина; вамъ его поднесутъ либо сама герцогиня, либо ея малютка дочь, либо подастъ больная Прасковья.—Предваряю, что отказываться неучтиво, да и не принято; пейте и спѣшите за статнымъ камеръ-юнкеромъ... Хохотушка Катерина ведетъ его въ спальню, устланную краснымъ сукномъ, довольно

---

[1]) Не родственникъ-ли извѣстному впослѣдствіи доносчику Бергеру, виновнику лютыхъ казней, постигшихъ Лопухиныхъ въ 1743 году?

[2]) Онъ сдѣлалъ первый визитъ въ Измайлово, въ свитѣ своего герцога, 5 сентября 1722 г. Голштинцы отправились въ четырехъ каретахъ, каждая въ шесть лошадей, парадными цугами. Гостей встрѣчали и провожали въ Измайловѣ кавалеры герцогини и царицы. Бесѣда тянулась съ часъ и какъ ни коротко было это время, но всѣ успѣли опорожнить по нѣскольку стакановъ венгерскаго вина, поднесеннаго гостепріимными хозяйками.

еще чистымъ; герцогиня показываетъ свою кровать. Богъ знаетъ чѣмъ заслуживающую осмотра, и рядомъ съ ней, въ альковѣ, вы можете видѣть постель маленькой принцессы. Вообще убранство этой комнаты лучше остальныхъ, которыя меблированы крайне плохо.

Тише... что это за писк и вой? Оглядываетесь: предъ вами полуслѣпой, грязный и страшно пропахшій чеснокомъ бандурщикъ гнусливо затянулъ пѣсню, за ней другую, третью... Герцогиня Катерина Ивановна вообще любительница музыки и всякаго рода эстетическихъ наслажденій; она съ довольной улыбкой слушаетъ пѣнье. Берхгольцъ съ нѣмцами товарищами ничего не понимаетъ, а пѣсни всѣ сальны, не даромъ же царевна Прасковья, въ качествѣ дѣвицы, считаетъ неприличнымъ оставаться въ комнатѣ, когда поются нѣкоторыя изъ нихъ.

Кромѣ пѣсенъ бандурщика, герцогиня находитъ не мало удовольствія въ шуткахъ и скоморошничествѣ грязной, слѣпой и безобразной старухи, которая босикомъ, въ какомъ-то рубищѣ, смѣло и свободно разгуливаетъ въ ея комнатахъ. Особенный эфектъ постоянно производитъ слѣдующій фарсъ шутихи: по первому слову матушки Катерины Ивановны, старуха пускается въ плясъ, причемъ поднимаетъ спереди и сзади свои старыя лохмотья.

Нѣмцы-гости недоумѣвали, какъ герцогиня, столь долго жившая въ Германіи, сообразно своему званію, можетъ здѣсь терпѣть такую бабу... Но недоумѣніе ихъ было странно. Катерина Ивановна привыкла къ шутамъ, шутихамъ, карламъ, дурамъ, юродивымъ и т. п. исчадіямъ тогдашней боярской жизни съ малыхъ лѣтъ; вся эта обстановка не поражала, да и не должна была ее поражать; а у такого милаго супруга, какимъ былъ безпутный Карлъ-Леопольдъ мекленбургскій, она едва ли могла заимствовать новыя привычки и усвоить новый образъ жизни... Вотъ почему она и поспѣшила зажить по старому, лишь только попала въ родимое гнѣздо...

Въ этомъ гнѣздѣ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ— былъ старый нашъ знакомый Василій Алексѣевичъ Юшковъ. Возвеличенный въ званіе главнаго управляющаго всѣми вотчинами и домами царицы, фаворитъ ея, онъ хлопоталъ объ интересахъ госпожи далеко не съ надлежащимъ усердіемъ. Хозяйство шло плохо, долговъ на „домѣ государыни царицы“ считалось

много, уплаты велись неакуратно; а при недосмотрахъ главнаго управляющаго естественно, что не чинились мелкіе прикащики и тащили господское добро направо и налѣво. Къ довершенію неурядицы, запосчивый и своевольный Юшковъ, гордый связью и довѣріемъ къ нему Прасковьи, велъ себя относительно сослуживцевъ крайне дерзко и распоряжался ими по своему произволу.

Въ числѣ ихъ былъ подъячій Василій Деревнинъ. Сынъ дьяка изъ приказа большого дворца, Ѳедора Петровича Деревнина, и свойственникъ одного изъ шести думныхъ дьяковъ, Гаврилы Деревнина, Василій Ѳедоровичъ началъ службу стряпчимъ при отцѣ, и съ 1703 по 1714 годъ состоялъ въ служителяхъ при комнатѣ царицы Прасковьи. Въ 1714 году, по царскому указу, опредѣленъ онъ въ Измайлово коммисаромъ „для отправленія государевыхъ дворцовыхъ волостныхъ дѣлъ". Въ небытность царицы въ Москвѣ съ 1715 по 1719 г., Деревнинъ управлялъ окладною казною царицы.

До сихъ поръ имъ были довольны, онъ исполнялъ свои обязанности спокойно, пользуясь надлежащею довѣренностью. Но въ 1718 году Деревнинъ, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, навлекъ на себя гнѣвъ Юшкова. Изъ Петербурга пріхалъ для его учета дьякъ Степанъ Тихменевъ, преданный слуга Юшкова и личный врагъ Деревнина. Учетъ и сдача казны продолжались довольно долго, и только въ 1720 году Василій Ѳедоровичъ, по собственному прошенію, былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности. Сдача должности была неблагополучна для нашего стряпчаго. На него насчитали большіе начеты, онъ не зналъ какъ съ ними быть, и, дождавшись пріѣзда Юшкова съ царицей въ Москву, сталъ осаждать неотступными просьбами разсчитать его безъ несправедливыхъ, по его увѣренію, начетовъ.

Кто изъ нихъ былъ правъ—изъ дѣлъ не видно; да для насъ рѣшеніе этого вопроса не имѣетъ особенной важности. За то эта распря интересна въ томъ отношеніи, что въ ея послѣдствіяхъ, какъ нельзя лучше, выразилась личность старушки Прасковьи. Дѣло Василья Деревнина бросаетъ новый свѣтъ на царицу, типичную представительницу аристократокъ петровскаго времени. Эпизодъ этотъ столь важенъ, что мы отводимъ для него слѣдующія главы...

VI.

Цыфирное письмо.

„Злымъ, отчаяннымъ воровскимъ вымысломъ на честь ея величества Параскевіи Ѳеодоровны и къ поношенію ея имени предано то письмо приказной публикѣ!“

Вѣдѣніе въ полицію 29 сент. 1722 г.

5-го января 1722 г. Деревнинъ въ сотый уже разъ пришелъ хлопотать по своему дѣлу къ Юшкову. Василій Алексѣевичъ пріѣхалъ въ это время изъ Измайлова въ свитѣ Прасковьи, и царица по обыкновенію остановилась въ домѣ брата своего Василія Ѳедоровича, на Тверской, въ приходѣ Спаса [1]).

Дожидая фаворита, стряпчій стоялъ на дворѣ; вдругъ изъ хоромъ вышелъ Юшковъ; онъ не обратилъ вниманія на Деревнина, куда-то спѣшилъ и, проходя по двору, выронилъ нечаянно изъ кармана какую-то бумагу.

Стряпчій оглянулся, на дворѣ не было ни души; онъ поднялъ бумагу: то было письмо руки царицы къ ея фавориту, писанное уставцемъ; многія слова были означены литерами подъ титлами; въ первой строкѣ такихъ словъ было три, въ другой — четырнадцать, въ третьей — три. Что это было писано Прасковьей Ѳедоровной, стряпчій не сомнѣвался ни минуты: онъ очень хорошо зналъ ея почеркъ.

---

[1]) Этотъ домъ перешолъ потомъ къ Строганову, а отъ него къ князю Алексѣю Борисовичу Голицыну. Щербатовъ: О повр. нр., въ „Русск. Старинѣ“ изд. 1870 г. (третье изд.). У В. О. Салтыкова былъ еще дворъ въ Москвѣ за Яузскими воротами, за земляным городомъ.

Радость и страхъ въ одно и то же время овладѣли Деревнинымъ. Въ его рукахъ была какая-то тайна; раскрытіе ея могло дать возможность отомстить ненавистнику его Юшкову, а какъ доносчикъ—онъ получитъ награду.

Но радость смѣнялась страхомъ: находкой онъ вооружалъ противъ себя Прасковью: сила и значеніе ея хорошо были ему извѣстны. Въ царицѣ онъ наживалъ себѣ врага могущественнаго и непримиримаго. Возвратить ли письмо или представить его царю—вотъ вопросъ, который быстро мелькнулъ въ головѣ Деревнина. Не возвратить—подвергнуться преслѣдованіямъ Юшкова и царицы; возвратить—потерять случай къ мщенію и нарушить государевы указы. Находя въ нихъ строгое повелѣніе ничего не утаивать „противнаго въ дѣлѣ государевомъ", онъ находилъ и одобренія, и поощренія къ доносу: „ежели бъ кто сумнился о томъ,—гласилъ указъ 1714 года,—что ежели явится какой доносчикъ, тотъ бѣдствовать будетъ, то не истинно, ибо не можетъ никто доказать, которому бы доносителю какое наказаніе или озлобленіе было, а милость многимъ явна показана... Того ради, кто истинный христіанинъ и вѣрный слуга своему государю и отечеству, тотъ безъ всякого сумнѣнія можетъ явно доносить словесно и письменно о нужныхъ и важныхъ дѣлахъ..." [1]).

Деревнинъ былъ стряпчій, законникъ, не знать указовъ не могъ; забыть ихъ — также, и слѣдовательно немудрено, что чувство подъячаго, алчущаго мести и выслуги, взяло верхъ. Онъ поспѣшилъ со двора кравчаго съ завѣтнымъ письмомъ.

Въ тотъ же день, въ задушевной бесѣдѣ съ тестемъ своимъ, Терскимъ, подъячимъ по страсти и провинціалъ-фискаломъ по должности, Деревнинъ разсказалъ о находкѣ. Терскій долго разсматривалъ письмо, силился разобрать цыфирь, но „разсу-

---

[1]) Указъ блаженнаго и вѣчно достоиннаго памяти императора Петра Великаго 1714 г. янв. 25. Цѣлый рядъ указовъ: ноября 1705 г., 2 марта 1711, августа 25, окт. 25—1713 г., янв. 25, сент. 26, дек. 21—1715 г., апрѣля 16 и 19—1717 г., янв. 19—1718 г., 16 апр. 1719 г., 9 февр., 22 іюля 1720 г., февр. 19 пункт. 6 и 7—1721 г., янв. 11—1722 г., и многіе другіе указы вполнѣ и отчетливо объясняли, кому и какъ доносить, ободряли несмѣлыхъ доносчиковъ, возбуждали честолюбивыхъ обѣщаніями, грозили трусливымъ наказаніемъ и проч. Рядъ этихъ указовъ далъ прочное развитіе на Руси цѣлой кастѣ доносчиковъ и шпіоновъ.

дить ее,—какъ самъ сознавался,—не могъ". — Я хочу подать письмо самому государю, — говорилъ зять. Тесть не отговаривалъ, а напротивъ, со взглядомъ знатока, замѣтилъ, что письмо дѣйствительно „противное", т. е. важное и заслуживаетъ доноса.

Между тѣмъ, пока стряпчій нашъ искалъ случая побить челомъ великому монарху, Юшковъ хватился письма, сталъ развѣдывать, разослалъ лазутчиковъ, и черезъ нихъ, при болтливости Деревнина, скоро узналъ въ чьихъ рукахъ письмо. Не долго думая, Василій Алексѣевичъ тотчасъ же арестовалъ стряпчаго и заточилъ въ особую казенку. При боярскихъ домахъ для заточенья и штрафованія ослушныхъ челядинцевъ не было недостатка въ подобныхъ пріютахъ.

Деревнинъ просидѣлъ подъ самымъ строгимъ карауломъ восемьнадцать дней, съ 5-го по 23-ое января; къ нему никого не допускали. Юшковъ требовалъ выдачи письма, Деревнинъ увѣрялъ, что его не имѣлъ и не имѣетъ. Для провѣрки сего показанія, фаворитъ царицы наложилъ на заключеннаго „чень пудовъ въ пять". Пытка была слаба въ сравненіи съ сильнымъ желаніемъ Деревнина выслужиться и отомстить противнику. Отъ продолжительнаго и тяжкаго заточенія стряпчій заболѣлъ весьма опасно; но чѣмъ больше страдалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что письмо должно быть важное, если Юшковъ такъ настойчиво силится его вымучить.

23 1722 г. января пришелъ къ Юшкову, какъ къ управляющему, конюхъ отъ двора его величества изъ Преображенскаго, съ требованіемъ выслать немедля четырехъ бывшихъ прикащиковъ Измайлова, въ томъ числѣ и Деревнина, для нѣкоторыхъ справокъ, по повѣркѣ жалобъ царицы на безпорядочное ихъ управленіе.

Но Юшковъ, отославъ двухъ прикащиковъ, не нашелъ совмѣстнымъ съ своимъ дѣломъ исполнить приказъ вполнѣ, и не только не выпустилъ Деревнина, но усилилъ надзоръ за арестантомъ, приставивъ къ нему на конюшнѣ въ караульнѣ трехъ солдатъ. Дѣло принимало размѣры, болѣе серьезные, и въ тотъ же день къ заточенному явился, по приказу Прасковьи, служитель ея, Андрей Кривскій. Ему поручено было снять съ Деревнина полнѣйшій допросъ.

Кривскій началъ съ того, что выслалъ вонъ караульныхъ.

— „Зачѣмъ тебя спрашиваетъ его императорское величество и чрезъ кого ты хлопоталъ, чтобъ тебя потребовали къ государю?"

— Я не хлопоталъ и не просилъ объ этомъ, отвѣчалъ Деревнинъ [1]).

Кривскій записалъ это показаніе, и записалъ съ слѣдующей уловкой: вмѣсто „спрашивалъ стряпчаго Деревнина его императорское величество" — „спрашивалъ Матвѣй Олсуфьевъ"; къ этой бумагѣ заставилъ Деревнина приложить руку и отнесъ допросъ къ царицѣ.

Съ 23 января 1722 г. заточеніе стряпчаго ухудшилось до такой степени, что отъ „жестокаго держанія онъ заскорбѣлъ и едва былъ живъ". Юшковъ струсилъ; государь былъ въ Москвѣ: государь могъ провѣдать про его самоуправство, и бѣда, если стряпчій умретъ подъ арестомъ. 30 января Деревнина выпустили, причемъ подъ великимъ страхомъ запрещено было ему отъ Юшкова съ чѣмъ бы то ни было являться къ государю.

Надо думать, что пятипудовая цѣпочка не вполнѣ выдавила изъ нашего героя желаніе заявить императору цыфирное посланіе царственной старушки; онъ не угомонился, сталъ болтать о своемъ намѣреніи — и вотъ, не далѣе какъ двѣ недѣли спустя, отъ Юшкова явились новые сыщики, съ приказомъ схватить Деревнина. Но стряпчій былъ на этотъ разъ осторожнѣе: находя домъ тестя [2]) не вполнѣ надежнымъ убѣжищемъ, онъ поспѣшно собрался въ дорогу, обложился подушками, и вмѣстѣ съ женой уѣхалъ въ деревню свояка своего, ревельскаго школьника Петра Иванова Юрьева [3]). Юрьевъ, зная, что свояка ищутъ, боялся долго его укрывать, и своякъ до сентября мѣсяца 1722 г. переѣзжалъ изъ деревни въ деревню своихъ родственниковъ въ Московскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ.

Надоѣла ему, наконецъ, жизнь бродяги. Разсчитывая на то, что государь скоро вернется изъ Астрахани, а царица Прасковья

---

[1]) Его требовали съ другими стряпчими царицы, Аргамаковымъ и Татищевымъ, для провѣрки счетныхъ книгъ, въ которыхъ были неправильно выведены приходъ и расходъ денегъ, выданныхъ изъ кабинета государева. Госуд. Архивъ, Каб. II пол., кн. 65, л. 478 и кн. 68, лл. 589—590.

[2]) Въ Огородной слободѣ, въ приходѣ церкви Харитонія исповѣдника, за Мясницкими воротами.

[3]) Жены Юрьева и Деревнина были родныя сестры, дочери Григорья Терскаго.

Ѳедоровна запамятовала о немъ и о таинственномъ письмѣ, Деревнинъ вернулся 11 сентября въ Москву и остановился попрежнему въ домѣ своего тестя. Если вѣрить Терскому, то онъ держалъ зятя не скрытно, думая, что никто уже его не потревожитъ.

Но тревожился Юшковъ, тревожилась и царица. Петра не было, руки были развязаны, и они начали дѣйствовать смѣлѣе и свободнѣе, съ полной увѣренностью, что съ поимкой Деревнина, вымучатъ отъ него письмо. Юшковъ повелѣлъ служителямъ, именемъ царицы, отыскать стряпчаго, и за доставку его въ Измайлово посулилъ 100 рублей. Награда была заманчива; начались поиски; но у Деревнина были друзья. Александръ Барнавалоковъ и Ѳедоръ Балуевъ, служители царицы, посѣтили его въ домѣ Терскаго и объявили о поискахъ. „Обѣщано за тебя 100 рублей и больше, и ужь многіе де тебя ищутъ“ — говорили друзья и говорили совершенно справедливо.

29 сентября, у Покровскихъ воротъ, за землянымъ городомъ, Деревнинъ наткнулся на царицына конюха Евтихія Соловцова.

— Стой, братъ!—закричалъ Соловцовъ,—всѣмъ намъ приказано, поймавъ тебя, привесть, и обѣщана за то великая награда, ступай за мной.

Страхъ придалъ силы, и Деревнину удалось отбиться отъ Соловцова; за то съ этого времени онъ сталъ такъ бдительно хорониться то у тестя, то у свояка, то у другихъ родственниковъ, что Юшковъ потерялъ, наконецъ, надежду поймать его своими людьми и обратился къ пособію оберъ-полиціймейстера.

Полковникъ Максимъ Петровичъ Грековъ былъ еще новичекъ въ своемъ дѣлѣ; званіе московскаго оберъ-полиціймейстера только еще было учреждено (указомъ 19 января 1722 г.), и онъ всячески старался угодить сильнымъ міра сего; на его усердіе и Юшковъ, и царица смѣло могли положиться.

Такимъ образомъ, 24 сентября, отъ дворца царицы представлено было къ нему вѣдѣніе. Въ немъ стремянный Никита Іевлевъ объявлялъ, что дому его государыни служитель Деревнинъ, находившійся у ея казны, похитилъ знатную сумму денегъ, нѣсколько тысячъ рублей, бѣжалъ съ женой, дѣтьми и съ пожитками; скрывается въ Москвѣ, а гдѣ — то можетъ указать посланный служитель. Нечего и говорить, что мнимая (какъ ниже увидимъ) кража Деревнина была только офиціальной причиной его сыска.

Грековъ немедля послалъ капитана Пазухина и каптенармуса Ладыженскаго арестовать бѣглеца съ его семействомъ и служителями, а пожитки, какія сыщутся, описать, запечатать и приставить къ нимъ караулъ. Буде же Деревнина не сыщутъ въ домахъ, указанныхъ служителемъ, и тѣхъ домовъ хозяевъ, жильцовъ и прислугу привесть въ полицмейстерскую канцелярію, домы опечатать и приставить къ нимъ караулъ.

Оберъ-секретарь Тихменевъ, повѣренный царицы и самъ судья, привелъ капитанъ-поручика съ его свитой въ домъ фискала Терскаго. Команда была съ заряжонными ружьями, и, придя на мѣсто, поспѣшила оцѣпить домъ съ улицы и переулка. Въ верхнихъ палатахъ былъ Деревнинъ; услыхавъ шумъ и, догадавшись, кто были гости, онъ бросился черезъ калитку на смежный дворъ; полиція не нашла его, не нашла и хозяина дома: по какому-то сутяжническому дѣлу онъ былъ подъ арестомъ при военной коллегіи, у прокурора Пашкова; — Терскаго отправился выручать въ тотъ день на поруки Юрьевъ, а къ послѣднему уѣхала въ гости жена Деревнина.

Полиція нашла въ домѣ Терскаго его племянницъ, Катерину Игнатьеву и Афимью Еремѣеву; слугу Деревнина — Харитона Иванова, слугъ Юрьева — Ивана Петрова, Евстафія Спиридонова, наконецъ шведа Егора Яковлева, купленнаго Терскимъ на улицѣ по весьма сходной цѣнѣ, всего за 2 руб. 50 коп. мѣди.

Всѣ они, „избитые мучительно", такъ, по крайней мѣрѣ, писалъ впослѣдствіи Терскій, со связанными руками назадъ, были отправлены къ оберъ-полиціймейстеру; даже баба изъ сосѣдняго дома, Марья Назарова, пришедшая посудачить къ служанкамъ Терскаго, и та была схвачена усердными полицейскими. Они обшарили весь домъ, перепортили мебель, вещи, переломали замки, перетрясли пуховики да перины, но ничего подозрительнаго не нашли, кромѣ двухъ бумажекъ: то были заздравныя памяти. Ихъ почему-то Пазухинъ счелъ нужнымъ представить начальству, вмѣстѣ съ чернильницей, палачнымъ кнутомъ и сѣрой лошадью съ нѣмецкимъ сѣдломъ. Въ какой степени эта лошадь нужна была для допросовъ—неизвѣстно. Совершивъ, такимъ образомъ, набѣгъ на домъ мирнаго гражданина, полиція оставила все его имущество подъ печатями и карауломъ.

Приведенная партія арестантовъ тотчасъ подверглась самымъ

обстоятельнымъ и подробнымъ до нелѣпости опросамъ. Грекову и повѣренному отъ царицы нужно было только знать: куда скрылся Деревнинъ, а между тѣмъ, слѣдуя правиламъ тогдашняго (да и нѣсколько позднѣйшаго) дѣлопроизводства, они должны были интересоваться вопросами и отвѣтами, нимало не идущими къ дѣлу, т.-е. какого вѣроисповѣданія, происхожденія, гдѣ родился, чѣмъ занимается, былъ ли наказанъ—такой или такая-то отвѣтчикъ и отвѣтчица?

И вотъ, вслѣдъ за любопытнымъ полковникомъ, мы узнали, что отцы приведенныхъ дѣвицъ, братья Терскіе, были: одинъ — вольноотпущенный князя Сергія Долгорукова, а другой — крестьянинъ боярина Сверчкова, отданный имъ въ солдаты; что дядюшка ихъ, провинціалъ-фискалъ, въ благопріобрѣтенномъ домѣ котораго онѣ живутъ, имѣетъ большую прислугу, а для острастки ея держитъ кнутъ.

Харитонъ Ивановъ генеалогію свою помнилъ гораздо хуже: онъ не зналъ, напр., сколько ему лѣтъ, какое его прозвище, крѣпостной-ли онъ по рожденію или купленный, и если купленный, то какъ была велика его стоимость; впрочемъ сообщилъ нѣсколько извѣстныхъ уже намъ свѣдѣній о переѣздахъ его барина, Деревнина, изъ имѣнія въ имѣніе.

Если память измѣнила Харитону Иванову, за то Иванъ Петровъ очень хорошо помнилъ, что отецъ его былъ кузнецъ, что онъ родился въ Суздальскомъ уѣздѣ, причемъ Петровъ не преминулъ назвать село, ознаменованное его рожденіемъ, заявилъ, что ему 35 лѣтъ отъ роду и третій годъ пошелъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ взятъ своимъ бариномъ, Юрьевымъ, въ Москву и живетъ въ его домѣ, въ Китай-городѣ, у Ильинскихъ воротъ. Что касается до шведа Егора Яковлева, по прозвищу Боровкова, столь сходно купленнаго Терскимъ, то мѣста своей родины онъ не помнилъ, крѣпостной или нѣтъ — того обстоятельно не зналъ, зналъ одно — огородъ да капусту, ввѣренную его храненію, и то зналъ только потому, что за недосмотръ, какъ и явилось по осмотру его спины. Егоръ „весьма знатно битъ кнутомъ“.

— Нѣтъ, не кнутомъ меня били,—говорилъ Боровковъ,— меня били батогами да плетьми.

Впрочемъ, полиціймейстеръ не съ разу повѣрилъ, ибо и здѣсь память Егора могла ему измѣнить. Измѣнила она и шест-

надцатилѣтнему крѣпостному мальчику г. Юрьева, Остафію Спиридонову. „По осмотру его спины явилось, что онъ битъ кнутомъ“; но юноша стоялъ на томъ, что баринъ соизволилъ бить его за домашнія вины ничѣмъ инымъ, какъ только плетьми да батогами.

Приведенныя нами показанія отобраны были далеко не простымъ спросомъ. Кулаки и батоги, какъ неизмѣнное условіе тогдашняго полицейскаго опроса (и позже они долго не были забыты), были пущены въ дѣло [1]). Если вѣрить Терскому, то Грековъ, и еще болѣе Тихменевъ, пристрастный судья, человѣкъ, заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, бранили допрашиваемыхъ самыми „скаредными“ словами, били нѣкоторыхъ по щекамъ собственноручно, наконецъ раздѣвали и пороли плетьми и батогами.

Марья Назарьевна сообщила, что мужъ ея, Ѳедоръ Даниловичъ Валяевъ—служитель царицы Прасковьи: что она зашла нынѣ въ домъ Терскаго по сосѣдству, съ намѣреніемъ, довольно мирнымъ — заказать его служанкамъ шесть рубахъ. Такъ какъ болѣе интереснаго Марья ничего не сказала, то ее въ тотъ же день и освободили, но не иначе, какъ на поруки, подъ росписку мужа, съ тѣмъ, чтобы явилась въ полицію по первому востребованію.

Всѣ эти показанія, представя намъ двѣ-три черты, не безъинтересныя для знакомства съ нравами того времени, ничего однако не разъяснили Грекову. Было уже исписано листовъ десять первыми допросами и било десять часовъ ночи, когда Грековъ нашелъ нужнымъ поручить тому же капитану Пазухину отправиться въ домъ Юрьева, поискать тамъ Деревнина, а въ случаѣ неудачи, арестовать, какъ водится, всѣхъ жильцовъ, хозяекъ и хозяина дома.

Новый набѣгъ полицейскаго партизана и на этотъ разъ не вполнѣ удался: Деревнинъ вновь ускользнулъ изъ его рукъ. Но домъ былъ оцѣпленъ вооруженными солдатами; полицейскіе рыскали по комнатамъ вездѣ и все перешарили. Пазухинъ ругался, „чинилъ разныя обиды“, а когда Петръ Ивановичъ Юрьевъ, хотя и ревельскій школьникъ, вносившій за себя ежегодный выкупъ двѣ-

[1]) Достойно замѣчанія, что уже много лѣтъ спустя не только послѣ петровской эпохи, но и послѣ знаменитыхъ указовъ, отмѣнявшихъ пытки, нѣкоторые виды ея, разумѣется беззаконно, существовали еще въ разныхъ мѣстахъ необъятной Россіи. Укажу на одинъ видъ подобныхъ секретныхъ истязаній, — на перчатки: это ничто иное, какъ особый видъ ручныхъ кандаловъ въ одинъ, два, четыре, шесть и даже болѣе пудовъ вѣса.

сти руб. въ адмиралтейство, но во всякомъ случаѣ баринъ самъ, не лишонный права драться, вздумалъ останавливать полицейскаго, то вспыльчивый капитанъ-поручикъ отпустилъ ему такого тумака кулакомъ въ голову, что тотъ нашелъ неудобнымъ продолжать дальнѣйшее объясненіе. Съ дамами боецъ отъ полиціи велъ себя не менѣе деликатно. Жена Юрьева, дерзнувшая также что-то сказать, получила ударъ кулакомъ „въ зашей", столь ловкій, что слетѣла съ высокаго крыльца, и непремѣнно бы разшиблась до смерти,—такъ повѣствуетъ въ своей жалобѣ очевидецъ Терскій,—если бы добрые люди не подхватили барыню, бывшую въ это время „чреватою".

Било четыре часа ночи, когда Пазухинъ кончилъ обшаривать да опечатывать имущество въ домѣ Юрьева. Оставивъ здѣсь караулъ, онъ отвелъ въ полицмейстерскую канцелярію Григорія Терскаго, его жену, Прасковью Дмитріевну, Петра Юрьева и жену его, Анну Григорьевну; что же касается до жены Деревнина, то лишь только она узнала о набѣгѣ полиціи на домъ ея отца, она тотчасъ ушла изъ дому Юрьева и куда скрылась—неизвѣстно.

Въ полиціи арестантовъ разсажали по казенкамъ; главнѣйшій изъ нихъ, Григорій Терскій, посаженъ былъ въ колодничью палату, въ которой быть было нельзя: въ сырой, тѣсный и душный подвалъ загнаны были 200 человѣкъ; высидѣвъ въ подвалѣ ночь, Терскій, какъ самъ свидѣтельствуетъ, едва живъ остался.

Между тѣмъ допросы продолжались всю ночь. Тихменевъ, личный врагъ Деревнина, не уставалъ; не утомился и господинъ оберъ-полиціймейстеръ въ увѣренности, что его труды сторицею вознаградятся отъ щедротъ благодушной царицы Прасковьи.

Отъ Юрьева, его жены и тещи слѣдователи ничего особеннаго не узнали; гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе были отвѣты провинціалъ-фискала, составленные съ большимъ искусствомъ человѣка бывалаго, извѣдавшаго всякаго рода сутяжничество.

Да и немудрено,—вольноотпущенный князя В. М. Долгорукаго, онъ началъ службу при „инспекторѣ" Курбатовѣ въ ратушѣ, съ 1706 г. былъ у кабацкихъ и таможенныхъ дѣлъ надзирателемъ, потомъ инспекторомъ въ московской ратушѣ, былъ отставляемъ отъ одной должности, получалъ другую, и хотя все это доставалось „не изъ дачъ", какъ самъ увѣрялъ, но въ справедли-

вости его показаній мудрено не усумниться. Съ 1721 года, при посредствѣ оберъ-фискала Нестерова (смертью на висѣлицѣ поплатившагося впослѣдствіи за взятки и мошенничество) Терскій сдѣланъ былъ провинціалъ-фискаломъ. Какъ можно видѣть, тесть Деревнина занималъ должности и получалъ мѣста прибыльныя, чисто въ подьяческомъ родѣ, и постоянно пребывалъ въ средѣ сутяжничества да ябедничества; если ему по должности приходилось составлять ловкія челобитныя и доносы, то не менѣе ловко вывертывался онъ изъ обстоятельствъ самыхъ тѣсныхъ. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ могъ оправдываться съ чистою совѣстью: за нимъ не было никакой вины; онъ только имѣлъ неосторожность найти показанное ему цыфирное письмо бумагою важною, и потомъ держалъ Деревнина у себя, но держалъ не какъ преступника, а какъ близкаго родственника.

— Помилуй, господинъ полковникъ, говорилъ Терскій Грекову при началѣ допроса,—ты велѣлъ меня допрашивать оберъ-секретарю Тихменеву, а Тихменевъ особа подозрительная, и Тихменеву при допросѣ не надлежитъ быть. Я подалъ на него въ надворный судъ по своему дѣлу доношеніе, да и ему, Тихменеву, переданы счетныя книги у казны царицыной послѣ зятя моего Деревнина.

— Нѣтъ, это ничего, пустяки, возразилъ оберъ-полиціймейстеръ: Тихменеву выходить не для чего. Отвѣчай ему.

Нечего дѣлать. Терскій долженъ былъ отвѣчать, и сообщилъ свѣдѣнія о томъ, съ какого и по какое время жилъ у него Деревнинъ, когда съѣхалъ съ Москвы и проч. Куда дѣвался Деревнинъ, того Терскій не вѣдалъ. По разнообразію вопросовъ, разнообразны были и отвѣты. Полюбопытствовали узнать, для чего у него мастерской, т. е. палачный кнутъ?

— „Для острастки людей моихъ,—спокойно отвѣчалъ провинціалъ-фискалъ:—купилъ я кнутъ у посящаго человѣка, въ Китай-городѣ, близъ Казанскаго собора; отчего у того кнута конецъ-хвостецъ въ крови,—того я не знаю; купилъ его такъ съ кровью. Изъ людей же билъ только мальчика Спиридонова за воровство и побѣгъ, да Егора Боровкова за домовыя кражи и подводъ ко двору воровскихъ людей; билъ ихъ не я самъ, а мои же люди, притомъ не этимъ кнутомъ, а кучерскимъ“...

Подѣлившись столь обычными въ то время фактами, Терскій

заявилъ надежду, что къ 29 сентябрю Деревнинъ явится въ полицію. Основываясь на этомъ, Тихменевъ предложилъ ему подписать обязательство: буде не представитъ онъ, Терскій, зятя своего въ теченіе четырехъ дней, то за то взятъ будетъ на немъ показанный отъ царицы Прасковьи недочетъ, виновникомъ котораго находятъ бывшаго казначея.

Отобравши подписку, слѣдователи не нашли однако нужнымъ освободить Терскаго для поисковъ зятя; напротивъ, заковали его въ желѣза, съ строгимъ запрещеніемъ кого бы то ни было подпускать къ нему и говорить съ нимъ.

Обвиненіе на зятя, будто онъ обворовалъ казну царицы.— Терскій положительно отрицалъ; но сказывалъ Грекову, что имѣетъ за собой нѣкоторое государево дѣло, которое надлежитъ объявить въ сенатѣ, либо въ тайной канцеляріи. Грековъ вынуждалъ сказать ему это дѣло. Терскій долго колебался: ему непремѣнно хотѣлось какъ-нибудь отдѣлаться отъ полиціи, хоть бы съ переводомъ въ тайную канцелярію. Но, „по многому принужденію", отозвалъ Грекова въ отдѣльную казенку...

— „За зятемъ моимъ,—объявилъ Терскій,—такое государское дѣло, что у него есть нѣкоторое противное письмо руки царицы Прасковьи къ служителю ея Юшкову; а письмо съ литерными словами подъ титлами; въ немъ нѣтъ ничего противъ здоровья его императорскаго величества, ни объ измѣнѣ и бунтѣ, но уразумѣть его я не могъ, понеже оно цыфирное".

Грековъ, можетъ быть и не подозрѣвая, что это письмо и есть главный поводъ ко всему дѣлу, не нашелъ показаніе Терскаго достойнымъ тайны, и, выходя изъ казенки, приказалъ то дѣло объявить явно.

— Если я то дѣло объявлю, отговаривался Терскій, то въ страхѣ буду, чтобъ мнѣ то за вину не причлось.

— Объяви не опасаясь,—повторялъ оберъ-полиціймейстеръ: здѣсь у насъ только трехъ словъ судить не велѣно; а оное жъ дѣло не какое важное; а здѣсь такая-жъ канцелярія, какъ и тайная.

Тогда Терскій нашелся вынужденнымъ повторить свое показаніе и оно было записано.

Подозрительность слѣдователя и усердіе Грекова доходили до крайности. Одинъ изъ жильцовъ въ домѣ Юрьева, Скрипицынъ, послалъ къ нему въ полицію кафтанъ, подушку, а слу-

гамъ хлѣбъ на пропитаніе. Посланный схваченъ и немедля подверженъ допросу. Ѳедоръ Даниловъ, такъ звали служителя Скрипицына, весьма обстоятельно разсказалъ, гдѣ и когда онъ родился, какъ прежде былъ въ извощикахъ, кого возилъ и съ кѣмъ ѣздилъ, какъ его прибилъ и ограбилъ въ одной деревнѣ какой-то Никита Грозный, а его по этому дѣлу въ городѣ Пошехонѣ посадили въ тюрьму; наконецъ, какъ, освободившись изъ нея, онъ нанялся въ Москвѣ въ услуженіе къ секретарю генерала Чернышева, къ г. Скрипицыну.

Выслушавши, мало того—записавши разсказъ, не имѣвшій ни малѣйшаго отношенія къ производимому слѣдствію, Грековъ полюбопытствовалъ даже осмотрѣть спину Данилова, и спина,—чему нельзя не подивиться,—оказалась цѣла.

26 сентября оберъ-полиціймейстеръ положилъ слѣдующія рѣшенія: 1) Племянницъ Терскаго, Игнатьеву и Еремѣеву, также служителя г. Юрьева, Петрова, освободить подъ росписки знатнымъ московскимъ людямъ, у которыхъ свои дома есть, съ обязательствомъ по первому требованію представить людей сихъ въ полицію. 2) Служителя Харитона Иванова разспросить въ застѣнкѣ подъ пыткой [1]), куда скрылся его господинъ, Деревнинъ. 3) Шведа Боровкова и мальчика Спиридонова также допросить въ застѣнкѣ подъ пыткой: за что и чѣмъ именно они биты. 4) Петра Юрьева и жену Терскаго освободить для сыску Деревнина, но не иначе, какъ подъ росписку знатныхъ людей. 5) Фискала Григорья Терскаго „до подлиннаго розыска и до указу“ держать особо подъ крѣпкимъ карауломъ, скованнымъ, дабы „онъ утечки не учинилъ и никого къ нему не пропускать, понеже онъ допросомъ своимъ самъ себя приманилъ къ немалой важности о безчестіи ея величества великой государыни благовѣрной царицы Прасковьи Ѳеодоровны“. 6) Пожитки въ домахъ Терскаго и Юрьева прибрать въ одни кладовыя

[1]) Право пытать и чинить всякаго рода экзекуціи всемилостивѣйше предоставлено было полицмейстерской канцеляріи 18 января 1721 года. Царь Петръ собственноручно предписалъ... „а которые пойманы будутъ въ городѣ и слободахъ въ какомъ воровствѣ (т. е. въ преступленіяхъ низшаго рода, кромѣ разбоя, татьбы и тому подобномъ) — тѣмъ розыскъ и экзекуцію отправлять полиціймейстеру“. Но для акуратности, о розыскахъ и экзекуціяхъ полиціймейстеръ обязанъ былъ репортовать юстицъ-коллегіи. Пол. Собр. Законовъ, томъ VI, № 3714, стр. 312.

подъ печать и караулъ. (Эта уборка производилась полицейскими, и можно себѣ представить, въ какомъ порядкѣ она дѣлалась и въ какой цѣлости оказались потомъ вещи!).

Въ тотъ же день для какой-то справки по недочетамъ казны Прасковьи, оставшимся на Деревнинѣ, сыскали въ Кадашевской слободѣ торговца Курочкина; въ бытность Деревнина казначеемъ, онъ былъ купчиною при дворѣ царицы (вѣроятно поставщикомъ или подрядчикомъ), и потому надѣялись добиться отъ него нѣкоторыхъ объясненій; но кромѣ свѣдѣній о мѣстѣ своего рожденія, родѣ занятій и проч., Курочкинъ не нашолъ что разсказать, и его отпустили подъ росписку.

Любопытно было бы знать, дѣлались-ли эти освобожденія послѣ нѣкоторыхъ решпектовъ оберъ-полиціймейстеру? Судя по угодливости Грекова Прасковьѣ и ея клевретамъ, трудно допустить, чтобы онъ упускалъ случай поживиться отъ доброхотныхъ дателей, особенно, когда эти датели готовы были на все, чтобъ только вырваться изъ смрадныхъ подваловъ—въ нихъ же было быть нельзя?

Не безъ страха ждалъ скованный Терскій 29 сентября: въ этотъ день зять его долженъ былъ явиться въ полицію; буде Деревнинъ не явится—Терскаго предадутъ пыткѣ; а въ присутствіи повѣреннаго царицы и врага его Тихменева—пытка не могла быть снисходительна. Съ нетерпѣніемъ ждали этого дня царица и ея любимецъ Юшковъ.

Наконецъ настало завѣтное число. Деревнинъ не доставленъ въ полицію—и стремянный Никита Іевлевъ явился въ канцелярію съ новымъ объявленіемъ либо вѣдѣніемъ; оно было написано рѣзко, сильно; въ немъ явно выражались досада и гнѣвъ Прасковьи. Царица въ особенности была озлоблена показаніемъ Терскаго о цыфирномъ письмѣ: до него дѣло производилось о кражѣ Деревнина; теперь всѣ увидѣли, что это не болѣе какъ маска; главная пружина всего есть таинственное посланіе; извѣстіе о немъ, какъ записано было у Грекова, клонилось къ безчестію имени ея величества. Вотъ какъ выразилась злоба госпожи въ объявленіи ея стремяннаго: обвиняя Терскаго въ укрывательствѣ бѣглаго стряпчаго, Іевлевъ писалъ:

„Провинціалъ-фискалъ упомянулъ въ допросѣ о какомъ-то письмѣ царицы; но въ немъ, по его жъ словамъ, ни о здоровьи

государя, ни объ измѣнѣ, ни о бунтѣ не написано, то и не слѣдовало Терскому упоминать объ этомъ письмѣ, развѣ по злому его умыслу и къ поношенію чести ея величества, понеже онъ, Терскій, допрашиванъ о укрывательствѣ въ похищеніи казны ея величества зятемъ его, Деревнинымъ, а къ этому безъ всякой причины присовокупилъ въ допросѣ злымъ его, Терскаго, воровскимъ, отчаяннымъ вымысломъ (письмо) о чести ея величества, чего ему, ежели бы не по злобѣ къ поношенію чести ея величества, приказной публикѣ тѣмъ допросомъ предавать не надлежало. Притомъ, когда не взыскивали на немъ вора Деревнина, тогда онъ ни о какомъ письмѣ не упоминалъ, а когда стали онаго вора на немъ приказнымъ случаемъ взыскивать, и онъ, Терскій, умыслилъ воровски упомянутое оклеветаніе и за злобу началъ чинить. Если же въ письмѣ была какая-нибудь важность,— весьма ловко заключалъ составитель объявленія,—то не отдавая его Деревнину и не предавая приказной публикѣ, Терскій долженъ былъ представить его куда слѣдуетъ" [1]).

Обстоятельство это, по мнѣнію составителей объявленія, до такой степени было важно, что они отъ имени царицы просили полицію допросить Терскаго въ застѣнкѣ и пыткою принудить его представить Деревнина.

Просьба царицы была бы выполнена непремѣнно въ самомъ скорѣйшемъ времени и съ величайшимъ стараніемъ. Тайный доносчикъ, фискалъ Терскій совершенно случайно сдѣлался бы мученикомъ приказной публичности, страдальцемъ за гласность, но его спасла попечительная—не матушка, а тайная канцелярія!

Дѣло въ томъ, что еще за два дня до рокового 29 сентября, сынъ Терскаго, Иванъ, явился туда съ челобитьемъ; въ немъ онъ изложилъ ходъ дѣла и намѣреніе полиціи пытать его отца въ то время, когда за батюшкой есть тайное государственное дѣло. Была ли эта выходка со стороны молодого Терскаго благороднымъ порывомъ какъ-нибудь спасти отца, или старикъ нашолъ возможность передать сыну такое порученіе,—неизвѣ-

---

[1]) Царица съ Юшковымъ не знали еще, что виновникомъ публичности объявленія Терскаго о цыфирномъ письмѣ былъ усердный оберъ-полиціймейстеръ. Это обстоятельство открылось гораздо позже изъ новаго показанія Терскаго 22 октября 1722 г.

стно; какъ бы то ни было, только слово: тайное государственное дѣло—имѣло обычную силу.

Въ тотъ же день, 27 сентября, посланъ былъ въ полицію указъ Скорнякова-Писарева немедленно прислать къ нему въ тайную—Григорья Терскаго.

Не пріятно было это повелѣніе ни царицѣ съ Юшковымъ, ни Грекову, отъ котораго съ Терско-Деревнинскимъ дѣломъ ускользалъ изъ рукъ весьма лакомый кусокъ; три дня не высылалъ онъ Терскаго въ надеждѣ повымучить отъ него что-нибудь интересное для царицы; но далѣе мѣшкать было нельзя, ослушаться могущественной Тайной Канцеляріи—дѣло невозможное, и 30 сентября, не безъ грусти, расторопный оберъ-полиціймейстеръ препроводилъ Терскаго по назначенію. До какой степени ему не хотѣлось съ нимъ разстаться, видно изъ того, что дѣло его не было препровождено въ Тайную, а отправлено о немъ доношеніе, въ которомъ тщательно подобраны были самыя грозныя обвиненія и противъ него, и противъ Деревнина.

1 октября члены тайной канцеляріи изъ допроса, снятаго съ Терскаго, узнали, что государственное дѣло, о которомъ писалъ его сынъ, состояло въ вѣдѣніи за Деревнинымъ цыфирнаго письма царицы къ Юшкову, которое онъ видѣлъ, но разобрать не могъ.

Тотчасъ же поручено молодому Терскому привести Деревнина. Стряпчій на этотъ разъ не скрылся, свѣдавъ, что дѣло перешло въ тайную канцелярію, не столь доступную вліянію и подкупу царицы Прасковьи и ея фаворита; наконецъ въ увѣренности, что новые судьи его, какъ лица посторонніе, будутъ безпристрастнѣе, онъ поспѣшилъ изъ дома Юрьева (гдѣ скрывался) явиться на призывъ.

Въ первомъ же допросѣ обстоятельно познакомивъ членовъ тайной канцеляріи съ своей генеалогіей и подробностями формулярнаго списка, Деревнинъ разсказалъ, какъ и гдѣ нашелъ онъ злополучное письмо, какъ хотѣлъ его предъявить государю императору; разсказалъ о преслѣдованіяхъ Юшкова, и тутъ же представилъ злополучное письмо генералу и гвардіи полковнику Ивану Ивановичу Бутурлину, одному изъ членовъ канцеляріи.

Бутурлинъ поспѣшилъ завернуть письмо въ особый пакетъ и запечаталъ собственною печатью.

Вѣсть о сыскѣ Деревнина быстро прилетѣла къ царицѣ. Она поручила оберъ-полиціймейстеру добыть ей „злодѣя стряпчаго", и Грековъ въ тотъ же день представилъ въ тайную канцелярію убѣдительнѣйшую и настоятельнѣйшую просьбу препроводить къ нему Терскаго съ Деревнинымъ для розыску и окончанія начатаго дѣла [1]), при чемъ ссылался на извѣстный намъ указъ Петра 18 января 1721 г., всемилостивѣйше даровавшаго право полиціи чинить пытки и экзекуціи по всѣмъ „приводнымъ и воровскимъ дѣламъ", ссылался на сенатскую инструкцію,—все было напрасно. Тайная канцелярія очень хорошо знала, что ея собственная колекція всевозможныхъ инструментовъ для пытокъ и вообще „допросовъ съ пристрастіемъ" несравненно богаче подобнаго же музея полицейской канцеляріи; что въ случаѣ нужды она и сама съумѣетъ розыскать кого бы то ни было, и потому не обратила вниманія на просьбы Прасковьи и Юшкова, переданныя устами любезнаго оберъ-полиціймейстера.

Гласъ его остался—гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Пылая гнѣвомъ и жаждою мести, благовѣрная царица Параскева Ѳеодоровна рѣшилась, наконецъ, покинуть село Измайлово и самой добыть либо Деревнина, либо свое цыфирное письмо [2]).

---

[1]) Что касается до Юрьева, то онъ освобожденъ 2 октября вмѣстѣ съ тещею подъ росписку. Тогда же крестьянинъ Ѳедоръ Даниловъ, такъ некстати явившійся къ нему съ подушкой и кафтаномъ, посланъ въ дворцовую канцелярію для повѣрки его показаній.

[2]) Верш. дѣла розыскныхъ дѣлъ Тайн. канцел. картонъ № 15: дѣло стряпчаго Василія Деревнина. Оно состоитъ изъ трехъ частей: I. Дѣло, присланное изъ полиц. канцел. о В. Деревнинѣ, 81 л., а въ немъ слѣд. документы: а) Вѣдѣніе Іевлева въ полицію 21 сент. б) Рѣшеніе Грекова 24 сент. в) Докладъ Пазухина. г) Заздравная и заупокойная память Терскаго. д) Росписка въ пріемѣ арестантовъ подъ караулъ. е) Допросъ Игнатьевой. ж) Допр. Еремѣевой. з) Допр. Харитона Иванова. и) Допр. Петрова. і) Боровкова. к) Спиридонова. л) Валяевой. м) Приказъ Грекова о новой арестаціи. н) Допр. Юрьева. о) Юрьевой. п) Григорія Терскаго. р) Терской. с) Обязательство г. Терскаго. т) Допр. О. Данилова. у) Рѣшеніе Грекова 26 сентября. ф) Допр. Курочкина 27 сентября. х) Росписки поручныя разныхъ лицъ. ц) Указъ тайной канц. о присылкѣ Терскаго. ч) 29 сент. вѣдѣніе, поданное Іевлевымъ. ш) 1 окт. допош. полиціи въ тайную канц. щ) 2 окт. росп. поручителей за Юрьева и др. Опись всему дѣлу и экстрактъ для тайной канцеляріи. Во II ч. дѣло о стряпч. Деревнинѣ—производ. въ тайн. канцел., 90 листовъ. См. просьбу П. Терскаго—27 сент., указъ Писарева, доношеніе Грекова о необходимости кончить сіе дѣло въ полиціи, допросы 1 окт. Терскаго и Деревнина.

VII.

Мщеніе старушки.

„Благовѣрная государыня, взмилуйся и помилуй! Статно ли то, что ты дѣлаешь и что есть хорошаго“?

Стремянной Іевлевъ 2-го окт. 1722 г.

На другой день, 2 октября 1722 г., Прасковья отложила поѣздку въ Москву до вечера, можетъ быть потому, что утромъ либо она сама, либо ея приближенные были развлечены любопытной, хотя и обыкновенной въ то время сценой: близь города колесовали трехъ человѣкъ убійцъ и фальшивыхъ монетчиковъ; они получили только по одному удару колесомъ, по каждой рукѣ и ногѣ; колесо изломало руки, перебило ноги, но преступники остались живы, и ихъ крѣпко привязали лицами къ колесамъ [1]). Зрѣлище было отвратительное; одинъ изъ нихъ, старикъ, изнеможенный предварительными пытками, нѣсколько часовъ послѣ казни испустилъ духъ; но остальные, молодые парни, долго еще боролись со смертью; можно было думать, что они проживутъ на колесѣ, какъ это и случалось, двое, трое, даже четверо сутокъ. Молодцы были румяны; равнодушно; чуть не весело поглядывали по сторонамъ, и ни стономъ, ни жалобой не обнаруживали страданій. Одинъ изъ нихъ, къ величайшему изумленію толпящихся зрителей, съ большимъ трудомъ поднялъ размозженную руку, повисшую межъ зубцовъ, отеръ себѣ рукавомъ носъ и опять сунулъ ее на прежнее мѣсто.

[1]) Колеса обыкновенно утверждались горизонтально на толстыхъ столбахъ.

Но эффектъ былъ еще поразительнѣе, когда тотъ же страдалецъ, замѣтивъ, что онъ замаралъ колесо нѣсколькими каплями крови, съ страшнымъ усиліемъ вновь вытащилъ изувѣченную руку и бережно обтеръ колесо.

Толпа съ любопытствомъ глядѣла на страшную сцену. Многіе вспоминали при этомъ о недавнихъ казняхъ; разсказывали другъ-другу подобныя ужасныя сцены: какъ-де одинъ повѣшенный за ребра въ первую же ночь приподнялся, вытащилъ изъ себя крюкъ и упалъ на землю; несчастный проползъ на четвереньках нѣсколько сотъ шаговъ, спрятался, его нашли и повѣсили на тотъ же крюкъ. Другіе вспоминали о сожженіи на кострѣ живого раскольника: какъ неустрашимо глядѣлъ онъ на пылающую руку и только тогда отвернулся, когда дымъ сталъ ѣсть глаза и вспыхнули его волосы... [1])

Ужасно было зрѣлище колесованныхъ, хороши были и воспоминанія, вызванныя ихъ предсмертными муками; именитыя лица да любознательные иноземцы разъѣхались по гостямъ, стало темнѣть, разбрелся и народъ, толкуя о видѣнномъ и слышанномъ.

Между тѣмъ, Прасковья Ѳедоровна пообѣдала и собравшись съ силами, „за часъ до отдачи дневныхъ часовъ", приказала позвать главнаго своего стремянного, Никиту Ивановича Іевлева.

— Заложи карету,—приказывала царица,—созови людей, пусть полячка Михайловна возьметъ водку, да конюхъ Аксенъ захватитъ съ собой кулекъ съ кнутьями [2]).

Въ шесть часовъ экипажъ былъ готовъ; закутанная царица взяла трость и, не въ состояніи будучи ходить (Прасковья сильно страдала, если не ошибаюсь, водянкой), приказала служителямъ отнесть ее въ карету. Царицу провожали человѣкъ

---

[1]) Берхгольцъ, ч. II, стр. 282—284.

[2]) Всѣ подробности настоящаго разсказа заимствуемъ изъ подлинныхъ показаній восьми служителей царицы и двухъ солдатъ тайной канцеляріи. Каждое показаніе болѣе или менѣе дополняется одно другимъ и объясняетъ сказанное. Мы свели въ одинъ связный разсказъ всѣ мелочи любопытнаго происшествія, что не совсѣмъ было легко, ибо онѣ разсѣяны среди безпрестанныхъ повтореній однихъ и тѣхъ же отвѣтовъ и оправданій, нерѣдко довольно спутанныхъ. Дѣла розыскныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи, картонъ 27, дѣло о стряпчемъ Васильѣ Деревнинѣ, листы 51—91.

двадцать: здѣсь были Сергѣй Тихменевъ, одинъ изъ враговъ Деревнина, фрейлина или ея служанка, полька Михайловна, стремянной Никита Іевлевъ, братъ его, задворный конюхъ и подклюшникъ Ѳеоктистъ Іевлевъ, пажи Тимофей Павловичъ Воейковъ и братъ его Ѳедоръ Воейковъ, Кондратъ Ивановичъ Маскинъ, братъ его Михаилъ Маскинъ, Василій Моломаховъ, дворцовый сторожъ и истопникъ Степанъ Пятилѣтъ, плѣнный шведъ-служитель Карлусъ-Орихтъ, стряпчій Андрей Седриковъ, конюхъ Аксенъ Синьковъ, приказный избы села Измайлова, подъячій Михайло Крупениковъ, конюхъ Анкудинъ, Степанъ Трофимовъ и нѣкоторые другіе.

Кортежъ тронулся въ путь. Погода была ясная; ночью выпало много снѣгу и на дворѣ трещалъ морозъ. Ѣдучи по Мясницкой улицѣ, царица подозвала пажа Тимофея Воейкова:

— „Поѣзжай къ царевнѣ Катеринѣ Ивановнѣ и доложи ей, чтобъ она немедля ѣхала къ генералу Ивану Ивановичу Бутурлину и попросила выдать мнѣ Деревнина и письмо, по которому его взяли“.

Тяжелая карета потащилась далѣе по Мясницкой въ Тайную канцелярію; она находилась на концѣ Мясницкой, противъ церкви Пресвятыя Богородицы Гребневскія [1]). Кстати замѣтимъ, что такъ называемая карета была ничто иное, какъ колымага, сдѣланная снаружи на подобіе фургона; въ колымагѣ, вмѣсто сидѣній, наложены были подушки, а окна и двери завѣшаны кожею, мѣстами золоченой и тисненой [2]).

---

[1]) Этотъ домъ въ настоящее время (1860 г.), по наружности своей, не имѣетъ ничего замѣчательнаго, огроменъ, хорошъ, новѣйшей архитектуры. Достойно замѣчанія, что въ царствованіе Александра I-го, которому и принадлежитъ честь уничтоженія всероссійскихъ пытокъ, въ домѣ бывшей тайной канцеляріи помѣщено было библейское общество. Старожилы московскіе еще помнили въ 1830-хъ годахъ желѣзныя ворота тайной московской канцеляріи: онѣ выходили на Лубянскую площадь, караулъ стоялъ во внутренности двора; со страхомъ проходили мимо тайной, съ ужасомъ поглядывали на желѣзные затворы и рѣшетки... Путеводитель по Москвѣ. 1831 г., ч. III, стр. 172.

[2]) Такъ описываетъ кареты или колымаги царицъ—кн. М. М Щербатовъ, см. „О поврежд. нравовъ“. Кареты были до такой степени рѣдки, что бояринъ Лыковъ, человѣкъ пребогатый, выписавшій въ это время орѣховую карету, украшенную рѣзьбой съ точеными стеклами, не стоившей и 1000 руб., возбудилъ столь сильную зависть князя А. Д. Меншикова, что тотъ дѣлалъ нападки на Лыкова, чтобъ только получить этотъ экипажъ. Дѣдъ кн. М. М. Щербатова, на-

Пробило семь часовъ [1]), когда царица, подъѣхавъ къ „тайной", велѣла нести себя въ арестантскія палаты или подвалы, грязные и мрачные, никогда не опорожнявшіеся отъ заключенныхъ. Одни служители несли царицу на особой скамьѣ, другіе шли впереди и сзади шумною толпою, съ зажженными восковыми свѣчами.

Внесенная въ переднюю палату, Прасковья, по старинному обычаю, тщательно выполнявшемуся нѣкогда ею самой, стала раздавать колодникамъ милостыню. На этотъ разъ царица имѣла другую цѣль и роздача милостыни была только однимъ изъ средствъ къ ея достиженію.

— „А гдѣ сидитъ Деревнинъ?"—спросила она у провожавшихъ.

— Изволь, государыня, идтить въ другую палату, — молвилъ въ отвѣтъ стремянной.

По указанію Іевлева, царицу пронесли далѣе въ палату, наполненную раскольниками. Здѣсь вновь роздавая милостыню, старушка съ участіемъ спросила:

— „Гдѣ сидитъ мой служитель, Василій Деревнинъ? Я хочу и ему дать милостыньку".

Колодники спѣшили указать милостивой монархинѣ отдѣльную казенку, гдѣ сидѣлъ Деревнинъ.

— Онъ сидитъ здѣсь, благовѣрная государыня,—говорилъ часовой Красновъ,—въ крѣпкомъ мѣстѣ, пускать къ нему никого не велѣно.

— „Какіе вы дураки! кротко замѣтила Прасковья: —вы не пускаете меня, а я хочу ему только милостыньку дать! Несите меня къ казенкѣ!"

— Да здѣсь никакого колодника нѣтъ,—говорили часовые, надѣясь хоть обманомъ остановить нежданную гостью. Гостья не слушала; ее несли Пятилѣтъ, Карлусъ, Кондратъ, Маскинъ, О. Воейковъ, О. Іевлевъ и В. Моломаховъ; а другіе служители, какъ-то: М. Маскинъ, Тихменевъ — шли впереди и освѣщали путь.

слѣдовавшій по смерти Лыкова карету, не хотѣлъ ее уступить свѣтлѣйшему князю—и за то лишился всѣхъ недвижимыхъ имѣній.

[1]) Село Измайлово лежитъ въ семи или восьми верстахъ отъ Москвы по большой дорогѣ.

Подъячій государыни постучалъ въ дверь; дверь не отворяли: капралъ Иванъ Красной, надзиравшій за этой тюрьмой, сопротивлялся; его ударили подъ бокъ, двухъ часовыхъ отбросили въ сторону, и кто-то изъ служителей силою отворилъ дверь.

Ярко освѣтилась казенка лишь только внесли въ нее государыню; струсившій Деревнинъ повалился въ землю.

— „А, такъ ты вотъ гдѣ, гость! заговорила старушка, внезапно измѣняя видъ и голосъ: — тутъ-то ты, гость! хотѣла я тебѣ милостыню дать, да не за что: пакости ты много мнѣ надѣлалъ! Какое ты письмо на меня подалъ, гдѣ взялъ, куда дѣвалъ?“

— Нашолъ я его, благовѣрная государыня, на дворѣ у Василья Ѳедоровича Салтыкова.

— „Куда дѣлъ... подай письмо сюда... говорила старушка; лицо ея загорѣлось гнѣвомъ и удары посыпались на арестанта. — Подай письмо, письмо давай сюда“, — твердила она, и снова тяжелая трость опускалась на голову и лицо Деревнина.

Царицу отвлекъ отъ бесѣды съ Деревнинымъ Воейковъ.

— Былъ я у государыни царевны, — доносилъ пажъ, — и царевна Екатерина Ивановна ѣздила по твоему, государыня, приказу къ Бутурлину. Иванъ Ивановичъ обѣщалъ отдать Деревнина.

— „Ступай опять къ царевнѣ, слышишь, скажи, чтобъ она сейчасъ же съѣздила въ другой разъ къ Бутурлину: пусть попроситъ отдать мнѣ Деревнина немедля; я буду ждать здѣсь... Деревнина мнѣ подайте!“

Воейковъ спѣшилъ выполнить приказъ, а милостивая государыня вновь соизволила взяться за трость, и новые удары покрыли „плоть, лицо и спину“ бывшаго ея стряпчаго.

— „Письмо на меня подалъ, казну покралъ, совсѣмъ обокралъ меня“, — приговаривала царица, задыхаясь отъ гнѣва.

Въ казенкѣ было тѣсно, смрадно; въ ней набралось много народу; пылающія свѣчи увеличивали жаръ. Усиленныя движенія видимо разстроили старушку: она такъ старательно работала тростью, что, забывъ болѣзнь, поднялась на ноги и тѣмъ скорѣе устала; ей нуженъ былъ просторъ — и она велѣла вести заключеннаго въ переднія палаты.

Толпа двинулась. Пятилѣтъ, Кондратъ Маскинъ, Никита Іевлевъ, С. Тихменевъ, Михайло Крупениковъ поволокли за собой Деревнина.

Встревоженный каптенармусъ Бобровскій, дежурный по караулу, думая, что Деревнина хотятъ вовсе увести изъ-подъ ареста, просилъ его не трогать; наконецъ видя, что просьбы не дѣйствуютъ, сталъ въ дверяхъ и силою хотѣлъ удержать исполнительныхъ челядинцевъ.

— Помилуй, благовѣрная государыня, — взмолился каптенармусъ, низко кланяясь царицѣ и закрывая дверь: — мнѣ по артикулу — великій страхъ! Воля твоя, государыня, какъ изволишь, а я изъ-подъ караула его не отдамъ: онъ сидитъ въ государевѣ дѣлѣ.

Нетерпѣливая царица не слушала; она прикрикнула на служителей, тѣ двинулись впередъ, помяли бока Бобровскаго, и Деревнина впереди носилокъ Прасковьи провели далѣе.

— Запирай, замыкай дверь на выходъ, не выпускать колодника! — закричалъ каптенармусъ солдатамъ. Онъ очень хорошо памятовалъ артикулъ: „Когда-де кого стеречь приказано, а тотъ злодѣй чрезъ небреженіе караульнаго уйдетъ, или отъ караульнаго безъ указа отпустится, тогда виновный въ семъ, вмѣсто преступителя, надлежащее наказаніе претерпитъ“ [1]).

Старушка, впрочемъ, не была обязана знать воинскіе артикулы; „уставъ о процессахъ и экзекуціяхъ“ не для нея былъ писанъ, и она никакъ не могла себѣ объяснить дерзость Бобровскаго.

— „Какъ ты смѣешь не пускать меня? Что жъ ты за карауломъ што-ль держишь царицу?“

— Я тебя, благовѣрная государыня, за карауломъ не держу, — отвѣчалъ дежурный, — а колодника изъ канцеляріи, какъ изволишь, не отдамъ, потому, по артикулу, мнѣ страхъ немалый.

Процессія должна была остановиться въ передней или прихожей палатѣ. Въ негодованіи Прасковья опустилась на скамью; къ ней подвели трепещущаго Деревнина.

— „Обыщите его хорошенько, — приказывала государыня, собираясь съ силами: — обыщите, нѣтъ-ли при немъ ножа?“

---

[1]) Книга уставъ воінскій купно при семъ артикулъ воінскій, изд. 1719 г. Спб. Арт. 207.

Быстро обшарили арестанта, ножа не нашли; отыскался мѣшечекъ съ деньгами: служители немедля вытрясли ихъ въ свои карманы.

— Всемилостивѣйшая государыня,—взмолился Деревнинъ: — грабятъ меня, деньги у меня выняли, я дѣтище небогатый.

— „Это я приказала взять у тебя деньги, — успокоительно отвѣчала старушка: — для чего ты у меня разворовалъ, гдѣ ты письмо взялъ?“

Допрашиваемый винился въ томъ, въ чемъ и прежде.

— „Держите его хорошенько, крѣпче“, — говорила государыня, и вновь стала гнѣваться словами, а потомъ, по свидѣтельству служителей, „мало помѣшкавъ, соизволила собственною ручкою и тростью бить стряпчаго по плоти и по лицу многократно“.

Между тѣмъ Бутурлинъ не пріѣзжалъ.

— „Шведъ Карлусъ! поѣзжай ты къ Ивану Ивановичу, — повелѣла Прасковья: — скажи, что я здѣсь — жду, пока выдадутъ мнѣ Деревнина“.

Чтобы скорѣй вызвать свою жертву изъ царскихъ подваловъ и привести въ свои измайловскія казенки, Прасковья съ тѣмъ же порученіемъ отправила Никиту Іевлева къ Скорнякову-Писареву (къ нему еще прежде ѣздилъ Карлусъ, но безуспѣшно),—члену тайной канцеляріи.

Иванъ Ивановичъ и Григорій Григорьевичъ имѣли полное право отказать Прасковьѣ Ѳедоровнѣ; но, какъ люди, состарѣвшіеся въ дѣлахъ придворныхъ, они вѣдали съ кѣмъ имѣютъ дѣло, вѣдали, что царица пользуется большимъ уваженіемъ монарха— и не дерзнули на прямой отказъ. Съ другой стороны, исполнить просьбу было дѣло опасное; они сами еще не знали, въ чемъ состоитъ цыфирное письмо, какъ взглянетъ на все происшествіе суровый господинъ, не потребуетъ-ли онъ отъ нихъ отчета, — а что значитъ давать отчетъ Петру и насколько сподручно оправдываться предъ нимъ — всѣмъ было извѣстно.

Между двухъ огней, генералъ Бутурлинъ и оберъ-прокуроръ сената Писаревъ прибѣгли къ одной и той же уловкѣ: зная обо всемъ, происходившемъ въ тайной канцеляріи, изъ донесеній дежурнаго каптенармуса, они приказали часовымъ объявить вѣстовымъ царицы, что господъ нѣтъ дома. Бобровскому же послали тайный приказъ — отнюдь не отпускать Деревнина.

Всѣ эти неудачи еще болѣе раздражили Прасковью; въ жилахъ ея разгоралась кровь деспотки-помѣщицы и властительной особы, не привыкшей къ отказамъ.

А предъ ней плакалъ и молилъ о пощадѣ недостойный служитель, ее огорчившій. Лицо его было покрыто синяками, ссадинами, ранами, по щекамъ струилась кровь, глаза заволакивались опухолью...

Картина эта не смягчила гнѣвную царицу.

— „Держите его крѣпче; Пятилѣтъ, да ты, Карлусъ, жгите свѣчами лицо его, носъ, уши, шею, глаза поджигай, да бороду, бороду-то ему выжги!“

Стряпчій, поражонный ужасомъ, задулъ одну свѣчку; ее вновь зажгли; онъ старался выбиться изъ рукъ служителей, но К. Маскинъ, Т. Воейковъ, Крупениковъ, Трофимовъ, Ѳ. Іевлевъ и другіе попеременно крѣпко держали его за руки и за волосы; голову Деревнину загнули назадъ для болѣе удобнаго обжогу. Истопникъ Пятилѣтъ жогъ лицо, а шведъ Карлусъ, замѣтивъ, что носъ уже обожжонъ Васильемъ Моломаховымъ, старательно занялся выжиганіемъ бороды.

— „Какое ты письмо на меня подалъ, гдѣ взялъ, куда его дѣлъ?“ — повторяла царица, какъ кажется, не столько для допроса, сколько изъ желанія что-нибудь причитывать въ одобреніе доморощеннымъ палачамъ.

Деревнинъ мычалъ, стоналъ, тщетно бился: онъ былъ въ крѣпкихъ рукахъ.

— Государыня, смилуйся и помилуй!—взмолился подъячій тайной канцеляріи, Григорій Павловъ, падая въ ноги Прасковьи,— повели не чинить жженіе Деревнина, потому-де за нимъ, за Деревниным, дѣло есть государево, мы будемъ за него въ отвѣтѣ!

— „Гони его прочь, да снимите съ злодѣя моего рубашку!“

Павлова оттолкнули [1].—Деревнину оголили спину. Конюхъ Аксенъ, по приказу монархини, явился съ кулькомъ, а въ немъ

[1]) На Павловѣ, какъ на подъячемъ тайной канцеляріи, лежала большая отвѣтственность: въ силу указа 12 апрѣля 1722 года за несохраненіе арестантовъ, какъ-то: выпускъ ихъ изъ тюрьмы и проч., „подъячихъ приказано было розыскивать и пытать вмѣстѣ съ караульщиками, дабы поманки не было. А буде судьи въ томъ подъячимъ поманку учинятъ, то сами подлежатъ, яко разбойники, казни смертной“. Желаніе спасти собственную свою спину отъ непріятностей розыска, должно было вызвать заступничество со стороны Павлова.

были кнутья; вынулъ Аксенъ кнутъ попадежнѣе и приготовился работать.

Посреди палаты, для острастки обыденныхъ пытокъ арестантовъ, стоялъ, между прочимъ, деревянный козелъ; на него обратила вниманіе царица и приказала взволочить на козелъ обожженнаго Деревнина.

Прасковья Ѳедоровна поразила твердостію приказаній всѣхъ окружающихъ, чуть не съ малолѣтства уже привыкшихъ ко всякаго рода сильнымъ ощущеніямъ, начиная отъ домашняго батога до застѣночнаго кнута.

Бобровскій хлопоталъ не о томъ, чтобы не увезли Деревнина: онъ страшился уже, что отъ арестанта ничего не останется; молилъ о пощадѣ и ежеминутно напоминалъ: „за арестантомъ-де есть дѣло государево".

Никита Іевлевъ также не вытерпѣлъ и, пользуясь значеніемъ своимъ при царицѣ, дерзнулъ доложить:

— Умилосердися, благовѣрная государыня, какъ изволишь. а необычно все это: статное-ли это дѣло и что есть хорошаго?

Старушка же, напротивъ, была убѣждена, что въ ея поступкахъ ничего не было дурного. „Я де имѣю полное право, мало того, я должна наказать, какъ хочу, вѣроломнаго служителя". такъ могла думать царица, и рѣшительно недоумѣвала, съ какой стати являются у Деревнина заступники.

И вотъ приказъ подтверждается, жертву волокутъ на козелъ.

Но распахнулась дверь — и въ палату, въ сопровожденіи пажа Воейкова, вошла герцогиня мекленбургская, царевна Катерина Ивановна. Она не поѣхала вторично къ Бутурлину, вѣроятно убѣдившись изъ перваго свиданія въ безуспѣшности просьбъ отпустить Деревнина, а отправилась къ матери прямо въ тайную канцелярію.

При входѣ въ нее, герцогиня была поражена оригинальнымъ зрѣлищемъ. Среди грязнаго подвала на козлѣ растянутъ за руки и за ноги обнаженный Деревнинъ; онъ стонетъ и вопитъ о пощадѣ; казенки полны народу: здѣсь солдаты, караульные, подъячіе, группы молчаливыхъ арестантовъ, раскольниковъ и другихъ колодниковъ, слѣдящихъ не безъ ужаса, какъ изволитъ гнѣваться государыня царица Параскевія Ѳеодоровна; сама она на скамьѣ, съ тростью въ рукахъ, дрожащая отъ гнѣва, съ

побагровѣвшимъ лицомъ и сверкающими глазами. Картина освѣщена мрачнымъ, какимъ-то похороннымъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей; воздухъ спертъ, пахнетъ жженымъ человѣческимъ мясомъ, волосомъ, и среди чада ярко вырисовывается атлетическая фигура Аксена, съ кнутомъ въ рукахъ, готоваго по первому слову начать штрафованье.

Катерина Ивановна пошептала на ухо царицѣ, вѣроятно просила спустить стряпчаго съ козла. Старушка на этотъ разъ послушалась. Деревнина сняли и надѣли на него кафтанъ.

— „Письмо куда дѣлъ, откуда и гдѣ ты его взялъ?“ — въ сотый разъ спрашивала Прасковья.

— Я его поднялъ на дворѣ кравчаго Василія Ѳедоровича Салтыкова.

И государыня снова взялась за прежнее, снова за трость, била Деревнина по лицу и по головѣ; а уставши, „паки“ поручила Пятилѣту да Карлусу пообжечь его лицо и шею; Моломаховъ да Ѳ. Іевлевъ держали допрашиваемаго.

Слабые нервы герцогини не могли вынести сего зрѣлища: она поспѣшила проститься съ матерью и оставила ее одну упражняться въ изобрѣтеніяхъ новыхъ пытокъ.

За ними дѣло не стало. Живая фантазія Прасковьи скоро навела ее на мысль о пыткѣ, если не новой, то по крайней мѣрѣ рѣдко употреблявшейся.

— „Полячка Михайловна!—закричала она фрейлинѣ,—сходи въ карету, да принеси оттуда бутылку съ водкой“.

Водку принесли. Моломаховъ, Крупениковъ и Воейковъ крѣпче взялись за арестанта. Шведу Карлусу повелѣно лить на голову Деревнина. Водка или, лучше сказать, спиртъ (вино въ то время не разжижалось еще такъ щедро водой), потекъ по лицу, т. е. по отвратительной язвѣ, и разъѣдалъ ее страшно. Какъ ни исполнителенъ былъ шведъ, но онъ лилъ немного, вылилъ не болѣе полубутылки. Жалко-ли ему было Деревнина, или желалось сберечь водку для обратнаго пути въ Измайлово — неизвѣстно.

— „Зажигай!“—крикнула царица, обращаясь къ Пятилѣту.

Истопникъ Степанъ Пятилѣтъ, привыкшій жечь дрова, но не людей, страшился исполнить приказъ старушки, но монархиня собственноручно соизволила толкнуть его руку со свѣчею къ головѣ Деревнина — и голова вспыхнула, какъ порохъ!

Страшный, нечеловѣческій вопль огласилъ подвалы и казенки тайной канцеляріи и замеръ подъ ея мрачными сводами. Несчастный судорожно рванулся изъ рукъ рабовъ, метнулся въ одну сторону, бросился въ другую, ударился о печку и въ страшныхъ конвульсіяхъ упалъ на полъ... Голова его пылала... Колодники, сторожа, слуги, палачи — всѣ, кромѣ государыни, были въ оцѣпенѣніи!

А голова все пылала, все пылала и курилась невыносимымъ чадомъ.

Первый очнулся Бобровскій. Мысль, что за этимъ арестантомъ есть государево тайное дѣло, что его непремѣнно нужно сберечь для допросу, а можетъ быть и для пытокъ, какимъ благоволитъ его предать царское величество, — мысль эта гвоздемъ засѣла въ голову дежурнаго капитанармуса, и онъ суетливо бросился распоряжаться тушеніемъ курьезнаго пожара... Кто-то изъ колодниковъ, по его приказу, утушилъ огонь полою своего кафтана.

Прасковья пожелала посмотрѣть на кончепаго стряпчаго и казначея. Узнать его не было возможности. Волосы сгорѣли: лицо вздулось, посинѣло, почернѣло, мѣстами вовсе выгорѣло; глаза заплыли опухолью; подбородокъ тщательно обожженъ, и только сквозь раздутыя, черныя губы слышались стоны.

Видъ несчастнаго еще болѣе раздувалъ гнѣвъ царицы.

Старушка, не чувствуя усталости, крайне занятая и оживленная своимъ дѣломъ, все еще находила, что мщеніе ея неполно, чего-то еще недостаетъ; она жаждала чего-то новаго, и въ ожиданіи его, принялась за старое: ручка монархини и крѣпкая трость вновь загуляли по ли... но нѣтъ, то не было уже лицо: въ громадной язвѣ не было даже и подобія образа человѣческаго.

Если не безъ ужаса и негодованія цѣпенѣемъ мы предъ страшною картиною, существованіе которой не можетъ быть оправдано ничѣмъ (истина — всегда истина, въ какой бы вѣкъ она ни существовала), то за то и не безъ удовольствія находимъ въ подлинныхъ документахъ указанія на то, что нѣкоторые служители царицы, какъ напр. Кондратъ Маскинъ, Никита Іевлевъ, Тимофей Воейковъ, Ѳедоръ Воейковъ, Ѳеоктистъ Іевлевъ, были поражены ужасомъ (если не состраданіемъ), и, не вынося страш-

наго зрѣлища, „многократно“ выходили на чистый воздухъ подышать и освѣжиться...

Бобровскій четыре раза уже посылалъ съ донесеніями о „всѣхъ дѣйствахъ“ царицы къ генералъ-маіору Скорнякову-Писареву, и всякій разъ получалъ въ отвѣтъ приказаніе — отнюдь не отпускать съ царицей Деревнина. То же говорилъ Бутурлинъ.

Пожаръ головы арестанта заставилъ дежурнаго просить болѣе подробныхъ инструкцій о томъ, допускать-ли дальнѣйшія истязанія? За этими инструкціями онъ послалъ къ генералъ-прокурору Павлу Ивановичу Ягужинскому.

Ударило десять часовъ вечера. Въ „тайную“ пріѣхалъ генералъ-прокуроръ. Всѣ засуетились. У Деревнина, если онъ еще не потерялъ сознанія, должна была мелькнуть мысль о спасеніи; у царицы же—надежда получить, наконецъ, арестанта. Прасковья ошиблась... Ягужинскій... но позвольте познакомиться съ нимъ поближе.

Павелъ Ивановичъ, по отзывамъ современниковъ, лично его знавшихъ, былъ видный мужчина, съ лицемъ неправильнымъ, но живымъ и выразительнымъ. Въ обхожденіи онъ былъ очень свободенъ, даже небреженъ; но эта свобода была весьма въ немъ естественна и всѣ были ею довольны. Ягужинскій былъ капризенъ, самолюбивъ, но при этомъ уменъ, разсудителенъ, живъ. Онъ въ одинъ день дѣлалъ столько, сколько другой не поспѣвалъ въ недѣлю. Прямодушный, онъ твердо выполнялъ данное слово до такой степени, что готовъ былъ скорѣе умереть, нежели нарушить обѣщаніе. Мысли свои Павелъ Ивановичъ выражалъ безъ лести предъ самыми высшими сановниками. Буде первый сановникъ имперіи поступалъ несправедливо, Ягужинскій порицалъ его также смѣло и свободно, какъ послѣдняго чиновника. Сначала деньщикъ Петра, а потомъ генералъ-прокуроръ правительствующаго сената, онъ былъ однимъ изъ первѣйшихъ любимцевъ Преобразователя. Государь обыкновенно называлъ его своимъ глазомъ и зачастую говаривалъ: „если что Павелъ осмотритъ, то это такъ вѣрно, какъ будто я самъ видѣлъ“ [1]).

---

[1]) Mémoires du duc de Libria et de Berwik, écrits par lui-même. 1788. Также Lettres d'une dame anglaise. Rotterdam, 1776. и Верхгольцъ, ч. II, стр. 261.

Если похвальные отзывы дюка Лирійскаго и лэди Рондо хоть на половину справедливы, то понятно, почему и въ настоящемъ случаѣ Ягужинскій не уклонился, подобно Скорнякову-Писареву и Бутурлину, отъ вмѣшательства въ дѣло Прасковьи, и хоть поздно, но явился на арену не совсѣмъ невинныхъ ея развлеченій.

— Что ты дѣлаешь, государыня? заговорилъ генералъ-прокуроръ, когда приглядѣлся, наконецъ, къ окружающимъ предметамъ, — что хорошаго, государыня, что изволишь по Приказамъ ѣздить ночью [1])?

— „Отдайте мнѣ Деревнина, отвѣчала царица: — онъ воръ, воръ, онъ покралъ у меня казну!“

— Безъ имянного императорскаго величества указу отдать невозможно,—твердо отвѣчалъ Ягужинскій, отдалъ приказъ увести Деревнина къ себѣ на домъ подъ караулъ, и тутъ же предложилъ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ оставить тайную канцелярію.

— Завтра, можетъ быть, я пришлю его къ тебѣ, государыня — обманчиво увѣрилъ Ягужинскій, когда царица не прекращала упрашивать и умолять объ исполненіи ея просьбы.

Наконецъ, огорченная старушка, съ слабой надеждой и немалой грустью, оставила Деревнина и отправилась обратно въ свою резиденцію, въ село Измайлово. Впереди, сзади и по бокамъ ѣхали исполнители ея предначертаній.

Была глубокая полночь, когда вернулась Прасковья въ свои хоромы: нѣжно обняла она ненаглядную свою внучку Анушку и мирно опочила отъ трудовъ.

Вознаградилъ-ли себя за труды водкообливатель и свѣчеобжигатель Карлусъ оставшейся полбутылкой пѣнника—изъ подлиннаго дѣла не видно [2]).

---

[1]) Мы никакъ не думаемъ, чтобы генералъ-прокуроръ, приглядѣвшійся къ пыткамъ и казнямъ, вдругъ восчувствовалъ состраданіе къ Деревнину. Нѣтъ, не ради его спасенія, а во имя порядка, презрѣннаго Прасковьей, онъ явился остановить ея звѣрства.

[2]) Вершоныя дѣла Р. Д. Т. К. карона XV: дѣло о Вас. Деревнинѣ, ч. II, доп. Бобровскаго, лл. 14—15, допросы: Деревнину, Бобровскому, Краснову, очныя ставки Маскину и Пятилѣту, допросы имъ, также Моломахову, Воейковымъ, экстрактъ изъ допросовъ Деревнина и другихъ, лл. 56—81.

VIII.

Въ ожиданіи царскаго пріѣзда.

3-го октября 1722 г. исполнительный каптенармусъ Бобровскій, по долгу службы, вошелъ съ обстоятельнымъ рапортомъ о всемъ случившемся къ начальству тайной канцеляріи [1]).

Бобровскій ничего не утаилъ, передалъ всѣ мелочи трагическаго событія, но героиню его, всемилостивѣйшую старушку, называлъ въ рапортѣ не иначе, какъ „благовѣрнѣйшей государыней"...

Въ тотъ же день, въ полдень, генералъ-прокуроръ прислалъ Деревнина назадъ въ казенки тайной канцеляріи.

Попечительное начальство ея, наканунѣ столь любезно предоставившее старушкѣ потѣшиться, нынѣ вступило въ свои обязанности: на Деревнинѣ приказано: „бой и жженіе описать и лечить его изъ аптеки". Опись коротко, но довольно краснорѣчиво повѣствуетъ о томъ, какъ соизволила гнѣваться царственная старушка: „голова Деревнина,—такъ оказалось по осмотру,—избита во многихъ мѣстахъ и обожжена мѣстами: также и по носу, и по лицу, и подъ глазами избито и обожжено, и почернѣло и опухло, за которою опухолью не знать и глазъ. А руки по запястья обожжены же; на груди противъ сердца избито и мѣстами красно".

Результатомъ осмотра было то, что здоровье арестанта найдено далеко не удовлетворительно; Деревнинъ расхворается, пожалуй помретъ, а вернется государь, захочетъ имъ „розыскивать въ

---

[1]) В. Д. Р. Д. Т. К., кар. XV, лл. 14, 18, 20.

дѣлѣ государевомъ", не найдетъ его въ живыхъ и спроситъ на нихъ, на начальникахъ!..

„Господинъ докторъ!—поспѣшилъ отписать Скорняковъ-Писаревъ,—нѣкоторый колодникъ, по тайнымъ дѣламъ содержащійся въ тайной канцеляріи, весьма боленъ; того ради, объявляю его императорскаго величества указомъ, извольте приказать онаго колодника осмотрѣть и приказать лечить, понеже онъ весьма нуженъ".

Въ то же время канцелярія освободила заарестованныхъ по дѣлу о цыфирномъ письмѣ, вняла мольбамъ ревельскаго школьника Юрьева, сняла печать и запрещеніе съ его дома и пожитковъ, наконецъ приложила къ дѣлу доношеніе Григорія Терскаго. Лишь только послѣдній замѣтилъ, что дѣло обратилось къ исходу болѣе или менѣе благопріятному; что онъ можетъ быть покоенъ: до него не допустятъ ни допрощиковъ царицы, ни обязательнаго оберъ-полиціймейстера, — сообразивъ все это, Терскій постарался заявить все, что только могло служить ему оружіемъ противъ его недруговъ. Такимъ образомъ на другой же день послѣ женитьбы своего зятя Деревнина, онъ смѣло предъявилъ слѣдующее обстоятельство, для дѣла довольно важное:

„Увѣдомился я отъ помянутаго Деревнина", — писалъ Терскій,—„что государыня царица Прасковья Ѳедоровна просила въ Сенатѣ, чтобъ на комнату ея величества съ царевнами учинить окладъ противу окладу, каковъ учиненъ былъ къ комнатѣ царевны Наталіи Алексѣевны. Въ Сенатѣ безъ именного его величества указу того не учинили. А чрезъ прошеніе ея величества такую, вышеобъявленную, дачу учинилъ ей Василій Ершовъ обще съ дьякомъ Тихменевымъ, и за то взялъ себѣ деньгами и протчимъ не меньше 7,000 руб. Все это явно, продолжалъ Терскій, по записнымъ книгамъ, которыя оный Тихменевъ взялъ къ себѣ будто для счету, а тѣ книги скрылъ, о чемъ я и доношеніе на него, Тихменева, въ надворный судъ подалъ и въ ономъ будутъ его, Тихменева, обличать я, Терскій, Деревнинъ, да купчина Антипъ Моисѣевъ" [1])...

Доношеніе Терскаго немножко освѣщаетъ ту безурядицу, которая царила въ хозяйскихъ дѣлахъ Прасковьи. Чтобъ познакомиться съ ними поближе и тѣмъ получить еще разъ воз-

---

[1]) Вершонныя дѣла розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи, картонъ XV.

можность прослѣдить то значеніе, какое старушка имѣла при дворѣ, ея силу, любовь и вниманіе къ ней государя и государыни, позволяемъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе.

Прасковья, какъ мы уже знаемъ, вела себя относительно Петра и всѣхъ придворныхъ, по своему времени, съ большимъ тактомъ и умѣньемъ. Самые противорѣчащіе другъ другу поступки совершенно спокойно улаживались въ ея поведеніи. Женщина, по своему, религіозная, преданная стариннымъ обычаямъ и обрядности, она въ то же время, по первому царскому зову, облекалась въ шутовской костюмъ и выступала съ своими фрейлинами „въ смѣхотворной процессіи свадьбы князь-папы“ [1]). И нельзя сказать, чтобъ это дѣлала она изъ страха, по принужденію; нѣтъ! по крайней мѣрѣ этого не видно ни въ ея „шутливомъ обхожденіи“ съ Петромъ, ни въ ея обращеніи съ толпой его деньщиковъ и прочихъ приближенныхъ, за которыми она ухаживала, зная ихъ силу и вліяніе на дѣла... Составилась-ли какая-нибудь ассамблея, пиръ на чистомъ воздухѣ въ лѣтнемъ саду, попойка, ради какого-нибудь торжества, въ правительствующемъ сенатѣ, публичный маскарадъ, свадьба, имянины-ли чьи праздновались дворомъ — въ кругу гостей неотмѣнно присутствовала старушка Прасковья. Зная, что присутствіе ея будетъ пріятно Петру, она не обращала вниманія на недуги, плелась въ своей колымагѣ на пирушку и здѣсь съ участіемъ слѣдила за прыганьемъ молодежи и съ большимъ усердіемъ осушала бокалы. Въ черномъ платьѣ, въ шапкѣ стариннаго русскаго покроя, она рѣзко выдѣлялась въ облакахъ табачнаго дыма, среди пудреной и расфранченной на нѣмецко-голландскій манеръ толпы придворныхъ [2]). Ея родная сестра Настасья, княгиня-кесарина Ромодановская, одарена была не меньшею угодливостью: по желанію царскому, она постоянно разыгрывала роль древней русской царицы, облекалась въ костюмъ стариннаго покроя, принимала съ достодолжною важностью всѣ смѣшныя почести, ей воздаваемыя, и проч. Однимъ словомъ, въ ней олицетворялась довольно злая пародія императора Петра надъ стариною.

---

[1]) Голиковъ, томъ VI, стр. 285—286.

[2]) Берхгольцъ, I, 55, 166—176, 195—200, 232—233, томъ II, стр. 69—77. Ханенко, его діаріушъ. Чтенія Общ. Истор. 1858 г., томъ I, смѣсь, стр. 20—23.

И та, и другая сестра — частыя посѣтительницы монастырей, вкладчицы многихъ изъ нихъ, жаркія поклонницы разныхъ митрополитовъ, архіереевъ и другихъ духовныхъ сановниковъ — не только безъ негодованія смотрѣли на пьяный соборъ, учрежденный великимъ Петромъ: „соборъ всешутѣйшій и всепьянѣйшій князь-папы“ [1]), — но присутствовали и, мало того, зачастую принимали участіе съ государемъ и дворомъ въ ихъ оргіяхъ.

Всѣ капризныя требованія Петра на пирахъ, слѣпо выполняемыя дворомъ, выполнялись безусловно и Прасковьей: опоитъ государь дорогихъ собутыльниковъ и собутыльницъ, уйдетъ соснуть часа на два и велитъ часовымъ никого не выпускать изъ комнаты. Душно, смрадно, пахнетъ водкой, виномъ, отзывается послѣдствіями излишняго угощенія, по угламъ храпятъ пьяные, а Прасковья сидитъ подлѣ императрицы, ждетъ выхода царскаго и, скучая сама, старается однако занять бесѣдой „дорогую невѣстушку“. Пришелъ государь, начались танцы; пожелалъ Петръ, чтобъ танцовала царевна Прасковья Ивановна и старушка посылаетъ хворую, худую и вѣчно страдающую ногой дочку Парашу протанцовать, потѣшить „дяденьку съ тетенькой“.

Было бы странно, еслибъ мы стали увѣрять, что всѣ эти пиры и попойки, съ ихъ обстановкою, производили тяжелое впечатлѣніе на Прасковью и будто бы только нужда заставляла ее угождать требованіямъ и капризамъ Петра... Такъ думать значило бы находить Прасковью выше своего времени, выше своего общества... Напротивъ! Если кто есть полнѣйшее воспроизведеніе своего времени, типъ петровскаго общества со всѣми его особенностями, такъ это именно царица Прасковья. Если мы и говоримъ о пирахъ, маскарадахъ и ассамблеяхъ, ею посѣщаемыхъ, такъ только для того, чтобъ показать, какъ умѣла она примирить въ себѣ вѣрованіе и предразсудки, завѣщанныя стариной, съ воззрѣніями новой, переходной, эпохи.

Теперь вспомнимъ, какъ нелицепріятно вѣровала Прасковья въ авторитетъ свояка-государя; его слово — законъ, его мнѣніе — свято. Съ какою довѣренностью предоставила она ему распоря-

[1]) Члены его кардиналы, равно и глава собора, какъ извѣстно (по Голикову и др.), носили костюмы русско-стариннаго духовенства, патріарха, архіереевъ и проч. чиновъ. См. „Русскую Старину“ изд. 1872 г., книга VI: шутки и забавы при дворѣ Петра Великаго.

жаться судьбой ея дочерей, и онъ распорядился ими такъ, какъ этого требовали его планы и разсчеты; какъ слѣпо вѣровала она въ спасительность его медицинскихъ совѣтовъ и какъ часто посѣщала его любимыя минеральныя воды, въ наивной увѣренности, что вода можетъ спасти ее отъ водки и вина, повергшихъ ее въ преждевременные и тяжкіе недуги!

Такую преданность, такое уваженіе къ своей особѣ, такое послушаніе, Петръ находилъ въ весьма немногихъ изъ своихъ тетокъ, сестеръ и другихъ женскихъ лицъ царственной семьи. И такъ мудрено-ли, что въ признательность онъ былъ внимателенъ, любилъ и уважалъ Прасковью. Петръ зачастую посѣщалъ невѣстку, отдыхалъ у ней съ своею свитою, пировалъ въ ея теремахъ, шутилъ и балагурилъ [1]).

Вниманіе, даже уваженіе его къ невѣсткѣ было такъ велико, что сама императрица иногда прибѣгала къ посредству Прасковьи, чтобъ устроить какое-нибудь щекотливое дѣло. Такъ напр. въ извѣстномъ кровавомъ эпизодѣ—дѣло фрейлины Гамильтонъ—императрица и министры, не успѣвъ въ своихъ просьбахъ о помилованіи несчастной дѣвушки, „разсудили,—такъ пишетъ Татищевъ,—склонить къ просьбѣ царицу Прасковью Ѳедоровну, вѣдая, что государь ея совѣты почиталъ и ея просьбы не презиралъ". Извѣстно какой отвѣтъ вызвали у Петра „пространное разсужденіе Прасковьи и милости къ винымъ выхваленіе". Онъ предоставилъ судьбу фрейлины всей строгости законовъ, иначе сказать, обрекъ ее на смерть. Увидавъ неуспѣхъ своего ходатайства, старушка не потерялась и, „шуточнымъ прикладомъ рѣчь Петра пресѣкла" [2]).

Такимъ образомъ и тутъ, при ходатайствѣ въ дѣлахъ щекотливыхъ, — царица дѣйствовала осторожно, чтобъ не разсердить державнаго свояка. И своякъ умѣлъ это цѣнить: два-три факта достаточно знакомятъ съ его отношеніями къ Прасковьѣ. Такъ напр. при отводѣ (въ 1716 г.) въ новой столицѣ мѣстъ подъ дома своимъ приближеннымъ, государь предоставилъ невѣсткѣ самой выбрать мѣсто; затѣмъ подарилъ ей мызу въ Петергофѣ,

[1]) Походный журналъ 1715 г. Спб. 1855 г. Голиковъ, томъ VII, стр. 633, 635, 369, 444—446, 436 и проч.

[2]) Татищевъ: Судебникъ Ивана III, изд. 1786 г., съ примѣчаніями. Стр. 87—88.

оказалъ ей содѣйствіе (въ 1720 г.) при постройкѣ дворца на Васильевскомъ острову, подарилъ въ 1716 г. Крестовскій островъ и проч. [1]).

По вѣдомости, напечатанной у Голикова, окладъ содержанія на дворецъ ц. Прасковьи и ея дочерей былъ весьма незначительный, но однако не меньше другихъ членовъ царской фамиліи. По Голикову на дворцовые расходы Прасковьи въ 1699 году отпускалось 4,378 руб. 24¼ коп., между тѣмъ какъ на содержаніе наслѣдника престола шло только 3,932 руб. Всѣмъ тремъ дочерямъ царицы на дворцовые ихъ расходы шло 2,978 руб. [2]).

Въ послѣдующіе годы окладъ и матери, и дочкамъ значительно увеличенъ; изъ имѣющагося у насъ „вѣдѣнія" видно, что всѣмъ имъ денегъ отпускалось 18,000 руб., на починку каретъ 40 р., дровъ 410 саж. Лошадей чрезъ два года вмѣсто упалыхъ стоялыхъ по 12, подъемныхъ—по 28, итого 40 лошадей. Затѣмъ сѣно, овесъ, солома—въ соразмѣрномъ количествѣ. Винъ краснаго и бѣлаго въ годъ по 14 бочекъ. Все это иногда замѣнялось, по требованію царицы, выдачею денегъ,—по соотвѣтствующимъ цѣнамъ [3]). На служителей шла особенная денеж-

---

[1]) Рубанъ, стр. 61. Домъ Прасковьи на Васильевскомъ острову отошолъ въ 1725 г. подъ Академію. Голиковъ, т. XIII, стр. 397, т. VI, стр. 371, 635 и проч. Дома нѣкоторыхъ изъ придворныхъ царицы были на большой Морской улицѣ, такъ напр конюшаго Ив. Кормакова и др. Каб. дѣл. II пол., т. XLVII, лл. 23—89. Въ ея владѣніе поступилъ — взамѣнъ Крестовскаго — Петровскій островъ, что видно изъ слѣдующаго письма: „Государыня моя невѣстушка царица Прасковья Ѳедоровна и пр., пишетъ секретарь отъ имени Екатерины, прежде сего (10 окт 1716 г.) писала я къ ваш. в—ву, чтобъ вы изволили взять себѣ Крестовскій островъ; но понеже я тогда не вѣдала, что оный островъ, еще когда здравствовала ея в-ство блаженныя памяти царевна Наталья Алексѣевна, изволили уступить вмѣсто Петровскаго острова свѣтлѣйшему князю А. Д. Меншикову, на которомъ у него уже многое строеніе заведено,—того для, прошу ваше в—ство, чтобъ вмѣсто онаго Крестовскаго острова, изволили взять себѣ Петровскій островъ", и проч. Каб. Дѣл. I пол., LXIV т., л. 719 О томъ же обмѣнѣ Крестовскаго острова на Петровскій — просилъ царицу Прасковью самъ кн. А. Д. Меншиковъ — 4 генв и 1 февр. 1717 г. — на томъ основаніи, что у него, князя, „на томъ Крестовскомъ острову не малое строеніе заведено". См. „Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства". М. 1861 г. часть II, стр. 8—10.

[2]) Дѣянія Петра Великаго, т. XIII, стр. 707—708.

[3]) Для любопытныхъ приводимъ тогдашнюю таксу: сажень дровъ обходилась, по „вѣдѣнію", 2 р. 20 алт.; мѣрная копна сѣна 4 р. 16 алт. 4 д.; возъ соломы 2 р. 2 алт. Стоялая лошадь цѣнилась въ 15 р., подъемная 7 р. 16 алт. 4 д. Каб. дѣла, II пол., т. XCII, л. 430.

ная и хлѣбная дача: денегъ 1760 руб., да въ соразмѣрномъ количествѣ овесъ и рожь.

Кромѣ окладовъ царскихъ Прасковья получала изрядные доходы съ своихъ вотчинъ. А ихъ было не мало: такъ, напримѣръ, въ 1721 году въ разныхъ волостяхъ въ Новгородскомъ, Псковскомъ и Копорскомъ уѣздахъ, также въ Старопольской сотнѣ состояло въ ея владѣніи 2,477 посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что эта цыфра еще не выражаетъ полнаго числа владѣній царицы: владѣла она дворами и душами и въ другихъ уѣздахъ, но только намъ не попадались о нихъ „вѣдѣнія" въ массѣ просмотрѣнныхъ бумагъ. Нельзя, между тѣмъ, не замѣтить, что достатокъ старушки иногда увеличивался довольно оригинальными способами; Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, ея нѣжный братецъ [2]), и нашъ добрый знакомый, въ 1705 году помѣнялся пустыми помѣстными землями съ жильцомъ Климонтовымъ и вымѣнялъ у него въ Кромскомъ уѣздѣ пустошь Курбакину [3]). При отказѣ однако пустоши за Салтыковымъ оказалось, что земля была не пустая, на ней явилось нѣсколько жилыхъ крестьянскихъ дворовъ. Это обстоятельство не согласовалось съ мѣновыми книгами, въ которыхъ было писано, что мѣна происходила пусто на пусто; однако же откащикъ записалъ за Салтыковымъ пустошь Курбакину деревней, а чьи крестьяне и кто ихъ на той землѣ поселилъ, того въ отказныхъ книгахъ не означилъ. Съ тѣхъ поръ крестьянами сталъ владѣть Салтыковъ.

Между тѣмъ, сыскался законный владѣлецъ. Салтыковскіе крестьяне оказались бѣглыми холопями стольника Засѣцкаго. Лѣтъ десять передъ тѣмъ ихъ, „завѣдомо бѣглыхъ", принялъ Салтыковъ и поселилъ на новой землѣ своей; а Засѣцкій въ то же время долженъ былъ за нихъ вносить въ казну подати, по переписнымъ книгамъ.

Въ то время помѣстья и вотчины богатыхъ и знатныхъ людей

---

[1]) Каб. II пол., т. XCII, стр. 431—432.

[2]) По свидѣтельству Берхгольца, Салтыковъ не служилъ въ государственной службѣ, но состоялъ въ числѣ кавалеровъ сестры и имѣлъ польскій орденъ. Дневникъ, томъ I, стр. 195.

[3]) Подробности возникшаго по сему дѣлу процесса изложены К. П. Побѣдоносцевымъ въ интересной статьѣ въ „Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній, относ. до Россіи", изд. 1859, кн. IV, смѣсь.

зачастую наполнялись бѣглыми крестьянами на счетъ бѣднѣйшихъ владѣльцевъ. Только въ 1712 году, собравъ всѣ надлежащія свѣдѣнія объ укрываніи бѣглыхъ Салтыковымъ, Засѣцкій началъ съ нимъ искъ въ московскомъ приказѣ земскихъ дѣлъ. Избѣгая отвѣтственности, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ поспѣшилъ..... возвратить незаконно захваченныхъ холопей? — нѣтъ, ударить челомъ, ихъ дворами и животами, словомъ всѣмъ помѣстьемъ, сестрицѣ своей, царицѣ Прасковьѣ. Водворивъ, такимъ образомъ, новую владѣлицу, „персону знатную и сильную", бояринъ успокоился за ней, какъ за каменной стѣной. Въ самомъ дѣлѣ, Прасковью не осилили двѣнадцатилѣтнія хожденія по судамъ Засѣцкаго. Всѣ его челобитныя, жалобы, протесты, волокиты по приказамъ разныхъ вѣдомствъ не привели ни къ чему. Салтыковъ положительно уклонился отъ отвѣтовъ судьямъ; тѣ же съ своей стороны вели себя крайне осторожно, страшась озлобить именитаго человѣка. Благодаря ихъ угодливости, просьбы злополучнаго истца повторились и въ 1725 году, то есть два года спустя послѣ смерти помѣщицы-царицы, и только смолкли совершенно въ 1730 годахъ, когда на престолъ взошла родная племянница Салтыкова—Анна Ивановна; тогда уже о правомъ рѣшеніи дѣла нечего было и думать.

Старушка Прасковья пеклась, насколько позволяли ей досугъ и здоровье, о своихъ животахъ и дворахъ, и эти заботы для нея были тѣмъ легче, что она могла постоянно обращаться за покровительствомъ, либо къ дорогой невѣстушкѣ-государынѣ, либо къ разнымъ милостивцамъ второй руки.

Вотъ, напримѣръ, съ какими грамотками относилась она къ кабинетъ-секретарю Алексѣю Васильевичу Макарову, человѣку мочному при дворѣ царя, потомъ императора Петра Алексѣевича:

„11 февраля 1714 г. С. Измайлово. Алексѣю Васильевичу здравія твоего желаю! Прошу у тебя, пожалуй, покажи всякую милость надъ Нефедомъ Кармилицынымъ. А мнѣ есть причина объ немъ просить, что мать его была въ кормилицахъ у государя моего, царя Ивана Алексѣевича. И чтобы ему не быть задержану о вышеписанномъ съ прощеніемъ прошу. За симъ остаюся, царица Прасковья, кланяюсь".

„Алексѣй Васильевичъ, здравствуй на множество лѣтъ! Пожалуй, пиши къ намъ о своемъ здоровьѣ, а я жива до воли

Божіей и съ дѣтьми. Пожалуй, по твоей ко мнѣ любви, покажи милость о моихъ дѣлахъ, въ которыхъ станетъ доносить человѣкъ мой. И поговори Якову Никитичу (Шаховскому?), чтобъ изъ моихъ деревень, изъ Осѣчинскихъ волостей [1]), также изъ другихъ вывелъ (бы) драгунъ и солдатъ, и лошадей. А ежели онъ въ семъ дѣлѣ милости не покажетъ, и ты, пожалуй, донеси и побей челомъ государынѣ, моей невѣстушкѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ за меня съ прилежаніемъ: чтобъ она въ моихъ дѣлахъ милость показала, также въ мызахъ и мѣстахъ, которыя раздавалъ Шаховской. А я во всемъ на тебя надежна. И мнѣ тѣ мѣста противъ иныхъ не всѣ даны. Пожалуй, Алексѣй Васильевичъ, особо донеси о мызахъ и о мѣстахъ невѣстушкѣ, и побей челомъ; а я на твое жалованье надежна и буду твоей милости платить. При семъ писавши, кланяюся царица Прасковья, о вышеписанномъ съ прощеніемъ прошу" [2]).

Для Макарова едва-ли и нужны были обѣщанія подарковъ; для него уже было достаточно знать благосклонность и пріязнь къ Прасковьѣ государя и государыни, и онъ спѣшилъ сдѣлать „все отъ него зависящее"... Государыня была особенно любезна къ старушкѣ. Секретарь Екатерины въ отвѣтныхъ рескриптахъ къ Прасковьѣ старательно выводилъ отъ имени государыни самыя родственныя фразы: «Государыня моя невѣстушка, царица Прасковья Ѳедоровна, здравствуй на множество лѣтъ! Письма ваши, моей государини, я получила, и за оныя зѣло благодарствую... Прошу только, дабы впредь почаще изволили ко мнѣ писать о своемъ здравіи, ибо я того усердно желаю и проч." [3]).

Въ благодарность за ласки и вниманье, Прасковья изливалась предъ государыней въ самыхъ нѣжныхъ эпитетахъ, между прочими именовала ее: «добродѣтельною миротворительницею фамиліи царской и т. п.» [4]).

---

[1]) Въ Новгородскомъ уѣздѣ.

[2]) Каб., II пол., т. XXI, лл. 1038—1039. Мы не сохраняемъ орфографію подлинниковъ, такъ какъ въ изданіи „Писемъ русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства", Москва, 1861 г., томъ II, переписка царицы Прасковьи Ѳедоровны воспроизведена съ буквальною точностью.

[3]) Каб. I. пол., т. LXIV, л. 727.

[4]) На этомъ эпитетѣ Голиковъ строитъ цѣлое разсужденіе о томъ, что сердце ея величества Екатерины Алексѣевны было не токмо не злобное, но самое добродѣтельное. Дѣянія Петра Великаго, томъ VII, стр. 16.

Какъ бы то ни было, однако, но ни услужливость Макарова, ни покровительство государыни не могло водворить въ административномъ и домашнемъ быту Прасковьи какой-либо порядокъ... Удаленіе отъ дѣлъ ея казначея Деревнина, затѣмъ октябрское донесеніе Терскаго, въ 1722 г. уже указали намъ безурядицу, царившую въ дѣлахъ старушки.

Былъ-ли виновенъ Деревнинъ въ похищеніи ея казны—рѣшить трудно, тѣмъ болѣе, что при дѣлахъ сохранилось „извѣстіе", составленное Терскимъ въ защиту Деревнина.

Въ этомъ извѣстіи, ловко составленномъ, выведена слѣдующая смѣта: „въ приходѣ, взято изъ большой казны окладныхъ на 1715 г. 18,320 руб.; на 1716 г. 24,066 руб. 9 алт. 4 ден. На 1717 г. 12,600 руб. На 1718 г. 32,915 руб. Итого въ приходѣ 95,055 руб. 2 алт. 4 ден. И изъ того числа на разныя дачи въ расходѣ 95,055 руб. 2 алт. 2 ден." [1]).

Такимъ образомъ, оказывалось, что Деревнинъ былъ чистъ—едва ли не какъ агнецъ: на немъ оставалось долгу всего 2 деньги! Насколько вѣренъ разсчетъ его тестя, повторяемъ, рѣшить трудно, такъ какъ дѣло, по самой сущности, выходило изъ вѣдомства тайной канцеляріи, и въ картонахъ дѣлъ, ею вершонныхъ, мы не находимъ данныхъ ни за, ни противъ Деревнина.

За то несомнѣнно, что воровали другіе ея управляющіе; изъ нихъ мы уже называли Аргамакова. На немъ и его сынѣ лежала обязанность собирать доходы съ нижегородскихъ имѣній царицы и вести приходо-расходныя книги. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ихъ управленія, въ книгахъ замѣчено было до 300 подчистокъ: убавлены въ чистовыхъ книгахъ приходы денегъ и хлѣба, также и въ черновыхъ книгахъ многія статьи вычерпены, денегъ и хлѣба убавлено; въ среднемъ числѣ, какъ каялись сами Аргамаковы, они клали въ свой карманъ изъ сотни—по рублю и болѣе [2]).

Не смотря на крупныхъ и мелкихъ воришекъ, въ приходѣ все-таки были большія суммы, и если бы старушка умѣла заправлять хозяйствомъ, оно бы шло прекрасно; а, между тѣмъ,

---

[1]) Дѣло Деревнина, лл. 12—14, 39—40. Вѣдѣніе о приходѣ и расходѣ подано Терскимъ 22 октября 1722 г.

[2]) Каб дѣла II полов., томъ LXV, л. 478.

за ея беспечностью, да за недосмотрами возлюбленнаго Юшкова, на домѣ царицы были постоянные недочеты, такъ что зачастую обращалась Прасковья въ кабинетъ его и ея величествъ, еще чаще занимала у частныхъ лицъ... Кредиторы, не получая уплаты, входили съ просьбами объ удовлетвореніи въ тотъ же государевъ кабинетъ [1])

1722-й годъ нашелъ Прасковью и ея дочерей въ родимомъ селѣ Измайловѣ. Жизнь ихъ текла обычной колеей; русскіе сановники и иноземцы пріѣзжали сюда съ визитами, развлекали хворую старушку, слушали болтовню царевны Катерины, радовали всѣхъ ихъ вѣстями „съ персидскаго похода", о царѣ-государѣ, государынѣ и ихъ войскѣ, о взятіи ими городовъ да крѣпостей, о покореніи цѣлыхъ племенъ. Царскіе курьеры сообщали интересныя подробности о всѣхъ трудностяхъ похода, о большой смертности, о невыносимой жарѣ, о томъ, что императрица, чтобы хоть нѣсколько облегчить себя, должна была остричь свои волосы, и проч. и проч.

Не малое развлеченіе измайловскимъ обитательницамъ должны были доставлять вѣсти изъ Москвы: о торжественныхъ пирахъ, по случаю радостныхъ извѣстій съ театра войны; не менѣе любопытны были подробности о другихъ московскихъ диковинкахъ, какъ напр. о публичныхъ казняхъ—политическихъ и другихъ „злодѣевъ государственныхъ". Нѣкоторыя изъ этихъ казней, дѣйствительно, были особенно ужасны. Такъ напр. въ августѣ 1722 г., въ Москвѣ, на болотѣ, казненъ старецъ безумный Левинъ за то, что находилъ въ Петрѣ олицетвореніе Антихриста. Послѣ длиннаго ряда арестовъ лицъ разныхъ сословій по этому дѣлу, послѣ лютыхъ пытокъ, старецъ Левинъ казненъ по приговору правительствующаго сената: отрубленная голова отправлена въ Пензу, мѣсто его родины, на выставку на столбъ, а тѣло сожжено [2]).

---

[1]) Смотр. въ дѣл. Каб. II пол., т. LVI, л. 454, о выплатѣ с.-петербургскимъ купцамъ 10,000 руб., занятыхъ на пять дней царицею Прасковьей, письмо Ю. Нелидинскаго 1721 г. августа 3. Т. LXI, лл. 876—877: письмо Ягужинскаго объ удовлетвореніи изъ кабинета княгини Настасьи Голицыной, по указу государя, 2000 руб., занятыхъ у нея царицей Прасковьей, 12 іюня 1722 г., и проч.

[2]) Государь писалъ, чтобы старца казнить въ Пензѣ; Андрей Ив. Ушаковъ нашелъ это неудобнымъ, распорядился казнью въ Москвѣ, послѣ чего оправдывался слѣдующимъ наипочтительнѣйшимъ письмомъ: „Москва. 2 августа 1722 г

Изъ всѣхъ вѣстниковъ—какъ мѣстныхъ, такъ и „изъ походу", для измайловской старушки, безъ сомнѣнія, наиприятнѣйшими были тѣ, которые привозили грамотки отъ царя-батюшки, либо отъ государыни-невѣстушки. Послѣдняя нѣсколько разъ въ теченіе похода 1722 г. приказывала писать отъ своего имени къ царицѣ, и чтобъ потѣшить послѣднюю секретарь писалъ о событіяхъ въ шутливой формѣ.

„Государыня моя невѣстушка, царица Прасковья Ѳедоровна, здравствуй на множество лѣтъ! Объявляю вамъ,—пишетъ секретарь въ одномъ изъ посланій отъ лица императрицы Екатерины I-й, — что мы отъ Астрахани шли моремъ... а выбрався на землю, дожидались долго кавалеріи. И потомъ дошли во владѣнье салтана Мамута темышскаго; оный ни чѣмъ къ намъ не отозвался; того ради, августа 19 числа, поутру, послали къ нему съ письмомъ трехъ человѣкъ донскихъ казаковъ. И того жъ дня, въ три часа пополудни, сей господинъ нечаянно нашихъ атаковалъ; которому гостю зѣло были рады и, принявъ, проводили его наши до его жилища, отдавая контра-визитъ, и, побывъ тамъ, сдѣлали изо всего его владѣнія фейерверкъ для утѣхи имъ. — Какъ взятые ихъ, такъ и другіе владѣльцы сказываютъ, что ихъ было съ 10,000 человѣкъ, и едва не половина пѣхоты, изъ которой около 600 человѣкъ отъ нашихъ побито, да взято въ полонъ 30 человѣкъ. Съ нашей стороны убито 5 драгунъ, да 7 казаковъ. Сего города (Дербента) наинъ (намѣстникъ) встрѣтилъ насъ и ключъ серебряный его величеству поднесъ у воротъ; правда, что люди съ нелицемѣрною лю-

---

„Казнь Левина не учинена въ Пензѣ для того, что помянутый плутъ въ винѣ своей прежде принесъ покаяніе, но потомъ паки на прежнюю свою злобу обратился. И при сенаторахъ, будучи на спицахъ, съ великою жесточью тѣ свои злыя слова говорилъ и объявилъ, что онъ прежде покаянье приносилъ для того, чтобы ему освободиться отъ смерти и отпустили бы его въ монастырь. И ежели бы де оное учинили, то имѣлъ онъ намѣреніе, чтобы въ градѣхъ и на путѣхъ прежнія злыя слова (Петръ де — антихристъ) народу разглашать. А потомъ, хотя онъ и принесъ чистое покаянье, написавъ своеручно, однакожъ опасаясь вышепоказаннаго его къ злобѣ обращенія, чтобъ онъ въ пути какимъ-нибудь образомъ тѣхъ злыхъ словъ народу не разсѣевалъ"... Ушаковъ распорядился его казнью въ Москвѣ, да и тутъ еще, изъ того же опасенья, велѣлъ предварительно, какъ самъ пишетъ, вырѣзать Левину на генеральномъ дворѣ языкъ. Вмѣстѣ съ Левинымъ, по его дѣлу, казнено 6 человѣкъ духовныхъ лицъ. Головы ихъ выставлены были на колахъ. Каб. II пол., т. LXI, лл. 544—545.

бовью (насъ) приняли и такъ ради, какъ бы своихъ изъ осады выручили. Сей городъ, Дербень, по всему видно, что старинный и великое каменное зданіе имѣетъ, о которомъ заподлинно повѣствуютъ, что строилъ его Александръ Великій. Маршъ сей, хотя недалекъ, только зѣло труденъ отъ безкормицы лошадямъ и великихъ жаровъ" [1]).

Подобныя грамотки дороги были Прасковьѣ, онѣ напоминали ей о милости и расположеніи къ ней ея „благодѣтеля и благодѣтельницы". Онѣ веселили, успокоивали ее... Спокойствіе и веселье было возмущено неудачной прогулкой старушки въ подвалы тайной канцеляріи...

Возвратясь къ этому кровавому эпизоду, мы—послѣ столь длиннаго отступленія—перейдемъ къ послѣдующимъ событіямъ. Въ ожиданіи царскаго пріѣзда, намъ остается узнать: что̀ сдѣлано было „инквизиторами"—по дѣлу Деревнина, что̀ говорили и какъ вели себя вельможи и придворные послѣ жженія стряпчаго, на сколько интересовались они этимъ эпизодомъ, чѣмъ и какъ развлекались, о чемъ вели бесѣду, наконецъ, что подѣлывали измайловскія обитательницы послѣ ночи 2 октября; измѣнили-ли онѣ въ чемъ-нибудь свою жизнь, насколько безпокоилась старушка по поводу своей вспышки? и проч.

На другой же день послѣ освобожденія Деревнина изъ рукъ доморощенныхъ палачей царицы Прасковьи, Павелъ Ивановичъ Ягужинскій весело проводилъ время у тайнаго совѣтника Бассевича. Здѣсь собралась большая компанія русскихъ и голштинцевъ, съ своимъ герцогомъ, послушать музыку; но не она была на первомъ планѣ у веселыхъ собесѣдниковъ: бокалы не выходили изъ рукъ собесѣдниковъ, пили за обѣдомъ, пили во время концерта: пили во весь вечеръ, пили—стоя, сидя, наконецъ на колѣнкахъ. Генералъ-прокуроръ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ питуховъ въ водкопитіи: онъ провозглашалъ тостъ за тостомъ и когда поднятъ былъ бокалъ за здоровье сильно подгулявшаго герцога, нѣкоторые изъ его совѣтниковъ—въ избыткѣ преданности—поползли къ нему на колѣнкахъ и съ умиленіемъ лобызали ручку его герцогскаго высочества.

---

[1]) Письма отъ имени Екатерины I, 1722 г. августа 30, Дербентъ.

Вельможи вообще продолжали неустанно съѣзжаться на пиры и попойки: каждая вѣсть съ театра войны, мало-мальски пріятная, служила поводомъ къ немедленному сбору на оффиціальный, торжественный обѣдъ. За отсутствіемъ государя—обѣдами этими большею частью щеголяли князь А. Д. Меншиковъ, П. И. Ягужинскій, герцогъ голштинскій, его тайный совѣтникъ Бассевичъ и друг. Съ этихъ пирушекъ, благодаря его высочеству и другимъ питухамъ, которые пили съ замѣчательною энергіею и всячески старались напоить другъ друга, многіе сановники, по свидѣтельству одного изъ участниковъ пировъ, рѣдко пріѣзжали домой здоровыми. Вино занимало сановниковъ, танцы—развлекали дамъ, которыя прыгали тутъ же въ душныхъ и смрадныхъ палатахъ, на мѣстѣ вынесенныхъ столовъ. Особенно нескончаемы были танцы, когда являлся среди танцующихъ подгулявшій генералъ-прокуроръ. Онъ требовалъ, чтобъ танцовали больше и больше, подгонялъ танцовать кавалеровъ, кружился самъ, требовалъ, чтобъ не отпускали дамъ—и балъ тянулся до тѣхъ поръ, пока всѣ не отбивались отъ ногъ. Ягужинскому никто не смѣлъ отказать; „и ужъ чего онъ захочетъ", замѣчаетъ Берхгольцъ, „то непремѣнно надо исполнить". Петра не было, меньше въ ходу были штрафные кубки, — было свободнѣе — и веселились на-распашку: не только Ягужинскій, свѣтлѣйшій Меншиковъ, канцлеръ Головкинъ и другіе министры, но даже самъ Скорняковъ-Писаревъ, жолчный, злой — членъ страшнаго судилища—и тотъ, отуманенный и увлеченный „пьянственнымъ весельемъ" — пускался иногда въ плясъ, вечеромъ, старательно выдѣлывалъ па въ минуэтѣ—выхаживалъ въ польскомъ, а утромъ—шолъ въ застѣнокъ и ставилъ допрашиваемыхъ въ хомутъ, тащилъ на виску, либо укладывалъ „персты" въ тиски-голову въ станокъ...

Герцогинѣ Катеринѣ Ивановнѣ не сидѣлось въ Измайловѣ съ больной маменькой-ворчуньей; ей скучно было слушать ея воркотню, скучно глядѣть на изможденную старуху, перевозимую изъ комнаты въ комнату въ креслѣ на колесахъ, и вотъ она не упускала случая посѣщать пиры и ассамблеи боярскія. Катерину Ивановну не останавливала даже непроѣздная московская мостовая.

Въ концѣ октября 1722 года сдѣлалась оттепель, пошли

дожди и чуть не съ первой его капли на улицахъ столицы сдѣлалась такая грязь, что балки деревянныхъ мостовыхъ почти плавали... По этому океану грязи, тѣмъ свободнѣе скоплявшейся на улицахъ, что ее не пускала въ канаву вынутая изъ нихъ земля,—насыпи изъ нея были выше уровня средины улицъ,—по этому океану смѣло плавала въ колымагѣ-коляскѣ герцогиня Катерина Ивановна.

Еслибъ мы могли перенестись на то время въ Москву, мы бы увидѣли любимицу царицы Прасковьи и Меншикова у Ягужинскаго, у Головкина, у Бассевича и у другихъ вельможъ на свадьбахъ, имянинныхъ пирогахъ, „викторіяльныхъ" пирахъ, танцовальныхъ собраніяхъ и проч. Герцогиня особенно много любезничала съ герцогомъ голштинскимъ и кавалерами его свиты: какъ не было кратковременно ея пребываньe въ Германіи, но этого времени было достаточно, не настолько, чтобъ выучиться говорить, но чтобы полюбить нѣмцевъ... Катерина Ивановна вела себя на ассамблеяхъ совершенно непринужденно, отказывала однимъ, немедленно затѣмъ шла танцовать съ другимъ [1]), болтала со всѣми и убѣдительно просила голштинцевъ навѣщать ее въ Измайловѣ. Въ 9, много въ 10 часовъ вечера, она всегда уже спѣшила туда, къ маменькѣ.

24 ноября 1722 года, день ангела императрицы, также и герцогини Катерины Ивановны, вся знать пировала въ зданіи сената. Между именитыми дамами присутствовала за обѣдомъ сама герцогиня. Замѣнявшій генералъ-прокурора—оберъ-прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ (Ягужинскій уѣзжалъ въ это время, по царскому указу, въ Петербургъ), былъ хозяиномъ пира, и дѣятельно угощалъ рядомъ кушаньевъ, приготовленныхъ въ русскомъ вкусѣ съ лукомъ и чеснокомъ,—для русскихъ прекрасно, для пріѣзжихъ иноземцевъ (шведскаго посланника, его секретаря и другихъ)—отвратительно. Пили много, обѣдъ сопровождался обычными явленіями, характеризующими тогдашнее общество: такъ, напр., одинъ весьма сановитый гость преспокойно перелѣзъ, въ сапогахъ, черезъ столъ, причемъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на то, что при этомъ наступилъ прямо въ средину какого-то блюда...

[1]) Катерина Ивановна больше всего любила польскій: въ минуэтахъ и прочихъ танцахъ она была вообще неискусна.

Съ сенатскаго обѣда отправимтесь въ Измайлово. Здѣсь мы найдемъ обычныхъ его посѣтителей — Головкиныхъ и Ромодановскихъ (обѣ родственныя между собой фамиліи были въ родствѣ съ домомъ Салтыковыхъ); Катерина Ивановна также уже здѣсь; она съ нетерпѣніемъ ждетъ герцога голштинскаго, которому обѣщала даже, если онъ ее посѣтитъ, сдѣлать подарокъ.

Герцогъ исполнилъ свое обѣщаніе и радостная Катерина немедленно приказала фрейлинѣ принести изъ спальни прекрасно-сдѣланныя четки, подарокъ дорогому гостю.

Мы уже были въ измайловскихъ комнаткахъ [1]); всѣ онѣ убраны плохо, расположены неудобно, почти всѣ спальни проходныя. Прасковья-старушка, больная, лежала въ кровати, тѣмъ не менѣе она приняла гостей. Гости пили и говорили въ ея маленькой спальнѣ, пили и въ спальнѣ герцогини, наконецъ, по ея приглашенію, усѣлись ужинать за длинный узкій столъ. Ужинъ былъ приготовленъ на-скоро; кавалерамъ герцога ничего не досталось; за то послѣ стола, по желанію Катерины Ивановны, всѣ они должны были танцовать и волею-неволею прыгать съ нею; импровизированная вечеринка затуманилась было горячимъ споромъ герцогини съ Бассевичемъ за герцога мекленбургскаго и его дѣло; вѣроятно Бассевичъ обвинялъ его за сумасбродство, а преданная супруга горячо за него заступалась, но послѣ ужина миръ возстановился и гости, частью съ пустыми желудками, прыгали до 11 часовъ вечера. Пили впрочемъ не мало, что видно ужъ изъ того, что на другой день у дорогого гостя (герцога голштинскаго) сильно болѣла голова.

Дня три спустя, Катерина Ивановна имѣла вновь удовольствіе видѣться съ герцогомъ на званномъ обѣдѣ у своего дядюшки Василія Ѳедоровича Салтыкова. Обѣдъ былъ въ одномъ изъ его домовъ, подлѣ нѣмецкой слободы. Въ деревянномъ, ветхомъ, весьма плохомъ домѣ Василія Ѳедоровича, собралось большое общество, частью изъ родственниковъ, частью изъ близкихъ почему бы то ни было къ царицѣ: Ромодановскіе, Головкины, Татищевы, Матвѣевы, молодой Салтыковъ и другіе. Сама старушка, по нездоровью, быть не могла, да и младшая царевна Прасковья не могла высидѣть за столомъ: у нея раз-

---

[1]) См. главу VI

болѣлась нога. Несмотря на постъ, подавались для мужчинъ скоромныя блюда; обстоятельство интересное, если вспомнить, что обѣдъ былъ у роднаго брата набожной до ханжества Прасковьи.

Въ день рожденія четырехлѣтней малютки Анны, дочери герцогини мекленбургской (7 декабря), то же общество соединилось въ Измайловѣ. Ветхій, громадный домъ царицы представлялъ какъ-бы лазаретъ хворыхъ женщинъ; въ одной спальнѣ сидѣла на постели больная ногой царевна Прасковья Ивановна, въ другой лежала царица Прасковья Ѳедоровна. Впрочемъ, герцогиня была весела и въ 12 часовъ усадила всѣхъ именитыхъ гостей обѣдать. Она хлопотливо всѣхъ угощала, но все приготовлено было плохо, крайне неапетитно, вина скверныя... Всѣ эти мелочныя замѣтки одного изъ гостей (Берхгольца) интересны въ томъ отношеніи, что онѣ показываютъ какъ плохо шло съ болѣзнью царицы Прасковьи ея хозяйство, какъ грязнѣе дѣлалась съ каждымъ годомъ ея обстановка...

За обѣдомъ неминуемо послѣдовали танцы; герцогиня у себя дома прыгала и вертѣлась гораздо охотнѣе, нежели на ассамблеяхъ; ради дня рожденія ея дочери, танцовали до того, что въ комнатахъ стало такъ жарко, какъ въ банѣ: перешли въ спальню царевны Прасковьи. И здѣсь вертѣлись большую часть вечера, чтобъ повеселить себя, да притомъ разсѣять больную. Катерина была въ восторгѣ отъ герцога, который неустанно танцовалъ съ ней и придворными дамами ея матушки. Четырехлѣтняя Анна Карловна (Леопольдовна) также принимала участье въ танцахъ; малютка такъ растанцовалась, что герцогиня на другой день посылала просить къ себѣ герцогскаго камеръ-юнкера пріѣхать къ ней еще потанцовать...

Старушка Прасковья не препятствовала забавляться непаглядной „свѣтъ-Катюшкѣ", и Катерина Ивановна являлась то развязной, бойкой дамой на вечерахъ, то наѣздницей на затѣваемыхъ ею катаньяхъ съ своими дамами; она смѣло и съ большимъ искусствомъ правила лошадьми...

Затѣмъ ни изъ чего не видно, чтобъ страшная сцена пытки Деревнина, видѣнная ею въ подвалѣ тайной канцеляріи, оставила бы тяжелое впечатлѣніе на Катерину. Легкомысленная женщина, она, какъ кажется, смотрѣла на это событіе, какъ на нѣчто обыденное, на простую расправу барыни, ея маменьки, съ

провинившимся слугой; можетъ быть подобныя сцены видимы были ею и не разъ... Наше предположеніе подтверждается еще болѣе тѣмъ, что дня четыре спустя, эта добрая и милостивая женщина, такъ называетъ Берхгольцъ герцогиню Катерину, посѣтила съ сестрой бывшаго своего наставника Остермана старшаго, и здѣсь, будучи особенно весела, добра и милостива, соизволила изъ своихъ ручекъ такъ напоить (умышленно) стараго своего знакомаго графа Бонде, что тотъ не помнилъ, какъ воротился домой.

Изъ всѣхъ невинныхъ забавъ хохотуньи „Катюшки", самая оригинальная, самая характеристическая была страсть ея къ театру. Нѣтъ сомнѣнія, что эту страсть царевна вывезла изъ Германіи и по своему, какъ умѣла, старалась пересадить видѣнное и слышанное въ измайловскія свѣтелки. Актрисы набирались изъ придворныхъ дамъ и фрейлинъ, актеры изъ крѣпостныхъ, доморощенныхъ артистовъ, парики брали у голитинцевъ, костюмы строились домашними средствами. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ что̀ за пьесы разыгрывались на измайловской импровизированной сценѣ; за то, благодаря дневнику наблюдательнаго нѣмца-современника, мы живо можемъ представить всю обстановку, среди которой давались эти своеобразные спектакли.

Отправимтесь на одинъ изъ нихъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней до спектакля, герцогиня въ страшныхъ хлопотахъ... Она присутствуетъ на репетиціяхъ, устраиваетъ сцену, прилаживаетъ занавѣсъ, пригоняетъ костюмы актрисамъ, распекаетъ и наказываетъ актеровъ, набранныхъ изъ многочисленнѣйшей ватаги праздныхъ, развратныхъ, вороватыхъ челядинцевъ царицы. Въ самый день спектакля хлопотъ еще больше: Катерина Ивановна суетится въ комнатѣ, отведенной подъ театръ, а въ спальнѣ сидитъ въ креслѣ отбившаяся отъ ногъ больная маменька и коротаетъ время въ душеспасительной бесѣдѣ съ архіепископомъ новгородскимъ, епископомъ троицкимъ и другими членами святѣйшаго сѵнода. Петровскимъ царствованіемъ эти духовные іерархи уже пріучены смотрѣть на театральное позорище самымъ снисходительнымъ образомъ; сама Прасковья не раздѣляетъ уже взгляда своихъ предковъ на эту забаву и не мѣшаетъ тѣшиться милой Катюшкѣ.

Все готово, зрители собрались, пріѣхали между прочимъ два

кавалера изъ свиты герцога голштинскаго. Младшая царевна извѣстила маменьку, что представленіе начинается. Толпа горничныхъ и слугъ покатила старушку на креслѣ съ колесами. Въ 5 часовъ поднялся занавѣсъ; устройство сцены понравилось нѣмцамъ, но костюмы актеровъ, по ихъ замѣчанію, не отличались изяществомъ. Не зная русскаго языка, нѣмцы не поняли содержанія разыгрывавшихся фарсовъ, и тѣмъ лишили насъ возможности полнѣе познакомиться съ измайловскимъ театромъ. Впрочемъ, Берхгольцъ заключилъ по догадкѣ, что играли совершенные пустяки, причемъ и поплатился за спектакль табакеркой: кто-то не изъ артистовъ, а изъ зрителей, въ своемъ родѣ артистъ, весьма искусно вытащилъ ее изъ кармана зазѣвавшагося нѣмца. Немудрено послѣ этого, что Берхгольцъ вынесъ о театрѣ самое невыгодное впечатлѣніе [1]).

Артисты измайловской труппы вообще, кажется, оказывали болѣе способностей къ разнымъ „художествамъ", къ которымъ прибѣгали для добыванія денегъ на свою нищенствующую братію, нежели къ театру. Наканунѣ второго спектакля, главный актеръ, съ другимъ артистомъ, талантъ второстепенный, стали разносить по городу афишки и тѣмъ собирать для себя милостыню. Огорченная герцогиня велѣла дать каждому изъ нихъ около 200 батоговъ; затѣмъ второстепенный актеръ былъ прогнанъ со сцены, а другой на другой же день явился на сценѣ предъ именитой публикой, въ роли короля; роль супруги батогированнаго короля играла дочь маршала царицы Прасковьи.

---

[1]) Вообще говоря, театръ на Руси въ царствованіе Петра, находился въ самомъ младенческомъ состояніи. Непонятно, какъ великій монархъ упустилъ изъ виду столь важное средство къ народному просвѣщенію. Къ числу немногихъ извѣстныхъ документовъ, относящихся до исторіи русскаго театра при Петрѣ, укажемъ на челобитную: „всеподданнѣйшаго раба Іоганна Карла Эренберга", изъ Гамбурга, 11 іюля 1721 года. Въ этомъ документѣ челобитчикъ говоритъ, что государь въ прошломъ (1720 году) повелѣлъ привезть въ Россію компанію комедіянтовъ и мастеровъ, которые по „веревкѣ танцуютъ". Эренбергъ повелѣніе исполнилъ, но не нашолъ средствъ для отправленія этихъ людей и ихъ багажа въ Россію, почему и проситъ государя, буде онъ прежнее намѣреніе не измѣнилъ, указалъ бы выдать чрезъ гамбурскаго своего резидента Беттера ему, Эренбергу, 2,000 талеровъ. „Съ этими деньгами, заключаетъ челобитчикъ, я съ помянутою при мнѣ компаніей и съ тѣми, которыхъ я уже во Гданскъ отправилъ, съ Божіею помощью къ Покрову дню, могъ бы пригнать въ Россію". Государ. архивъ, Каб. II пол., т. LIV, л. 1272.

„Превеселая эта женщина, герцогиня мекленбургская,—восклицаетъ по этому поводу Берхгольцъ,—у нея никакъ не обойдется дѣло безъ множества презабавныхъ приключеній!“ Катерина Ивановна сама разсказала о штрафованіи своего перваго артиста герцогу голштинскому, посѣтившему спектакль. На этотъ разъ нѣкоторые изъ его свиты поплатились шолковыми платками: ихъ вытащили, съ искусствомъ, дѣлавшимъ честь измайловскимъ „художникамъ“.

Въ то время, когда шумно и весело проводили сановники досужее время въ пирахъ и сходкахъ, когда коротала время въ разнообразныхъ развлеченіяхъ царевна Катерина, а охала и стонала отъ недуга ея маменька, — въ какомъ же положеніи находилось забытое нами дѣло Василія Деревнина?

Въ ожиданіи царскаго пріѣзда, оно нисколько не подвинулось впередъ. Арестанта держали въ тюрьмѣ, и худо или хорошо, но какъ важнаго секретнаго преступника, лечили казенными средствами. Между тѣмъ, 8 октября, Скорняковъ-Писаревъ и Бутурлинъ составили обо всемъ случившемся обстоятельный докладъ и отправили его въ Астрахань, на имя П. А. Толстого, главы тайной канцеляріи; при докладѣ приложена была копія съ цыфирнаго письма царицы къ Юшкову. Инквизиторы испрашивали разрѣшенія: „слѣдовать-ли о пріѣздѣ царицы, о боѣ и о жженіи Деревнина ея служителями? Также брать-ли подъ караулъ Юшкова? подвергать-ли его и служителей царицы пыткѣ? а безъ указу того чинить не смѣемъ“ [1]).

Въ тотъ же день Тайная Канцелярія, по доношенію Терскаго на Ершова и Тихменева, въ дѣлѣ о учиненіи царицѣ великаго оклада изъ-за немалой взятки, отнеслась въ правительствующій сенатъ доношеніемъ съ запросомъ: гдѣ о томъ дѣлѣ слѣдовать? А между тѣмъ отъ оберъ-полиціймейстера вытребованы были въ тайную всѣ документы, относящіеся къ первымъ слѣдствіямъ по

---

[1]) Вершенныя дѣла розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи, Государ. архивъ, картонъ XV, лл. 23—32 12 октября 1722 г. отправлены были два курьера съ этими нужнѣйшими о тайныхъ государевыхъ дѣлахъ бумагами. „Тутъ же приложено было письмо Писарева къ А. П. Волынскому, чтобы онъ отнюдь не задержалъ посланныхъ въ Астрахани, а препроводилъ бы ихъ туда, гдѣ обрѣтается государь. Прогоновъ выдано по 1 деньгѣ на версту, на 2050 верстъ — 37 руб. 16 ал. 4 д., да на прокормъ — 15 руб. на человѣка — всего 67 руб. двумъ.

дѣлу Деревнина [1]), и на повторительную просьбу Терскаго о распечатаніи его пожитковъ послѣдовало разрѣшеніе.

Но провинціалъ-фискалъ уже не довольствовался этой уступкой; онъ жаждалъ мщенія, и 22-го октября выступилъ съ рѣзкимъ протестомъ противъ самоуправства главы московской полиціи и ея подвижниковъ. Въ длинномъ доношеніи онъ передалъ членамъ Тайной Канцеляріи всѣ подробности нашествія полицейскаго партизана Пазухина на домы его и Юрьева; подробности эти изложены нами въ своемъ мѣстѣ. Изъ дѣла не видно, чтобы протестъ Терскаго навлекъ грозу начальства на оберъ-полиціймейстера: его дѣянья, какъ явленія, не выходившія изъ обыденной колеи, не вызвали даже ни одного замѣчанія; зато Терскій выигралъ хоть тѣмъ, что въ тотъ же день, по подачѣ доношенія, остальные его люди были освобождены; самъ онъ былъ освобожденъ еще 8 октября, разумѣется на поруки, съ строжайшимъ наказомъ явиться въ судилище по первому востребованію; дворы и пожитки его и Юрьева распечатаны и отданы имъ до указу съ роспискою, впрочемъ не раньше, какъ 5 ноября; при сдачѣ домовъ и пожитковъ сдѣлана была опись всего разбитаго и разломаннаго во время набѣга Пазухина. Послѣднимъ дѣйствіемъ членовъ тайной канцеляріи, по дѣлу Деревнина и Терскаго, въ ожиданіи царскаго пріѣзда, была отписка о вершеніи дѣла провинціалъ-фискала Терскаго съ Тихменевымъ, въ надворномъ судѣ.

Отвѣта царскаго на доношеніе о жженіи Деревнина не послѣдовало, и арестантъ былъ пока забытъ съ своими увѣчьями; Писареву, Бутурлину и другимъ сановникамъ, въ самомъ дѣлѣ, не до того было въ это время, чтобъ интересоваться человѣкомъ, навлекшимъ на себя гнѣвъ Прасковьи: въ средѣ ихъ самихъ совершился скандалъ первостепенной важности, скандалъ, не перестававшій вызывать ежедневные толки вельможъ и большія опасенія о его послѣдствіяхъ: то была крупная ссора въ сенатѣ Меншикова съ Шафировымъ. Сторону перваго принялъ великій канцлеръ Головкинъ, и оба врага послали курьеровъ съ жалобами къ царю [2]). Всѣ были увѣрены, что по возвращеніи госу-

[1]) 16 октября 1722 г., лл. 1—5, 33—38.

[2]) Государ. Архивъ, Каб. II пол., т. LX, л. 592, и проч. Мы не приводимъ этихъ жалобъ, такъ какъ онѣ не имѣютъ отношенія къ настоящему очерку.

даря, грянетъ надъ обоими гроза неминучая и страшная. Сановники раздѣлились на два лагеря; громадное большинство пристало, разумѣется, къ сторонѣ Меншикова, въ силу и значеніе котораго было больше вѣры; отъ Шафировыхъ почти все общество отшатнулось. Шафировыхъ не приглашали въ собранія, даже на офиціальныхъ обѣдахъ ихъ не было видно... Среди встревоженнаго общества ходили разные толки, между прочимъ говорили объ объявленіи, прибитомъ на фонарномъ столбѣ, на Красной площади. Въ фонарѣ положено было 10 мѣшковъ, каждый будто бы со 100 рублями, а объявленіе гласило, что въ Кремлѣ найдено весьма важное письмо, и тому, кто назоветъ его составителя, обѣщана выложенная награда... Къ Шафировымъ ѣздили только иностранные послы, изъ русскихъ же весьма немногіе. Такъ напр. на одномъ изъ званыхъ обѣдовъ у вице-канцлера Шафирова, изъ 18 гостей былъ только одинъ русскій — старикъ князь Долгоруковъ, сынъ котораго женатъ былъ на Шафировой. Старикъ-хозяинъ спрашивалъ гостей: „правда-ли, что Меншиковъ меня всячески бранитъ и твердитъ, что, по пріѣздѣ императора, меня закуютъ въ желѣза? Не знаю, продолжалъ Шафировъ, кто изъ насъ больше заслужилъ оковы? Хотя Меншиковъ и имперскій князь, а коли вздумаетъ государь, такъ и ему срубитъ голову, не ожидая на то позволенія отъ германской имперіи“...

Вообще птенцы Петра Перваго, смирные, ручные при немъ, съ яростью клевали другъ друга, лишь только орелъ слеталъ съ своего гнѣзда и оставлялъ ихъ, съ общаго согласія, вѣдать и вершить дѣла имперіи. Общаго согласія не было, да и быть не могло. Въ обществѣ грубомъ, чуждомъ всякаго образованія, всѣ пошлыя страсти, сдерживаемыя единымъ страхомъ, быстро

Особенно интересна жалоба Меншикова; читая ее, можно подумать, что онъ чистъ, яко агнецъ, во всемъ же виноватъ Шафировъ. Если вѣрить свѣтлѣйшему, вице-канцлеръ безъ всякаго повода бранилъ оберъ-прокурора Скорнякова-Писарева воромъ, объявлялъ съ великимъ крикомъ, что гр. Головкинъ ему главный непріятель, затѣмъ съ такимъ же крикомъ называлъ его самаго, князя Меншикова, великимъ злодѣемъ: „не хочу-де за твои дѣла головы своей потерять, такъ какъ князь Матвѣй Гагаринъ и князь Григорій Волконскій, ты можешь всѣхъ побить“ и проч.

Подробности этой великой ссоры между сенаторами-птенцами Петра Великаго, см. въ „Исторіи Россіи“ С. М Соловьева, томъ XVIII, стр. 142—143.

развиваются лишь только падаетъ съ нихъ узда; птенцы Петра Великаго какъ бы щеголяли другъ передъ другомъ завистью, тщеславіемъ, властолюбіемъ и искусствомъ вести безконечныя, самыя каверзныя интриги. Это искусство, какъ извѣстно, завѣщано было петровскими птенцами пепатамъ новыхъ поколѣній, новымъ временщикамъ, новымъ придворнымъ и долго-долго еще страдала Русь отъ этихъ страшныхъ враговъ ея силы и могущества.

Петръ, зная слабости „птенцовъ", предъ отъѣздомъ въ персидскій походъ, приставилъ къ нимъ дядьку: то было его „око", Павелъ Ивановичъ Ягужинскій. Государь пожаловалъ его генералъ-прокуроромъ и, представляя его сенаторамъ, въ маѣ 1722 г., сказалъ:

— „Вотъ мое око, имъ я буду все видѣть. Онъ знаетъ мои намѣренія и желанія; что̀ онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте; а хотя бы вамъ показалось, что онъ поступаетъ противно моимъ и государственнымъ выгодамъ, вы однакожъ то исполняйте, и увѣдомивъ меня о томъ, ожидайте моего повелѣнія".

Подчинивъ высшее правительственное мѣсто воли одного человѣка, бывшаго своего деньщика, Петръ возложилъ на этого деньщика должность крайне трудную. Павлу Ивановичу рѣшительно было не по силамъ смирять птенцовъ великаго монарха. Какъ трудна была для него постоянная борьба съ „страстями вельможъ россійскихъ", видно изъ его исповѣди, посланной къ Петру предъ отъѣздомъ въ Петербургъ 16 октября 1722 года. Въ этомъ интересномъ посланіи Ягужинскій сознается: „что сенатское заобычное несогласіе не токмо мною мало могло удержано быть, но наипаче нынѣ ссоры и брани стали быть и во истину не мало остановки тѣмъ бываетъ; и нынѣ нѣкоторыя партикулярныя ссоры и брани не токмо словесно, но и письменно произошли между оберъ-прокуроромъ (Писаревымъ) и барономъ Шафировымъ"... Генералъ-прокуроръ въ особенности опасался, что во время его отлучки: „не безопасно, чтобы тѣ партіи, какъ писалъ онъ, страсти своей не продолжали". Вслѣдствіе чего, онъ нашолъ нужнымъ предъявить письменное предложеніе: „дабы такія партикулярныя ссоры и брани весьма удержаны были, и тѣмъ въ нужныхъ дѣлахъ помѣшательства никакого не чинилось, а которыя ссоры и несогласія нынѣ между

ними, чтобъ до возвращенія вашего величества оставлены были, и притомъ въ тѣхъ своихъ предложеніяхъ изобразилъ, что ежели въ моемъ отсутствіи такія ссоры и явныя брани, отъ кого вновь будутъ происходить, чтобъ съ начинателемъ такъ поступали, какъ указы и регламенты повелѣваютъ. Всемилостивѣйшій государь, заключалъ Ягужинскій, я совѣстью своею и всѣми сенаторами засвидѣтельствую, сколько въ томъ моей вѣрности и старанія ни было, однакоже съ превеликою трудностью при такихъ страстяхъ, дѣла въ порядкѣ содержать было можно"... [1]).

Въ такомъ состояніи находилась высшая московская аристократія, когда стали ходить слухи о скоромъ пріѣздѣ грознаго царя-батюшки. Еще въ октябрѣ прибыли изъ Астрахани пѣвчіе императрицы; увѣряли по этому случаю, что императрица сама скоро будетъ, но что императоръ сперва поѣдетъ въ Казань; этимъ извѣстіямъ еще мало вѣрили. Вслѣдъ затѣмъ пошла молва, что такъ какъ въ Персіи почти все уже приведено въ исполненіе, то государь не замедлитъ пріѣздомъ, канцелярія молъ его ѣдетъ уже назадъ, а въ Преображенскомъ дѣлаются большіе запасы дровъ и съѣстныхъ припасовъ. Письма придворныхъ изъ Астрахани подтверждали эти слухи, но только въ началѣ декабря 1722 г. стали являться въ Москву нѣкоторые изъ спутниковъ и спутницъ государя. Вслѣдъ за ними (11 декабря) прискакали курьеры съ извѣстіемъ, что императоръ, если только не остановится въ Воронежѣ, завтра же будетъ въ Москвѣ, потому что ѣдетъ весьма скоро...

Многіе, чувствовавшіе какіе-либо за собой грѣшки, съ безпокойствомъ ждали Петра. Оберъ-полиціймейстеръ Грековъ съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ старался заявить свою дѣятельность, между прочимъ, для вящшаго порядка, онъ запретилъ разнощикамъ кричать и даже ходить по улицамъ.

Надсмотрщики за дворцовыми постройками просто потеряли голову отъ страху, потому что пропустили лучшее время лѣта и не сдѣлали рѣшительно ничего, воображая, что императоръ еще не такъ скоро воротится.

Поздно вечеромъ 11-го декабря пришло извѣстіе, что государь всего въ 15 верстахъ отъ Москвы. У Меншикова отъ

---

[1]) Госуд. Архивъ, Каб. I пол., т. LVIII, лл. 131—132.

страху открылось сильное кровотеченіе горломъ; можно себѣ представить, какъ трепетали остальные государственные люди всероссійской имперіи.

Какъ приняли извѣстіе о царскомъ пріѣздѣ измайловскія обитательницы?

Поздно вечеромъ, 11 декабря, прискакалъ въ Измайлово камеръ-юнкеръ Берхгольцъ. Онъ былъ первый вѣстникъ о пріѣздѣ императора; эта вѣсть была неожиданна; герцогиня увѣрена была, что государь пріѣдетъ не раньше, какъ дня черезъ три. Какъ приняла эту новость старушка Прасковья — неизвѣстно; надо думать, что безъ боязни, такъ какъ она увѣрена была въ любви и уваженіи къ ней Петра и дорогой невѣстушки; что же касается до Катерины Ивановны, то она такъ обрадовалась, что запросто повела вѣстника къ матери, къ сестрѣ, наконецъ къ фрейлинамъ, не смотря на то, что всѣ онѣ были раздѣты и лежали уже въ постеляхъ. Шутливая и разбитная хозяйка, вѣроятно имѣя въ виду доставить камеръ-юнкеру нѣсколько пріятныхъ минутъ, подводила его, по очереди, къ каждой фрейлинѣ, никакъ не подозрѣвая, что это зрѣлище ни мало не доставляло удовольствія чопорному нѣмцу. Фрейлины лежали, какъ бѣдныя дѣвки, одна подлѣ другой, почти полунагія... Грязная и бѣдная обстановка вызвала съ его стороны въ дневникѣ слѣдующую замѣтку: „вообще все это ночное посѣщеніе не сдѣлало на меня выгоднаго впечатлѣнія, хоть мнѣ и пришлось видѣть много голыхъ шей и грудей“.

На другой день государь принималъ уже въ Новопреображенскомъ поздравленія съ пріѣздомъ, а съ 13-го декабря начались крутыя „вершенія по дѣламъ“: въ этотъ день казнены два фальшивыхъ монетчика; имъ влили въ горло растопленное олово и потомъ навязали ихъ на колеса. Одинъ изъ нихъ, которому олово прожгло на сквозь шею, былъ на слѣдующій день еще живъ; а другой, будучи на колесѣ, поставленномъ надъ землею немного выше человѣческаго роста, хваталъ еще рукою монету, привѣшенную снизу къ этому колесу...

IX.

Судъ и расправа.

Старушка Прасковья по болѣзни не могла явиться съ поклономъ и поздравленіемъ о пріѣздѣ къ государю и государынѣ; вмѣсто себя она послала „свѣтъ Катюшку“, и та приняла участіе во всѣхъ торжествахъ столицы, по случаю благополучнаго прибытія отца отечества. Парадный въѣздъ въ Москву Петра и Екатерины былъ совершонъ съ громаднымъ тріумфомъ. Колокола, пушки и народные клики долго не умолкали; у каждыхъ тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ еще въ прошломъ году, чинились торжественныя встрѣчи, при чемъ тутъ же въ воротахъ шло угощеніе. Государь и вся его свита, какъ духовные, такъ и свѣтскіе сановники, ни мало не церемонились — и ѣли, и пили такъ, какъ бы дня три лишены были стола. Достопамятный день заключился общимъ пиромъ всей аристократіи въ Преображенской съѣзжей избѣ у князя Ромодановскаго, въ присутствіи императора. Уѣзжая оттуда, государь просилъ хозяина продолжать угощеніе сколь возможно усерднѣе, не смотря на то, что всѣ уже были преизрядно пьяны.

Хмѣльныя головы шумѣли, кричали, спорили, ссорились, и, „мало помѣшкавъ“, отъ ссоры дѣло дошло и до драки... Бой вспыхнулъ между двумя именитѣйшими представителями петровской знати; то были князь-кесарь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій и князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ. Два лютыхъ супротивника издавна враждовали другъ съ другомъ, издавна

подымали другъ на друга „всякую скверну“, но оба, сильные любовью и довѣріемъ государя и государыни, постоянно разлученные мѣстами своей служебной дѣятельности (Москва и Варшава), они не могли повалить другъ друга, мало имѣли случая дойти и до ручного объясненія.

Одна изъ главнѣйшихъ причинъ ихъ непримиримой ненависти скрывалась въ семейныхъ распряхъ: отецъ нынѣшняго (въ 1722 году) князя-кесаря, покойный князь-кесарь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, какъ извѣстно, былъ женатъ на Настасьѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой, а дочь Долгорукова была замужемъ за роднымъ братомъ княгини-кесарши Настасьи и царицы Прасковьи. Читатели наши, безъ сомнѣнія, помнятъ, какъ не деликатно обращался нѣжный братецъ двухъ старушекъ съ своей злополучной супругой и какъ тщетно и упорно жаждалъ мести ея отецъ, уполномоченный посолъ и министръ царя русскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что князь-кесарь въ процессѣ князя Долгорукова не мало помогъ своему родичу Салтыкову, и не мудрено, что князю Григорію Ѳедоровичу не удалось одолѣть противника.

Теперь за торжественнымъ пиромъ, въ одной и той же избѣ, сошлись два врага-старца. И тотъ, и другой были весьма шумны, и тотъ, и другой не умѣшкали схватиться. Объясненіе началось съ какого-то тоста, предложеннаго хозяиномъ. Князь Долгоруковъ не хотѣлъ его выпить; тогда князь-кесарь сталъ его „всякими скверными лаями лаять“... „Ты воръ!“ кричалъ между прочимъ совсѣмъ опьянѣвшій кесарь, „ты предатель государства! Его величество не токмо тебя кнутомъ наказать, но и голову твою отсѣчь намѣреніе имѣть изволитъ“... Противникъ не уступалъ въ подборѣ сильныхъ выраженій и пряность ихъ довела до болѣе рѣзкихъ объясненій. Оба старца схватили другъ друга за волосы и съ полчаса неустанно били другъ друга кулаками... Зрители очистили арену и, изъ уваженія-ли, или изъ боязни къ двумъ государственнымъ дѣятелямъ, не мѣшали имъ убѣждать другъ друга „словесно и ручно“; никто не смѣлъ разнять сановниковъ. Князь Ромодановскій, какъ разсказывали тогда, оказался слабѣйшимъ.

Кипя гнѣвомъ, велемочный кесарь повелѣлъ караульнымъ арестовать посла-министра, отнять у него шпагу и запереть въ особую комнату. Приказъ былъ выполненъ, и князь Григорій

Ѳедоровичъ отсыпался въ теченіе сутокъ подъ стражею своего врага. Освобожденный, по вмѣшательству въ дѣло Екатерины, онъ не хотѣлъ ѣхать домой и говорилъ, что будетъ просить удовлетворенія у императора. Дѣйствительно, князь Долгоруковъ поспѣшилъ къ государю съ мольбой о сатисфакціи, и не довольствуясь этимъ, нашолъ нужнымъ ударить челобитной.

„...Князь Иванъ Ромодановскій, — писалъ его противникъ, — умысля за партикулярную свою злобу по факціямъ моихъ злохотящихъ, билъ меня и всякими скверными лаями лаялъ“... Если только судить дѣло по этому документу, то самъ Долгоруковъ велъ себя какъ нельзя болѣе кротко; въ его челобитной мы вовсе не видимъ старика, который послѣ потока самыхъ грязныхъ ругательствъ осилилъ кесаря въ кулачной перепалкѣ. Послушайте, что онъ пишетъ: „Я, опасаясь вашего величества гнѣву, во всемъ ему, Ромодановскому уступалъ, и просилъ Гаврилу Ивановича (Головкина) и другихъ, дабы его отъ того удержали; но онъ, выпустя другихъ, велѣлъ снять съ меня шпагу и взять за арестъ, какъ сущаго вора; гдѣ мало не сутки былъ держанъ и потомъ указомъ всемилостивѣйшей государыни свободился, и у вашего величества за учиненную мнѣ смертную обиду сатисфакцію просилъ, о чемъ и нынѣ слезно прошу: сотворить со мною милость, дабы мнѣ не остаться на вѣки въ нестерпимомъ ругательствѣ“. Долгоруковъ тѣмъ болѣе къ сердцу принималъ учиненный афронтъ, что онъ видѣлъ въ себѣ оскорбленнымъ великій санъ посла-министра, почему и настоятельно просилъ государя: „такожъ противъ всенародныхъ правъ учиненный публичный афронтъ характеру тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и вашего величества кавалера безъ отмщенія отпустить не изволили. Помилуй, государь! — дѣйств. восклицалъ тайный совѣтникъ, — не дай мнѣ безпорочный вѣкъ мой нынѣ при старости безвременно окончить въ безчестіи“ [1]).

Въ мольбахъ „всенижайшаго раба“, птенца Петра Великаго, такъ и слышится бояринъ стараго добраго времени, съ прежними воззрѣніями на житейскія отношенія, способнаго дойти до ручного объясненія; но ужъ этотъ бояринъ стараго закала — въ иноземномъ кафтанѣ, съ устъ его слышатся клятвы и завѣренія объ

[1]) Кабин. дѣла, полов. II, кн. LVIII, л. 575.

оскорбленіи въ лицѣ его достоинства сановника, кавалера... и какъ безстыдно лжетъ этотъ кавалеръ, чтобъ только досадить своему врагу.

Дѣло кончилось ни чѣмъ, такъ какъ кулачныя схватки государственныхъ людей того времени были явленіями довольно обыденными, и постоянно преходились молчаніемъ.

Не прошла только молчаніемъ сенатская схватка Шафирова, Писарева и Меншикова. Первые два особенно должны были пострадать: надъ ними наряжена (9 янв. 1723 г.) слѣдственная коммисія, которая повела дѣло строго. Съ Шафирова скоро сняли знаки отличія, а за Писарева сильно начали опасаться его родные и друзья, такъ какъ на него поступило къ слѣдователямъ множество жалобъ.

Впрочемъ государь, карая драчливыхъ птенцовъ своихъ, былъ это время постоянно веселъ и между государственными дѣлами посвящалъ свои досуги на разнообразнѣйшія увеселенія. Съ свитою деньщиковъ, зачастую окруженный „безпокойною братіею", т. е. „сумазброднѣйшимъ и веселѣйшимъ соборомъ князь-папы", онъ разъѣзжалъ то въ театръ, устроившійся, по примѣру Измайловскаго, въ гошпиталѣ, то на свадьбы, на публичные маскарады, то наконецъ на ассамблеи, на которыя барабанный бой неустанно сзывалъ гостей; всѣ дамы и дѣвицы старше 10 лѣтъ непремѣнно должны были являться въ танцовальныя собранія. Толстенькая герцогиня, „свѣтъ-Катюшка", вновь запорхала въ этихъ собраніяхъ... Она беззаботно любезничала съ милыми кавалерами герцога Карла; то посылала имъ вафель съ своего стола, то зазывала къ себѣ и щедро угощала виномъ... Мать-старушка не вставала съ постели, тѣмъ не менѣе не лишала себя удовольствія принимать въ спальнѣ гостей и угощать ихъ настойками.

Государь, по пріѣздѣ, посѣтилъ больную царицу Прасковью, обошелся съ ней какъ нельзя ласковѣе, и не остановившись на одномъ визитѣ, вскорѣ (20 января 1723 г.), послѣ пира у ея братца, пріѣхалъ къ ней въ Измайлово и тамъ веселился со свитою. Ничто не показывало, чтобъ государь гнѣвался на невѣстушку; самое дѣло Деревнина, казалось, его мало интересовало; онъ не спѣшилъ судомъ и расправой. За то не мѣшкала старушка и, не смотря на то, что не оставляла по болѣзни по-

стели, не переставала заискивать и задобривать окружающихъ царя, его любимцевъ-деньщиковъ... Почасту приглашаемые въ Измайлово, они находили тамъ самый радушный пріемъ. Имъ особенно бывалъ доволенъ любимѣйшій деньщикъ Петра — Василій Петровичъ. Еслибъ мы заѣхали въ Измайлово нѣсколько дней спустя послѣ царскаго наѣзда, мы бы застали здѣсь Василія, осушающаго стаканъ за стаканомъ. Съ нимъ бражничаетъ братецъ царицы, сильно угощаются дамы, пьетъ, какъ деньщикъ, сама кесарша Настасья Ромодановская, обыкновенная посѣтительница больной сестры своей — царицы... Больна вертушка Катерина Ивановна; она въ кровати, сильно осипла, но болтаетъ съ стоящимъ подлѣ нея камеръ-юнкеромъ, дразнитъ гулякъ и хохочетъ надъ ними.

Что до государя, то конецъ января и половину февраля 1723 г. онъ былъ сильно занятъ процессомъ о поссорившихся сенаторахъ. 14-го февраля дѣло было кончено.

Москва огласилась барабаннымъ боемъ, возвѣстившимъ, что завтра послѣдуетъ въ Кремлѣ казнь бывшаго государственнаго министра и вицеканцлера, барона Шафирова. На другой день, въ 7 часовъ утра, вокругъ высокаго помоста стояло безчисленное множество народа, солдаты оцѣпляли мѣсто казни. Осужденнаго привезли на простыхъ саняхъ, подъ карауломъ изъ преображенскаго приказа. Въ прочитанномъ приговорѣ возглашались разныя злоупотребленія его по дѣламъ, за которыя виновный обрекался на смертную казнь отсѣченіемъ головы. Съ него сняли парикъ, старую шубу и подвели къ плахѣ. Вице-канцлеръ оборотился къ церкви, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и, ставъ на колѣни, положилъ голову на плаху. Но прислужники палача, имѣя-ли на то особое приказаніе государя, либо изъ усердія къ дѣлу, не оставили государственнаго министра въ этомъ положеніи: они вытянули за ноги и растянули его на помостѣ, такъ что Шафирову пришлось лежать на толстомъ своемъ брюхѣ. Затѣмъ палачъ взмахнулъ вверхъ большимъ топоромъ, и онъ упалъ—на скамью. Голова была пощажена государемъ. Смерть замѣнили ссылкою. Шафировъ поднялся на ноги и со слезами на глазахъ сошелъ съ помоста. Его повели въ зданіе сената, гдѣ сенаторы подавали ему руки и поздравляли его съ помилованіемъ. Когда тамъ же императорскій лейбъ-хирургъ пустилъ

ему кровь, во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій отъ сильнаго потрясенія, Шафировъ сказалъ: „лучше бы открыли мнѣ большую жилу, чтобъ разомъ прекратить мои мученія“...

Между тѣмъ у эшафота чинилась экзекуція: сенатскому секретарю Кирѣеву, по шафирскому дѣлу, дано 14 ударовъ кнутомъ; на его же долю выпала двукратная пытка при производствѣ слѣдствія; оберъ-прокуроръ и гвардіи маіоръ Писаревъ, грозный членъ тайнаго трибунала, разжалованъ въ солдаты, а оберъ-секретарь сената Позняковъ въ писаря. Между другими лицами пострадалъ и нашъ знакомый, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ; за пристрастіе къ Шафирову онъ лишенъ былъ чиновъ, посаженъ на дому подъ арестъ и присужденъ къ денежному штрафу. Впрочемъ, государь скоро его простилъ [1]). Равнымъ образомъ вскорѣ употребилъ къ дѣламъ Скорнякова-Писарева: бывшій оберъ-прокуроръ посланъ надсматривать за работами на Ладожскомъ каналѣ. Точно также не захотѣлъ царь потерять Меншикова, ни разстаться съ нимъ. Въ добавокъ, за Меншикова, по обыкновенію, ходатайствовала государыня Екатерина. Петръ простилъ своего любимца (хотя слѣдствіе по одному изъ дѣлъ князя продолжалось), но сказалъ своей женѣ:

— „Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, во грѣсѣхъ родила мать его, и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой и если онъ не исправится, то быть ему безъ головы“.

Въ это время князь Александръ Даниловичъ сильно заболѣлъ, и Петръ не утерпѣлъ,—написалъ ему ласковое письмо. Меншиковъ ожилъ и отвѣчалъ: „Вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее писаніе, со всякимъ моимъ рабскимъ почтеніемъ и радостію я получилъ, за которое и за всемилостивѣйшее ваше о приключившейся мнѣ болѣзни сожалѣніе вашему величеству всенижайшее мое рабское приношу благодареніе, и не малое имѣю, получа оное всемилостивѣйшее писаніе, порадованіе и отъ болѣзни моей паче докторскихъ пользованій свободу. Всенижайшее благодарствую, что ваше величество, по

[1]) См. «Судное дѣло» Шафирова въ Журн. Министерства Юстиціи, изд. 1859 г., стр. 49—55. См. также у Соловьева т. XVIII, стр. 150, 156—157. Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгоруковъ скончался въ Кронштадтѣ, 15 августа 1723 г. и погребенъ въ Петербургѣ.

превысокой своей отеческой ко мнѣ милости, изволилъ пожаловать въ Городню въ новопостроенный домъ мой и за мое здоровье кушать. Истину вашему величеству доношу, что оный домъ я построилъ для шествія вашего величества, дабы вашему величеству отъ таракановъ не было опасенія".

Въ первый же день по окончаніи дѣла Шафирова, государь, какъ бы въ видѣ отдыха, перешолъ къ Терско-Деревнинскому дѣлу и велѣлъ представить его къ себѣ на разсмотрѣніе. Кабинетъ-секретарь Макаровъ поспѣшилъ увѣдомить Бутурлина о высочайшей волѣ: „Государь мой милостивый Иванъ Ивановичъ!— писалъ Макаровъ,—дѣло Деревнина съ Терскимъ и по тому дѣлу колодниковъ извольте прислать на генеральный дворъ (въ Преображенское) съ дьякомъ или съ старымъ подъячимъ, у которыхъ то дѣло слѣдуется".

Ни въ названіи дѣла, ни въ дальнѣйшихъ слѣдованіяхъ по немъ, о царицѣ Прасковьѣ либо вовсе не упоминается, либо упоминается вскользь, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, съ прописаніемъ титула: „благовѣрнѣйшая государыня царица" и проч.

Тайная канцелярія представила новый экстрактъ изъ всего дѣла и препроводила арестанта-стряпчаго по востребованію.

14-го февраля 1723 г. Василій Деревнинъ былъ приведенъ на генеральный дворъ къ допросу. Генеральный судъ, наряженный надъ Шафировымъ изъ сенаторовъ и генералитета, не былъ еще распущенъ, и вотъ, по его приказу, приступлено было къ допросу стряпчаго.

— Знаешь-ли ты тѣхъ людей, которые въ пришествіи царицы Прасковьи Ѳедоровны въ тайную канцелярію тебя водкою обливали и жгли?

Деревнинъ, хорошо знавшій по прежней службѣ своей при царицѣ весь ея придворный штатъ, безъ труда вспомнилъ шесть обжигальщиковъ, но замѣтилъ, что чьи они дѣти и прозваніемъ, того онъ не знаетъ; „а и другіе дому царицы, продолжалъ стряпчій, многіе служители при томъ были-жъ, а кто по именамъ, того не упомню" [1]).

Для напамятованія на другой день призваны были кантен-

---

[1]) Вер. дѣл. Розыскныхъ дѣлъ тайной канцеляріи карт. XV, лл. 50—89.

армусъ Бобровскій, да бутырскаго полка капралъ Красновъ, бывшіе въ роковой вечеръ „жженія“ въ казенкахъ тайной канцеляріи.

— Знаете-ли вы, кто изъ служителей ея величества царицы приходили съ ней въ тайную и кто изъ нихъ оторвалъ силою дверь казенки Деревнинской; о томъ знаете-ли?

— Не усмотрѣлъ я, отвѣчалъ Бобровскій,—кто изъ служителей былъ, за многолюдствомъ; только де суще, какъ сталъ я въ дверяхъ и не сталъ Деревнина давать вести изъ канцеляріи, и изъ тѣхъ служителей одинъ ударилъ меня подъ бокъ, а присмотрѣть его, за онымъ многолюдствомъ, я не могъ.

— Не усмотрѣлъ и я,—говорилъ капралъ Красновъ,—кто оторвалъ дверь, понеже оныхъ служителей вошло въ казенку многолюдно; не сталъ было я ихъ пускать и они меня отъ двери оттиснули.

Посланная команда въ Измайлово привела служителей царицы; ихъ размѣстили по преображенскимъ кельямъ, затѣмъ генеральные судьи сняли допросъ съ каждаго порознь.

И вотъ одинъ за другимъ повѣдали водкообливатели и свѣчеобжигатели страшную повѣсть о прогулкѣ „всемилостивѣйшей и благовѣрнѣйшей государыни-царицы“ въ Тайную канцелярію на Лубянскую площадь; повѣдали о томъ, какъ соизволила „ея царское величество“ утруждать себя гнѣвомъ не малымъ на недостойнаго служителя. Забытое, либо пропущенное однимъ, вспоминалось и пополнялось другимъ и такимъ образомъ всѣ подробности картины „мщенія царицы-старушки“ обнажились во всей красотѣ.

Любопытно, что каждый изъ допрашиваемыхъ излагалъ событія такимъ образомъ, чтобъ представить себя сколь возможно незначительнѣйшимъ подвижникомъ сего дѣла. Прослушавши каждаго отдѣльно, можно было подумать, что служители царицы, всѣ безъ исключенія, были не болѣе, не менѣе, какъ простыми зрителями.

Стряпчій Кондратъ Маскинъ первый разсказалъ все дѣло, какъ можно обстоятельнѣе, и первый же почелъ долгомъ смягчить свое участіе въ дѣлѣ: „каптенармуса я, Маскинъ, не бивалъ; дверей отъ казенки Деревнина не отрывалъ; караульнаго капрала отъ нихъ не отпихивалъ; да и чинить мнѣ, добавилъ

Кондратъ, всего этого было невозможно, понеже несъ я царицу на скамьѣ, а кто изъ служителей били дежурныхъ и отрывали дверь, того не вѣдаю". Стряпчій перечислилъ затѣмъ главнѣйшихъ участниковъ и подмахнулъ свое имя съ обычной оговоркой: „буде сказалъ что ложно и за то указалъ бы его императорское величество учинить со мною чего достоенъ".

Въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ относительно своей госпожи царицы показалъ о дѣлѣ стремянной ея, конюхъ Никита Іевлевъ; онъ поставилъ на видъ свои напоминанія царицѣ о необычности ея гнѣва и нашелъ нужнымъ замѣтить: „о какомъ де письмѣ допрашивала царица, того я не знаю". Эта оговорка именно обнаруживала, что довѣренный стремянной, самъ же хлопотавшій въ полицейскомъ розыскѣ о письмѣ, очень хорошо, если не зналъ, то догадывался о его содержаніи. На счетъ побоевъ и толчковъ дежурнымъ, также объ отрываніи дверей, стремянной показалъ, что во всемъ этомъ невиненъ, а виноватыхъ не усмотрѣлъ. Чистосердечнѣе былъ братъ его, задворный конюхъ Ѳеоктистъ Іевлевъ: онъ повинился, что оттолкнулъ, по приказу царицы, подъячаго Павлова, когда тотъ сунулся съ мольбой прекратить жженіе Деревнина; но въ видѣ оправданія Ѳеоктистъ замѣтилъ, что Павловъ его самого толкалъ.

— Дверь никто не отрывалъ силою,—говорилъ между прочимъ другой стремянной конюхъ Карлусъ Орихтъ; — подъячій Молюмаховъ, идя со свѣчей впереди носилокъ, только постучалъ въ нее, и ее отворили. А кто толкалъ потомъ каптенармуса, того я не усмотрѣлъ... Деревнина же, по приказу государыни-царицы, я жегъ подъ бороду, токмо до этого уже у него былъ обожженъ носъ презрядно. Водки я вылилъ на Деревнина только полбутылки...

Показанія главнѣйшихъ участниковъ были очень длинны; ихъ записали, скрѣпили по формѣ подписями допрошенныхъ служителей (всѣ они оказались грамотными) и затѣмъ продолжали опросы на другой день, 16-го февраля 1723 г.

— Несъ я государыню на скамейкѣ,—показывалъ о своемъ участіи въ дѣлѣ сторожъ и истопникъ Степанъ Пятилѣтъ;—кто силою отворилъ дверь въ казенку, того я не усмотрѣлъ; когда же Бобровскій сталъ не пускать Деревнина изъ казенки, въ то число Маскинъ, Никита Іевлевъ и Тихменевъ провели Дерев-

нина въ дверь сильно; а били ль они урядника, того я не усмотрѣлъ, понеже несъ государыню. Жегъ я Деревнина опосля какъ обжигали его Моломаховъ, а по немъ шведъ Карлусъ; во время жъ жженія ихъ я съ другими служителями держалъ его, стрянчаго. А какъ государыня соизволила приказать мнѣ зажечь голову Деревнина и я ту голову своею свѣчою жечь поопасался — государыня толкнула мою руку со свѣчою, и я зажегъ, и водка на головѣ Деревнина вспыхнула.

Въ показаніяхъ Пятилѣта оказались нѣкоторыя противорѣчія съ словами Никиты Іевлева и Маскина. Всѣхъ трехъ немедленно свели на очную ставку.

— Предъ государыней я не шелъ въ казенку Деревнина,— утверждалъ Никита Іевлевъ,—а взошелъ туда послѣ, да и изъ казенки-то шелъ назади посолокъ ея величества; а кто шелъ впереди и велъ Деревнина, того я не усмотрѣлъ.

— Никиту Іевлева,—повинился Пятилѣтъ,—оговорилъ я, не опамятовавшись, кто же шолъ впереди или сзади и кто велъ Деревнина—не запомню: служителя въ ту казенку входили и выходили многократно.

— Да и Маскинъ показываетъ на меня напрасно,—стоялъ на своемъ Никита Іевлевъ,—впереди я не шелъ, и на казенку, гдѣ сидитъ Деревнинъ, царицѣ я не указывалъ.

— Гдѣ шолъ Іевлевъ и кто былъ указчикомъ государынѣ-царицѣ, винился Маскинъ, того я не упомню, для того что имѣю на себѣ падучую болѣзнь отъ 15-ти лѣтъ.

За очной ставкой, опять потянулись допросы.

— Я несъ государыню,—показывалъ задворный конюхъ Моломаховъ,—на скамьѣ вмѣстѣ съ другими служителями; кто отворилъ казенку, не вѣдаю. А какъ въ передней палатѣ изволила государыня гнѣваться и бить тростью Деревнина по лицу и по плоти многократно, а шведъ Карлусъ и Пятилѣтъ жгли его свѣчми, и въ то число держалъ я Деревнина съ прочими служителями; самъ же свѣчою не жогъ.

Новая очная ставка.

— Какъ же ты показалъ, — спрашивали Пятилѣта, — что Моломаховъ жогъ Деревнина?

— Моломаховъ Деревнина сунце свѣчою жогъ подъ носъ,— стоялъ на прежнемъ Пятилѣтъ,—и Деревнинъ ту свѣчу задулъ,

— Нѣтъ! свѣчою я Деревнина не жогъ, — упирался Моломаховъ, — Деревнинъ ее не задувалъ; а какъ жгли его Пятилѣтъ да Карлусъ и я держалъ его за волосы, по указу царицы.

Пажъ Тимофѣй Воейковъ разсказалъ о своихъ разъѣздахъ за царевной Катериной Ивановной, объявилъ себя непричастнымъ ни въ жженіи арестанта, ни въ битіи дежурныхъ; братъ его, пажъ Оедоръ Воейковъ, свидѣтельствовалъ, что онъ ничего не видѣлъ, не слыхалъ, никого не билъ, не жегъ, ни толкалъ. Юноша, какъ кажется, болѣе другихъ непривычный къ картинамъ истязаній, оставался все время на дворѣ, что впрочемъ не выгородило его изъ общей судьбы всѣхъ дѣятелей того вечера.

А приговоръ судьбы состоялся „немѣшкатно"; такъ что отвѣты свои Воейковы не успѣли еще скрѣпить подписями, а его величеству наскучили уже однообразныя показанія служителей царицы. Допрошено было всего семь; болѣе половины царицыной свиты оставалась еще недопрошена; не терпя проволочекъ, государь просмотрѣлъ экстрактъ изъ снятыхъ допросовъ Деревнина „и прочихъ о важныхъ рѣчахъ" — и въ тотъ же день самъ явился на экзекуцію.

Она учинена 16-го февраля 1723 г. на генеральномъ дворѣ въ Преображенскомъ: Маскинъ, Никита Іевлевъ, Ооктистъ Іевлевъ, Карлусъ Ѳрихтъ, Пятилѣтъ, Тимофѣй Воейковъ, Оедоръ Воейковъ, Василій Моломаховъ, подъячій Михайло Крупениковъ, всѣ девять человѣкъ, опрошенные и неопрошенные, виновные и невинные, останавливавшіе государыню царицу и раболѣпно исполнившіе ея волю, всѣ безъ разбору — „биты батоги нещадно и потомъ свобождены". Его величество самъ изволилъ присутствовать на штрафованіи [1]).

Достойно замѣчанія, что Василій Алексѣевичъ Юшковъ не былъ призванъ къ допросу по поводу таинственнаго къ нему

[1]) Дѣятельный монархъ въ тотъ же день успѣлъ утвердить нѣсколько государственныхъ постановленій: въ силу одного изъ нихъ приказано было объявить архіереямъ и прочимъ духовнымъ властямъ, дабы они въ церквахъ во время служенія никакихъ челобитенъ не принимали, „кромѣ государственныхъ великихъ и косненія не терпящихъ дѣлъ", но упражнялись бы тогда въ богомысліи и въ молитвахъ и давался бы тѣмъ людямъ образъ благоговѣйнаго въ церквахъ стоянія. Въ тотъ же день государь удосужился принять участіе въ публичномъ смѣхотворномъ маскарадѣ, устроенномъ на московскихъ улицахъ.

посланія старушки. Допросилъ-ли государь самъ, одинъ, секретно, или не хотѣлъ компрометировать невѣстку генеральнымъ опросомъ ея фаворита изъ боязни, чтобъ тотъ не повѣдалъ какихъ-нибудь сердечныхъ тайнъ старушки, какъ бы то ни было, только письменныхъ показаній съ Юшкова въ дѣлѣ не имѣется и предъ „генеральными судьями привожденъ онъ не былъ". Но онъ не избѣгъ наказанія; на другой же день послѣ батожьей расправы съ служителями невѣстки, государь повелѣлъ сослать Юшкова въ Нижній Новгородъ. Конвойный унтеръ-офицеръ получилъ слѣдующій рескриптъ императора для передачи Нижегородскому начальнику.

„Господинъ вице-губернаторъ! (Ржевскій),—писалъ Петръ,—по нашему указу, посланъ въ Нижній Василій Алексѣичъ, сынъ Юшкова, съ ундеръ-офицеромъ отъ гвардіи Никитою Ржевскимъ. И когда оный ундеръ-офицеръ съ нимъ въ Нижній пріѣдетъ, тогда Юшкова отъ него примите и до указу нашего велите ему жить въ Нижнемъ, не выѣзжая никуда".

Кабинетъ-секретарь Макаровъ самъ выправилъ арестанта, причемъ далъ ундеръ-офицеру инструкцію, въ которой, вопреки обыкновенію, не было ни малѣйшаго напамятованія о строгомъ обращеніи съ арестантомъ; приказано было только взять у вице-губернатора росписку въ полученіи Юшкова, паки возвратиться къ Москвѣ и явиться на генеральный дворъ. Изъ этого можно видѣть, что если связи, сила и значеніе царственной старушки не могли спасти дорогого Юшкова, то все-таки наказаніе, его постигшее, ради ея вліянія, было весьма смягчено: Юшкова поддерживала и укрѣпляла благодѣтельная рука немощной тѣломъ, но бодрой духомъ Прасковьи. Съ Василіемъ Алексѣичемъ отняли у ней и исполнительныхъ пажей: два брата Воейковы, по высочайшему повелѣнію, были записаны въ гвардію солдатами [1]).

Нѣсколько дней спустя, государь съ государыней отправились въ Петербургъ, а двѣ недѣли спустя (15-го марта 1723) потянулась за ними изъ первопрестольной столицы партія „самонужнѣйшихъ колодниковъ", подъ охраною конвоя. Въ числѣ ихъ отправленъ былъ и Василій Деревнинъ.

---

[1]) Письмо Алексѣя Васильевича Макарова къ Ивану Ивановичу Бутурлину 20-го февраля 1723 г. дѣл. л. 85. Одинъ изъ этихъ Воейковыхъ былъ въ 1739 году маіоромъ.

„Дѣло о его битіи и жженіи, — писалъ Казариновъ, заправлявшій дѣлами московско-тайной канцеляріи къ А. И. Ушакову, петербургскому инквизитору,—дѣло Деревнина рѣшено на генеральномъ дворѣ, но по письму (цыфирному) слѣдованія еще не было. Сообщается оно при подлинномъ дѣлѣ и запечатано въ особомъ пакетѣ, а на немъ надпись А. В. Макарова: „письмо, которое подалъ И. И. Бутурлинъ". И то подлинное дѣло и письмо, по приказу кабинетъ-секретаря, препровождается къ вамъ" [1]).

Дѣло „по письму" тянулось крайне медленно, либо оно никого не интересовало, либо, — и послѣднее вѣрнѣе, — щекотливость содержанія письма относительно царицы заставляла судей показывать къ нему какъ можно меньше вниманья. Только два мѣсяца спустя (14-го мая) Ушаковъ извѣстилъ Казаринова о полученіи колодника и его дѣла и затѣмъ тайная канцелярія въ лицѣ Андрея Ивановича немедленно постановила: препроводить деревнинское дѣло о причинномъ письмѣ въ канцелярію вышняго суда, понеже тамъ начало сего дѣла и слѣдованіе было, „да и нельзя того, добавлялъ политичный Андрей Ивановичъ, чтобъ многіе канцелярскіе служителя—о важностяхъ (сего дѣла) свѣдомы были".

Такимъ образомъ Ушаковъ съ Толстымъ спустили Деревнина съ причиннымъ письмомъ царицы въ вѣдѣніе вышняго суда. Но и отъ него скораго и прямого рѣшенья ожидать было нечего, такъ какъ члены суда большею частью были либо близкіе пріятели и знакомые царицы, либо даже свойственники; здѣсь засѣдали: графъ Андрей Матвѣевъ, Иванъ Дмитріевъ Мамоновъ, Семенъ Блеклый, Александръ Бредихинъ, Иванъ Бахметевъ, секретаремъ былъ—Петръ Ижорскій.

Вотъ почему они не съ разу согласились даже принять Деревнина, не вдругъ рѣшились взять на себя слѣдованіе и судъ по цыфирному посланію; такъ что только послѣ двухнедѣльной переписки съ тайной канцеляріей, вышній судъ далъ свое согласіе (27-го мая), чтобы „дѣло Деревнина къ намъ прислать, но неиначе какъ съ подъячимъ, у котораго то дѣло было, понеже „къ тому важному дѣлу отъ другихъ дѣлъ подъячаго опредѣлять не надлежитъ".

---

[1]) В. Д. Р. Д. Тайной Канцеляріи. карт. XV, ч. 3, дѣл. лл. 1—46.

Опять пошла переписка: подъячій тотъ въ Москвѣ, итакъ на чей коштъ его выписать? Это затрудненіе дало вышнему суду предлогъ сдать дѣло (18-го іюня) въ кабинетъ. Но тамъ кабинетъ-секретарь его не принялъ, но приказалъ войдти экстрактомъ для докладу его величества. И вотъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца пишутся два экстракта. Только 19-го іюля явился съ ними въ кабинетъ секретарь тайной канцеляріи Топильскій, который и представилъ тутъ же запечатанное въ пакетѣ цыфирное посланіе — съ достойнымъ решпектомъ [1]).

Въ кабинетѣ дѣло засѣло. Надо думать, что обязательный Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, которому такъ наивно писала царица: „что будетъ ему платить", не спѣшилъ входить къ государю съ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Резолюціи не было, а стрянчій продолжалъ томиться въ казаматѣ. Такъ при дворѣ суроваго и повидимому столь ревниваго къ правдѣ монарха находили себѣ убѣжище взяточничество и лицепріятіе; связи и протекція и здѣсь оказывали свое вліяніе; вся разница съ послѣдующими царствованіями состояла только въ томъ, что при Петрѣ это дѣлалось несравненно скрытнѣе, „опасливѣе".

Что же это было за письмо, отъ котораго такъ скоро отшатывались слѣдователи и судьи, къ которому такъ старательно не допускали канцелярскихъ служителей, наконецъ для сбереженія котораго даже тайная канцелярія не находила у себя тайнаго мѣста, чтобъ чины ея „важности сего письма свѣдомы не были"?

Что въ этомъ письмѣ не было ничего государственнаго, „противнаго" въ смыслѣ политической тайны, въ этомъ нечего и сомнѣваться; въ противномъ случаѣ судьба Юшкова была бы рѣшена иначе, не избѣгла бы суда и осужденія сама Прасковья: но куда дѣлось таинственное посланіе послѣ долгихъ странствій изъ тайной въ кабинетъ, изъ кабинета въ тайную, оттуда въ вышній судъ, изъ суда въ кабинетъ, изъ кабинета опять въ тайную—неизвѣстно; только, ни при дѣлахъ послѣдней, ни въ бумагахъ кабинетскихъ — письма этого не сохранилось. Между тѣмъ уцѣлѣла слѣдующая пояснительная записка руки Прасковьи — записка азбуки:

---

[1]) Каб. дѣла II полов., т. LXIV, стр. 451.

о і w м w w 192
1 2 3 4,5 6,7 8 9 10.

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, п, о, и, р, с, т, и т. д.
0, 5, 3, 7, 6, і, а, 2, я, 8, и, и, в, и, и, 9, и, з, и т. д.

Явно, что эта та цыфирная азбука, по которой написано было таинственное посланіе. Тутъ же сдѣланъ и переводъ — къ сожалѣнію только первой фразы: „радость мой светь...“

Для кого и для чего приготовлена была эта записка? Весьма вѣроятно, что Петръ, еще въ бытность свою въ Астрахани, получивъ изъ тайной канцеляріи письмо, доставленное Деревнинымъ, потребовалъ отъ невѣстки ключа къ цыфири, и приведенная записка есть черновая подлинника.

Таинственное письмо старушки-царицы, безъ сомнѣнія, касалось либо ея сердечныхъ, интимныхъ отношеній къ своему главноуправляющему Юшкову, либо трактовало о семейныхъ, секретныхъ дѣлахъ, трактовало притомъ не совсѣмъ скромно? Все это предположенія и догадки, которыя могутъ подтвердиться или опровергнуться открытіемъ интимной цыдулки.

— ——— —

X.

Смерть.

Мы оставили царицу въ родномъ Измайловѣ. Государь распорядился о дачѣ подводъ невѣсткѣ и ея дочерямъ отъ города до города; хворая старушка поднялась въ путь въ началѣ 1723 года. Собственные тяжкіе недуги, болѣзнь младшей дочери, наконецъ скверныя дороги мѣшали ей ѣхать скоро, и дотащившись до Новгорода, старушка рѣшилась отдохнуть и оправиться.

Съ дороги она нѣсколько разъ посылала грамотки къ „государынѣ своей милостивой, дорогой невѣстушкѣ и матушкѣ, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ", которой непрестанно желала „здравія свѣту моему, купно съ государемъ, нашимъ общимъ дорогимъ батюшкомъ, императоромъ великимъ, Петромъ Алексѣевичемъ и съ дорогими вашего величества дѣтками, съ государынями цесаревнами на множество лѣтъ!"

Несмотря на эти длинныя пожеланія, письма Прасковьи „къ свѣтамъ-благодѣтелямъ" — были какъ-то суше, холоднѣе: можетъ быть ссылка безцѣннаго Юшкова потрясла старушку и она только по нуждѣ относилась къ невѣсткѣ.

А нужда настояла немалая. Дочка ея, Прасковья, „весьма расхворалась":... „пожалуй, государыня моя невѣстушка и матушка,—диктовала старушка секретарю 4-го апрѣля 1723 г.,— прикажи увѣдомить насъ о общемъ здравіи в. и. в.,—чего отъ сердца слышать желаемъ; при семъ вашему величеству доношу:

дочь моя, царевна Прасковья, гораздо больна, и я прошу у вашего величества — пожалуй, государыня моя невѣстушка и матушка, прикажи прислать къ намъ доктора или лекаря съ лекарствомъ; а признаваемъ въ ней болѣзнь лихорадку съ горячкою"...

„Благодарствую, государыня моя милостивая невѣстушка за милостивѣйшее вашего величества писаніе"... [1]).

Вспомнила старушка, что скоро день рожденья императрицы, и спѣшитъ исполнить формальность: „5-го апрѣля 1723 г. Новгородъ.... Поздравляемъ вамъ государыне, дражайшимъ днемъ рожденія вашего величества и желаемъ отъ сердца нашего, дабы Всевышній благословилъ впредь вашему величеству достигнуть много такихъ дней во всякой радости и благополучіи, и за симъ здравіе ваше предаю Всемогущему въ сохраненіе и остаюсь невѣстка ваша — Прасковья".

Съ такими же поздравленіями привѣтствовала она государя и государыню по поводу наступающаго праздника Христова Воскресенія: „...желаемъ отъ сердца нашего вашему величеству оный препроводить во всякой радости, и въ предыдущихъ лѣтахъ да благословитъ Богъ много такихъ торжественныхъ дней достигнуть въ добромъ здравіи и во всякомъ благополучіи"...

Императрица съ своей стороны отвѣчала вниманіемъ на предупредительность и вѣжливость старушки. Екатерина послала въ Новгородъ доктора и письменно просила Прасковью обрадовать ее скорымъ пріѣздомъ.

„Благодарствую, государыня моя невѣстушка, — отвѣчала царица (11-го апрѣля, Новгородъ), — что изволили прислать къ намъ доктора. А дочери моей отъ болѣзни есть свободнѣе, только внучка (Анпушка) и.....мъ не можетъ. А въ С.-Петербургъ поѣдемъ на завтрее праздника, и какъ могу, такъ спѣшить буду".

Государь также показывалъ заботливость о Прасковьѣ Ѳедоровнѣ и ея семейкѣ, разумѣется по своему, своеобразно. Онъ хлопоталъ объ окончательномъ, болѣе надежномъ закрѣпленіи Курляндіи за Россіей и всячески подыскивалъ жениха для

---

[1]) Адресъ: „Всемилостивѣйшей государынѣ моей невѣстушкѣ, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ". Письмо изъ Новгорода.

вдовствующей, сѣтующей безъ мужа, Анны Ивановны. Государь писалъ по этому поводу въ Митаву къ Петру Бестужеву, приказывая ему стараться объ этомъ дѣлѣ, прочилъ Анну за герцога Вейсенфельскаго, но это сватовство почему-то не состоялось.

Царица прибыла между тѣмъ въ Петербургъ, въ началѣ мая 1723 г., совершивъ это путешествіе болѣе спокойно, водою на судахъ, присланныхъ въ Новгородъ по высочайшему повелѣнію.

Оставивъ хворыхъ маменьку и сестрицу въ постелѣ, „свѣтъ Катюшка" вмѣсто ихъ объѣздила всѣхъ съ визитами и приняла участіе въ обычныхъ увеселеніяхъ двора. Мы не останавливаемся на нихъ потому, что онѣ очень хорошо извѣстны — по крайней мѣрѣ характеръ ихъ—изъ предыдущихъ главъ нашего историческаго и правоописательнаго очерка.

Нельзя не замѣтить однако, что отъ участія въ нѣкоторыхъ изъ потѣхъ сего года не рѣшалась отказываться сама царица Прасковья Ѳедоровна, стоявшая одной изъ отнявшихся у ней ногъ въ гробу.

Такъ на празднествахъ при спускѣ кораблей, празднествахъ, особенно любезныхъ монарху, старушка, изъ вниманія къ нему, подъѣзжала къ новорожденному кораблю на баркѣ; не будучи въ состояніи выйти изъ нея, больная обыкновенно оттуда поздравляла государя и всѣхъ пирующихъ. При спускѣ корабля „Михаилъ Архангелъ", 26-го мая 1723 г., она отпустила съ своей барки на корабль „свѣтъ-Катюшку" и ей поручила принять участіе въ пирѣ. Пиръ былъ на весь міръ! Гости и гостьи ѣли и пили съ четырехъ часовъ пополудни до двухъ часовъ утра; самъ государь, предупредивъ, что онъ въ этотъ день намѣренъ хорошенько напиться, выдержалъ свое обѣщанье настолько, что едва могъ стоять на ногахъ; герцогъ голштинскій доведенъ былъ угощеніемъ, по собственному выраженію Петра, до состоянія пьянаго нѣмца (Kerel d'Allemagne), то есть его высочество лежалъ въ безчувственномъ положеніи. Дамы, и нѣтъ сомнѣнія — и наша герцогиня, были напоены настолько, что къ нимъ не пускали мущинъ...

Такой же характеръ имѣло пиршество при спускѣ другого корабля, „Крейсеръ", 23 іюля 1723 г. И это торжество почтила своимъ присутствіемъ вдовствующая царица. Не смотря на всю свою немощь, она подъѣзжала съ маленькою внучкою

Аннушкою (впослѣдствіи — Правительница Россійской Имперіи, въ 1740—1741 гг.) къ кораблю; по прежнему не выходила изъ барки, и высадивъ герцогиню Катерину Ивановну, отправилась домой, гдѣ оставалась ея царевна Прасковья въ постели, съ распухшими на обѣихъ рукахъ пальцами.

Государь былъ очень любезенъ и внимателенъ къ веселой Катюшкѣ и совѣтовалъ, между прочимъ, отъ слишкомъ большой полноты, которая ей не мало досаждала, меньше спать и меньше ѣсть. Слѣпо вѣруя, вслѣдъ за маменькой, въ медицинскія познанія дядюшки, „свѣтъ-Катюшка" серьёзно начала лечиться: цѣлыя сутки не ѣла, не пила и не смыкала очей; затѣмъ — разрѣшила себѣ постный столъ. Но, разумѣется, всякій, знавшій Катерину Ивановну и ея страсть поспать хорошенько и поѣсть сколь можно положительнѣе, былъ напередъ убѣжденъ, что и постъ, и бденіе не долго продолжатся.

Весь іюль и начало августа 1723 г. старушка провела на яхтѣ, участвуя въ морскомъ путешествіи всего двора въ Ревель и Ригу; морское путешествіе не доставило ей удовольствія; здоровье ея нисколько не поправлялось; старушка видимо разрушалась и съ каждымъ днемъ быстро приближалась къ могилѣ; на яхтѣ ей сдѣлалось особенно дурно, такъ что нѣкоторое время царевна Катерина не отходила отъ постели матери; болѣзнь Прасковьи не мѣшала, впрочемъ, веселиться другимъ, — и въ день возвращенья въ столицу, — день, ознаменовавшійся встрѣчею знаменитаго ботика, — дѣдушки русскаго флота, — всѣ отъ мала до велика, отъ послѣдняго деньщика до великаго монарха, пировали десять часовъ сряду. По свидѣтельству одного изъ участниковъ пира, императоръ былъ особенно расположенъ пить; нѣсколько разъ говорилъ, что тотъ бездѣльникъ, кто въ этотъ день не напьется съ нимъ пьянъ, и всѣ, соревнуя другъ передъ другомъ, такъ страшно пили, какъ не запомнитъ ни одинъ заѣзжій нѣмецъ — во все пребываніе свое въ Россіи. Не было пощады и дамамъ, т. е. императрицѣ, герцогинѣ Катеринѣ Ивановнѣ и прочимъ членамъ царскаго семейства съ ихъ свитами. Ихъ отпустили послѣ шестичасового угощенья. Оно особенно размягчило сердце Петра. Съ нимъ случился рѣшительный припадокъ самой страстной, нѣжной чувствительности. Онъ безпрестанно цѣловалъ милаго герцога голштинскаго, оказавшаго не-

обыкновенные успѣхи въ россійскомъ служеніи бахусу; государь, въ припадкѣ нѣжности, безпрестанно трепалъ его, нѣсколько разъ срывалъ съ головы парикъ, цѣловалъ то въ затылокъ, то въ маковку, то въ лобъ, даже оттягивалъ ему нижнюю губу и цѣловалъ въ ротъ между зубами и губами... То же сентиментальное чувство овладѣло многими знатными персонами: они плакали, цѣловались, обнимались,—за то другіе отъ нѣжныхъ поцѣлуевъ круто перешли къ рѣзкимъ объясненіямъ: такъ напр. адмиралъ Крюйсъ далъ контръ-адмиралу Зандеру такую затрещину, что контръ-адмиралъ покатился подъ столъ, потерялъ парикъ и волею-неволею остался въ положеніи безчувственнаго нѣмца.

Достойно замѣчанія, что, говоря о подобныхъ пиршествахъ, нельзя сказать, чтобы прекрасный полъ особенно тяготился усиленнымъ угощеніемъ. Привычка дѣлала чудеса, даже „небесно-прекрасныя царевны", какъ называетъ Берхгольцъ Анну Петровну и Елисавету Петровну, съ поразительною привѣтливостью подносили пирующимъ стаканы крѣпчайшаго венгерскаго вина и съ неподражаемою граціею сами осушали стаканы. Толстенькая герцогиня Катерина Ивановна уступала имъ въ граціи, но по опытности своей и значительно бо́льшему возрасту превосходила въ искусствѣ самоугощенія. Но, кто знаетъ, быть можетъ именно на подобныхъ пирахъ цесаревна Елисавета Петровна усвоила себѣ ту несчастную привычку къ неумѣренному употребленію крѣпкихъ напитковъ, которая впослѣдствіи низвела ее съ престола въ могилу (25 декабря 1761 г.).

Начало сентября 1723 г. ознаменовалось восьмидневнымъ маскарадомъ въ честь годовщины Ништадтскаго мира; всѣ были обязаны подпискою явиться на это празднество. Въ теченіе восьми дней по улицамъ Петербурга выдвигались торжественныя процессіи, были самые разнообразные костюмы — халдейскіе, аббатскіе; государь Петръ Алексѣевичъ являлся то католическимъ кардиналомъ, то матросомъ-барабанщикомъ; костюмы польскіе, старинно-нѣмецкіе, іезуитскіе, французскіе, итальянскіе, китайскіе, жидовскіе, капуцинскіе, индѣйскіе, японскіе, татарскіе и другіе пестрѣли на площадяхъ и улицахъ Петербурга. Тутъ же среди замаскированныхъ, какъ видно изъ печатной росписи, красовалась „неусыпаемая обитель". Ее составляли: архимандритъ въ странномъ уборѣ, отъ гвардіи фендрихъ Афанасій Татищевъ, князь Яро-

славскій, отъ гвардіи фендрихъ Нелюбохтинъ съ своею княгинею и со всею своею фамиліею и сиклитомъ; обитель сопровождала большая свита въ разныхъ духовныхъ, арлекинскихъ, нищенскихъ и прочихъ странныхъ уборахъ, — мущины и женщины. Далѣе по машкарадной росписи [1]) слѣдовали: извѣстный шутъ Семенъ Тургеневъ, въ ролѣ Нептуна, пропонца-пѣвчій Карповъ — бахусомъ; далѣе архіереи: Паникандръ... митрополитъ С.-Петербургскій, Морай... митрополитъ Кропшлоцкій и Котлинскій, Тарай... митрополитъ великаго Нова... и великихъ...; Никопъ Прыткой... митрополитъ Дербенской и Мидскій; Гнилъ... митрополитъ Сибирскій и Тобольскій, Бибабръ, митрополитъ рѣки Охтинской и Седмимелницкой, М..... митрополитъ Псковскій и Изборскій; Ѳеофанъ Красной... митрополитъ Смоленскій и Дорогобужскій. архидьяконъ Иди на... Строевъ. Ключарь Ѳормосовъ... Протасьевъ. Всего 10 человѣкъ.

Государыня, вслѣдъ за кесаршей Ромодановской, шла въ фрижланскомъ уборѣ; 55 отдѣленіе вела государыня царевна Катерина Ивановна; она, также княгиня Меншикова, дѣвица Юшкова и другія семь персонъ дамскихъ были въ гишпанскихъ костюмахъ. Въ слѣдующемъ отдѣленіи была царевна Прасковья Ивановна съ тринадцатью дамами и дѣвицами въ платьяхъ „шкармуцкихъ“.

Удовольствій была бездна. Такъ напр. какой-то толстякъ представлялъ солнце. Онъ несъ большую, сдѣланную изъ холста и раскрашенную машину, которая была такъ устроена, что лицо его какъ разъ приходилось въ самой срединѣ свѣтила, гдѣ прорѣзана была дыра. Безпокойная братія „соборъ всепьянѣйшаго и всешумнѣйшаго князь-папы“ нѣсколько разъ съ пѣснями проходила съ свѣтиломъ по саду, а подъ конецъ шутникъ взлѣзъ на лѣстницу, обратился лицомъ къ солнцу и говорилъ ему длинное смѣхотворное слово. Для народа выкачены были бадьи съ пивомъ и виномъ. Потѣхи прекращались по барабанному бою императора.

Только извѣстный уже намъ характеръ беззаботной, смѣшливой герцогини Мекленбургской давалъ ей возможность всецѣло

[1]) Роспись компаніи машкарада, бывшаго въ Спб. 30 августа по 6 сентября 1723 г., напечатана въ приложеніи къ III ч. Дневника Берхгольца. М. 1860 г., стр. 269—288.

предаваться удовольствіямъ двора; въ сущности ей было о чемъ побезпокоиться, было о чемъ призадуматься: съ одной стороны должны были вызывать эти думы страданія больной, умирающей матери, съ другой — самыя безотрадныя вѣсти о благовѣрномъ супругѣ. Она жаловалась своимъ знакомымъ, что герцогъ рѣшительно не хочетъ пріѣхать въ Россію, а между тѣмъ доходили до нея слухи, что римскій императоръ намѣренъ поручить управленіе Мекленбургіи брату Карла-Леопольда, Христіану-Людвигу, если первый не угомонится и не изъявитъ покорности.

Вмѣстѣ съ „свѣтъ-Катюшкой" заявляла свое сожалѣніе объ упрямствѣ зятя царица Прасковья; она удивлялась, какъ герцогъ, хорошо знающій объ отличномъ обращеніи государя съ голштинскимъ и гессенъ-гомбургскими принцами, не внемлетъ неоднократнымъ приглашеніямъ пріѣхать въ Россію. Такъ напр. въ маѣ 1723 года, Петръ, по просьбѣ племянницы и невѣстки, еще разъ сдѣлалъ попытку вызвать изъ Мекленбурга герцога Карла-Леопольда. Это порученіе возложено было на генерала Бонна, хорошаго знакомаго, даже пріятеля вз балмошнаго герцога. Не смотря на этотъ выборъ посланнаго, Катерина Ивановна очень опасалась, что супругъ ея все-таки не дастъ убѣдить себя, не смотря на то, что пріѣздъ въ Россію былъ единственнымъ исходомъ изъ плохого положенія. Но герцогъ ни мало о немъ не задумывался и, къ огорченію супруги своей, велѣлъ, между прочимъ, отрубить въ Демицѣ голову тайному совѣтнику Вольфрату. Сѣтованія на мужа не настолько были однако велики у герцогини Катерины Ивановны, чтобъ мѣшать ея задушевнымъ бесѣдамъ съ камеръ-юнкеромъ герцога Голштинскаго. Она продолжала зазывать его къ себѣ, просиживала съ нимъ цѣлые часы въ самой задушевной болтовнѣ о всевозможныхъ пустякахъ, дѣлала ему подарки, не пускала домой и проч.

Петербургская осень 1723 года была крайне непогодливая. 2 октября (годовщина мщенія старушки Прасковьи) случилось одно изъ сильнѣйшихъ наводненій: порывистый вѣтеръ съ моря дулъ долго, съ необыкновенной силой, и бурливая Нева, затопивъ ночью всѣ улицы, поднялась на 7 футовъ и 7 дюймовъ [1]).

---

[1]) Аллеръ: Описаніе наводненій, бывшихъ въ С.-Петербургѣ, изд. 1826 г., стр. 28.

Жители были въ страхѣ и ежеминутной опасности погибнуть въ водяной пучинѣ; но въ каменномъ, недавно отстроенномъ на Васильевскомъ островѣ, домѣ нашей старушки, гдѣ, по пріѣздѣ изъ Москвы, она и водворилась съ дочерьми, было и другое безпокойство, другія опасенія: приближался роковой часъ — вдова царя Ивана V Алексѣевича, царица Прасковья Ѳеодоровна разставалась съ жизнью.

Еще 24 сентября она была настолько бодра, что принимала у себя императрицу, цесаревенъ и большое общество знати. Старушка въ послѣдній разъ въ жизни праздновала одинъ изъ праздниковъ своего семейства—день рожденія царевны Прасковьи Ивановны, которой пошелъ 30-й годъ.

Съ этого времени, съ каждымъ днемъ царицѣ становилось хуже и хуже, съ часу на часъ ждали ея кончины. 8 октября навѣстилъ ее государь и пробылъ у невѣстушки болѣе двухъ часовъ. Въ палатахъ умирающей толпились челядницы, рабы и рабыни царицы-помѣщицы; они тревожно ждали ея кончины въ невѣдѣніи, что́ послѣдуетъ съ ними послѣ ея смерти; тутъ же были высшіе духовные іерархи, робко тѣснилось и низшее духовенство, попы, разные церковники, штатные и нештатные пророки, вѣщуньи, юродивые и другія темныя лица, призрѣваемыя милосердной монархиней. Но эти лица могли показываться не иначе, какъ съ большими опасеніями наткнуться на государя; а эта встрѣча значила просто на просто попасть подъ батоги; имъ извѣстно было, какъ безцеремонно поступилъ Петръ Алексѣевичъ съ ихней же братьей при кончинѣ царевны Маріи Алексѣевны 20 марта 1723 г. Онъ засталъ въ покояхъ умирающей цѣлую толпу поповъ, которые, по заведенному изстари обычаю, принесли ей явствъ, напитковъ, и спрашивали: не нужно-ли ей чего-нибудь, всего-ли она имѣла вдоволь? Его величество немедленно всѣхъ ихъ выгналъ вонъ и строго настрого наказалъ, чтобъ впредь не повторялись подобныя вещи. Слѣдовательно немудрено, что при настоящемъ случаѣ многое не повторилось изъ старинныхъ обычаевъ, сопровождавшихъ проводы на тотъ свѣтъ...

Въ домѣ умирающей распоряжалась герцогиня Катерина Ивановна. Императрица ободряла и утѣшала ее и часто провѣдывала больную. Между прочимъ, зная, что умирающая всегда

была крайне немилостива къ средней своей дочери, мало того— почти ее прокляла—Екатерина Алексѣевна напоминала о необходимости полнаго прощенья и примиренья. Старушка согласилась и закрѣпила это подписью на письмѣ къ государынѣ: въ этой грамоткѣ она прощала нелюбезную ей Анну [1]). Мало того, 11 октября 1723 г., для успокоенія дочери и въ угоду государыни-невѣстки, старушка продиктовала слѣдующее письмо:

„Любезнѣйшая моя царевна Анна Ивановна! Понеже нынѣ болѣзни во мнѣ отчасу умножились, и тако отъ оныхъ стражду, что уже весьма и жизнь свою отчаяла, того для, симъ моимъ письмомъ напоминаю вамъ, чтобы вы молились обо мнѣ Господу Богу, а ежели Его, Творца моего, воля придетъ, что я отъ сего свѣта отъиду, то не забывайте меня въ поминовеніи.

„Также слышала я отъ моей вселюбезнѣйшей невѣстушки, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, что ты въ великомъ сумнѣніи и яко бы подъ запрещеніемъ—или паче рещи, проклятіемъ—отъ меня пребываешь, и въ томъ нынѣ не сумнѣвайся; все вамъ для вышепомянутой ея величества, моей вселюбезнѣйшей государыни невѣстушки, отпускаю и прощаю васъ во всемъ, хотя въ чемъ вы предо мною и погрѣшили. Впротчемъ, предавъ васъ въ сохраненіе и милость Божію, остаюся мать ваша ц. Прасковья“ [2]).

На другой день въ городѣ пронесся слухъ, что царица не проживетъ и нѣсколькихъ часовъ; но она промучилась еще сутки. Государыня была у ней утромъ, и потомъ провела день въ большомъ обществѣ: во дворцѣ былъ большой обѣдъ съ пушечной пальбой съ невскихъ судовъ, съ танцами и проч. Императора

---

[1]) Письма этого, къ сожалѣнію, мы не нашли въ подлинныхъ бумагахъ, но о немъ свидѣтельствуетъ князь Мих. Мих. Щербатовъ: „Анна, по словамъ сего историка, съ природы была нрава грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась и ею была проклята, какъ мнѣ извѣстно сіе по находящемуся въ архивѣ Петра I-го одному письму отъ ея матери, отвѣтственному на письмо императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою сію Анну. Грубый ея природный обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка“ и проч. См. „Русскую Старину“, изд. 1870 г. (третье изд.), томъ II. О поврежденіи нравовъ въ Россіи, стр. 39—40.

[2]) Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Императорской публичной библіотекѣ, издалъ А. О. Бычковъ, стр. 119. Можно полагать, что это и есть послѣдствіе или приложеніе къ тому письму, о которомъ упоминаетъ кн. Щербатовъ.

не было: онъ еще нѣсколько дней тому назадъ уѣхалъ съ небольшой свитой осматривать ладожскій каналъ, при прорытіи котораго оказалось множество злоупотребленій.

Такимъ образомъ императоръ Петръ Алексѣевичъ, вокреки Голикову [1]), не присутствовалъ при послѣднихъ дняхъ жизни Прасковьи.

На разсвѣтѣ 13 октября 1723 года старушка, чувствуя приближеніе кончины, поручила своихъ дочерей „Катюшку и больную Парашу" материнскому попеченію императрицы, настоятельно просила, чтобъ съ ней въ гробъ положили портретъ ея мужа; наконецъ потребовала зеркало, долго въ него смотрѣлась, какъ бы прощаясь сама съ собой и испустила духъ.

Капитанъ Бергеръ извѣстилъ дворъ и объѣхалъ сановниковъ съ вѣстью о кончинѣ благовѣрнѣйшей государыни-царицы Прасковьи Ѳеодоровны.

Немедленно дали знать государю; отмѣнили спектакль, имѣвшій быть въ тотъ день во вновь построенномъ для труппы домѣ, и стали толковать о томъ, насколько времени будетъ наложенъ трауръ; думали, что онъ протянется не менѣе полугода; на другой же день дворъ и весь почти городъ облекся въ трауръ.

16 числа государь вернулся въ столицу и начались распоряженія о пышныхъ похоронахъ. Онѣ были назначены 22 октября 1723 г. Наканунѣ, гвардіи маіоръ Александръ Ивановичъ Румянцевъ, въ качествѣ маршала погребенія, объѣхалъ именитыхъ лицъ съ приглашеніями, отъ имени дочерей покойной, пожаловать на другой день къ двѣнадцати часамъ на похороны царицы. Толковали (зная страсть государя къ катаньямъ), что тѣло царицы повезутъ водой въ Невскую Лавру, но что оно останется тамъ только до тѣхъ поръ, пока въ Петропавловскомъ крѣпостномъ соборѣ не отдѣлаютъ императорскій склепъ, и что трауръ продолжится не болѣе шести недѣль.

Государь, страстный охотникъ до устройства всякаго рода торжественныхъ и курьезныхъ зрѣлищъ, самъ озаботился объ украшеніи и обстановкѣ смертнаго одра царицы, по проэкту графа Санти. Ему было очень пріятно любопытство многочи-

---

[1]) Голиковъ: Дѣянія Петра I-го, т. IX, стр. 529.

сленныхъ посѣтителей, приходившихъ не для одного поклона умершей, но и для того, чтобъ поглазѣть на убранство. Посѣтителей принимали генералы Алларъ и Ласси, первые маршалы погребенія. Вслѣдъ за голштинскимъ герцогомъ протолкаемся и мы къ парадному гробу царицы Прасковьи.

Открытый гробъ съ ея тѣломъ стоялъ на катафалкѣ, устроенномъ какъ парадная постель. Надъ ней возвышался большой балдахинъ изъ фіолетоваго бархата, украшенный галунами и бахрамой, а надъ гробомъ, на той части балдахина, которая спускается въ головахъ, вышитъ былъ золотой двуглавый орелъ на фонѣ, состоящемъ какъ бы изъ горностаеваго мѣха. На внутренней ея сторонѣ стоялъ вышитый же имянной шифръ покойной съ императорской короной, скипетромъ и державою на верху. Съ правой стороны, на красной бархатной подушкѣ, лежала царская корона, украшенная довольно богато драгоцѣнными камнями и сдѣланная, сколько позволяла краткость времени, довольно изящно. Возлѣ нея стояло желтое государственное знамя. Гробъ былъ на возвышеніи о нѣсколькихъ ступеняхъ, обитъ фіолетовымъ бархатомъ и широкимъ галуномъ; крышка украшена крестомъ изъ бѣлой объяри. Изъ той же объяри было платье на Прасковьѣ и покровъ, спускавшійся до катафалка, обтянутаго бархатомъ. По обѣимъ сторонамъ гроба стояло двѣнадцать большихъ свѣчей; кромѣ того въ комнатѣ висѣли три люстры и множество стѣнныхъ подсвѣчниковъ; во всѣхъ горѣли восковыя свѣчи. Вся комната была обита кругомъ черной байкой, а вверху—по карнизу шла фалбала, эффектно собранная изъ бѣлаго и чернаго флера... По стѣнамъ висѣли разныя аллегоріи. Тѣло охраняло двѣнадцать капитановъ въ черныхъ кафтанахъ, длинныхъ мантіяхъ, съ чернымъ флеромъ на шляпахъ и съ вызолоченными алебардами; на длинныхъ концахъ флера, обвязаннаго вокругъ нихъ, висѣли маленькіе щиты съ вензелемъ и гербомъ царицы. У дверей стояли гренадеры, со штыковъ ихъ ружей также спускался флеръ. Надъ тѣломъ поочередно отчитывали двое священниковъ... Все дѣлалось какъ нельзя болѣе чинно, стройно и хорошо. Порядокъ не былъ нарушенъ плакальщиками, стонами и воплями толпы челядинцевъ, приживалокъ покойной, такъ какъ подобныя завыванія и причитыванія надъ умершими строжайше были запрещены Петромъ въ 1716

году, при погребеніи царицы Марфы, вдовствовавшей супруги Ѳедора Алексѣевича [1]).

Прежнее распоряженіе везти тѣло водой было почему-то отмѣнено государемъ въ самый день погребенія. Процессія началась въ три часа пополудни, 22 октября. Когда въ передней комнатѣ въ домѣ покойной собралась вся знать и пріѣхала царская фамилія, разнесли всѣмъ глинтвейнъ; послѣ чего всѣ перешли въ большую траурную залу, гдѣ и отслушали панихиду; ее служило все знатнѣйшее духовенство. Было четыре часа, когда вынесли тѣло изъ дому и длинная процессія медленно потянулась по оледенѣвшей, до такой степени скользкой грязи, что всѣ съ трудомъ передвигали ноги, ежеминутно рискуя упасть и вывихнуть ногу, либо свернуть шею. Ни ружейной, ни пушечной пальбы не было, но колокола всѣхъ церквей столицы загудѣли по сигналу спущенныхъ ракетъ.

Шествіе открывалъ гвардіи поручикъ съ восемнадцатью унтеръ-офицерами; они держали на плечахъ тесаки, съ которыхъ спускался длинный флеръ. За ними шелъ первый маршалъ Румянцевъ въ главѣ всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ; всѣ они шли по старшинству, по трое и четверо въ рядъ. За ними должны были идти иностранные министры, но они — во избѣжаніе споровъ о мѣстахъ, не явились; герцогъ голштинскій шелъ со всѣмъ своимъ дворомъ, принцами гессенъ-гомбургскими, съ двумя вице-адмиралами и генералъ-лейтенантами Ягужинскимъ и Минихомъ. Далѣе двигался большой хоръ императорскихъ пѣвчихъ и духовенство съ зажженными свѣчами; за другимъ маршаломъ—Мамоновымъ, выступалъ Матвѣевъ съ царской короной на подушкѣ,—прочихъ регалій и знаковъ не было; двѣнадцать полковниковъ шли въ качествѣ посильщиковъ, однако тѣло не несли, а везли на открытой черной колесницѣ, на которой для большаго парада гробъ былъ поставленъ очень высоко; съ него спускался до земли черный бархатный покровъ, обшитый серебряными галунами. Въ колесницу впряжена была шестерка большихъ, какъ слѣдуетъ завѣшанныхъ лошадей; шесть маіоровъ несли фіолетовый бархатный балдахинъ,

---

[1]) Веберъ: Das veränderte Russland. T. I, стр. 122—123. Берхгольцъ, ч. III, стр. 133—145. Голиковъ, т. IX, стр. 529—530.

вокругъ шло двѣнадцать капитановъ-аллебардистовъ и столько же поручиковъ съ большими свѣчами.

Маршалъ Алларъ съ громаднымъ жезломъ открывалъ третье отдѣленіе шествія: его составляли траурные. То были: императоръ, ведомый Апраксинымъ и Меншиковымъ, герцогиня мекленбургская Катерина Ивановна въ глубочайшемъ траурѣ, съ совершенно закрытымъ лицомъ; ее вели подъ руки оберъ-полиціймейстеръ и Андрей Ивановичъ Ушаковъ, шлейфъ несли четыре прапорщика гвардіи; въ такомъ же траурѣ шла Прасковья Ивановна, поддерживаемая контръ-адмираломъ Сенявинымъ и генералъ-адъютантомъ Нарышкинымъ, шлейфъ несли унтеръ-офицеры. Императрица также была въ траурѣ, съ закрытымъ лицемъ, равно какъ и остальныя дамы ея свиты. До полутораста унтеръ-офицеровъ и солдатъ съ зажженными факелами вытягивались по сторонамъ; воинская же команда замыкала шествіе.

Оно подвигалось крайне медленно. Царевна Прасковья, за ней императрица, герцогиня и всѣ дамы сѣли въ кареты; мужчины шли пѣшкомъ, скользили, выступали какъ гуси по льду и страшно мерзли. Болѣе двухъ часовъ двигалась процессія. Ее встрѣтили у воротъ обители всѣ монахи и духовенство; полковники торжественно внесли гробъ въ церковь. Здѣсь молодой священникъ почти цѣлый часъ говорилъ проповѣдь; это вѣроятно былъ панегирикъ умершей царицѣ, и во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть, что интересное для біографіи царицы Прасковьи слово не сохранилось для потомства. По обыкновенномъ служеніи, архіепископъ новгородскій, а за нимъ и все духовенство облобызали руку покойной; къ ней же подвели царевенъ, онѣ громко рыдали; государыня поцѣловала невѣстушку въ губы; затѣмъ начались прощанія всѣхъ предстоявшихъ; за цѣлованіемъ государя, положили на лицо покойной портретъ ея супруга, зашитый въ бѣлую объярь, заколотили гробъ и опустили его въ могилу предъ алтаремъ, въ Благовѣщенской церкви [1]).

---

[1]) Описаніе С.-Петербурга Богданова, 1751 г., изд. 1779, стр. 374—375. Описаніе Невской Лавры Павлова, 1842 г., стр. 65. Описаніе Петербурга Пушкарева I, стр. 142. Царицѣ Прасковьѣ судьба привела почивать въ общемъ склепѣ съ „свѣтъ-Катюшкой“ (умерла 24 іюня 1733 г.) и ненаглядной внучкой Анпушкой, которой суждено было такъ много выстрадать въ злополучной и кратковременной жизни (погреб. 1 марта 1746 г.); въ той же церкви могила сестры царицы, княгини Настасьи Ромодановской (ум. 2 сент. 1736 г.).

Въ домѣ покойной совершены были по обычаю поминки; государь просидѣлъ за столомъ до 11 часовъ ночи. Дня два спустя была страшная попойка у герцога голштинскаго; на дворѣ императорскаго дома начались пытки, нѣсколько знатныхъ персонъ разсажены были подъ стражею за какія-то „государственныя противности"; ихъ ежедневно водили въ цѣпяхъ въ присутствіе сената... все, однимъ словомъ, пошло обычной колеей.

„Свѣтъ-Катюшка", какъ и надо было ожидать по ея характеру, скоро очень развеселилась; она увѣряла, что причина ея веселости заключается въ добрыхъ вѣстяхъ о благовѣрномъ супругѣ: дѣла его будто бы поправлялись, въ Данцигѣ съ нимъ вели переговоры уполномоченные австрійскаго императора и англійскаго двора; Петръ также отправилъ туда курьера.

Братецъ покойной, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, хлопоталъ о раздачѣ монастырямъ и нищей братіи, на поминъ о душѣ Прасковьи, милостыни [2]), а государь приказалъ всѣ дѣла царицы привести въ надлежащій порядокъ, представить смѣту долговъ, удовлетворить кредиторовъ, положить штаты царевнамъ, позаботиться объ оставшихся больныхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ ея служителяхъ.

Долговъ у старушки оказалось немало. Прасковья до такой степени не умѣла заправлять своими достатками, что постоянно нуждаясь въ деньгахъ, закладывала даже вещи; императоръ приказалъ Ѳедору Воейкову позаботиться о выкупѣ этихъ закладовъ. Выкупъ продолжался еще и въ 1724 году: такъ отъ 3 апрѣля сего года мы находимъ указъ государя Дмитріеву-Мамонову о заплатѣ денегъ строителю Бурнашеву за заложенныя у него царицей каменья и жемчугъ.

На погребеніе царицы употреблено было 624 свѣчи, всего сожжено воску 6 пудовъ 11 фунтовъ, по разнымъ цѣнамъ на 73 руб. Бергъ-коллегія потребовала этихъ денегъ отъ наслѣдницъ Прасковьи; но управитель ихъ отвѣчалъ: „что денежной казны въ присылкѣ изъ вотчинъ ихъ высочествъ не имѣется, а понеже тѣ восковые заводы заведены изъ кабинета его велич-

---

[2]) Госуд. Арх.. Кабинетныя дѣла II-я полов.. кн. LXIV, л. 147, вѣдѣніе Василія Ѳедоровича Салтыкова.

ства, и чтобъ тѣхъ денегъ на комнатѣ ихъ высочествъ не спрашивать, ибо тѣ свѣчи употреблены на погребеніе ея величества государыни царицы".

Государь повелѣлъ поставить свѣчи на кабинетскій счетъ [1]). Въ кабинетъ его поступило, по случаю распорядка дѣлъ Прасковьи, много челобитень разныхъ лицъ объ удовлетвореніи ихъ слѣдуемыми имъ деньгами, получки которыхъ они никакъ не могли добиться отъ царицы. Въ числѣ челобитчиковъ былъ и воспитатель дочерей Прасковьи, Стефанъ Рамбурхъ. „Въ прошломъ 1703 году,—писалъ между прочимъ французъ,—зачалъ я по указу со всякою прилежностью танцъ учить ихъ высочествамъ государынямъ царевнамъ, племянницамъ в. и. величества, которымъ служилъ до 1708 году и того пять лѣтъ. А за оные мои труды обѣщано мнѣ жалованья по 300 рублевъ на годъ, къ чему представляю во свидѣтели господъ Гуйзена и Остермана, которые тогда ихъ высочествамъ и нѣмецкой языкъ учили. Однакожъ принужденъ послѣ десятилѣтнихъ моихъ докукъ въ Москвѣ, домъ мой оставить. И пріѣхавъ въ Петербургъ, непрестанно просилъ о выдачѣ моихъ денегъ ея величество блаженной памяти государыню царицу, которая изволила ото дня до дня отлагать. А послѣ смерти ея величества билъ я челомъ ея высочеству, государынѣ царевнѣ герцогинѣ Мекленбургской, которая не изволила къ мнѣ никакое удовольствованіе учинить"...

Вслѣдствіе чего Рамбурхъ просилъ государя выдать заслуженные имъ 1500 рублей, чтобъ вѣрные труды вотще не остались, и ему, Рамбурху, „при глубокой его старости, съ великою фамиліею возможно было пропитаться, непрестанно Бога моля о здравіи государя и всего августѣйшаго дома".

Государь внялъ мольбамъ. Французъ получилъ слѣдуемыя деньги, кромѣ того годовой окладъ, и, обрадованный милостями, не замедлилъ ударить новой челобитной. Какъ истый французъ, онъ жаждалъ—чина! Съ упрекомъ ставилъ онъ на видъ то обстоятельство, что „французъ не возмогъ отъ царевенъ никакой уплаты трудамъ своимъ получить", а между тѣмъ ему принадлежитъ честь „обученія ихъ высочества зачалу или осно-

---

[1]) Госуд. Арх. Кабинетныя дѣла II-я полов., кн. LXVI, л. 888: въ кабинетъ Е. И. В. доношеніе.

ванію французскаго языка". Учитель просилъ какого-нибудь чина, который, по его увѣренію, нуженъ былъ для упроченія и вящшаго обученія двухъ его сыновей во Франціи „такимъ наукамъ и художествамъ, какія его величество повелитъ, чтобы съ своимъ возвращеніемъ въ Россію возмогли бы достойно явиться въ службу и съ пользою могли бы быть употреблены" [1]).

Неизвѣстно получилъ-ли желаемый чинъ докучливый французъ, но во всякомъ случаѣ справедливый упрекъ его Катеринѣ Ивановнѣ терять свою силу, когда знаетъ разстроенное положеніе ея финансовъ. Она смѣнила казначея Тихменева, стариннаго врага Деревнина, но дѣла отъ этого не улучшились. Секретарь Арцыбашевъ, которому государь вмѣстѣ съ другими поручилъ разсмотрѣть приходо-расходныя смѣты комнатъ ихъ высочествъ, никакъ не могъ добиться толку, куда дѣлась та или другая сумма, выданная покойной царицѣ изъ кабинета и не введенная въ расходъ [2]).

Окладъ царевенъ Катерины и Прасковьи въ 1723—1724 годахъ былъ слѣдующій: въ годъ на двѣ комнаты отпускалось 9,000 рубл.; на четыре комнаты, за конскіе кормы, за дрова и за починку каретъ — 3,203 руб. 84 к.; чиновнымъ боярынямъ, казначеямъ, постельницамъ, дѣвицамъ, истопникамъ, сторожамъ, крестовымъ дьякамъ, портомоямъ и портомоянымъ сторожамъ— 953 р. 60 к. Дворовымъ, конюшеннымъ и верховымъ людямъ— 1740 р. 73½ к., и того на оба двора царевенъ въ годъ шло — 14,898 рубл. 17½ коп.

Въ смѣтѣ на 1725 годъ послѣдовали нѣкоторыя перемѣны, но не къ увеличенію, а напротивъ къ уменьшенію оклада: на двѣ комнаты царевенъ отпущено было на годъ на конскіе кормы,

---

[1]) Челобитныя Рамбурха 1723—1724 гг. на французскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ въ Кабин. дѣл. II полов. кн. LXV, л. 726. кн. LXIX лл. 118—119.

[2]) Кабин. дѣла II пол. т. LXVIII. лл. 589—590. Оправдательное письмо Тихменева къ монарху о приходахъ и расходахъ царицы. 5-го дек. 1724 г. Справки о томъ же: Каб. дѣл. I пол. кн. LXIV л. 367 и проч. Указъ въ москов. надворн. судъ о взысканіи съ служителей Аргамаковыхъ начетныхъ 3000 руб., принадлежащихъ царицѣ Прасковьѣ. Голиковъ, т. IX, стр. 474. Тяжба Тихменева съ Терскимъ продолжалась долго. Государь между прочимъ повелѣлъ Тихменеву отвѣтствовать на своеручные его запросы. Въ чемъ они состояли и чѣмъ кончилось дѣло, мы не доискались.

на дрова и починку каретъ—1601 руб. 92 коп.; чиновнымъ служительницамъ и крестовымъ дьякамъ—476 руб. 80 коп., дворовымъ и конюшеннаго чина людямъ—870 руб. 36¾ коп.; да на рожь и овесъ—3,380 руб., итого 6,329 руб. 8¾ коп. [1])

Единственный и любимый братъ царицы, Василій Салтыковъ, не присутствовалъ на похоронахъ сестры, и, получивъ извѣстіе объ ея кончинѣ, сильно опечалился. Обѣ племянницы написали ему въ одинъ и тотъ же день—19 ноября 1723 г.—утѣшительныя и буквально одинаковыя письма:

„Василій Ѳедоровичъ! Увѣдомились мы, что вы отъ болѣзни своей нетокмо (не) выздоровѣли, но и еще болѣзнь вамъ прибавилась; а къ тому-жъ зѣло печалитесь о кончинѣ государыни нашей матушки. Правда, что ея печаль зѣло чувственна намъ всѣмъ; однако-жъ тому уже помочь невозможно, только что здоровье свое можете повредить. Къ тому-жъ, какъ мы слышамъ, что вы намѣрены ѣхать сюда къ намъ, и то свое намѣреніе, конечно извольте отложить и сюда не ѣздите, ибо мы надѣемся, что сами въ Москвѣ будемъ. Пожалуй для Бога не печальтеся, хотя для насъ. Царевна Прасковья“.

Катерина Ивановна въ своемъ письмѣ нѣсколько измѣнила только послѣднюю фразу: „Пожалуй, дорогой мой, не печалься. Ц. Екатерина“ [2]).

Сама же герцогиня, хотя писала, что „сія печаль зѣло чувственна намъ всѣмъ“, но по свидѣтельству ея любимца, каммергера Берхгольца, скоро утѣшилась.

Всѣ хлопоты по раздѣлу имущества и имѣній царицы Прасковьи пали на одну младшую дочь ея, Прасковью Ивановну. Царевна, какъ и всѣ русскіе того времени, не представляла себѣ (и не безъ основанія), что возможно хлопотать о какомъ либо дѣлѣ, не раздавая направо и налѣво взятокъ, начиная съ высшихъ лицъ и кончая послѣднимъ подъячимъ. Она прежде всего стала давать взятки приближеннымъ императрицы, какъ это оказалось впослѣдствіи изъ ея собственныхъ показаній въ процессѣ Вилима Монса. Сестру его, Матрену

---

[1]) Каб. дѣла II полов. кн. LXV, л. 479, кн. XCII, лл. 433—437.

[2]) „Русская Старина“ изд. 1872 г., томъ VI, стр. 567.

Ивановну Балкъ, она жаловала полотномъ и запасами; Вилима Монсъ кромѣ посылки съѣстныхъ припасовъ, наградила псковскими деревнями „для тово—объясняла царевна—што все въ немъ искали штобы (былъ) добръ“... Награждала она и Столѣтова, секретаря Монса за то, „чтобъ онъ приводилъ Монса, а тотъ государыню императрицу, чтобъ та ее содержать въ милости своей изволила“ и домашнее бы имъ (царевнамъ) опредѣленіе учинила“. Просила также Прасковья Ивановна о себѣ и сестрѣ—князя Меншикова и его жену, писала почтительныя родственныя письма во дворецъ и т. п.

Что-то робкое и загнанное проявляется въ дѣйствіяхъ царевны Прасковьи и проглядываетъ въ ея письмахъ. Таковъ даже тонъ указовъ царевны управителю Осѣченской волости Калмыкову и старостѣ ея новгородскихъ волостей Петру Фирсову о присылкѣ живности, припасовъ и денегъ. Во всемъ этомъ оказывался постоянный недочетъ. Никто не чувствовалъ почтенія къ бѣдной царевнѣ. Даже покойная царица Прасковья Ѳедоровна относилась съ пренебреженіемъ къ хворой безличной дочери и этимъ еще болѣе обезличивала ее. Оставаясь долгіе годы неразлучно при крутой и суровой матери, царевна мало по малу привыкла къ рабскому подчиненію ея волѣ и утратила всякую самостоятельность. Гнетъ прекратился со смертью матери; герцогиня мекленбургская не была способна притѣснять кого бы то ни было; теперь Прасковья Ивановна могла говорить и поступать, какъ угодно; но уже было слишкомъ поздно—царевнѣ пошелъ 30-й годъ; въ этомъ возрастѣ уже не измѣняются люди.

Мы видѣли какъ скоро утѣшилась Катерина Ивановна, не долго тосковала по матери и сестра ея, Прасковья. Иноземные писатели свидѣтельствуютъ, что она тайно обвѣнчалась съ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, генераломъ и сенаторомъ. Тайный супругъ царевны Прасковьи былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствователей при составленіи того акта, которымъ герцогиня курляндская Анна Ивановна призывалась на всероссійскій престолъ съ ограниченіемъ самодержавной власти, но ради жены своей не только не подвергся опалѣ, но снискалъ милости новой государыни. Онъ не долго пользовался ими: Мамоновъ умеръ скоропостижно въ 1730 году. Прасковья

немногимъ пережила любезнаго ей супруга; она скончалась на рукахъ сестеръ въ 1731 году [1]).

Нелюбимая дочь царицы Прасковьи Ѳедоровны, Анна Ивановна въ 1723 году находилась въ Курляндіи. Ей не удалось проститься съ матерью; она даже не тотчасъ узнала объ ея смерти, потому что еще въ письмѣ своемъ отъ 18-го октября того же года просила императрицу о дозволеніи пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ матерью [2]), когда послѣдней уже не было на свѣтѣ.

Анна Ивановна пріѣхала въ Россію съ небольшой свитой, въ мартѣ 1724 года, на коронацію императрицы Екатерины Алексѣевны и опять вернулась въ Курляндію въ концѣ августа. Но прошло еще шесть лѣтъ; много перемѣнъ произошло въ Россіи: скончались Петръ Великій, Екатерина I, похоронили въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ Петра II, и герцогиня курляндская, помимо другихъ наслѣдниковъ, провозглашена была императрицей всероссійской.

15-го февраля 1730 года совершился торжественный въѣздъ императрицы Анны Ивановны въ Москву.

Прощаясь съ героями и героинями нашего разсказа, забудемъ-ли Василія Ѳедоровича Деревнина, благодаря жженію котораго мы познакомились съ нѣкоторыми особенностями характера благовѣрной старушки? Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ окончательной судьбѣ кончепаго стряпчаго крайне неудовлетворительны; 24-го сентября 1724 года, т. е. два года спустя послѣ объясненія Прасковьи съ стряпчимъ-казначеемъ, государь, удосужившись прочесть экстрактъ его дѣла, приказалъ генеральному суду либо принять Деревнина подъ свой караулъ, либо отослать его въ юстицъ-коллегію. Надо думать, что въ октябрѣ того же года состоялось о немъ какое-либо распоряженіе, такъ какъ дѣло сдано было (24-го октября) на храненіе въ тайную канцелярію, въ картонахъ которой оно находится и въ настоящее время.

---

[1]) Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode des Kaisers Peter des Grossen, соч. Шмита Фисельдека.

[2]) Письма русскихъ государей, изд. 1862 г. М. ч. IV, стр. 106.

Получилъ-ли Деревнинъ свободу, или отправленъ для отвращенія дальнѣйшихъ проволочекъ (что случалось зачастую) въ Сибирь, „на государеву службу" — неизвѣстно [1]).

Въ заключеніе нашего историко-біографическаго очерка, выскажемъ увѣренность, что личность блаженной памяти благовѣрнѣйшей государыни царицы Параскевы Ѳеодоровны обрисовалась предъ нашими читателями. До сихъ поръ мы встрѣчали эту женщину въ нашихъ печатныхъ источникахъ, въ спискахъ лицъ, участвовавшихъ въ той, либо другой процессіи, либо читали два-три слова о вниманіи и расположеніи къ ней Петра Великаго. Затѣмъ она все-таки оставалась какимъ-то безплотнымъ, безцвѣтнымъ, существомъ, съ именемъ котораго мы не соединяли ни малѣйшаго понятія: Прасковья представлялась намъ такою же безличною тѣнью, какою до сихъ поръ остаются въ исторіи Петра бо́льшая часть его сподвижниковъ и сподвижницъ.

Мы убѣждены, что для полной исторіи того времени, для яснаго, отчетливаго знакомства съ обществомъ, съ духомъ той эпохи, съ обстановкою Петра, необходимо болѣе или менѣе близкое знакомство не только съ государственными дѣятелями, сподручниками, птенцами Петра, но и съ тѣми, мужскими и женскими, знатными и незнатными персонами, которымъ выдалась замѣтная роль въ общественной жизни, которыя, наконецъ, могутъ служить типическими представителями и представительницами своего времени и тогдашняго общества.

Царица Прасковья — именно одна изъ такихъ личностей. Въ ней мы видимъ женщину до-петровскую, съ суевѣріями, предразсудками и ханжествомъ, и женщину петербургской преобразовательной эпохи, съ умѣньемъ примѣняться къ обстоятельствамъ, къ характерамъ вліятельныхъ лицъ, съ извѣстными уступками современному духу въ обученіи дѣтей, въ препро-

---

[1]) Послѣдняя бумага, относящаяся къ сему дѣлу, есть представленіе тайной канцеляріи, 9-го ноября 1724 г., въ кабинетъ его величества копіи съ жалобы Терскаго (1722 г.) на московскую полицію и Степана Тихменева, „чтобъ была та просьба (а рѣшеніе по ней не положено) извѣстна въ кабинетѣ, а къ тайной канцеляріи впредь къ неисправленію чего не причлось бы, понеже о деньгахъ (начеты на Деревнина царицею) по оной канцеляріи не приличествуютъ". Дѣла Розыскн. дѣлъ Тайной Канцеляріи, карт. XV, лл. 45—46.

вожденіи времени, въ забавахъ, развлеченіяхъ; наконецъ, — и это всего важнѣе, — личность царицы Прасковьи интересна для насъ уже потому, что она мать императрицы Анны Ивановны. Исторія Анны—въ связи съ подробностями всей ея жизни (если мы дождемся таковаго труда)—ни въ какомъ случаѣ не обойдетъ царицу Параскеву Ѳеодоровну.

Прислушайтесь къ отзывамъ современниковъ объ Аннѣ Ивановнѣ. Анна, по свидѣтельству одного изъ нихъ, „не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здравый разсудокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы нраву грубаго... грубый природный обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо она родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, какъ многія строгости были оказуемы; и сіе учинило, что она не щадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содроганія подписывала... Не имѣла жадности къ славѣ, и потому новыхъ узаконеній и учрежденій мало вымышляла, но старалась старое учрежденное въ порядкѣ содержать... Не можно оправдать ее въ любострастіи, ибо подлинно, что бывшій у нея гофъ-мейстеромъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ, а потомъ Биронъ и явно любимцемъ ея былъ, но наконецъ при старости своихъ лѣтъ является, что она его болѣе, яко нужнаго друга себѣ имѣла, нежели какъ любовника“ [1]).

Подобные отзывы объ Аннѣ Ивановнѣ, разсказы о ея суевѣріи и проч., живо представляютъ намъ сродство ея характера, привычекъ, даже взглядовъ на вещи съ характеромъ, достоинствами и недостатками ея матушки. Вліяніе царицы Прасковьи Ѳедоровны не могло не отразиться на развитіи ея дочери, императрицы Анны Ивановны.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о портретѣ Прасковьи. Онъ помѣщенъ въ изданіи г. Фридебурга: „Царственный домъ Романовыхъ“, и какъ видно изъ подписи: „компонованъ съ портрета Московскаго Новоспасскаго монастыря“. Мы не видѣли

[1]) Кн. М. М. Щербатовъ: „О поврежденіи нравовъ“. „Русская Старина“, изд. 1870 г., томъ II (изд. третье), стр. 40.

оригинала; по словамъ г. Фридебурга—оригиналъ рисованъ масляными красками и надпись его гласитъ такъ: „Царица Прасковья Ѳедоровна". Не смотря на надпись, мы однако сильно сомнѣваемся, чтобъ это былъ портретъ царицы. Въ сомнѣніе повергаетъ насъ костюмъ Прасковьи: царица изображена какъ въ копіи, такъ и на оригиналѣ (по свидѣтельству г-на Фридебурга), съ открытою грудью, декольте, въ высокомъ корсажѣ, съ выдавшимся лифомъ, съ короткими рукавами, стянутыми бронками, въ богатой мѣховой мантіи, небрежно накинутой на лѣвое плечо. Вообще костюмъ чисто иноземный, а извѣстно, что царица не любила и не носила его даже до старости, а тѣмъ болѣе не могла носить въ молодые годы: она представлена красавицей лѣтъ 25-ти. Наружность Прасковьи Ѳедоровны, если вѣрить этому, быть можетъ мнимому, портрету, была весьма привлекательна; она изображена здѣсь стройною, статною, съ высокою грудью, полнымъ лицомъ и прекрасно очерченными бровями; волосы, зачесанные маленькими завитками на лбу, безъ пробору, густыми, роскошными косами ниспадаютъ на плечи. Въ описаніяхъ Новоспасскаго монастыря, изд. 1802, 1821 и 1843 гг., ничего не говорится о хранящихся въ монастырѣ портретахъ.

Эта догадка наша о портретѣ царицы Прасковьи, напечатанная въ 1861 г., въ первомъ изданіи книги „Царица Прасковья"—вполнѣ оправдалась.

Портретъ, изданный Г. К. Фридебургомъ, исполненъ съ фантастическаго изображенія царицы. Подлинный портретъ царицы Прасковьи найденъ нами лично въ маѣ 1881 г. въ Троицко-Сергіевской лавры, близь Москвы, въ залѣ келій митрополита, въ углу. Вполнѣ точная копія съ него, но въ уменьшенномъ размѣрѣ, снята для насъ заботливостью архимандрита лавры, высокочтимаго дѣятеля въ области историческихъ изслѣдованій—архимандрита Леонида.

Художникъ Н. К. Брезе вполнѣ искусно и старательно отпечаталъ этотъ портретъ хромолитографически и онъ приложенъ къ настоящей книгѣ.

12 мая 1861 г. и 12 мая 1883 г. Михаилъ Семевскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Переписка царицы Прасковьи Ѳедоровны.

1716—1723.

I.

Царица Прасковья — государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

1716 г. февраля 3-го. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя матушка и невѣстушка, царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ. Доношу милости твоей: Государь царевичъ Петръ Петровичъ и государыня царевна Анна Петровна, и государыня царевна Елисавета Петровна, слава Богу, въ добромъ здоровьи.

Пожалуй, государыня моя невѣстушка, прикажи насъ увѣдомить писаніемъ о вашемъ здравіи, чего мы отъ сердца слышать желаемъ. Прошу вашей милости: содержи, свѣтъ мой, въ своей милостя мою дочку, какую я видѣла къ ней твою милость, также слышу и заочную твою милость къ ней.

А о себѣ доношу вашей милости: я съ дѣтьми своими до воли Божіей живы.

„Присемъ остаюсь — сноха ваша Прасковья кланяюсь“ [1]).

Примѣчаніе. На оборотѣ адресъ: „Государынѣ моей невѣстушкѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“.

---

[1]) Строки, отмѣченныя въ письмахъ царицы Прасковьи, а равно и въ письмахъ ея дочерей вносными знаками — написаны царицею и царевнами собственноручно.

Многія изъ этихъ писемъ впервыя явились въ печати въ первомъ изданіи нашей книги „Царица Прасковья“ въ 1861 г., затѣмъ тогда-же, т.-е. въ 1861-мъ году, это документы, хотя и не всѣ, но за то дополненные вновь отысканными письмами тѣхъ же лицъ явились въ изданіи Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ: „Письма Русскихъ государей и прочихъ особъ царскаго семейства“, изд. 1861 г. томъ II.

Такъ какъ въ помянутомъ изданіи документы напечатаны уже буквально, то мы здѣсь не считаемъ необходимымъ воспроизводить всю безграмотность переписки того времени, а довольствуемся дословной передачей писемъ.

II.

1716 г. февраля 9-го. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя матушка и невѣстушка, царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ. Прошу, государыня, прикажи насъ увѣдомить писаніемъ о здравіи государевомъ и о своемъ, чего мы отъ сердца слышать желаемъ. Доношу вашей милости: государь царевичъ Петръ Петровичъ, государыня царевна Анна Петровна, государыня царевна Лизавета Петровна, слава Богу, въ добромъ здоровьи.

Пожалуй, матушка моя невѣстушка, не оставь въ своей милости Катюшки.

А о себѣ доношу вашей милости: я съ дѣтьми своими до воли Божіей живы.

„Присемъ остаюсь—споха ваша Прасковья кланяюсь".

Примѣч. На оборотѣ письма адресъ: „Государынѣ моей невѣстушкѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ".

III.

Царица Прасковья — Петру I.

(Безъ означенія года). Февраля 14-го. Изъ С.-Петербурга.

„Батюшка мой, государь царь Петръ Алексѣевичъ! Здравія тебѣ, батюшка мой, и счастія добраго желаю отъ сердца своего на множество лѣтъ, и съ государынею моею матушкою невѣстушкою, царицею Екатериною Алексѣевною, и съ дѣтками вашими дорогими. Благодарствую, батюшка мой государь, за превысокую твою къ Катюшкѣ милость, и я всѣмъ сердцемъ слыша радуюсь и другія мои дѣти того же желаютъ; не оставь, мой батюшка, и тѣхъ. Пожалуй, мой батюшка, прикажи насъ увѣдомить о вашемъ здоровьи, чего всегда желаемъ.

Присемъ остаюсь—П. кланяюся.

При этомъ — изъ грамотокъ герцогини Курляндской Анны Ивановны, герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны и царевны Прасковьи Ивановны помѣщаемъ здѣсь лишь нѣсколько наиболѣе характерныхъ писемъ.

М. С.

IV.

Царица Прасковья — Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

(Безъ означенія года). Февраля 14-го. Изъ С.-Петербурга.

Матушка моя государыня невѣстушка, царица Екатерина Алексѣевна! Здравія вашего желаю и добраго счастія, и съ государемъ нашимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, и съ дорогими вашими дѣтками, на множество лѣтъ. И доношу: дорогія ваши дѣтки, за помощіею Божіею, въ добромъ здоровьи. Благодарствую, матушка моя, за превысокую твою къ Катюшкѣ милость, и я всѣмъ сердцемъ слыша радуюсь; и впредь, матушка моя, имѣю на тебя и на твое милосердіе надежду.

„При семъ остаюсь Прасковья кланяюся".

V.

1716 г. февраля 18. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя невѣстушка и матушка царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ, купно съ государемъ нашимъ общимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Благодарствую, государыня моя, за писаніе ваше, и впредь о томъ-же прошу, дабы не оставлены были писаніемъ объ общемъ вашемъ здравіи, чего мы отъ сердца слышать желаемъ.

Доношу вашей милости: дорогія ваши дѣтки, слава Богу, въ добромъ здоровьи. Прошу, да не оставлена будетъ Катюшка въ вашей милости.

„За симъ остаюсь — сноха ваша Прасковья кланяюсь".

Примѣч. На оборотѣ письма адресъ: „Государынѣ моей невѣстушкѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ".

VI.

(Безъ означенія года, мѣсяца и числа). Изъ С.-Петербурга

Государыня моя невѣстушка и матушка царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ, купно съ государемъ нашимъ общимъ батюшкою, съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ.

Доношу вашей милости: дорогія дѣтки ваши, слава Богу, въ добромъ здоровьи. Благодарствую, государыня моя, за писаніе ваше, чего и впредь желаю слышать чрезъ писаніе о вашемъ общемъ здравіи; а что изволишь писать, чтобъ взаимно не покинуть дорогихъ дѣтокъ вашихъ, и мы рады служить — лишь бы что вамъ угодно.

„О Катюшкѣ прошу, пожалуй, свѣтъ мой, содержать ее въ такой милости, какъ отовсюду слышу превеликую къ ней милость; о томъ, свѣтъ мой, еще прошу, что съ молодости, какая неисправа — пожалуй, свѣтъ мой, поучи и покручинься и побей по такой твоей милости. Присемъ остаюся Прасковья".

Примѣч. На оборотѣ письма адресъ: „Государынѣ моей невѣстушкѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ".

VII.

1716 г. марта 10. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя невѣстушка и матушка царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ, купно съ государемъ нашимъ общимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ.

Доношу вашей милости: дорогія дѣтки ваши, слава Богу, въ добромъ здоровьи. Благодарствую, государыня моя, за писаніе ваше, и впредь о томъ же прошу, дабы не оставлены были мы писаніемъ о состояніи общаго вашего здравія, чего отъ сердца слышать желаемъ. Пожалуй, матушка моя, не оставь въ своей милости дочери моей Катюшки.

Доношу вашей милости: я съ дѣтьми своими до воли Божіей живы.

„Присемъ остаюсь — сноха ваша Прасковья кланяюсь".

Примѣч. На оборотѣ письма адресъ: „Государынѣ моей невѣстушкѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ".

VIII.

1716 г. марта 16. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя невѣстушка и матушка царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ, купно съ государемъ нашимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ.

Доношу вашей милости: дорогія дѣтки ваши, слава Богу, въ добромъ здоровьи. Благодарствую, государыня моя, за писаніе ваше, и впредь прошу, дабы не оставлены были писаніемъ о состояніи общаго вашего здравія, чего отъ сердца слышать желаемъ. Благодарствую, матушка моя, за милость вашу къ дочери моей Катюшкѣ, о которой пишешь о вашей милости непремѣнной къ ней; а о себѣ доношу вашей милости: я съ дѣтьми своими до воли Божіей живы.

„Присемъ остаюсь — сноха ваша Прасковья кланяюсь".

IX.

Государыня Екатерина Алексѣевна — царицѣ Прасковьѣ.

1716 г. октября 10. Изъ Копенгагена.

Государыня моя невѣстушка, царица Параскевія Ѳеодоровна! Здравствуй на множество лѣтъ, купно и съ любезными своими государынями царевнами.

Доношу вамъ, моей государынѣ, что его царское величество обрѣтается, слава Богу, въ добромъ здравіи, и надѣемся, что отсель путь свой воспріимемъ вскорѣ, понеже десантъ въ Шону, за позднимъ временемъ, отложенъ. Прошу васъ, моей государыни, дабы въ писаніяхъ своихъ меня не оставили, чего я зѣло желаю.

Присемъ объявляю вамъ, что Крестовскій островъ, который прежде былъ блаженныя памяти государыни царевны Наталіи Алексѣевны, царское величество изволитъ отдать вамъ, и онымъ островомъ извольте владѣть. За симъ здравіе ваше предавъ въ защищеніе Божіе, остаюсь Екатерина.

Примѣч. На оборотѣ письма помѣта: „Противъ сего послана копія".

X.

Царица Прасковья — кн. Меншикову.

1716 г. ноября 10. Изъ мѣстечка Никольскаго.

„Батюшка мой, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ! Здравія вашего желаю на множество лѣтъ, и съ свѣтлѣйшею княгинею

Дарьею Михайловною, и съ прелюбезнѣйшими вашими дѣтками, и съ новорожденною вашею дочерью, съ своячиною вашею Варварою Михайловною".

Пожалуй, свѣтъ мой, прикажи насъ по своей милости увѣдомить о вашемъ общемъ вашемъ здоровьи. Ей, ей, ей, желаю отъ всего моего добраго сердца слышать про твое здоровье. Доношу вашей свѣтлости, князь Александръ Даниловичъ, царское величество и государыня невѣстушка пожаловали мнѣ островъ Крестовскій блаженныя памяти государыни царевны Наталіи Алексѣевны, и тотъ островъ отдать намъ прикажи по указу царскаго величества. Присемъ остаюсь ц. Прасковья.

Примѣч. На оборотѣ письма помѣта: „Отдано къ споскѣ декабря въ 3 де(нь)".

XI.

Кн. А. Д. Меншиковъ — царицѣ Прасковьѣ.

1717 г. генваря 4.

Всемилостивѣйшая государыня царица! Не могъ не оставить по моей должности ваше в(еличество), купно съ ихъ высочествы, дражайшими дѣтьми вашими, наставшимъ новымъ годомъ поздравить. Желаю, да сподобитъ васъ Всевышній и въ предъидущія времена многихъ такихъ новыхъ лѣтъ достигнуть при всякой совершенной цѣлости здравія вашего. О себѣ же отсюда иного къ доношенію не имѣю, кромѣ того, что за помощью всемогущаго Бога во всемъ здѣсь благополучно. Ихъ высочества: какъ государь царевичъ, мой дражайшій хозяинъ, такъ и царевны государыни во всякомъ добромъ и здравомъ обрѣтаются состояніи.

Наконецъ же рекомендуюсь со всѣми моими въ вашу превысокую милость и остаюсь вашего величества нижайшій.

Въ цыдулѣ:

Напредъ сего изволила ко мнѣ въ письмѣ своемъ писать всемилостивѣйшая государыня царица объ отдачѣ мнѣ, вмѣсто Крестовскаго, Петровскаго острова, и понеже ея величество не изволила моего о томъ знать намѣренія, что я просилъ и царское величество пожаловать меня, вмѣсто онаго Петровскаго, Крестовскимъ островомъ, на которомъ я уже и матеріалы многіе надлежащіе къ пильнымъ мельницамъ великимъ иждивеніемъ перевезъ и заводы завелъ: и того ради

просилъ ихъ величества, на которое мое прошеніе и отвѣтъ милостивый я получилъ, что изволили повелѣть мнѣ Крестовскимъ владѣть, а Петровскій вашему величеству отдать. Того ради всенижайше прошу ваше в., дабы изволили явить ко мнѣ вашу высокую милость, чтобъ мое иждивеніе и прочіе заводы напрасно не пропали; а я надѣюсь, что вашему величеству угоднѣе будетъ помянутый Петровскій, нежели оный Крестовскій островъ, понеже къ Васильевскому острову гораздо способенъ.

Примѣч. Вверху письма, напечатаннаго съ чернового отпуска, помѣта: „Къ царицѣ Парасковьѣ Ѳеодоровнѣ", внизу другая: „Послано чрезъ почту генваря 4 дня 1717 года".

XII.

1717 г. февраля 1.

Каковое на пришедшей сюда сегодня нѣмецкой почтѣ получилъ я письмо отъ ея величества всемилостивѣйшей государыни царицы Екатерины Алексѣевны, до вашего в(еличества) надлежащее, за отворчетою печатью, оное при семъ прилагаю. И понеже содержаніе того не иное есть, токмо дабы ваше величество изволили взять Петровскій островъ, а Крестовскій за мною оставить, и хотя я, будучи въ надеждѣ на превысокую вашу ко мнѣ милость, въ томъ никакого сумнѣнія не имѣю, но болѣе уповаю, что ваше величество тѣмъ Петровскимъ островомъ довольствоваться изволите; однакожъ пріемлю смѣлость ваше в. всепокорно просить, дабы въ томъ не изволили чинить болѣе трудности, понеже уже у меня на томъ Крестовскомъ острову немалое строеніе заведено, и въ томъ я на ваше в. благонадеженъ. Впрочемъ о поведеніи здѣшнемъ всепокорно доношу, что за помощію всемогущаго Бога во всемъ здѣсь благополучно. Ихъ величества: какъ государь царевичъ, такъ и царевны государыни во всякомъ добромъ и здравомъ обрѣтаются состояніи [1]). Наконецъ ихъ высочествамъ, дражайшимъ дѣтямъ вашимъ, моимъ же премилостивѣйшимъ государынямъ, отдаю мой всенижайшій поклонъ, и рекомендуясь въ вашу превысокую милость, остаюсь вашего величества нижайшій.

Примѣч. Вверху письма, напечатаннаго съ чернового отпуска, находится помѣта: „Къ царицѣ Параскевіи Ѳеодоровнѣ", внизу другая: „Чрезъ почту февраля 1-го дня".

[1]) Затѣмъ зачеркнуто: „Я изъ Ревеля пріѣхалъ сюда вчерашняго дня".

XIII.

Царица Прасковья — государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ

1718 г. марта 7. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя невѣстушка матушка, царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, государыня моя, на множество лѣтъ, купно съ государемъ нашимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Доношу вашему величеству: дѣтки ваши дорогіе — государь царевичъ Петръ Петровичъ, государыня царевна Анна Петровна, государыня царевна Елизавета Петровна, слава Богу, въ добромъ здоровьи. Благодарствую, свѣтъ мой, за милостивое вашего величества писаніе, чего и впредь слышать желаю о здравіи вашего величества.

„Присемъ должныи мой поклонъ отдаю Прасковья".

XIV.

1719 г. генваря 20. Петровскіе заводы.

Государыня моя невѣстушка, матушка царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, государыня моя, на множество лѣтъ, купно съ государемъ нашимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, и съ дѣтушками вашими дорогими: государемъ царевичемъ Петромъ Петровичемъ, и государынею царевною Анною Петровною, и государынею царевною Лизаветою Петровною, и государынею царевною Наталіею Петровною. Доношу вашему величеству: пріѣхали мы на Петровскіе заводы сего мѣсяца 17-го дня, и живемъ тутъ, дожидаемся ваше величество сюды, и прошу, свѣтъ мои, прикажите насъ увѣдомить о здравіи своемъ, также скоро-ли изволите быть къ намъ?

„Присемъ должный мой поклонъ отдаю Прасковья".

„Присемъ племянница ваша Анна кланяюсь".

„Присемъ племянница ваша Прасковья кланяюся".

XV.

1719 г. сентября 17. Съ Петровскихъ заводовъ.

Государыня моя милостивая, матушка невѣстушка, царица Екатерина Алексѣевна!

Здравствуй, свѣтъ мой, купно съ государемъ нашимъ общимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, и съ дорогими дѣтками вашими, а моими государынями царевнами: съ государынею царевною Анною Петровною, съ государынею царевною Лизаветою Петровною, съ государынею царевною Натальею Петровною, также и со внучатками.

Поздравляю вашему величеству (со) счастливымъ прибытіемъ его царскаго величества, и прошу, государыня, пожалуй, поцѣлуй за меня его величества ручку.

О себѣ вашему величеству доносимъ, что я съ дочерью моею до воли Божіей живы. И за симъ здравіе ваше въ сохраненіе Божіе предаю и остаюсь „Прасковья".

XVI.

(Безъ означенія года). Марта 3. Изъ марціальныхъ водъ.

„Государыня моя матушка невѣстушка, пресвѣтлѣйшая государыня царица Екатерина Алексѣевна! Желаю вамъ, свѣтъ мой, добраго здоровья и съ государемъ нашимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, и дѣтками вашими, отъ вышняго Бога на множество лѣтъ.

При семъ благодарствую за милостивое о мнѣ сожалѣніе чрезъ писанія вашего величества и о томъ порадовалась отъ сердца; также слышу вашу милость къ Аннушкѣ. При семъ остаюсь Прасковья".

Примѣч. На оборотѣ адресъ: „Государынѣ моей невѣстушкѣ пресвѣтлѣйшей царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ".

XVII.

Государыня Екатерина Алексѣевна — царицѣ Прасковьѣ.

1721 г. апрѣля 2.

Въ началѣ поздравляю васъ государыню (со) счастливымъ употребленіемъ марціальныхъ водъ, и желаю сердечно, дабы оныя вамъ, государынѣ, были отъ болѣзни дѣйствительны, что дай Боже! Объявляю, что его ц(арское) в(еличество), купно и я, при помощи Божіей [1]),

[1]) Послѣ этого въ черновомъ отпускѣ, съ котораго напечатано это письмо, вычеркнуты слѣдующія слова: „также и дорогая ваша дщерь ц. А. П. пребываемъ здѣсь".

прибыли сюды въ добромъ здравіи. Присемъ же поздравляю вамъ государынѣ [1]) (съ) нынѣшнимъ торжествомъ ваш, и желаю [2]) отъ сердца, до подастъ Всевышній во всякомъ благополучіи и радости достигнути свѣтоноснаго торжества спасительнаго Христова Воскресенія, купно [3]) съ дражайшею вашею дщерью, а нашею любезною п. ц. П. Н. [4]) (и) во всякомъ веселіи оный торжественный праздникъ препроводить.

PS. Объявляю, что любезнѣйшая наша пл(емянница), ваша драгая дочь царевна и герцогиня Анна Ив(ановна), слава Богу, обрѣтается здѣсь въ добромъ здравіи [5]).

Прошу васъ, государыню: извольте меня увѣдомить о состояніи вашего здравія, и хорошо-ли вамъ воды дѣйствовали?

Примѣч. На оборотѣ чернового отпуска, съ котораго напечатано это письмо, находится замѣтка: „Въ 15 де(нь) апрѣля къ царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ поздравленіе настоящаго праздника Христова Воскресенія, благодарствіе за писаніе ея“.

XVIII.

Царица Прасковья — государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

1721 г. апрѣля 23. Изъ С.-Петербурга.

Государыня моя милостивая, матушка невѣстушка, царица Екатерина Алексѣевна! Здравствуй, свѣтъ мой, купно съ дорогимъ государемъ нашимъ батюшкою, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ.

Благодарствую, государыня, за писаніе вашего величества, о чемъ и впредь просимъ. Пожалуй, государыня, не оставь насъ писаніемъ объ общемъ здравіи вашего величества, чего отъ сердца слышать желаемъ.

Доношу вамъ, государынѣ: дѣтки ваши, государыни мои царевны— государыня царевна Анна Петровна, государыня царевна Лизавета Петровна, государыня царевна Наталія Петровна, и со внучатки вашими, слава Богу, въ добромъ здравіи, и я съ Параню́шкою до воли Божіей жива.

Прошу у васъ, государыня, милости: побей челомъ царскому величеству о дочери моей Катюшкѣ, чтобъ въ печалѣхъ ее не оставилъ

---

[1]) Вычеркнуто: „моему свѣту, мимошедшимъ“.

[2]) Вычеркнуто: „отъ преискреннія любви нашея вамъ“.

[3]) Вычеркнуто: „и со всею васъ, моего свѣта фамиліею“.

[4]) Т. е. племянницею царевною Прасковьею Ивановною.

[5]) Затѣмъ вычеркнуто: „по ея къ намъ подобающемъ любленіи радуется“.

въ своей милости: также и ты, свѣтъ мой, матушка моя невѣстушка, пожалуй, не оставь въ такихъ ея несносныхъ печалѣхъ. Ежели велитъ Богъ видѣть ваше величество, и я сама донесу о печалѣхъ ея. И приказывала она ко мнѣ на словахъ, что и животу своему не рада, да проситъ милости слезно, чтобы ей быть съ княземъ въ Петербургъ и видѣть ваше величество; приказывала такъ, чтобы для ея бѣдства умилосердился царское величество и повелѣлъ бы быть къ себѣ. За симъ здравіе ваше предаю въ сохраненіе Божіе и остаюсь невѣстка ваша „Прасковья".

XIX.

Государыня Екатерина Алексѣевна — царицѣ Прасковьѣ.

1722 г. февраля „ ".

Государыня моя невѣстушка, царица Прасковья Ѳедоровна, здравствуй на множество лѣтъ.

Объявляю вамъ, что его императорское величество, такожъ и я, прибыли сюда съ Петровскихъ заводовъ въ 15 де(нь) сего мѣсяца благополучно, и его величество изволилъ начать употреблять воды въ 18 де(нь) сего-жъ мѣсяца. Доносилъ намъ секретарь Алексѣй Макаровъ о посылкѣ одной женщины къ царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ въ Курляндію или въ Ригу; и ежели иного кого не сыщется [1]), то извольте послать хотя Ѳедосью Грекову, о чемъ и къ князю Александру Даниловичу писано: что ежели (ве)лите, дабы и мужъ ея съ нею уволили [2]).

XX.

1722 г. марта 18.

Государыня моя невѣстушка, царица Парасковья Ѳеодоровна! Здравствуй на множество лѣтъ, купно съ любезнѣйшими своими дѣтками: государынями царевнами Екатериною Ивановною, Парасковьею Ивановною, и со внучкою.

Объявляемъ вамъ, что его императорское величество прибылъ сюда въ 3 день сего мѣсяца, а я въ 5 день прибыла сюда благополучно, и здѣсь обрѣтаемся въ добромъ здравіи.

[1]) Въ черновомъ отпускѣ, съ котораго напечатано это письмо, вычеркнуто: „ежели вамъ не противно".

[2]) Прежде было написано такъ: „А я о томъ и къ Александру Даниловичу писала, чтобъ для той посылки и мужа ея, ежели онъ желаетъ туды ѣхать, уволилъ".

XXI.

Царица Прасковья — герцогинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

(Въ началѣ 1722 г.).

„Катюшка, свѣтъ мой, будь на(дъ) тобою милость Божія и пресвятыя Богородицы милосердіе! Пиши, свѣтъ мой, про свое и про княжье и про дочкино здоровье, а я и сестра, до воли Божіей, живы. Да зови, Катюшка, князя къ намъ; дядюшка со мною изволилъ говорить, чтобы де пріѣхалъ ко мнѣ,—и ты, какъ можно, зови его къ намъ. Буде поѣдете, не покидайте дочки, не надсадите меня при моей старости". И какъ вы поѣдете сюды, и дядюшка и тетушка будутъ вамъ рады и ваше дѣло все лучше управятъ, какъ сами увидитесь съ ними. Нынѣ, Божіею милостію, дядюшкино дѣло все хорошо и Господь Богъ къ нему милостивъ, можетъ онъ упроситъ у Бога и васъ утѣшить: также и отъ меня позови его къ намъ. Да послалъ къ тебѣ дядюшка десять косяковъ камокъ, да отъ меня тебѣ послано: мѣхъ лисій да пару соболей, да сестра тебѣ посылаетъ мѣхъ лисій, а горностайный мѣхъ поднеси князю отъ Паранюшки, да семь брусковъ мыльца грецкаго, да три мѣха лисьихъ росхожихъ, на что сгодные, и тутъ же положены въ баулѣ гостинцы отъ другихъ. Да приказано тебѣ, царевна, больше Окуневу на словахъ: онъ о всемъ скажетъ. А что не своею рукою писала, право немогу головою и мало вижу; все сокрушили меня ваши печали! Всеконечно, Катюшка, дядюшка говорилъ, что какъ пріѣдутъ, всеконечно дѣло ихъ управлю; я не пишу никогда ложно. Да съ нимъ же Окуневымъ посланъ къ тебѣ священникъ, да съ нимъ дьяконъ Филипъ и пѣвчій Филка: кажется, люди нарочиты; а буде плохъ, я по зимѣ другого пришлю, и чаю—сама поѣду къ Москвѣ зимою, и тамъ выберу добрыхъ. А которая у меня дѣвушка грамотѣ умѣетъ, посылаетъ къ вамъ тетрадку; а я ее держу у себя, чтобъ внучку учить русской грамотѣ.

„При семъ будь на(дъ) тобою мое и отцово благословеніе. Мать ваша ц. П.".

XXII.

Царица Прасковья — внучкѣ ея принцессѣ Аннѣ.

(Въ началѣ 1722 г.).

Другъ мой сердечный внучка, здравствуй съ батюшкою и съ матушкою! Пиши ко мнѣ о своемъ здоровьи и про батюшкино, и про

матушкино здоровье своею ручкою; да поцѣлуй за меня батюшку и матушку: батюшку въ правый глазокъ, а матушку въ лѣвый. Да посылаю тебѣ, свѣтъ мой, гостинцы: кафтанецъ теплый, для того чтобъ тебѣ тепленько ко мнѣ ѣхать. Да послана къ тебѣ баулочка, а въ ней сто золотыхъ -и ты изволь ими тѣшиться, да досканца. Утѣшай, свѣтъ мой, батюшку и матушку, чтобъ они не надсажались въ своихъ печаляхъ, и позови ихъ ко мнѣ въ гости, и сама съ ними пріѣзжай: и я чаю, что съ тобою увижусь, что ты у меня въ умѣ непрестанно. При семъ отдай поклонъ отцу и матери отъ меня. „Да посылаю я тебѣ свои глаза ⊃ ⊃ старые; уже чуть видятъ свѣтъ; бабушка твоя старенькая хочетъ тебя, внучку маленькую, видѣть. Царица Прасковья".

XXIII.

(Въ началѣ 1722 г.).

„Внучка, свѣтъ мой! желаю я тебѣ, другъ мой сердечный, всякаго блага отъ всего моего сердца; да хочется, хочется, хочется тебя, другъ мой внучка, мнѣ бабушкѣ старенькой видѣть тебя, маленькую, и подружиться съ тобою: старый съ малымъ очень живутъ дружно. Да позови ко мнѣ батюшку и матушку въ гости, и поцѣлуй ихъ за меня, и чтобы они привезли и тебя, а мнѣ съ тобою о нѣкакихъ нуждахъ самыхъ тайныхъ подумать и переговорить. При семъ еще здравствуй!"

„Бабушка твоя кланяюся—ц. П.".

XXIV.

Царица Прасковья — герцогинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

1722 г. мая.

„Царевна Катерина Ивановна! Пишу я тебѣ, слыша про васъ великую милость; изволилъ говорить дядюшка со мною: ежели де онъ ко мнѣ пріѣдетъ, я де всѣ его дѣла управлю. И ты, Катюшка, не потеряйте своего дѣла, не раскручиньте его, государя: и отъ Бога за него примете гнѣвъ, ежели не пріѣдете къ намъ, и меня на моей старости надсадите: наложу клятву! И какъ возможно дѣлай, чтобы вамъ быть сюда. Мать ваша ц. П.".

XXV.

1722 г. мая.

„Царевна Екатерина Ивановна! Будь на(дъ) тобою милость Божія и пресвятой Богородицы милосердіе и отцово и мое материно благословеніе". Пиши ко мнѣ про свое здоровье и про мужнее и про дочкино почаще. Да пишу къ тебѣ, свѣтъ мой Катюшка, и подкрѣпляю тебя Богомъ въ твоихъ печаляхъ и болѣзняхъ: положи все свое упованіе на Господа Бога и на пресвятую Богородицу; можетъ Онъ всемилосердый Владыка и пресвятая Богородица несодѣланное сдѣлать здѣ(сь) и въ будущемъ. А печалью себя не убей, не погуби души, также и храни свой законъ, аки зеницу ока, чтобъ тебѣ стати въ будущемъ со Христомъ во единой вѣрѣ, хотя невѣдомо что пострадди; не наведи на себя клятвы церковной и нашей. А о васъ государь соболѣзнуетъ очень и всяко хочетъ помочь; только не видавши(сь) съ вами, нельзя сего дѣла дѣлать; всеконечно надобно вамъ быть въ Ригу. А Окуневъ посланъ къ вамъ: держи, сколько надобно. Поклонись отъ меня мужу своему и внучкѣ моей. А о себѣ пишу тебѣ: лежу больна, словетъ (совсѣмъ?) то въ разслабленіи; съ самаго Рождества ногами не владѣю, только что руками; и сестра также мало можетъ безпрестанно. А больше на словахъ приказано съ Окуневымъ.

Да послала я внучкѣ игрушечки, отдай ей бочечку да тазикъ.

Да прости меня, царевна Катерина, ежели что Господь сотворитъ, помяни; я уже въ великихъ своихъ скорбѣхъ и несносныхъ печалѣхъ не чаю себѣ житія долгаго; еще-бъ жила, только убила себя печальми великими. А что пишешь себѣ про свое брюхо, и я по письму вашему не чаю, что ты брюхата: живутъ этакіе случаи, что не познается. И я при отцѣ такъ была [1]), годъ чаяла — брюхата, да такъ изошло. Отпиши еще поподлиннѣе про свою болѣзнь и могутъ-ли доктора вылечить? А мы съ Москвы еще не слышимъ походу; только чаю, что скоро ѣхать; и я съ Москвы прямо къ водамъ проѣду. Да отпиши, пожалуй, подлинно: поѣдите-ль вы въ Ригу или нѣтъ? И ежели тебѣ возможно отъ него, буде не брюхата, — попрежнему у насъ побывать,

---

[1]) Въ первомъ изданіи книги: „Царица Прасковья" совершенно вѣрно напечатано — „я при отцѣ такъ была годъ чаяла", но въ изданіи „Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства", М., 1861 г., томъ II стр. 22 -ошибочно напечатано: „я при отъѣздѣ такъ была годъ чаяла" и проч. Ошибку этого изданія и мы повторили въ текстѣ второго изд. книги „Царица Прасковья", см. выше стр. 111.

Здѣсь, въ приложеніяхъ мы исправили эту ошибку, т. е. не „при отъѣздѣ", — а „при отцѣ".

какъ вылечишься; буде мнѣ возможно будетъ ѣхать, для моей старости и для моей болѣзни; и ежели не брюхата, и тебѣ всеконечно и адобно быть на Олонцѣ у марціальныхъ водъ для этакой болѣзни, что пишешь есть опухоль, и отъ такихъ болѣзней и поврежденія женскихъ немощей вода зѣло пользуетъ и вылечиваетъ. Сестра княгиня Настасья у водъ вылечилась отъ такихъ болѣзней, и не пухнетъ, и бокъ не болитъ, и немощи уставились помѣсячно порядкомъ. Если не послужатъ докторскія лекарства, всеконечно надобно тебѣ къ водамъ ѣхать на Олонецъ. Писавый мать ваша посылаю благословеніе.

„О чемъ, свѣтъ мой Катюшка, писано, содержи мой приказъ. Ц. Прасковья".

„Внучка, с(вѣтъ) м(ой), утѣшай батюшку и матушку, не давай имъ кручиться. При семъ писавый бабушка твоя старушка кланяюсь—ц. Прасковья".

XXVI.

1722 г. мая.

„Царевна Катерина Ивановна, здравствуй и съ мужемъ и съ дочкою! а я еще жива и сестра. Пиши ко мнѣ почаще, не кручите меня; также и большей не сдѣлай печали; не пади въ законъ другой, не оставь въ Божіей клятвѣ и нашей: а тебя подтверждаю Богомъ и пресвятою Богородицею: изволь держать Окунева долго, чтобы мнѣ побольше про васъ сказывалъ. А ѣду въ Москву повидаться съ вашимъ батюшкой у Архангела [1]). А я и сестра еще живы въ печалѣхъ своихъ, а большая мнѣ печаль о тебѣ; а я очень больна, помолись за меня. При семъ посылаю тебѣ отцово и мое благословеніе. Внучка, дружечекъ мой, поцалуй батюшку за меня и матушку. Еще, другъ мой, здравствуй! Больше стану писать съ маіоромъ Салтыковымъ. Мать ваша ц. П.".

XXVII.

1722 г. мая 15. Изъ Москвы.

Катюшка, свѣтъ мой, здравствуй! Пиши ко мнѣ о твоемъ здоровьи и о мужнемъ и о дочкѣ, какъ вы въ своихъ печалѣхъ живете? Пишешь ты, чтобъ я къ тебѣ писала, и теперь пишу: дядюшка и тетушка и сестрицы твои и Паранюшка все въ добромъ здравіи. А о себѣ пишу: всеконечно больна и лежу въ разслабленіи, и тебѣ, Ка-

[1]) Царь Иванъ Алексѣевичъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

тюшка, всеконечно, надобно ко мнѣ пріѣхать для благословенія и для утѣшенія мнѣ; также чтобъ мнѣ видѣть твою дочку — безмѣрно желаю: тѣмъ бы я утѣшилась, чтобъ ее увидѣла. О пріѣздѣ вашемъ доношу, что многое получете отъ дядюшки, чего желаетъ твой супругъ. Всеконечно упрашивай у мужа, чтобъ былъ въ Ригу; лучше быть въ Ригѣ, нежели во Гданскѣ, для самой вашей пользы; и дядюшка мнѣ самъ изволилъ, пріѣзжая, говорить, чтобъ писать вамъ, чтобъ вы были. По нуждѣ хоть бы одну тебя отпустилъ поскорѣе съ дочкою; а о болѣзни своей, что ты ко мнѣ писала, я удивляюсь тому, что какое твое брюхо: надобно гораздо пользоваться, и зѣло сокрушаюсь. Ежели были вмѣстѣ, могли-бъ всякую пользу сдѣлать; по письму вашему, всеконечно, будутъ вамъ воды дѣйствовать въ вашей болѣзни; также и дядюшка изволилъ разсуждать про болѣзнь твою, какъ чолъ письмо то, которое ко мнѣ пишешь, чтобъ конечно вамъ ѣхать къ водамъ, какъ въ Ригѣ будете, для того, что отъ Риги недалеко. Сестра моя, княгиня Настасья, больше 15 лѣтъ все чаяла брюхата и великую скорбь имѣла, пожелтѣла и распухла, и въ болѣзни ея и доктора всѣ отказали(сь); и ее государь изволилъ послать къ водамъ, пока отъ тѣхъ водъ выздоровѣла: какъ не бывало болѣзни, и все стало быть временно. Какъ можно, царевна Екатерина, такъ дѣлай, чтобы вамъ здѣсь быть, для ради моего утѣшенія и для своего дѣла: а больше дядюшку не раскручиньте—что не быть, потому что время есть такое, что можно вамъ быть. А ежели за чѣмъ отложете, то дядюшку раскручините и меня опечалите, и отъ Бога грѣхъ будетъ, и у дядюшки всю свою пользу потеряете; всеконечно быть надобно любезному супругу вашему, а по нуждѣ хотя бъ тебя прислалъ съ дочеркою. Пожалуй, дай мнѣ видѣть для самаго Бога и пресвятой Богородицы дочку свою хоть на часъ: а мнѣ недолго жить! Болѣзни у меня поднялись великія: мокротная, каменная, подагра, и моей натурѣ такихъ болѣзней долго не снесть. А по прибытіи своемъ въ Ригу, ко мнѣ отправь тотчасъ и сестриныхъ служителей. Да отпиши противъ сего письма, какъ можно поскорѣе, хотя къ сестрѣ въ Митаву, а она бы ко мнѣ тотчасъ прислала; а письма твои, Катюшка, чту и всегда плачу, на ихъ смотря. Очень нужно намъ видѣться: отъ меня проси зятя, своего любезнаго супруга, чтобы пожаловалъ меня, послушалъ: пріѣхалъ для самой своей лучшей пользы; и убытку вамъ здѣсь никакого не будетъ: все будетъ государево. При семъ буди надъ тобою милость Божія и пресвятой Богородицы милосердіе, отца твоего и мое благословеніе.

„Мать ваша ц. П.“.

Василій Алексѣевичъ и всѣ домашніе поклонъ отдаютъ.

А Окупева, Катюшка, будетъ надобно — держи: буде есть нужда какая приказать — и ты ко мнѣ его пришли, а я тотчасъ къ вамъ пошлю. А что пишешь, чтобъ не присылать женскаго роду въ Ригу,— и я вамъ пришлю не на твоемъ коштѣ; хотя не годны будутъ вамъ нонѣ, назадъ пріѣдутъ; и о томъ отпиши: присылать или нѣтъ?

(Внизу письма приписка):

Матушка моя государыня! Здравствуй, купно и съ супругомъ своимъ, государемъ моимъ, и съ дорогою дочерью, моею государынею.

Рабъ вашъ Василій Салтыковъ ..... [1]) подвергаю(съ).

XXVIII.

Государыня Екатерина — царицѣ Прасковьѣ.

1722 г. мая 30.

Г(осударыня) моя невѣстушка ц. П. О., здравствуй на множество лѣтъ!

Объявляю вамъ, государыня невѣстушка, что мы [2]) прибыли сюда 26 числа благополучно и обрѣтаемся, слава Богу, въ добромъ здравіи. Поздравляю васъ съ имянинникомъ — днемъ рожденія дражайшаго нашего государя батюшки, и желаю отъ сердца моего, дабы Вышній благословилъ вамъ достигнуть великой радости и благополучія и предгрядущій день тезоименитства его. Прошу васъ, государыня моя невѣстушка, увѣдомлять меня о вашемъ дражайшемъ здравіи, чего отъ сердца слышать желаю; прошу же не оставить нашихъ дѣтей, своихъ любезныхъ племянницъ [3]). При семъ объявляю вамъ, государыня моя невѣстушка, что мы здѣсь за ваше здоровье пили, на воспоминаніе того, что здѣшнее мѣсто есть вашего рожденія есть (sic). Впрочемъ пребываю вамъ благожелательная невѣстка Екатерина.

XXIX.

1722 г. іюня 6. Отъ Казани.

Государыня моя невѣстушка, царица Прасковья Ѳедоровна, здравствуй на множество лѣтъ!

---

[1]) Слѣдующія затѣмъ два слова не разобраны.

[2]) Вмѣсто этого слова въ черновомъ отпускѣ, съ котораго напечатано это письмо, было написано и потомъ зачеркнуто: „я съ дорогимъ нашимъ государемъ батюшкой“.

[3]) Зачеркнуто: „и внучатъ“.

Объявляю вамъ, что всемилостивѣйшій государь, такожъ и я въ добромъ обрѣтаемся здравіи, и сего мѣсяца во 2 де(нь) прибыли сюды благополучно, и побывъ здѣсь нѣсколько времени, возьмемъ путь свой паки къ Астрахани водою. Впрочемъ пребываю невѣстка ваша императрица Екатерина.

Примѣч. Внизу письма помѣта: „Послано съ Аѳанасьемъ Грузинцовымъ; таковыя же письма посланы съ нимъ же и того жъ числа къ цесаревнамъ: Аннѣ Петровнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ, Натальѣ Петровнѣ, къ великому князю и княжнѣ".

XXX.

Царица Прасковья — герцогинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

1722 г.

„Царевна Катерина Ивановна, здравствуй! Внучка, свѣтъ мой, здравствуй! Я васъ, свѣтовъ своихъ, дожидаю въ радости, а больше вѣры нейму, что будете; кажется, не будете? Ежели можно, поспѣшите поскорѣе, для того, что дитяти долго въ дорогѣ быть трудно, и для моей болѣзни; а я васъ послала встрѣтить Татьяну съ товарищи, и какъ встрѣтятъ тебя, изволь ко мнѣ прислать Топоркова поскорѣе. Ежели мнѣ будетъ возможно, я сама выѣду васъ встрѣтить, или сестру вышлю. У меня, свѣтъ мой, вамъ и хоромы вычищены для вашего покою. Чаю, вамъ ѣхать трудно въ дорогѣ, а больше того дитяти великій трудъ. А я думаю, никакъ васъ не дождусь по своей болѣзни; однако же отъ лому есть полегче, только не хожу; хотя бы взглянуть на внучку.

При семъ буди съ вами милость Божія и пресвятой Богородицы и мое благословеніе: а у меня въ домѣ, свѣтъ мой, всѣ радуются твоему пріѣзду, а наипаче дочки вашей. Я вамъ, с(вѣтъ) м(ой) внучка, игрушечки готовлю. Мать ваша ц. П.".

XXXI.

1722 г.

„Катюшка, свѣтъ мой, здравствуй! Послала я къ тебѣ Алексѣя Татищева для того, что пишешь: немогла твоя дочка, а моя внучка; и я думаю, что вы долго не будете. Пришлите вѣдомость, гдѣ вы теперь, чтобы вѣдать мнѣ; и я или сестра выѣдемъ васъ встрѣтить.

Пуще тошно: ждемъ, да не дождемся! Алексѣй къ вамъ наскоро посланъ; и если тебя Алексѣй Татищевъ встрѣтитъ на дорогѣ, и ты, с. м., возьми отъ него сестрины письма, и буде будетъ съ кѣмъ послать, и ты пошли къ ней; а ему не велѣла я ѣхать въ Митаву.

Писавый мать ваша ц. П.

А сестрино письмо своею печатью запечатай и отошли.

Внучка, с. м., здравствуй! пріѣзжай, с. м., поскорѣе; не могу я васъ дождаться, и Богъ вѣсть: дождусь-ли я или нѣтъ, по своей болѣзни!"

XXXII.

1722 г.

Катюшка, свѣтъ мой, здравствуй! Послала я къ тебѣ Василья Алексѣевича, вмѣсто себя; и ты, Катюшка, подержи его у себя день, до ко мнѣ пришли поскорѣе, чтобы я тебя встрѣтила сама, ежели помогу. Внучка, свѣтъ мой, поскорѣй ко мнѣ пріѣзжай, а я тебя не могу дождаться. „При семъ будь надъ вами милость Божія и пресвятыя Богородицы милосердіе и мое благословеніе. Мать ваша ц. П.".

(Затѣмъ слѣдуетъ собственноручная приписка царевны Прасковьи Ивановны):

„Сестрица, свѣтъ мой ц. Е. И.! Здравствуй, мой свѣтъ, на лѣта многія. Пожалуй, свѣтъ мой сестрица, изволь пріѣзжать поскорѣй къ намъ и съ принцессою съ дорогою нашею. Сестра т(воя) Прасковья. Другъ мой, племянница, здравствуй! Т(етка) т(воя)".

Примѣч. На оборотѣ письма находятся слѣдующія приписки: 1) царицы Прасковьи Ѳедоровны: „Послала я, с. м. внучка, сережки маленькія: носи на здоровье". 2) Царевны Прасковьи Ивановны: „И я посылаю тебѣ, свѣтъ мой племянница, коробочку вологодскаго гостинца. Тетка т. П. — И еще посылаю кошенку серебряную".

XXXIII.

Государыня Екатерина Ивановна — царицѣ Прасковьѣ.

1722 г.

Письмо вашего величества августа отъ 27 числа я получила, за которое благодарствую. Поздравляю ваше в(еличество) съ симъ днемъ

тезоименитства вашего и желаю да сподобитъ Богъ в. в. въ предгрядущія многія лѣта оное употреблять благополучно [1]).

Поздравляю ваше ве(личество) съ прибытіемъ вашей любезнѣйшей дочери, а моей дорогой племянницы, и съ ея дочерью.

Примѣч. На черновомъ отпускѣ, съ котораго напечатано это письмо, находятся слѣдующія замѣтки о письмахъ, отправленныхъ отъ Екатерины Алексѣевны къ царевнамъ:

1) Къ царевнѣ Прасковьѣ Ивановнѣ.

Противъ цесаревенъ, а письмо отъ 27 августа.

Поздравляю вашему высочеству симъ днемъ тезоименитства вашего, такожъ и любезнѣйшей матушки вашей государыни царицы, и желаю.

2) Къ царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

Письмо вашего высочества отъ 23 числа августа я получила, по которому увѣдомилась о вашемъ благополучномъ прибытіи въ Москву, чѣмъ вамъ поздравляемъ; а о себѣ доношу.

Поздравляю вашему высочеству со днемъ тезоименитства вашей любезнѣйшей матушки и желаю.

3) Къ царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ.

Противъ царевны Екатерины Ивановны.

Письма вашего высочества іюля отъ 17, отъ 28 и августа отъ 4 чиселъ мы получили, за которыя благодарствуемъ.

XXXIV.

Царица Прасковья — Макару Абросимовичу Половникину.

1722 г. ноября 15. Изъ Измайлова.

Господинъ Половникинъ! Благодарствуемъ за радѣніе ваше, которое имѣете о строеніи дома нашего. И противъ письма, что вы къ намъ писали о строеніи дому, что надлежитъ, — пожалуй, въ томъ строеніи послужи намъ и исправь, что надлежитъ, по разсмотрѣнію своему; и для расходу на вышеписанное денегъ извольте взять у служителя нашего Багрѣева сто рублевъ. Ц. П.

Примѣч. Внизу письма помѣта: „Получено ноября 25 дня 1722“; на оборотѣ другая: „Государыни царицы Парасковьи Феодоровны о строеніи дому“.

---

[1]) Фраза эта потомъ измѣнена такимъ образомъ: лѣта многи такія-жъ торжества достигнуть.

XXXV.

1722 г. декабря 28. Изъ Измайлова.

Господинъ Половникинъ. Благодарна я за радѣніе ваше, и прошу не оставить въ строеніи дому нашего; а для того строенія писано къ Багрѣеву отдать вамъ денегъ сто рублевъ. И я на васъ въ томъ надѣюсь, и ежели есть вамъ въ чемъ нужда, пишите къ намъ; мы вамъ готовы помогать. Изволь къ намъ писать надежно Ц. Прасковья.

Примѣч. Внизу письма помѣта: „Получено генваря 20 дня 1723 г.“; на оборотѣ другая: „Письмо государыни царицы Парасковьи Ѳеодоровны“. Адресъ: „Макару Оросимовичу Половникину“.

XXXVI.

1723 г. генваря 8. Изъ Измайлова.

Господинъ Половникинъ, здравія вамъ желаю! Пожалуй, послужи намъ съ радѣніемъ въ строеніи дому нашего противъ чертежа, каковъ посланъ къ вамъ съ служителемъ Андреемъ Семеновымъ, чтобъ построить хоромцы небольшіе безъубыточно, въ которомъ строеніи немалую я имѣю нужду. А какъ тѣ хоромы по вышеписанному чертежу строить, и о томъ приказано съ нимъ, Андреемъ, къ вамъ на словахъ. И посмотри, пожалуй, за служителями нашими, чтобъ при ономъ дѣлѣ не было отъ нихъ какой кражи; въ томъ мы на васъ имѣемъ во всемъ надѣяніе, и за трудъ вашъ благодарить васъ будемъ. А деньги на вышеписанное строеніе изволь брать, что понадобится, у Багрѣева. Царица Прасковья.

Примѣч. Внизу помѣта: „Получено генваря 20 дня 1723 г.“; на оборотѣ другая: „Письмо государыни царицы Парасковьи Ѳеодоровны“, и адресъ: „Макару Оросимовичу Половникину“.

XXXVII.

Царица Прасковья — государынѣ Екатеринѣ.

1723 г. апрѣля 4. Изъ Новгорода.

Государыня моя милостивая, дорогая невѣстушка и матушка императрица Екатерина Алексѣевна! здравствуй, свѣтъ мой, купно съ государемъ, нашимъ общимъ дорогимъ батюшкой, императоромъ Вели-

кимъ Петромъ Алексѣевичемъ и съ дорогими вашего величества дѣтками, съ моими государынями цесаревнами, на множество лѣтъ.

Пожалуй, государыня моя невѣстушка и матушка, прикажи увѣдомить насъ объ общемъ здравіи вашего императорскаго величества, чего отъ сердца слышать желаемъ. При семъ вашему величеству доношу: дочь моя царевна Прасковья гораздо больна: и я прошу у вашего величества—пожалуй, государыня моя невѣстушка и матушка, прикажи прислать къ намъ доктора или лекаря съ лекарствомъ; а признаваемъ въ ней болѣзнь лихорадку съ горячкою. Засимъ здравіе ваше предаю Всемогущему въ сохраненіе и остаюсь невѣстка ваша Прасковья.

Благодарствую, государыня моя милостивая невѣстушка, за милостивѣйшее вашего величества писаніе.

Примѣч. На оборотѣ адресъ: „Всемилостивѣйшей государынѣ моей невѣстушкѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ". На первой страницѣ письма помѣта: „Въ 6 де(нь) апрѣля, писано противъ онаго въ 7 де(нь)".

XXXVIII.

1723 г. апрѣля 5. Изъ Новгорода.

Государыня моя милостивая, дорогая невѣстушка и матушка императрица Екатерина Алексѣевна! Здравствуй, свѣтъ мой, купно съ государемъ, нашимъ общимъ дорогимъ батюшкой, императоромъ Великимъ Петромъ Алексѣевичемъ и съ дорогими вашего величества дѣтками, съ моими государынями цесаревнами, на множество лѣтъ.

Поздравляемъ вамъ, государынѣ, (съ) дражайшимъ днемъ рожденія вашего величества и желаемъ отъ сердца нашего, дабы Всевышній благословилъ впредь вашему величеству достигнуть много такихъ дней во всякой радости и благополучіи; а засимъ здравіе ваше предаю Всемогущему въ сохраненіе и остаюсь невѣстка ваша Прасковья.

Примѣч. Въ концѣ письма помѣта: „Отдано въ 17 день апрѣля 1723 г., принесъ Мячковъ"; на оборотѣ адресъ: „Всемилостивѣйшей государынѣ моей невѣстушкѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ".

XXXIX.

1723 г. апрѣля 11. Изъ Новгорода.

Государыня моя милостивая, дорогая невѣстушка и матушка императрица Екатерина Алексѣвна! Здравствуй, свѣтъ мой, купно съ

государемъ, нашимъ общимъ дорогимъ батюшкой, императоромъ Великимъ Петромъ Алексѣевичемъ и съ дорогими вашего величества дѣтками, съ моими государынями цесаревнами, на множество лѣтъ.

Поздравляемъ вамъ, государынѣ, (съ) торжественнымъ днемъ наступающаго праздника Христова Воскресенія, купно съ его императорскимъ величествомъ, всемилостивѣйшимъ государемъ, нашимъ дорогимъ батюшкой, и желаемъ отъ сердца нашего вашему величеству оныи препроводить во всякой радости, и въ предъидущихъ лѣтахъ да благословитъ Богъ много такихъ торжественныхъ дней достигнуть въ добромъ здравіи и во всякомъ благополучіи. Засимъ здравіе ваше предавъ въ Божіе сохраненіе, остаюсь невѣстка ваша Прасковья.

Благодарствую, государыня моя невѣстушка, что изволили прислать къ намъ доктора; а дочери моей отъ болѣзни есть свободнѣе, только внучка поносомъ неможетъ. А въ С.-Петербургъ поѣдемъ назавтрее праздника, и какъ могу, такъ спѣшить буду.

Примѣч. Въ концѣ первой страницы письма помѣта: „Отдано въ 17 день апрѣля 1723 г., принесъ Гаврило Мячковъ“; на оборотѣ адресъ: „Всемилостивѣйшей государынѣ моей невѣстушкѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“.

XL.

(Безъ означенія года, мѣсяца и числа).

„Государыня моя невѣстушка и матушка, царица Екатерина Алексѣевна! Здравія твоего желаю на множество лѣтъ. За милость твою, свѣтъ мой, за превысокую, что жалуешь пишешь о здравіи общаго нашего батюшки царя Петра Алексѣевича, также и своемъ здравіи, чего мы всегда желаемъ слышать радостною душею, премного благодарствуемъ. О Аннушкѣ, свѣтъ мой невѣстушка, доношу, что подлинно не брюхата, почала носить порядочно не время (sic), и намъ о томъ великая печаль; истинно, я и она чуть живы, также и другія дѣти мои въ печали тои-же сокрушились. При семъ писавый Прасковья, Катерина, Анна, Прасковья стократный поклонъ отдаемъ.“

XLI.

Царица Прасковья—Артемію Петровичу Волынскому.

(Буквально, собственноручно).

(Годъ неизвѣстенъ).

Господинъ губернаторъ Арьтемеі Петровичь. Желаю вамъ всякава блага, такжа и прошу васъ, пожалуй, ради моево прошения, отпость Гаврила Михайлавича Васйкава к Москвѣ на врема дле моеі нужды и дле ево. Не оставь моево прошения: я и сама вамъ отслужу. Такжа на мелница(хъ) Сызраньскихъ и о рыбныхъ ловлехъ, пожалуі. порадеі мнѣ с новава году. И прошу противъ сево писма отвѣтстия. А гаспади(нъ) Вас(й)кавъ намъ ближнеі свойствѣникъ.

(Царица Прасковья).

Примѣчаніе. За сообщеніе копіи съ сего послѣдняго письма, подлинникъ котораго хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, приносимъ глубочайшую благодарность директору библіотеки, высокоуважаемому Афанасію Ѳедоровичу Бычкову. М. С.

Переписка герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны.

I.

Герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна — государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Ростокъ, du 10-ten julii 1718.

„Милостивая моя государыня тетушка и матушка, царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй на множество лѣтъ!

Симъ нижайше прошу вашего величества, мою государыню, приказать меня чрезъ ваши милостивыя писанія увѣдомить о состояніи дражайшаго здравія государя моего дядюшки, и вашего величества, такоже государя моего братца и сестрицъ, о чемъ сердечно желаю вѣдать.

О себѣ вашему величеству доношу: за помощью Божіею, съ любезнымъ моимъ сожителемъ обрѣтаюсь въ добромъ здравіи.

Приказалъ мнѣ мой супругъ вашему величеству донесть: слышалъ онъ изъ Брауншвейга отъ двора князя Вольфенбительскаго, что королевское величество прусской обѣщается недобръ быть до моего супруга, ежели у насъ будутъ дѣти, и они слышали отъ присланнаго прусскаго министра.

Впрочемъ предавъ вашего величества здравіе въ сохраненіе Божіе, а себя рекомендовавъ въ вашу особливую милость, сократя сіе, пребываю со всякимъ почтеніемъ вашего величества покорная услужница и племянница Екатерина".

Примѣч. На оборотѣ адресъ: „Ея Величеству государынѣ моей тетушкѣ и матушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ".

II.

Петръ I — герцогинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

1720 г., августа 8. Изъ Петербурга.

„Любезная государыня племянница!" Объявляемъ вамъ, что предъ нѣсколькимъ временемъ услышали мы, что непріятельскіе корабли и галеры явились въ Ламеланской гавани, по которымъ вѣдомостямъ

писали, дабы генералъ князь Голицынъ, взявъ добрую часть галеръ, или самъ шелъ, или послалъ для поиску надъ оными. И сего мѣсяца въ 6 день получили отъ него чрезъ маіора Шинова зѣло радостную вѣдомость, что онъ непріятелей въ вышерѣченномъ мѣстѣ засталъ и далъ съ ними бой, и съ помощью Божіею четыре фрегата отъ нихъ взялъ, изъ которыхъ два взяты абордажемъ на полномъ ходу; и сею печалною викторіею вамъ поздравляемъ. А какимъ порядкомъ то дѣлалось и что чего взято, тому прилагается печатная вѣдомость. „Петръ".

„Въ 8 день августа 1720 г., изъ Санктъ-Петербурга".

„А что требовали вы о твоей нуждѣ, то исполнимъ вскорѣ. Такожъ не извольте думать, чтобъ мы васъ позабыли; но летать не умѣемъ, а идемъ хотя тихо, только слава Богу не остаемся; а когда въ нашихъ дѣлахъ добро совершится, то и вамъ безъ труда добро послѣдовать будетъ".

III.

Герцогиня Екатерина Ивановна — Петру I.

Изъ Вѣны. 10 сентября 1720 года.

„Всемилостивѣйшій государь дядюшка и батюшка, царь Петръ Алексѣевичъ!

Поздравляю ваше величество отъ сердца дарованною отъ Бога побѣдою надъ непріятелемъ, и желаю, чтобъ всемогущій Богъ вашего величества праведному намѣренію всегда счастливо помогалъ, отчего и мы себѣ по Бозѣ отъ вашего величества милостиваго и сильнаго вспоможенія надѣемся. Всемилостивѣйшій государь дядюшка, приписаніе собственной вашей дорогой ручки, которымъ насъ въ своей милости не оставить обѣщать изволите, зѣло насъ порадовало; и во истинну только нашего и надѣянія, что ваше величество. Еще всепокорно благодарствую за милостивое вспоможеніе деньгами, о чемъ мнѣ объявилъ Павелъ Ягужинскій; я бы желала, чтобъ не утруждать ваше величество такими дѣлами; но нужда повелѣваетъ. Просимъ паки покорно въ милости своей насъ не оставить. При семъ остаюсь покорная услужница и племянница Екатерина".

IV.

Герцогиня Екатерина Ивановна — государынѣ Екатеринѣ.

1720 г. сентября 10. Изъ Вѣны.

„Всемилостивѣйшая государыня тетушка и матушка, царица Екатерина Алексѣевна!

Поздравляю ваше величество отъ сердца дарованною отъ Бога побѣдою надъ непріятелемъ, и желаю, чтобы всемогущій Богъ и впредь ваше величество многимъ счастьемъ обрадовалъ. Еще всепокорно благодарствую за милостивое вспоможеніе деньгами, о чемъ мнѣ объявилъ Павелъ Ягужинскій. Также и матушка ко мнѣ изволила писать, что ваше величество меня изволите содержать въ непремѣнной милости, за что я униженно благодарствую, и впредь прошу ваше величество меня не оставить въ своей непремѣнной милости. При семъ остаюсь покорная услужница и племянница. Екатерина".

V.

Петръ I герцогинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

1720 г. декабря 14. Изъ Петербурга.

„Любезнѣйшая государыня племянница! Письмо ваше изъ Демвица отъ 23 дня ноября я получилъ, въ которомъ пишешь еще о прежнихъ вамъ и нынѣ продолжающихся обидахъ, чтобъ вамъ вспомочь, въ чемъ воистинно и мы часть досады терпимъ, и сколько мочно — при дворѣ цесарскомъ трудимся о вашей пользѣ. Ибо нынѣ инаго способу не видимъ и вамъ инако совѣтовать не можемъ по нынѣшнимъ капъюктурамъ, но только чтобъ у цесарскаго двора того искать и оному склоннѣе поступать; понеже я многократно не точію писалъ, но и изустно говаривалъ супругу вашему, чтобъ не все такъ дѣлалъ, чего хочетъ, но смотря по времени и случаю. Петръ".

VI.

1721 г. сентября 8. Изъ Петербурга.

„Любезнѣйшая государыня племянница!"

Объявляемъ вамъ, что всемилостивый Богъ двадцатиодналѣтнюю войну благимъ и пожелаемымъ миромъ благословить изволилъ, который миръ заключенъ августа въ 30 день въ Нейштатѣ, и онымъ вамъ поздравляемъ. „И нынѣ свободнѣе можемъ въ вашемъ дѣлѣ вамъ вспомогать, лишь бы супругъ вашъ помягче поступалъ. Петръ".

VII.

1722 г. мая 8. Изъ Москвы.

„Любезнѣйшая племянница наша! Ваше писаніе чрезъ капитана Бибикова мы исправно получили, и обнадеживаемъ васъ, что мы его свѣтлости герцогу, супругу вашему, въ дѣлѣ его вспоможенія чинить не оставимъ. Но понеже потребно о такъ важномъ семъ дѣлѣ намъ съ его свѣтлостію самимъ разсужденіе имѣть и о мѣрахъ къ поправленію того согласиться, того ради мы къ нему нынѣ паки отправили помянутаго капитана Бибикова съ грамотою нашею, требуя, дабы его свѣтлость купно съ вами въ Ригу пріѣхали, и уповаемъ, что его свѣтлость оное ради своей собственной пользы учинить не отречется. А ежели паче чаянія его свѣтлость для какихъ причинъ въ Ригу не поѣдетъ, то въ такомъ случаѣ желаемъ мы, понеже невѣстка наша, а ваша мать, въ болѣзни обрѣтается и васъ видѣть желаетъ, дабы вы для посѣщенія оной пріѣхали сюда, гдѣ мы съ вами и о дѣлахъ его свѣтлости переговорить и потребное объ оныхъ опредѣлить можемъ. „Паки подтверждаемъ, чтобъ вы пріѣхали, понеже мать того необходимо желаетъ для своей великой болѣзни. Петръ“.

VIII.

1722 г., мая 11. Изъ Москвы.

„Любезная племянница!

Письмо я отвѣтное къ тебѣ писалъ, а напаче словами съ симъ доносителемъ приказалъ, и что онъ будетъ тебѣ говорить — вѣрь ему во всемъ. Мать твоя зѣло тебя видѣть въ своей болѣзни желаетъ и писала къ тебѣ сама, и ежели не пріѣдешь, хочетъ клясть. Сіе письмо нарочно не запечатавъ далъ сему доносителю, дабы ты вѣрила. Петръ“.

IX.

Государыня Екатерина Алексѣевна — герцогинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.

1722 г., мая 12.

Государыня царевна и герцогиня Екатерина Ивановна.

Объявляемъ вамъ, что я съ дражайшимъ вашимъ дядюшкой и съ дѣтьми нашими, слава Богу, въ добромъ здравіи обрѣтаемся.

Благодарствуемъ васъ за ваши писанія, которыя получили мы чрезъ капитана нашего Бибикова; чтоже въ оныхъ объявляете о случившемся вамъ несчастіи, и для того прошу не вдавать себя въ печаль, понеже въ томъ воля Божія. Желаю же отъ сердца моего, дабы Вышній отъ вашего нынѣшняго бремени во всякой радости разрѣшить изволилъ, и чтобъ намъ получить о семъ слышать радостную вѣдомость; впрочемъ же на обстоятельное увѣдомленіе ссылаемся на сего нашего посланнаго. Наипаче же желаемъ, дабы по счастливомъ вашемъ разрѣшеніи отъ бремени быть вамъ въ Ригу и съ любезнѣйшимъ вашимъ сожителемъ и съ дорогою дочкою, о чемъ прилежно васъ просимъ, какъ о томъ и дорогой вашъ дядюшка писалъ. Будеже, паче чаянія, супругу вашему ѣхать какой случай до того не допуститъ, то попроситесь хотя однѣ съ дорогою вашею дочкою, дабы вамъ съ любезною вашею матушкою быть для свиданія въ Москвѣ.

Переписка герцогини Курляндской Анны Ивановны [1]).

I.

Герцогиня Анна Ивановна — государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Изъ Митавы. 26 февраля 1720 года.

„Государыня моя тетушка и матушка, царица Екатерина Алексѣевна! Здравствуй, государыня моя, на многія лѣта съ государемъ моимъ дядюшкой и батюшкой и государынями моими сестрицами.

Сего числа пріѣхалъ сюда изъ Петербурга посланный человѣкъ отъ камердинера моего Питера, который не малое время былъ въ Петербургѣ, а письма ко мнѣ отъ государыни моей матушки не привезъ никакого, да и отъ почты уже я давно писемъ не вижу; но только изволила съ нимъ со многимъ гнѣвомъ ко мнѣ приказывать: для чего я въ Петербургъ не прошусь, или для чего я матушку къ себѣ не зову? Также и многія смутки, какъ я слышала, и всякими образами матушку на гнѣвъ приводятъ: Василій Салтыковъ, Василій Юшковъ и жена его Татьяна, и кривая Воейкова и Василій Еропкинъ, которыхъ поступками, какъ я, такъ и сестрица моя — весьма сокрушены. А для чего я въ Петербургъ не прошусь, о томъ, матушка моя, давно ваше величество извѣстны: не токмо тамъ, и здѣсь заочно отъ противниковъ моихъ сокрушена. Хотя къ матушкѣ своей о томъ писать я стану и проситься къ нимъ, однакожъ, матушка моя, дорогая тетушка, по прежнему моему прошенію до времени меня здѣсь додержать соизволите. А другого я, свѣтъ мой тетушка, писать опасаюсь; а ежели возможно вашему величеству, матушка моя, Маврина прислать на часъ въ Ригу, чрезъ котораго бы я могла словами къ вашему величеству донести. А я, свѣтъ мой, дорогая тетушка, слышала, что Василію Салтыкову при послѣ польскомъ быть; и я чаю: и тамъ

---

[1]) Печатаемъ здѣсь дословно, но не буквально, т. е. безъ сохраненія грамматическихъ погрѣшностей, нѣсколько писемъ Анны Ивановны преимущественно за время до кончины ея матери, царицы Прасковьи. См. сборникъ „Письма русскихъ государей и друг. особъ царскаго семейства“. М., 1862 г., часть IV.

мнѣ тайно пакости дѣлать въ моемъ дѣлѣ станетъ. Прошу, матушка моя, на меня не прогнѣваться, что я ваше величество утруждаю моими письмами. Ей, ей, матушка моя, дорогая тетушка! кромѣ Бога и дядюшки и тебя, свѣтъ мой, не имѣю на свѣтѣ радости въ моихъ печаляхъ.

При семъ племянница ваша Анна кланяюсь".

II.

Изъ Митавы. 30 апрѣля 1720 года.

„Государыня моя тетушка и матушка, царица Екатерина Алексѣевна! Здравствуй, матушка моя, на многія лѣта, вкупе съ государемъ моимъ дядюшкой-батюшкой и съ государынями моими сестрицами. Вашего величества за милостивое писаніе, свѣтъ мой, государыня тетушка, всепокорно благодарствую, въ которомъ изволили меня милостиво обнадежить—противностей нашихъ къ намъ не допустить, и о болѣзни сестрицы моей меня увѣдомить приказала: понеже я о томъ ни о чемъ здѣсь не вѣдаю и ко мнѣ уже великое время отъ государыни моей матушки писемъ нѣтъ. А какъ я слышу, что государыня матушка на меня больше гнѣвается по наношенію Василья Салтыкова и непрестанно на гнѣвъ приводитъ. Истинно, государыня матушка-тетушка! что я животу своему не рада и себя сокрушила; лучше бъ я на свѣтѣ не была, или бъ услышала, что его, Василья Салтыкова, при матушкѣ не было. Во всемъ отдаю себя въ милостивую вашу, государыня матушка-тетушка, волю, чтобъ больше отъ нихъ не была опечалена, и всепокорно прошу, матушка моя, дорогая тетушка, насъ сирыхъ содержать не въ отмѣнной вашей милостивой материнской протекціи; а у насъ, свѣтъ мой, по Бозѣ только надежды, что на вашу высокую милость: тѣмъ и веселимся.

При семъ племянница ваша Анна кланяюсь".

III.

Изъ Митавы. 21 іюня 1720 года.

Государыня моя тетушка, матушка царица Екатерина Алексѣевна! Здравствуй, матушка моя, на многія лѣта, вкупе съ государемъ моимъ дядюшкой-батюшкой и съ государынями моими сестрицами. Предъ

симъ просила я у вашего величества, государыня тетушка-матушка, что посолъ польскій ищетъ у министровъ вашего величества, чтобъ меня отселя отозвать и впредь сюда не ѣздить. Того ради паки прошу у вашего величества, государыня матушка-тетушка, показать ко мнѣ вашего величества высокую милость и попросить милости милостиваго государя дядюшки и батюшки, чтобъ до такой печали меня допустить не приказалъ. А я здѣсь больше ни отъ кого ничего не требовала и не требую, какъ питаюсь по вашей милости отъ данныхъ мнѣ деревень; и драгунъ больше роты я здѣсь не требую, которыхъ на своемъ провіантѣ держать буду. Вашему величеству, государыня тетушка-матушка, извѣстно, какіе мнѣ тамъ есть злодѣи, которые меня до смерти сокрушить могутъ. Прошу, матушка моя, слезно милости до того меня бѣдную не допустить. Также я велѣла другое вашему величеству словами доносить къ моей пользѣ Бестужеву сыну; изволишь, матушка моя государыня тетушка, у него выслушать. Не погнѣвайся, матушка моя, дорогая тетушка, на меня, что утруждаю ваше величество моею докукою; кромѣ Бога и вашего величества, надежды не имѣю въ моихъ печаляхъ. . .

При семъ племянница ваша Анна кланяюсь".

IV.

Петръ I — герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ.

1720 г. августа 5.

Любезнѣйшая племянница! Понеже посолъ польскій уже отсель поѣхалъ, того для надобно вамъ ѣхать немедленно въ Ригу и тутъ побыть до времени, пока мы къ тебѣ отпишемъ. Того для писали мы къ генералу-губернатору князю Репнину, дабы онъ заранѣе приготовилъ вамъ въ Ригѣ квартиру.

V.

Петръ I — князю Репнину.

1720 г. августа 5.

Писали мы къ племянницѣ нашей царевнѣ Аннѣ, чтобъ она пріѣзжала въ Ригу и была-бъ тутъ до нѣкотораго времени, пока мы къ ней отпишемъ. Того для заранѣе приготовь ей въ Ригѣ квартиру и вели скорѣй собрать подводы, на чемъ ей отъ Митавы до Риги ѣхать.

VI.

Герцогиня Анна Ивановна — государ. Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Изъ Риги. 20 августа 1720 года.

„Государыня моя тетушка, матушка царица Екатерина Алексѣевна! Вашего величества, матушка моя тетушка, за милостивое писаніе, пущенное іюля 29 дня, и за показанную вашего величества милость, что не изволили допустить меня до дальней печали и впредь милостиво обѣщать изволили до того не допускать, всепокорно, дорогая тетушка-матушка, благодарствую и прошу вашего величества, свѣтъ мой, милости и впредь меня не допустить моимъ злодѣямъ въ поруганіе, о которыхъ ваше величество извѣстно. И ежели-бъ прошеніе отъ государыни моей матушки, или бъ по указу ея, государыни, и я просилась, чтобъ мнѣ отселя ѣхать, до того меня допустить не изволь, матушка моя государыня тетушка дорогая, дабы мои непріятели, о которыхъ вашему величеству извѣстно, моей печали не порадовались. Да и по здѣшнему состоянію и нынѣ всѣ курляндцы вашего величества доброжелатели; при отъѣздѣ моемъ изъ Митавы въ Ригу слезно меня просили, дабы я у вашего величества просила, чтобъ мнѣ далѣе не отлучаться и въ удобное время опять въ Курляндію на мои маетности въѣхать. А понеже противные великіе слухи разглашаютъ, яко-бъ мое дѣло все и вовсе низпровергнуть въ Польшѣ хотятъ, повторно прошу, матушка моя государыня тетушка дорогая, попросить милости милостиваго государя батюшки-дядюшки, чтобъ показалъ ко мнѣ отеческую милость и до такого моего великаго несчастія допустить не изволилъ, дабы я вовсе въ несчастіе не пришла. Истинно, свѣтъ мой тетушка-матушка! не жалѣя себя о томъ сокрушаюсь, и о чемъ вашему величеству станетъ доносить Бестужевъ, что всего на письмѣ вашему величеству донести невозможно. Не погнѣвайся, матушка моя дорогая тетушка, что я вашему величеству и часто труждаю; понеже я другого прибѣжища и по Бозѣ помощи и надежды не имѣю, кромѣ вашего величества, и самая моя крайняя нужда до того меня принуждаетъ.

При семъ племянница ваша Анна кланяюсь".

VII.

Изъ Митавы. 27 марта 1722 г.

„Всемилостивѣйшая государыня тетушка-матушка! Здравствуй, матушка моя, на многія лѣта, купно съ государемъ моимъ дядюшкой-

батюшкой и съ государынями моими сестрицами. Вашему императорскому величеству, государыня моя матушка-тетушка, поздравляю высокимъ днемъ рожденія вашего величества и желаю отъ всего моего сердца, матушка моя дорогая тетушка: да умножитъ Богъ лѣтъ во здравіи и счастьи, по желанію вашего величества, и съ дорогимъ государемъ моимъ батюшкой-дядюшкой и съ дорогими государынями моими сестрицами. При семъ я послала, матушка моя тетушка, до вашего величества штофъ, о которомъ прошу милостиво принять и носить на здоровье. Истинно, матушка моя, лучше здѣсь, чтобъ было послать до вашего величества можно, не сыскала.

При семъ вашего императорскаго величества племянница Анна.

VIII.

Государ. Екатерина Алексѣевна — герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ.

12 мая 1722 г.

Государыня царевна и герцогиня Анна Ивановна.

Объявляемъ вамъ, что я съ дражайшимъ вашимъ дядюшкой и съ дѣтьми нашими, слава Богу, въ добромъ здравіи обрѣтаемся. Благодарствуемъ васъ за ваши писанія. Любезнѣйшая ваша матушка хотя предъ нѣсколькими днями гораздо была больна, однакожъ нынѣ нѣчто есть получше. Впрочемъ на обстоятельное увѣдомленіе ссылаемся на сего нашего посланнаго.

IX.

Герцогиня Анна Ивановна — государ. Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Изъ Митавы. 18 октября 1723 года.

„Всемилостивѣйшая государыня матушка-тетушка! Получила я письмо отъ государыни матушки, въ которомъ изволитъ ко мнѣ писать, что очень она, государыня моя матушка, недомогаетъ, и ежели я въ чемъ передъ нею, государынею-матушкою, погрѣшила — для вашего величества милости меня изволитъ прощать, за которую вашего величества милость, матушка государыня тетушка, всенижайше благодарствую. И о болѣзни государыни моей матушки весьма печалюсь и покорно прошу ваше величество: ежели ей, государынѣ матушкѣ моей, облегченія нѣтъ, повелите мнѣ пріѣхать видѣть матушку мою.

При семъ вашего императорскаго величества племянница Анна“.

X.

Изъ Митавы. 2 ноября 1723 года.

Всемилостивѣйшая государыня матушка-тетушка! Вашего величества писаніе получила о кончинѣ государыни матушки моей, и что я не видала ея, государыни матушки, кончины, которая печаль весьма меня болѣзненно опечалила, но только моего разсужденія въ надеждѣ на милость государя батюшки-дядюшки и вашего величества государыни матушки-тетушки. И всепокорно прошу вашего величества государыни матушки-тетушки не оставить меня въ прежней вашего величества неотмѣнной милости, въ которой милости остаюся съ надеждою до моей смерти.

Вашего императорскаго величества „племянница Анна".

XI.

Герцогиня Анна Ивановна — Петру I.

1724 г. 20 октября.

Всемилостивѣйшій государь батюшка-дядюшка! Извѣстно вашему величеству, что я въ Митаву съ собою ничего не привезла, а въ Митавѣ ничего-жъ не получила и стояла въ пустомъ мѣщанскомъ дворѣ; того ради что надлежитъ въ хоромы, до двора, поварни, кареты и лошади и прочее, все покупано и дѣлано вновь.

А приходъ мой съ данныхъ мнѣ въ 1716 году деревень деньгами и припасами — всего 12,680 талеровъ; изъ того числа въ расходѣ въ годъ по самой крайней нуждѣ къ столу, поварнѣ, конюшнѣ, на жалованье и на либирею служителямъ, и на содержаніе драгунской роты—всего 12,254 талера, а въ остаткѣ только 426 талеровъ.

И такимъ остаткомъ какъ себя платьемъ, бѣльемъ, кружевами и по возможности алмазами и серебромъ, лошадьми, такъ и прочимъ въ новомъ и пустомъ дворѣ [1], не только по моей чести, но и противъ прежнихъ курляндскихъ вдовствующихъ герцогинь—весьма содержать себя не могу. Также и партикулярныя шляхетскія жены ювели и прочіе уборы имѣютъ неубогіе, изъ чего мнѣ въ здѣшнихъ краяхъ не безподозрительно есть.

И хотя я по милости вашего величества пожалованными мнѣ въ прошломъ 1721 году деньгами и управила нѣкоторые самые нужные

[1] Въ другомъ экземплярѣ: дому.

домовые и на себя уборы; однако еще имѣю на себѣ долгу за крестъ и складень бриліантовый, за серебро и за уборъ [1]) каморъ и за нынѣшнее черное платье 10,000 талеровъ, которыхъ мнѣ ни по которому образу заплатить невозможно. И впредь для всегдашнихъ нужныхъ потребъ принуждена въ долгъ больше входить, а не имѣя чѣмъ платить, и кредиту нигдѣ не буду имѣть.

А нынѣ есть въ Курляндіи выкупныя амиты, за которыя изъ казны вашего величества заплачено 87,370 талеровъ, которыя по контрактамъ отданы отъ 1722 года іюля мѣсяца въ аренду за 14,612 талеровъ въ годъ и имѣютъ окупиться въ шесть лѣтъ.

Я всепокорнѣйше прошу ваше величество сотворить со мною милость: на оплату вышеписанныхъ долговъ и на исправленіе домовыхъ нуждъ пожаловать вышеписанныя выкупныя амиты мнѣ въ диспозицію на десять лѣтъ, въ которые годы я въ казну вашего величества заплачу всѣ выданныя за нихъ деньги погодно; а мнѣ будетъ на вышеписанныя мои нужды оставаться 5,875 талеровъ на годъ.

„Вашего императорскаго величества племянница Анна".

XII.

Царевны Екатерина Ивановна, Анна Ивановна и Прасковья Ивановна царю Петру Алексѣевичу.

(Безъ означенія года, мѣсяца и числа).

„Батюшка нашъ государь, дядюшка царь Петръ Алексѣевичъ! Здравствуй, радость наша и батюшка и душатушка нашъ, на множество лѣтъ; и желаемъ тебѣ, государь дядюшка, всякаго отъ Бога блага и трудамъ твоимъ совершенія добраго. По семъ, батюшка и дядюшка, и свѣтъ и радость наша, здравствуй. Племянницы твои Катерина, Анна, Прасковья, припадая къ твоимъ дорогимъ ножкамъ, и цѣлуемъ твои перстики намѣреніемъ сердечнымъ, и премного челомъ бьемъ".

Примѣч. На оборотѣ адресъ: Государю дядюшкѣ царю Петру Алексѣевичу.

---

[1]) Въ другомъ экземплярѣ: обои.

Царевна Прасковья Ивановна.

Царевна Прасковья — государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

(Безъ означенія года [1]). Декабря 3.

Свѣтъ мой, сестрица Катерина Алексѣевна! Здравствуй, матушка моя сестрица, на множество лѣтъ, и съ государемъ моимъ батюшкою, и общимъ нашимъ дядюшкою, съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ! Пожалуй, радость моя сестрица, поцѣлуй за меня батюшку дядюшку; а буде не изволишь, пожалуй хоть въ руку поцѣлуй.

Пожалуй, свѣтъ мой, прикажи ко мнѣ отписать: все-ли въ добромъ здоровіи дядюшка пріѣхалъ и вы въ армію? У насъ только и радости, что дядюшка, и мы желаемъ по всякъ часъ слышать про его здоровье. Пожалуй не покручинься, что я къ вамъ долго грамотокъ не писала; а я, радость моя, отъ васъ ждала прежде.

Матушка наша въ добромъ здоровьи, и сестрицы и я живы до воли Божіей.

При семъ писавая Парасковья кланяется стократно.

Пожалуй, прикажи про свое здоровье писать ко мнѣ.

Примѣч. На оборотѣ адресъ: Государынѣ моей сестрицѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ.

---

[1]) По всему вѣроятію писано до 1711 года, когда Петръ объявилъ Екатерину Алексѣевну своею супругою и царицею; на это указываетъ тонъ письма и названіе Екатерины сестрицею, а не тетушкою.

ПОТОМСТВО ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(Первыя четыре колѣна).

○ Царь **Алексѣй** Михайловичъ † 1676 г.

Отъ Маріи Милославской. † 1669 г.

Отъ Натальи Нарышкиной. † 1694 г.

○ Царь **Іоаннъ V** ∞ **ПРАСКОВЬЯ** Ѳедоровна Салтыкова.
р. 1666 † 1696 г. р. 1664 † 1723 г.

○ Императоръ **Петръ I** ∞ 1) Евдокія Лопухина † 1731 г. 2) **Екатерина I** † 1727 г.
р. 1672 † 1725 г.

△ Екатерина ∞ Карлъ-Леопольдъ герцогъ Мекленбургскій
р. 29 окт. 1692 † 1733 г. † 1747 г.

△ **Анна** ∞ Герцогъ Курляндъ. Фридрихъ
р. 1693, † 1740 г. † 1711 г.

△ Прасковья ∞ † Мамоновъ
р. 1694 † 1731 г. † 1730 г.

○ Царевичъ Алексѣй ∞ Шарлотта Вольфенбютельск.
† 1718 г. † 1715 г.

△ Анна ∞ Герцогъ Карлъ Гольшт.
† 1728 г. † 1739 г.

△ **Елисавета**
† 1761 г.

△ **Анна** Леопольдовна ∞ Антонъ-Ульрихъ герц. Брауншвейг.
р. 1718 † 1746 г. † 1776 г.
Правительница.

○ **Петръ II** † 1730 г.

○ **Петръ III** ∞ **Екатерина II**
† 1762 г. † 1796 г.

○ **Іоаннъ VI** Антоновичъ
р. 1740 † 1764 г.

△ Екатерина принцесса † 1807 г.

△ Алексѣй принцъ † 1787 г.

△ Елисавета принцеса † 1782 г.

○ Петръ принцъ † 1798 г.

○ **Павелъ I** † 1801 г.

Скончались и погребены въ Горсензѣ, въ Даніи.

2007041189